

ДИАЛОГ КОГНИТИВНЫХ ПРАКТИК
К 90-летию профессора Л.А. Микешиной

**Социальные
и гуманитарные науки
на Дальнем Востоке**

**The Humanities
and Social Studies
in the Far East**

DIALOGUE OF COGNITIVE PRACTICES
To the 90 Anniversary of Professor L.A. Mikeshina

Vol. XVII, Issue 3, 2020

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ФГБОУ ВО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

**Том XVII
Выпуск 3, 2020**

Хабаровск, 2020

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Ministry of Transportation
of the Russian Federation

The Russian Rectors' Union

Federal State Budgetary
Educational Institution
of Higher Education
«Far Eastern State
Transport University»

Council of Rectors of Higher Educational
Institutions in the Far Eastern
Federal District

**THE HUMANITIES
AND SOCIAL STUDIES
IN THE FAR EAST**

Journal of Theoretical Research
Published since January 2004
Issued quarterly

Vol. XVII

Issue 3, 2020

Khabarovsk, 2020

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Отдел философии

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф. (редактор отдела);
А.П. Забияко, д-р филос. наук, проф.; **Кальво-Мартинез Томас Мариано**, PhD (Испания);
Р.Л. Лившиц, д-р филос. наук, проф.; **Б.В. Марков**, д-р филос. наук, проф.;
И.Б. Микиртумов, д-р филос. наук, доц.; **С.В. Пишун**, д-р филос. наук, проф.

Отдел филологии

З.Г. Прошина, д-р филол. наук, проф. (редактор отдела);
У.М. Бахтикиреева, д-р филол. наук, проф.; **Е.Л. Лысенкова**, д-р филол. наук, проф.;
Нобуюки Хонна, PhD (Япония); **Е.А. Первушина**, д-р филол. наук, проф.;
Раймонд Хики, PhD (Германия); **Г.Н. Ловцевич**, д-р филол. наук, проф.

Отдел психологии

К.И. Воробьева, д-р психол. наук, проф. (редактор отдела);
Л.Г. Дикая, д-р психол. наук, проф.; **А.Н. Занковский**, д-р психол. наук, проф.;
Н.А. Кравцова, д-р психол. наук, проф.; **Лора Роджерс**, PhD (США);
Мартин Кашорке, PhD (Германия); **Т.Х. Невструева**, д-р психол. наук, проф.

Отдел «Проблемы Дальнего Востока»

Е.Н. Спасский, д-р полит. наук, проф. (зам. главного редактора, редактор отдела);
М.А. Ковальчук, д-р ист. наук, проф.; **Н.Е. Мерецкий**, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Рудецкий, канд. филос. наук, доц. (ответственный секретарь);
Ю.А. Тюрина, д-р соц. наук, проф.; **С.В. Филонов**, д-р ист. наук, проф.;
А.М. Шкуркин, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф.; **М.А. Пронин** – канд. мед. наук

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

Ю.В. Пономарчук, канд. физ.-мат. наук (web-мастер);
Е.В. Листопадова (технический секретарь); **Е.Л. Рябкова** (переводчик)

В соответствии с распоряжением ВАК РФ от 28 декабря 2018 г. № 90-р научно-теоретический журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» включен в «Перечень по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки» по следующим отраслям научного знания и научным специальностям:

- 1. Философские науки: 09.00.01 – Онтология и теория познания; 09.00.03 – История философии; 09.00.11 – Социальная философия.*
- 2. Филологические науки: 10.02.01 – Русский язык; 10.02.04 – Германские языки; 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание.*
- 3. Психологические науки: 19.00.03 – Психология труда, инженерная психология, эргономика.*

*Печатается по решению Совета ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.*

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77-77529 от 25 декабря 2019 г.

Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
Тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Y.M. Serdyukov, Doctor of Science (Philosophy), Professor

EDITORIAL BOARD

Philosophy

Yury M. Serdyukov, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Executive Editor (Philosophy), Editor-in-chief

Andrei P. Zabayako, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Tomás Mariano Calvo-Martinez, PhD (Spain)

Rudolf L. Livshits, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Boris V. Markov, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Ivan B. Mikirtumov, Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor

Sergei V. Pishun, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Philology

Zoya G. Proshina, Doctor of Science (Philology), Professor, Executive Editor (Philology)

Uldanai M. Bakhtikireyeva, Doctor of Science (Philology), Professor

Elena L. Lysenkova, Doctor of Science (Philology), Professor

Nobuyuki Honna, PhD (Japan)

Elena A. Pervushina, Doctor of Science (Philology), Professor

Raymond Hickey, PhD (Germany)

Galina N. Lovtsevich, Doctor of Science (Philology), Professor

Psychology

Clarisa I. Vorobyova, Doctor of Science (Psychology), Professor, Executive Editor (Psychology)

Larisa G. Dikaya, Doctor of Science (Psychology), Professor

Anatoliy N. Zankovsky, Doctor of Science (Psychology), Professor

Nataliya A. Kravtsova, Doctor of Science (Psychology), Professor

Laura Rogers, PhD (USA)

Martin Koschorke, PhD (Germany)

Tamara Kh. Nevstrueva, Doctor of Science (Psychology), Professor

Problems of the Far East

Evgeniy N. Spassky, Doctor of Science (Political Science), Professor,

Executive Editor (Problems of the Far East), Deputy Editor

Mikhail A. Kovalchuk, Doctor of Science (History), Professor

Nikolai E. Meretsky, Doctor of Science (Law), Professor

Oleg A. Rudetsky, Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor (Executive Secretary)

Yulia A. Tyurina, Doctor of Science (Sociology), Professor

Sergei V. Filonov, Doctor of Science (History), Professor

Anatoliy M. Shkurkin, Doctor of Science (Philosophy), Professor

MANAGING EDITORS

Y.M. Serdyukov, Doctor of Science (Philosophy), Professor;

M.A. Pronin – Candidate of Science (Medical)

EDITORIAL STAFF

Y.V. Ponomarchuk, Candidate of Science (Physics) (Web Design);

E.V. Listopadova (Technical Secretary); **E.L. Riabkova** (Translator)

Journal of theoretical research is published in accordance with the decision of the Council of Rectors of Higher Educational Institutions in the Far Eastern Federal District № CR/FEFD-54a of October 9, 2002

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

«Far Eastern State Transportation University»

Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration number and date of the registration decision: Series PI № FS77-77529 of December 25, 2019

Editorial office address: Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021

Phone/fax: (4212) 40-71-93; E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	10
-------------------	----

СТАТЬИ	11
--------------	----

ДИАЛОГ КОГНИТИВНЫХ ПРАКТИК

<i>Микешина Л.А.</i> Отечественная эпистемология как новый этап в развитии философии познания.....	11
--	----

<i>Марков Б.В.</i> Когнитивные практики аналитической антропологии	22
--	----

<i>Мартишина Н.И.</i> К идее многообразия видов познания: специфика и статус практического специализированного знания.....	30
--	----

<i>Лившиц Р.Л.</i> Неочевидные последствия конвенционализма.....	36
--	----

<i>Зангиров В.Г., Зангирова О.А.</i> «Новый Органон» современной эпистемологии	44
--	----

<i>Тайсина Э.А.</i> Возможность баланса когнитивных практик	51
---	----

<i>Арутюнян М.П.</i> Философско-методологическая идея синтеза когнитивных практик и логика трансдисциплинарности	60
--	----

<i>Маниковская М.А.</i> Диалог когнитивных практик в перспективе гуманитарно-технологической революции	69
--	----

<i>Ажимов Ф.Е.</i> Метафизический контекст понятия научной рациональности: классическое и неклассическое	76
--	----

<i>Михайлов И.Ф.</i> Вычислительный образ науки.....	81
--	----

<i>Раев О.Н., Пронин М.А.</i> Техническая виртуальная реальность в лабиринтах терминологий	89
--	----

<i>Булов И.Ю.</i> Врожденные когнитивные способности: аргумент от бедности стимула против аргумента карри	99
---	----

<i>Пржиленский И.В.</i> Концептуализации ценностей и их интерпретации в философском дискурсе модерна	104
--	-----

<i>Кудряшова Е.В., Опёнков М.Ю., Тетенков Н.Б.</i> Философия мирового океана как плеолог когнитивных практик	110
--	-----

<i>Пишун С.В.</i> Субстанциальность Сверхсущего как основа метафизического познания в духовно-академическом теизме конца XIX – начала XX века	115
---	-----

<i>Новикова Н.В.</i> Интерпретация феномена культуры духовно-академической философией середины XIX – начала XX века в контексте воздействия гуманитарных практик на церковное сознание	121
--	-----

<i>Моисеенко Е.Е.</i> Концепция нравственной свободы воли: вклад русского духовно-академического теизма в диалог когнитивных практик	127
--	-----

<i>Хань Юй, Гэн Хайтянь</i> «Критический философский теизм» архиепископа Никанора (Бровковича): опыт историко-философского анализа	133
--	-----

<i>Сердюков Ю.М.</i> Когнитивные основания психосоматических трансформаций мастеров «внутренних школ»	137
---	-----

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

<i>Ципкин Ю.Н., Авдошкина О.В.</i> А.В. Колчак и командование белых сибирских армий	152
---	-----

<i>Анисимов А.Л.</i> Коммодор Дж. Армстронг – командующий Ист-индской эскадрой в китайских водах накануне и в период второй «опиумной» войны (1856–1860)	164
--	-----

<i>Кривошеева Е.И.</i> Подготовка переводчиков-японистов в условиях реализации нового вектора международного сотрудничества между Россией и Японией.....	169
--	-----

Маринич Л.Ф., Прыткова Ж.И. О соотношении лингвистической и дидактической компонент научно-технического текста при обучении английскому языку для специальных целей студентов технических вузов Дальневосточного региона..... 174

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Лившиц Р.Л. Об универсальном критерии разграничения науки и как бы науки 181

Пишун С.В. «Научно-биографический» взгляд на русскую философию 194

Ткаченко Б.И. Уникальное собрание документов. Рецензия на сборник документов и материалов С.А. Пономарёва «Курильский аспект. Деятельность органов власти и общественности Сахалинской области по сохранению территориальной целостности России. 1947–2019 годы» 197

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 202

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ 203

CONTENTS

PREFACE	10
---------------	----

ARTICLES	11
----------------	----

DIALOGUE OF COGNITIVE PRACTICES

<i>Mikeshina L.A.</i> Domestic Epistemology as a New Stage in Development of Philosophy of Knowledge.....	11
---	----

<i>Markov B.V.</i> Cognitive Practices of Analytical Anthropology.....	22
--	----

<i>Martishina N.I.</i> To the Idea of the Variety of Cognition Types: Specificity and Status of Practical Specialized Knowledge	30
---	----

<i>Livshits R.L.</i> Unobvious Consequences of Conventionalism	36
--	----

<i>Zangirov V.G., Zangirova O.A.</i> «New Organon» of Modern Epistemology.....	44
--	----

<i>Taysina E.A.</i> The Possibility of Cognitive Practices Balance	51
--	----

<i>Arutyunyan M.P.</i> Philosophical-Methodological Idea of Cognitive Practices Synthesis and Logic of Transdisciplinarity.....	60
---	----

<i>Manikovskaya M.A.</i> Dialogue of Cognitive Practices in the Perspective of Humanitarian-Technological Revolution	69
--	----

<i>Azhimov F.E.</i> The Metaphysical Context of the Concept of Scientific Rationality: Classics and Non-Classics	76
--	----

<i>Mikhailov I.F.</i> Computational Image of Science.....	81
---	----

<i>Raev O.N., Pronin M.A.</i> Technical Virtual Reality in the Labyrinths of Terminologies.....	89
---	----

<i>Bulov I.Yu.</i> Innate Cognitive Capacities: the Poverty of the Stimulus Argument vs. the Curry Argument.....	99
--	----

<i>Przhilenskiy I.V.</i> Conceptualization of Values and Their Interpretation in Philosophical Discourse of Modern.....	104
---	-----

<i>Kudryashova E.V., Openkov M.Yu., Tetenkov N.B.</i> The Philosophy of the World Ocean as a Pleologist of Cognitive Practices.....	110
---	-----

<i>Pishun S.V.</i> Substance of Super-Person as Basis of Metaphysical Knowledge in Spiritual-Academic Theism of Late XIX – Early XIX.....	115
---	-----

<i>Novikova N.V.</i> Interpretation of the Culture Phenomenon of spiriTually and Academic Philosophy in the Mid-XIX and Early XX Centuries in the Context of the Humanitarian Practice Impact on Church Consciousness.....	121
--	-----

<i>Moiseenko E.E.</i> The Concept of Moral freedom of Will: the Contribution of Russian Spiritual and Academic Theism to the Dialogue of Cognitive Practices	127
--	-----

<i>Han Yu, Geng Haitian</i> “Critical Philosophical Theism” of Archbishop Nikanor (Brovkovich): Experience of Historical and Philosophical Analysis	133
---	-----

<i>Serdyukov Yu.M.</i> The Cognitive Bases of Psychosomatic Transformations of Masters of the «Internal Schools» Wushu.....	137
---	-----

PROBLEMS OF THE FAR EAST

<i>Tsipkin Yu.N., Avdoshkina O.V.</i> A.V. Kolchak and the Command of the White Siberian Armies.....	152
--	-----

<i>Anisimov A.L.</i> Commodore J. Armstrong – the Commander of the East India Squadron in Chinese Waters on the Eve and During the Second "Opium" War (1856–1860).....	164
--	-----

<i>Krivosheeva E.I.</i> Training of Future Interpreters From Japanese in Relation to the New Vector of International Cooperation Between Russia and Japan	169
---	-----

Marinich L.Ph., Prytkova Zh.I. On the Correlation of Linguistic and Didactic Constituents of a Scientific and Technical Text While Teaching English for Specific Purposes to Students of Technical Higher Schools of the Far East Region.....174

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

Livshits R.L. About the Universal Criterion of Science and Like a Science Distinction181

Pishun S.V. «Scientific and Biographical» View of Russian Philosophy.....194

Tkachenko B.I. Unique Collection of Documents. Review of the Collection of Documents and Materials “Kuriles Aspect. Activities of Authorities and the Public of the Sakhalin Oblast to Preserve the Territorial Integrity of Russia. 1947–2019” by Ponomaryov S.A.197

AUTHORS GUIDELINES204

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

10 декабря 2020 г. исполняется 90 лет Людмиле Александровне Микешиной – известному российскому философу, специалисту в области эпистемологии и философии науки, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, доктору философских наук, профессору.

Людмила Александровна родилась 10 декабря 1930 г. в городе Благовещенске Амурской области. После окончания в 1953 г. философского факультета Ленинградского государственного университета ее творческий и жизненный путь был сосредоточен в двух центрах отечественной философской мысли – Ленинграде и Москве. Именно в Москве, на кафедре философии Московского педагогического государственного университета, где Людмила Александровна работала с 1978 г. и которой руководила с 1986 г., в полной мере раскрылся ее научный, педагогический и организационный талант. Каким-то чудесным, буквально невероятным образом Людмиле Александровне на протяжении десятков лет удавалось совмещать руководство крупнейшей в Советском Союзе, а потом и в России кафедрой философии с руководством двумя (!) диссертационными советами, интенсивной и очень напряженной работой с аспирантами и докторантами, разработкой новых учебных курсов, рецензированием научной и учебной литературы, работой в Высшей аттестационной комиссии, руководством Научно-методическим советом по философии и т.д., и т.п. И при всем при этом Людмила Александровна буквально ни на минуту не прекращала собственных исследований, диапазон которых постоянно расширялся и ныне простирается от классических проблем философии и методологии науки до социальной эпистемологии и истории отечественной философии.

Уверен, что в наше время найдется очень много людей, способных долгие годы так напряженно работать, успешно совмещая столь разные виды деятельности и при этом непременно сохра-

няя самообладание, ясность мышления и четкость оценок. Людмиле Александровне это и удавалось, и удается как в силу природного таланта, так и благодаря высочайшей самодисциплине, непрекращающейся работе над собой, открытости новым, современным концепциям и идеям.

В настоящее время Людмила Александровна – один из самых цитируемых философов России. Подготовленные ею статьи и монографии неизменно вызывают интерес в профессиональной среде и оказывают существенное влияние на развитие методологии социально-гуманитарного знания, области, в которой выявление каких-либо закономерностей и тенденций чрезвычайно затруднено полифонией культурно-исторического процесса, неоднозначностью, а порой и противоречивостью оценок социально-экономического развития общества.

Думаю, что педагогический талант Людмилы Александровны наиболее полно раскрылся в сфере подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации. Подготовленные ею кандидаты и доктора наук, а также аспиранты и докторанты кафедры философии МПГУ хорошо помнят ее консультации и поразительное умение увидеть и выделить главное в диссертационной работе, иногда – нераскрытый потенциал, то, что порой оставалось за гранью понимания самого автора. Без всякого преувеличения можно сказать, что Людмилой Александровной Микешиной была создана собственная научная школа, представители которой работают во многих высших учебных заведениях разных городов России – от Архангельска до Владивостока.

Именно ученики, единомышленники и последователи Людмилы Александровны составили костяк этого юбилейного номера журнала, который не случайно был назван идентично одной из ее монографий – «Диалог когнитивных практик». Не случайно потому, что в наше время диалог когнитивных практик является не только парадигмой эпистемологии, но и тенденцией цивилизационного развития, одним из наиболее существенных условий взаимопонимания и взаимодействия представителей разных культур.

Наряду с феноменальной работоспособностью и выдающейся эрудицией именно столь широкий взгляд на происходящие как в эпистемологии, так и в реальном мире процессы вывел Людмилу Александровну Микешину в ряд наиболее влиятельных и авторитетных философов современной России. В этой оценке уверен не только я, но и многочисленные поклонники ее идей и таланта.

Главный редактор.

СТАТЬИ

ДИАЛОГ КОГНИТИВНЫХ ПРАКТИК

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-11-21

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ КАК НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ФИЛОСОФИИ ПОЗНАНИЯ

Л.А. Микешина

В статье обосновывается и иллюстрируется, что эпистемология как менее абстрактное, чем гносеология, учение о социальном и гуманитарном познании и субъекте создавалась как в Европе, так и в России, начиная с конца XIX – начала XX в. Это подтверждается исследованиями конкретных идей и работ Э. Кассирера, К. Мангейма, а также П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка.

Ключевые слова: эпистемология, гносеология, социология знания, субъект, объект, социальные и гуманитарные науки, уровень абстракции.

DOMESTIC EPISTEMOLOGY AS A NEW STAGE IN DEVELOPMENT OF PHILOSOPHY OF KNOWLEDGE

L.A. Mikeshina

The article substantiates and illustrates that epistemology, the doctrine of social and humanitarian knowledge and subject, which is less abstract than gnoseology, was created both in Europe and in Russia, starting from the late 19th - early 20th centuries. This is confirmed by research on the specific ideas and works of E. Cassirer, C. Mannheim, and also P.L. Lavrov, N.K. Mikhailovsky, S.N. Bulgakov, S.L. Frank.

Key words: epistemology, gnoseology, sociology of knowledge, subject, object, social and human sciences, level of abstraction.

Сегодня мы уже начали забывать, что в отечественной философии советского периода единственно верным учением о познании была диалектико-материалистическая теория отражения. В этой теории субъект был вторичен, истинность знания не должна была в той или иной степени зависеть от него, субъективность понималась как искажение результата познания, как правило, в сторону идеализма. Особенно это относилось к социально-гуманитарному знанию, которое должно было также строго следовать теории отражения. Объективность научного знания понималась строго поленински как независимость знания «ни от человека, ни от человечества». Эта прямолинейная и наивная в определенном смысле позиция господствовала в нашей стране, однако в европейской философии познания ситуация была существенно иной, что нашло отражение в трудах известных философов. Для краткого напоминания обращусь к

двум значимым для философии социально-гуманитарного познания европейским мыслителям – Э. Кассиреру и К. Мангейму, идеи которых ответственны для понимания эпистемологии социально-гуманитарного познания.

Среди многих известных фундаментальных работ несомненно значимы размышления Э. Кассирера о конкретной познавательной ситуации, когда «у наивной *теории отражения* выбивается почва из под ног», поскольку «основополагающие понятия каждой науки, средства, которыми она ставит вопросы и формулирует выводы, предстают уже не пассивными *отражениями* данного бытия, а в виде созданных самим человеком интеллектуальных *символов*» [7: с. 101]. Для понимания природы социального и гуманитарного познания особенно важна его работа о взаимоотношении субъекта и объекта в философии Возрождения, значимая и сегодня [8]. Для Кассирера и религиозный идеа-

Микешина Людмила Александровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета; заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Mikeshina Lyudmila Aleksandrovna – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy of the Institute of Social and Humanitarian Education at Moscow Pedagogical State University.

E-mail: mickeshina.lyudmila@yandex.ru

© Микешина Л.А., 2020

лизм Августина, и логический идеализм Декарта имеют одну основу – «принцип самоуглубления, рефлексии над самим собой... во внутреннем человеке обретает истина [8: с. 298]. После обстоятельного, в том числе критического анализа – против «чувства упоения индивидуальностью», – философ обстоятельно проследивает поиск более глубокого понимания субъективности, корреляции субъекта и объекта, на основе анализа работ ведущих представителей Возрождения. Конечный вывод в этом исследовании: «Я становится соразмерным бесконечному космосу в том, что оно обнаруживает в себе те основания знания, по которым оно понимает этот космос в его бесконечности. Но само по себе это знание не чисто абстрактного порядка – это интуитивная достоверность, неотрывно питающаяся источниками, берущими свое начало не в логике рассудка, а скорее в неповторимой жизненной основе личности. ...Философия Возрождения не преодолела диалектическую антиномию, заключенную в этой двойственности статуса человека, но... дав ей собственное истолкование, оставила его последующим векам – векам точной науки и систематической философии» [8: с. 358].

Другой зарубежный философ, с которым тесно связано становление эпистемологии, – это К. Мангейм (1893–1947), однако он не имеет прямых последователей своей эпистемологии. Можно лишь отметить его базовые идеи, которые он сформулировал, обосновал и изложил в монографиях, посвященных социологии знания. И хотя его принципиальные базовые идеи сегодня широко распространены, но пришли они не только и не столько от него, сколько в значительной степени от отечественных философов и часто в принципиально ином понимании. Отечественная эпистемология развивалась по своему пути, причем задолго до революции в нашей стране и погружения в марксизм-ленинизм – диалектико-материалистическую теорию познания как теорию отражения. Российская эпистемология не была предшественницей этой теории познания, она базировалась на своих предпосылках и основаниях, которые возродились и развиваются после преодоления теории отражения и в целом на опыте российской эпистемологии. Одна из значимых работ – «Идеология и утопия» (1929), где особенно важно для проблем социальной эпистемологии исследование социологии знания, ее границ и сущности. Сам термин «социальное» как феномен познания появился достаточно поздно, так как отсутствовал связанный с этим жизненный опыт, который не сразу был осознан в этом качестве. Исследуя этот феномен, Мангейм делает «гносеологические выводы», требующие определенного переосмысления как по-новому значимого в социальном контексте традиционного

понимания этих проблем. Эта задача стояла и в наше время, после переосмысления отечественной диалектико-материалистической теории познания как теории отражения, базирующейся на предельно абстрактной гносеологии. Философ подчеркивает, что при всей своей фундаментальности гносеология в конечном счете также основывается на состоянии знания в каждый данный момент. Я представляю значимым это его суждение, так как оно признает не только необходимость и возможность дальнейшего развития даже предельно абстрактной гносеологии, но и реальность развития философской теории познания, в определенном смысле изменение традиционных представлений о типе рациональности познания.

Мангейм исследует еще одно важное положение, которое сегодня надо осмыслить как в общем, так и в конкретном случае: «...в соответствии с парадигматической формой знания и ее структурой в каждый данный период создается представление о том, какой должна быть истина вообще» [14: с. 243], что мы понимаем, но часто просто не помним об этом и не применяем в конкретных случаях. Это можно проиллюстрировать сегодня, например, на традиционном эмпирическом (повседневном) представлении о том, что такое ценности в познании, например, что в логике оценок ценностями именуются и отрицательные свойства и события.

Наиболее обстоятельно и фундаментально становление нового этапа развития эпистемологии К. Мангейм представил в докторской диссертации «Структурный анализ эпистемологии» (1922), где он обосновывает особый статус эпистемологии и исследует нерасторжимую взаимосвязь между теорией познания и социологией знания, что в нашей стране начнет осознаваться только к концу XX в. [15]. Вызывает определенное недоумение тот факт, что при достаточно обширной в нашей стране публикации, особенно в 90-х гг. XX в., трудов К. Мангейма явно недостаточное внимание наши философы проявляют к его трудам по эпистемологии, которые имеют существенное значение и сегодня. Наряду с этими фундаментальными идеями он приходит также к важному положению о том, что в философии познания речь должна идти не об «изолированном и самодовлеющем индивиде», но о «знании, которое с самого начала складывается в процессе жизни группы». Но давно ли мы в нашей отечественной теории познания «субъекта-объекта и теории отражения» вспомнили про интерес субъективности и начали осознавать существование и значение «коммуникативной рациональности»? Об этом нам напомнил А.П. Огурцов, а о базовом значении категории интерес субъективности обстоятельно написали Н.М. Смирнова и ее соавторы. Правда, все это без ссылок на Мангейма, который настаивал, на

том, что «до тех пор пока наша гносеология не признает, что знание носит социальный характер, а индивидуализированное мышление является исключением, у нас не будет ни адекватной психологии, ни адекватной теории» [14: с. 238].

Краткое напоминание этих имен и идей было необходимо, чтобы еще раз показать активное возникновение и применение эпистемологии в Европе в XX в., где, в частности, на конгрессах по философии, по существу, понятие «эпистемология» стало господствующим, «гносеология» исчезла, что нашло также прямое отражение в учебниках [22; 23].

Эпистемология и ее роль в развитии российских социальных и гуманитарных наук

В нашей стране только к концу 90-х гг. предыдущего века было осознано, что необходимо преодолеть чрезмерную гносеологическую абстракцию субъекта и теорию отражения, абсолютизацию объективности и упрощенного и даже искаженного понимания исторически и теоретически значимой роли человека (субъекта) в познании объекта. Этот процесс присутствовал в преподавании философии, распространился в вульгаризированной форме во все тексты, формы обучения и даже методологические исследования различных наук, особенно социально-гуманитарных и даже естественных, как непонимание ценностных предпосылок в виде научной картины мира, стиля научного мышления и парадигмы. За последние десятилетия произошли существенные изменения в философском, историческом, социологическом – в целом гуманитарном знании не только за рубежом, но и в нашей стране, что привело к значительному переосмыслению многих идей и разработке новых проблем познания. Появление понятий «социальная эпистемология» и «культурно-историческая эпистемология» привело к необходимости уточнения соотношения понятий, прежде всего гносеологии и эпистемологии. Было осознано, что гносеология – понятие предельной абстракции познания – работает в текстах, где процесс познания, как и сам субъект, представлены предельно абстрактно, и классическая гносеология строится именно на этом принципе. В советское время такое значение гносеологии было поддержано и закреплено в классической форме понимания теории познания как теории отражения в ее максимальном отвлечении от каких-либо конкретных свойств, в том числе ценностей субъекта, его познавательных приемов. В теории отражения это было принято как обязательное условие получения истинного знания об объекте. Данная «парадигма» была необходимым условием классической гносеологии, на которую опиралась концепция диалектико-материалистической теории познания.

Сегодня, когда сформировалось новое представление о познании, обозначаемое и другим тер-

мином греческого происхождения – эпистемология, встает вопрос о пересмотре оценок российской философии научного познания до советского времени господства диалектико-материалистической теории отражения. Становится понятным, что в России в конце XIX – начале XX в. развитие социально-гуманитарного знания шло своим путем, существовали исследования не только традиционно гносеологические, но и эпистемологические, что я далее и ставлю своей задачей в кратком варианте показать и обосновать. Базовые проблемы природы и статуса эпистемологии и общих ее проблем широко разрабатывались не только в европейской философии, но начиная с конца XIX в. и в первые десятилетия XX в. достаточно успешно и в нашей стране.

Это станет очевидным, если мы обратимся к проблемам понимания самой эпистемологии в ее соотношении с гносеологией на разных этапах их существования в нашей стране. Известно, что в общей философии познания эпистемология как древнегреческий термин присутствовала одновременно с гносеологией. Об этом термине вспомнили в середине XIX в., а в XX в. он стал использоваться наряду или даже вместо гносеологии, которая как предельно абстрактная теория познания не удовлетворяла социально-гуманитарные науки. Однако необходимость понятия эпистемологии у нас в стране осознана только в последние десятилетия. Сегодня стала понятной реальная ситуация в целом – уже с конца XIX – начала XX в. и в отечественной философии, в русской философии представления о субъекте, объекте и самом процессе познания не были предельно абстрактными, а теория познания, наряду с гносеологией, развивалась, по существу, и как эпистемология. Почему сегодня в большинстве текстов по теории научного познания стал «работать» термин «эпистемология», а гносеология как предельно абстрактное понятие представлена в классических философских текстах. Главная причина, с моей точки зрения, прежде всего, в том, что философия в своем развитии перешла на новый этап, который характеризуется признанием не только предельно абстрактной философии познания, но и роли конкретно-исторического и социального контекстов и особой функции ценностей в познании. Это, в свою очередь, говорит о смене формы и уровней рациональности. В классической рациональности главным условием было «исключение» реального человека, его системы ценностей из познавательных структур, в том числе социально-гуманитарного знания. Сегодня философия познания перешла на более сложный уровень понимания реального, в том числе научного социально-гуманитарного, культурно-исторического познания. В эпистемологии она исходит из неотъемлемого присутствия человека в познании, тем более социально-куль-

турно-историческом. Как следствие, вспомнили и о коммуникативной рациональности, сегодня активно разрабатываемой в связи с Интернетом, цифровизацией и системной методологией. Как значимые проблемы научного познания, особенно социально-гуманитарного, когда наряду с гносеологией исследуется и эпистемология ценностей, и не столько аксиология как абстрактный анализ ценностей вообще, сколько реальные формы и способы существования ценностей культуры и, главное, их влияние на деятельность человека и особенно его познавательную деятельность, включенную в культуру, историю, экономику. Это существенный прогресс в развитии теории познания, и не только естественно-научного, но и социально-гуманитарного, – новый этап, который и стал, по сути, обозначаться термином «эпистемология». Существенно изменилось и само понимание ценностей, признание необходимости изучения их роли, как положительной, так и отрицательной, а также логики и функций теории ценностей в познании и в любой другой деятельности человека.

Мы только недавно стали внимательно изучать не только религиозные, но и собственно философские взгляды русских философов и обнаружили, что в их работах содержится достаточно много значимых для современной теории познания общества идей. Возникла особая задача изучить работы русских ученых-гуманитариев предыдущих веков, опубликовавших свои исследования философского, исторического, социально-гуманитарного знания, что необходимо сделать, опираясь на современные представления об эпистемологии, а также о ценностных предпосылках и формах знания в целом, что сегодня успешно реализуется. Например, это представлено серией публикаций: многотомным переизданием работ Г.Г. Шпета (ред., сост. Т.Г. Щедрина) или работ российских историков, социологов, методологов, опубликованных в серии работ «Философия России первой половины XX в.» (под редакцией и при участии Б.И. Пружинина, Т.Г. Щединой), а также в многочисленных монографиях и статьях за прошедшие десятилетия развития эпистемологии в нашей стране. Обращение к российской истории философии в исследованиях последних десятилетий показывает, что Россия имеет богатые философские традиции, не исчерпываемые трудами по марксизму и не сводящиеся к религиозно-философским трудам. Философия и методология социально-гуманитарных наук успешно развивались русскими философами уже в конце XIX – начале XX в.

Предыстория эпистемологии в российской философии и социально-исторических дисциплинах

В России в философии и различных областях социально-гуманитарного знания в конце XIX – начале XX в. и до революции 1917 г. происходило

активное формирование социально-гуманитарных дисциплин, прежде всего истории и социологии, а также философии и логики. В целом свободно формировались идеи, ставшие предпосылками и в ряде случаев основой *после* марксизма в эпистемологии XX в. Этот процесс не был столь очевидным, как в Западной Европе, что определялось существенными социальными причинами. До марксизма одним из важных направлений было, как известно, учение неокантианцев о ценностях в научном познании, к которому очень внимательно и критически относились многие российские ученые-гуманитарии и философы. Ими самостоятельно развивались новые методологические идеи и разделы теории познания социально-гуманитарных наук, в частности истории и социологии, не сводящиеся к положениям традиционной абстрактной гносеологии. Это может быть, хотя бы кратко, прослежено в трудах известных российских философов. За последние десятилетия обнаружилось, что Россия имеет богатые философские традиции, не исчерпываемые трудами по марксизму как одному из западных учений, но и не сводящиеся к религиозно-философским исследованиям, широко представленным в русской культуре. Стало своего рода открытием, что эпистемология, философия и методология, в том числе социально-гуманитарных наук, уже успешно развивались русскими философами и предшествовали марксизму в России или разрабатывались вопреки ему либо внутри него. Одновременно усилилось «светское», не религиозное прочтение и понимание трудов русских философов, и значительно в большей мере стали очевидными глубокие европейские корни, сама рационалистически-антропологическая природа отечественной философии. Это в полной мере представлено, в частности, в философских трудах П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, С.Н. Булгакова и С.Л. Франка, а также Г.Г. Шпета, крупнейшего методолога и философа науки, автора работ по феноменологии и герменевтике, языку и слову, тексты которых только в последние годы стали интенсивно исследовать и публиковать. Изменение ситуации в конце XX – начале XXI в. на новом этапе развития помогает понять и заново оценить идеи и труды тех русских мыслителей, которые разрабатывали преимущественно рациональные темы, в том числе философию и методологию науки, ее герменевтические и семиотические аспекты, обращаясь к богатому опыту не только русской, но и европейской философии, существенно обогащая ее.

Идеи социальной эпистемологии в философских трудах П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского. Обращение к работам П.Л. Лаврова (1823–1900), разносторонне образованного ученого, педагога – математика, историка, философа, социолога и из-

вестного публициста – позволило не только обнаружить богатые идеи, в частности об антропологии познания, но и существенные размышления об эпистемологии исторической науки. Шпет в 1920 г., размышляя о П.Л. Лаврове, отметил важнейшие его заслуги в развитии отечественной философии, а также антропологии, выявлении ее роли в понимании природы познания в целом и научного в частности [20]. В российской истории Лавров известен прежде всего как «ветеран революционной теории», идеолог народничества, представитель русской революционной эмиграции в Европе, но сегодня он также значим как один из родоначальников эпистемологического и социологического исследования исторической науки. Лавров не был изначально приверженцем какого-либо одного философского учения или школы, он изучал и критически оценивал, начиная с «гегелизма», философские и научные направления в Европе и России, годами вырабатывая собственное философское видение проблем. Его научные интересы лежали в области истории научной мысли, особенно антропологии и близкими ей истории культуры, мифологии, этнологии и психологии, на основании чего он уяснял себе понятия «человек», «личность», «цельный человек», наконец, «Я», которые у него пронизывают всю философию, а не только размышления о познании [20: с. 458]. У Лаврова редко встречаются классические категории субъекта, объекта, вместо них речь идет о личности, цельном человеке, и не только в контексте антропологизма, но всюду, где философ пишет о познании. Наблюдения Лаврова о предпосылках создания и структуре философских и социологических концепций различного типа, по сути дела, осуществляются как эпистемологический анализ теоретического знания, однако сам этот термин у него отсутствует.

Шпет и Лавров ставят проблему выявления «исторического типа позитивизма» и дают свое понимание исторических источников позитивизма и его соотношения с философией. Формировалась новая философия как философия науки, в которой существенно усилилась логическая, методологическая и языковая составляющие и в разных формах осуществлялась критика «метафизики». Оценка Шпетом роли Лаврова в европейской и русской культуре как философа, а не только как «народника» и «революционного деятеля», предельно значима для понимания его заслуг в становлении современной социологии и социальной эпистемологии. Оба философа осознавали всю важность дальнейшего развития философии и методологии познания не в предельном отвлечении от личности, но как целостного человека, в полной мере с признанием его роли в социологической науке, философии познания общества в целом. У Лаврова также есть це-

лостное исследование истории как науки. Под псевдонимом О.О. Арнольди он опубликовал «Задачи понимания истории. Проект введения в изучение эволюции человеческой мысли». Он был знаком с К. Марксом и Ф. Энгельсом, их учением и работами, многие годы прожив в эмиграции в Европе, но считал необходимым, хотя бы под псевдонимом, как бежавший из России за революционную деятельность, для русских читателей опубликовать свое понимание истории, где субъективные факторы и ценности значимы в той же степени, как и объективные.

Эти факторы также значимы для понимания сути и исторической оценки трудов Н.К. Михайловского, – современника и близкого по духу и направлениям исследования социальных проблем П.Л. Лаврову. Он еще один из родоначальников отечественной социологии и эпистемологии в XIX в., до недавнего времени недостаточно изученный или не понимаемый и даже не принимаемый до сих пор. «Рядом с именем Лаврова, как зачинателя русской социологической литературы, должно быть поставлено, – как убежден известный русский историк и социолог Н.И. Кареев, – имя его младшего современника Н.К. Михайловского» [5: с. 43–59]. Он писал, что литература о Михайловском громадна, а в его «Полном собрании сочинений», 20 томов (1913), перечень статей включает свыше 600 названий. Н.И. Кареев также отмечал, что при общей положительной оценке трудов и идей Михайловского, в частности, отмечено, что «чисто научные доводы против "субъективного метода" не колеблют значения, которое в свое время имели социологические этюды М., как явление публицистическое. ... Поколение 70-х гг., глубоко проникнутое идеями альтруизма, выросло на статьях М. и считало его в числе главных умственных вождей своих. ... Он доказывал необходимость оценивать развитие, руководясь известным идеалом, тогда как объективистические социологи смотрят на прогресс лишь как на безразличную эволюцию» [4: с. 492–493]. Наряду с положительными оценками идей Н.К. Михайловского в словарях и энциклопедиях до революции существовали и критические философские исследования, в первую очередь одна из ранних обстоятельных работ Н.А. Бердяева [1]. Несомненно, что он стоит на классических гносеологических позициях, истинным знанием принимающих только знание, освобожденное от каких-либо частных признаков и знания реального человека, которые могут приводить, по его мнению, только к заблуждению. С позиций господствующей гносеологии, в единственной верности которой убежден Бердяев, как и почти все философы, обладающие классическим университетским образованием, Михайловский прошел мимо критерия истины, «смешав» гносеологическую проблему, отыскивающую логический

критерий истины, с проблемой психологической и социологической, отыскивающей те условия (психические и социальные), при которых истина рождается для человека. Для Бердяева истина лежит не в природе человека, т.е. не в психологическом сознании, вечно изменяющемся и порождающем субъективизм, а в трансцендентальном логическом сознании, в котором коренятся общеобязательные нормы мышления и, следовательно, санкция объективизма в познании. Таким образом, для него, в отличие от Михайловского, реальный человек не причастен к получению истинного знания.

Если до революции работы Михайловского были широко известны и изданы неоднократно, в том числе в виде полного собрания сочинений, то в последующем веке о них во многом забыли или сохраняли только отрицательные оценки, и не столько по существу, сколько за идеи «народничества». Следует также отметить, что в XX в. взвешенные оценки социологических идей и трудов Михайловского можно было встретить, скорее, за пределами нашей страны. Так, известный польский исследователь русской философии А. Валицкий осуществил в историко-философском исследовании русской философии, которое используется как популярное учебное пособие в американских университетах, достаточно обстоятельный и уважительный анализ трудов как П.Л. Лаврова, так и Н.К. Михайловского, взвешенно и с пониманием изложив их социологические и философские идеи [3].

Вопрос о значении субъекта, личности, ее идеалах, их роли в социальном познании, в развитии общества и понимании сути прогресса встает в нашей стране, но уже по-новому, в XXI в. и в другом социальном контексте. Тем значимее идеи Михайловского для социально-гуманитарных наук и проблем социологии образования сегодня. Именно поэтому следует обратить внимание, например, на успешный современный опыт изучения трудов и идей Н.К. Михайловского в Воронежском государственном университете, отметившем 175-летний юбилей философа конференциями и изданием обстоятельного сборника статей, посвященных его трудам и идеям. В последние десятилетия о нем издается множество новых работ, в которых как критически, так и позитивно осмысливаются его идеи в современном контексте с пониманием поставленных им проблем о человеке, прогрессе, личности, в том числе значимых и для развития отечественной социальной эпистемологии.

Идеи С.Н. Булгакова о социальном детерминизме. Не рассматривая всего богатства его трудов по философии, специально отмечу, что еще в 1912 г. он основательно исследовал проблемы *социального детерминизма и свободы воли* – значимые для социальной эпистемологии. С.Н. Булгаков (1871–1944),

известный русский философ, экономист по образованию, оказавшийся за пределами страны в 1918 г., после принятия сана священника и обращения к религиозной философии, исследуя феноменологию хозяйства, социологию, политическую экономию, поставил ряд существенных проблем, значимых и сегодня, в частности о социальном детерминизме в монографии «Философия хозяйства» [2]. В самом начале XX в. он следовал марксизму, но переосмыслил и отверг его, в том числе и в понимании социальной детерминации развития общества. Рассматривая «стиль социальной науки», Булгаков использует термины «социологический детерминизм» и «социологизм», наиболее радикальное выражение которых представлено в XIX в. «в двух влиятельных течениях социальной философии: в контизме и марксизме» [2: с. 191]. Суть самого направления он видит в том, что «человеческая жизнь представляется механизмом причин и следствий, а история рассматривается как область исключительного господства неизменных законов. Социология приравнивается, таким образом, вообще к «математическому естествознанию». В чем он видит особенности этих наук, представленных, в частности, социологическим и экономическим знанием, которым приходится отстаивать само право на существование в качестве науки? Философ не сомневается, что социальная наука имеет свой объект исследования, свою «особую природу и закономерность». Это подтвердилось, в частности, когда бельгийский математик, «отец статистической науки» А. Кетле, а также русский специалист по статистике А.А. Чупров, на которых ссылается Булгаков, открыли «статистические единообразия общественной жизни». Он исходит из того, что индивидуальность и «статистическая фикция» находятся «в разных логических этажах и друг друга не касаются», статистические средние не должны получать индивидуального приложения.

Итак, речь идет о природе «основоположений социологического познания», которые вносятся как априорные, но не являются результатом обобщения и, таким образом, не онтологизируются. Также и феномен социального детерминизма – он не логический вывод, полученный с помощью индукции или дедукции, фиксирующий некую онтологию, но методологическая предпосылка, вводимая самим исследователем. Эти идеи близки нам и сегодня, когда акцентируется не столько детерминация, сколько конструирование человеческого существования. Важнейшая особенность исследования «социологического детерминизма» Булгаковым как понятия социальной философии науки говорит и о глубинной связи с работами и идеями европейских мыслителей, фундаментальное владение ими. В «Философии хозяйства» (принятое в это время в Европе

название для подобного рода исследований, см., например, у М. Вебера) присутствуют ссылки на критически осмысливаемые и развиваемые далее идеи И. Канта, И. Фихте, Ф. Шеллинга, Дж. Локка, Д. Юма, Ф. Бэкона, Г. Гегеля, О. Конта, Г. Когена, П. Наторпа, В. Виндельбанда, Г. Риккерта, Э. Гуссерля, А. Бергсона, П. Лапласа, А. Смита, К. Маркса, М. Вебера и многих других, представленных в текстах его работ. Очевидно, что Булгаков – это не только русский, но и европейский философ, владевший теми же источниками и предпосылками возникновения современной философии науки, на которые опирались и другие европейские философы разных направлений.

Об этом Булгаков пишет в начале XX в., о чем, как оказалось, никто из советских философов не знал или не придал значения. Но какова история проблемы детерминации научного познания в социально-гуманитарных науках сегодня? В 70-х гг. XX в. труды и дискуссия о социальном детерминизме возникли фактически заново, никто на Булгакова не ссылался. Это монографии Л.А. Микешиной [1977], Е.А. Мамчур [1987], Л.М. Косарева [1989], а также работы Б.М. Кедрова, Г.А. Свечникова, Ю.В. Сачкова и других в целом о детерминизме. Однако никто из авторов не ссылался на С.Н. Булгакова и, по-видимому, не знал о русском предшественнике в изучении социального детерминизма. Понятие социального детерминизма в марксистском контексте стало активно разрабатываться российскими философами во второй половине XX в. В философской литературе России этого периода были широко представлены самые различные марксистские трактовки детерминации, что было вызвано различным пониманием самого детерминационного отношения: детерминации и причинности, необходимости и случайности, детерминизма и индетерминизма, неопределенности. Термин «детерминизм» стал применяться для обозначения философского учения о всеобщей детерминированности явлений. Вместе с тем было преодолено отождествление детерминации только с причинностью, в качестве других ее видов стал рассматриваться целый «спектр детерминации» – необходимая и случайная (вероятностная), самодетерминация, взаимодействие, динамическая и статистическая детерминация и др.

Вместе с тем концепция детерминизма в это время была сугубо объективистская, и до обращения к понятию социальной детерминации познания в 70-х гг. XX в. влияния человека, его воли, системы ценностей и предпочтений если и присутствовали, то в безличных формах случайности или вероятности. Философы преимущественно следовали жесткому суждению В.И. Ленина о том, что идея детерминизма, устанавливая необходимость чело-

веческих поступков, отвергала «свободу воли», поскольку только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не ссылка на «свободную волю» [11].

Обращение к социальной и культурно-исторической природе познания с необходимостью выводит на более глубокие уровни анализа и понимания природы и структуры научного знания, когнитивные идеи, логические формы и ценностные предпосылки которого оказываются укорененными в культуре общества. Многие фундаментальные элементы знания и познавательной деятельности органически соединяют в себе когнитивные и ценностные начала, непризнание которых разрушает и само представление о знании. Социальность, представляющая как совместный либо как всеобщий труд, выражающаяся, в частности, в коммуникативности и общении, имеет свои следствия для организации и построения главным образом социального и культурно-исторического знания и познавательной деятельности. Следует отметить, что в западно-европейской философии в первой половине XX в. исследования проблемы социального детерминизма не были особенно популярными, позже они уже представлены в самых различных контекстах. Наиболее заметна обстоятельная монография Ж. Гурвича – социолога, эмигранта из России первой волны (1921), с 1927 г. профессора Сорбонны, – «*Determinismes sociaux et liberte humaine*» [22: с. 1955], где, в частности, разработан метод изучения отношений между социологическим детерминизмом и человеческой свободой. К его деятельности и идеям одобрительно относился один из создателей современной социологии П.А. Сорокин, также эмигрировавший из России (1922), на долгие годы ставший профессором Гарвардского университета, деканом социологического факультета (США). Его также еще в ранние годы привлекала проблема социальной детерминации, о чем свидетельствуют материалы из рукописного наследия (1910–1922), где, исследуя «историческую необходимость» и критикуя фатализм, он ставит под сомнение понятие «законы истории» – история не знает повторений, необходимых для установления закона, а также он вводит понятие «множественные детерминации» для социологического знания.

И сегодня сохраняется актуальность проблемы социального детерминизма и продолжается ее обсуждение, в частности европейскими философами и учеными. Так, известна дискуссия о природе различных форм детерминизма [Gallimard, 1990], – обзор конференции [18], где существенно различные позиции занимали Р. Том, Э. Морен, И. Пригожин, между которыми развернулась острая дискуссия. Основные ее проблемы, существенно углубившие представления о детерминации познания, – это возможности современной математики при

описании различных форм случайных событий – «диссипативные структуры», по Пригожину, случайные мутации ДНК, дарвиновское утверждение о случайности появления жизни и др. Все это, считает Р. Том, ставит вопрос о выразительных возможностях математики, что относится не к реальности, а к несовершенству математических средств, настоящая наука не может не быть детерминистской, как это представлено, в частности, в концепции И. Пригожина. Однако участники пришли к выводу, что детерминизм и интердетерминизм – это, скорее, взаимно дополнительные подходы. По Э. Морену, представления о детерминизме становятся все более сложными и гибкими; современная наука стремится понять, все ли в мире подчиняется алгоритму и формализуется или есть непредсказуемое и хаотичное [17: с. 1986]. Таким образом, представляется, что более глубокое изучение проблемы детерминизма/индетерминизма на современном уровне развития как естественных, так и социокультурных наук еще впереди.

Особой и так же недостаточно изученной проблемой предстает отношение С.И. Булгакова к идеям М. Вебера, не только общим, но и социологическим, связанным, в частности, с проблемой влияния протестантизма как религии на формирование особых черт человека и нового типа этики, на процесс возникновения европейского капитализма как нового типа экономики и новой формы социальной жизни. Этот аспект проблемы объясняет особое внимание на заинтересованное отношение Булгакова к Веберу именно в этом контексте. Вполне закономерно, что русского философа-экономиста, ставшего воцерковленным мыслителем и деятелем, в значительной мере интересовали идеи М. Вебера о протестантизме, его роли в современном обществе. Главная проблема: христианская аскеза и трудовая этика, что, по видимому, представляет интерес и сегодня.

Булгаков в целом относился к М. Веберу и его идеям с глубоким уважением и научным интересом, что можно увидеть не только в восторженных примечаниях, но и при рассмотрении проблем по существу, однако особое его внимание привлекла проблема воспитания европейского человека и ее роль в формировании нового капиталистического общества. Отмечается, что эти два мыслителя были неплохо осведомлены о работах друг друга, они обменивались и письмами, в частности, осмысливая природу и итоги русской революции 1905 г., оценки которой у них существенно разошлись. По Булгакову и веховцам, «интеллигентская догматизация Революции», потерпевшей исторический крах в России, ошибочна, тогда как главной идеей должно быть нравственно-религиозное воспитание народа, задача формирования «самодеятельной личности» как опоры демократических преобразо-

ваний в России. Очевидно, что именно поэтому веберовская концепция о роли протестантизма как религии в воспитании европейского человека и происхождении капитализма была столь существенной для Булгакова, который ставил, в частности, задачу раскрыть «религиозно-психологические основы психологии русской промышленности».

Проблемы социальной эпистемологии в исследованиях С.Л. Франка. Отмечу, что по жизни сходны пути Мангейма и Франка, одновременно покинувших каждый свою родину – один Венгрию, другой Россию, – в силу классово-революционных изменений; они не могли надолго оставаться и в Германии, где к власти пришел фашизм. И тот и другой переезжают в Англию и много лет живут и работают там, так и не разу не встретившись. Однако определенное совпадение путей понимания развития философии социального познания, как варианты современной эпистемологии, у них явно наблюдается. Франк написал «Духовные основы общества» уже в эмиграции (1930). В этой книге он – известный религиозный философ – представил целостное, в полной мере светское учение о соотношении социальной философии, социологии, философии права и истории, лишь во второй части монографии обратился к проблемам религиозной онтологии. В юности он изучал работы К. Маркса, с идеями которого расстался, написав критические работы об основах марксизма. Он категорически против включения таких явлений, как «творения человеческого духа», «самопознание человека», в число «категорий натуралистического мировоззрения», а также против отождествления предмета социологии и естественных наук. Большинство авторов и в прошлом, и в настоящем часто не видят различий между подходами с позиций социальной философии, социологии, социальных наук вообще, методологии или онтологии социального знания. Однако Франк был озабочен этой проблемой и стремился четко различать каждую из этих форм социального знания. Он рассматривает различия социальной философии и социологии, философии права, философии истории, соотнося их предметы, уточняя функции по отношению друг к другу, критически осмысливая претензии на «самостоятельное философствование» без опоры на профессиональное философское знание.

...Итак, по сути дела, уже с XIX в. в русской социологии, гуманитарных науках и философии появилась необходимость уточнения понятия «субъективное», имевшее часто отрицательную или предельно абстрактную коннотацию в научном познании, в том числе социально-гуманитарном. Возникла необходимость и другого – предметного понимания этого термина, признания его социальной и культурно-исторической необходимости для по-

стижения общества как объекта. Эти процессы значимы в целом для развития отечественной эпистемологии, существенно дополняющей предельно абстрактный гносеологизм как основу европейской рациональности. Еще раз следует отметить, что современная эпистемология преодолевает узкогносеологическое понимание субъекта познания и, стремясь к объективности научного социального познания, с необходимостью учитывает ценностные, в первую очередь культурно-исторические, социологические, этические и мировоззренческие, предпосылки субъекта как активного исследователя. Эти процессы с необходимостью развивают и обогащают понимание современной рациональности как основания для науки нашего времени. Их корни присутствуют не только у русских философов, но в значительной мере и у социологов и историков.

Социальную философию Франк описывает как «систему высших обобщений» о свойствах и соотношениях общественных явлений, как учение об «общей природе» жизни общества, скрывающейся за многообразием ее проявления в пространстве и во времени. Как соотносятся жизнь общества и жизнь человека, какое место она занимает в мировом бытии вообще, каков ее подлинный смысл и отношение к абсолютным началам и ценностям – таков круг проблем, по Франку, составляющих суть социальной философии, важнейшие из которых сам человек, его самосознание и жизнь как «совместная, т.е. именно общественная», жизнь. Однако к современной ему социологии Франк относился критически: она не имеет точно определенного предмета, общепризнанных методов и традиций, и, по существу, сколько авторов, столько и социологий. Если социология стремится распространить на обществоведение начала натуралистического мировоззрения «как частного случая жизни природы», то правомерно ли это? Франк категорически против подведения под категории натуралистического мировоззрения таких явлений, как творения человеческого духа, самопознание человека, замена их «объективной предметной действительностью» прямолинейным отождествлением предмета социологии и естественных наук.

Мысль Франка о том, что сколько социологов, столько и социологий, в определенном смысле подтверждается и, прежде всего, эпистемологически: общая теория не создана, по-видимому, не может быть создана в принципе, вместо нее сегодня господствует «полипарадигмальность». Поскольку социология очень существенно «ушла вперед» по сравнению с временами Франка, то полученные ею новые знания об обществе могут сегодня существенно повлиять на качественное обновление и дальнейшее развитие также и социальной философии, ее понятий и принципов, методологии в целом.

Франк, рассматривая соотношение социальной философии, философии истории, показал, что «историзм» возник как учение, «согласно которому не существует общих, одинаковых для всех эпох и народов условий и закономерностей социальной жизни» [19: с. 25–26]. Уже тогда он видел определенную «ущербность» и противоречивость теории прогресса, раскрывал, по сути, телеологизм в понимании общества, который исследуется сегодня именно в связи с понятием прогресса, в частности Р. Нисбетом, П. Штомпкой и др. Франк исследовал целый ряд других проблем, в той или иной степени имеющих отношение к вопросам эпистемологии. Удивительно современным оказался Франк, рассматривая классическую проблему, названную им как *сингуляризм и универсализм*, а сегодня чаще всего обозначаемую как «методология индивидуализма» и «методология коллективизма», различные решения которой мы встречаем в философии и социологии, в частности в работах J. Watkins и К. Поппера. Франк полагает, что вопрос об отношении между обществом и индивидом должен быть первым вопросом социальной онтологии, изложение которой начинается с истории развития проблемы. Есть ли общество название «искусственного, т.е. субъективного суммирования реальности отдельных людей, или общество есть некая подлинно объективная реальность, не исчерпывающая совокупность входящих в ее состав индивидов?» [19: с. 21].

В отличие от современных исследователей Франк отмечает длительную историю борьбы этих противоположных позиций: от «универсалистов» Платона, Аристотеля, Конта, Гегеля, Спенсера, Дюркгейма, славянофилов до «социального атомизма» софистов, а также рационалистического индивидуализма, «классической школы» социальных мыслителей Ж.-Г. Тарда, Г. Зиммеля, П.Б. Струве. Очевидно, что Франк вышел на философскую проблему существования общего, известную как спор реалистов и номиналистов, и логическую проблему общего и единичного в применении к общественной жизни. Этого подхода недостаточно для понимания природы общества, он все-таки не объясняет основного вопроса: как вообще возможно общество, если оно не только единство, но еще и упорядоченность совместной жизни субъектов как конкретного целого?

Эпистемологически важно, что Франк считает необходимым подчеркнуть отличие «живого личного самосознания», которое «я», не совпадающее с гносеологическим субъектом, с «познающим». Уже в то время он понимал, что предельная абстракция не удовлетворяет социологию и в целом науки об обществе. «Чистый субъект познания есть как бы совершенно безличная, бескачественная, неподвижная точка; мое "я" есть наоборот, нечто живое, качественно неповторимо своеобразное,

полное содержания и внутренней жизни. Погружение в чистое созерцание, превращение себя в чистый "субъект познания" связано всегда с исчезновением живого индивидуального "я"...» [19: с. 47]. Рассматривая также проблему восприятия «чужого я», что стало предельно значимым в современной эпистемологии и социальных науках, Франк отмечает, что на самом деле это не восприятие, но «факт общения между сознаниями», «другое я – это не только объект, но и субъект, который одновременно меня воспринимает». «Мы» – это не множественное число от «я», которое всегда единственное и неповторимое, но единство «я» и «ты» («вы»), преодоление этой противоположности. «Мы» столь же первично, как и «я», «онтологический корень нашего бытия», как и «я». Таким образом, Франк приходит к выводу, что «духовное бытие имеет два соотносительных аспекта: оно есть разделенная множественность многих индивидуальных сознаний и вместе с тем их нераздельное исконное единство» [19: с. 48]. Сегодня это в полной мере осознаваемое нами понимание коммуникативной рациональности и ее значения.

Итак, очевидно, что Франк разработал собственную концепцию «универсализма», не сводящуюся к религиозному обоснованию, хотя и включающую понятие «соборности», что в целом достойно серьезного осмысления сегодня и в полной мере совпадает с современным пониманием природы и значимости социальной коммуникации. Обращение к современным формам решения проблемы и эпистемологическое осмысление методологий индивидуализма и коллективизма показывают, как близок был к ним Франк и как значимы результаты его изучения опыта социальных и гуманитарных наук в этой области. Парадоксальность ситуации состоит в том, что, создавая абстрактные понятия с целью отождествления и обобщения многих реальных объектов, мы, вместе с тем, должны сохранить те или иные конкретные их черты и свойства, и актуальной становится задача «возвращения людей в теорию», что одновременно воспроизводит проблему человека и его ценностей в научном знании.

Особый интерес представляют размышления Франка об *эпистемологических следствиях феномена деспотизма как предмета философско-политической мысли* – влиянии социальных отношений на характер знания. В статье «Философские предпосылки деспотизма» (1907) Франк проявил себя как тонкий и оригинальный аналитик такой проблемы социальной эпистемологии, как тесная взаимосвязь истинного знания и характера социальных отношений. Для него «деспотизм есть не исключительно политическое понятие, а общая социологическая и морально-правовая категория» [20].

Предварительные, но эпистемологически значимые итоги исследования работ Булгакова и Франка по социальному познанию и зарождающимся новым эпистемологическим идеям позволяют сблизить их работы с европейской и мировой философией в целом, более полно показать становление эпистемологии в отечественной философии. Их социологические и эпистемологические идеи о соотношении социальной философии и социологии, а также идеи об историзме, релятивизме, сингуляризме и универсализме, теории прогресса должны войти в фонд отечественной социологии и социальной эпистемологии.

Таким образом, даже неполный, в очень сжатой форме рассмотренный материал из истории становления и развития направления *эпистемология* в русской философии XIX – начала XX в. подтверждает самостоятельность этого пути как в европейской в целом, так и в русской философии, имеющей свои фундаментальные традиции, которые мы сегодня продолжаем. В США и Великобритании в течение XX – начале XXI в. студенты в университетах изучают эпистемологию как базовый курс и имеют серию постоянных учебников [23; 24]. Очевидно, что сегодня, продолжая традиции, и у нас в стране развивается социальная и культурно-историческая эпистемология, но учебников по эпистемологии пока единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев, Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском / Н.А. Бердяев. – Санкт-Петербург, 1901.
2. Булгаков, С.Н. Философия хозяйства / С.Н. Булгаков. – Москва : Наука, 1990.
3. Валицкий, А. История русской мысли от просвещения до марксизма / А. Валицкий ; пер. на русский В.Л. Махлина. – Москва : Канон, 2013.
4. Кареев, Н.И. Михайловский Н.К. / Н.И. Кареев // Энциклопедический словарь. Т. XIX. – Санкт-Петербург; Лейпциг : Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1896.
5. Кареев, Н.И. Основы русской социологии / Н.И. Кареев. – Санкт-Петербург : И. Лимбах, 1996.
6. Касавин, И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы / И.Т. Касавин. – Москва : Альфа-М, 2013.
7. Кассирер, Э. Философия символических форм: введение и постановка проблемы / Э. Кассирер // Логика культуры. Антология. – Москва; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2009.
8. Кассирер, Э. Проблема взаимоотношения субъекта и объекта в философии Возрождения / Э. Кассирер // Логика культуры. Антология. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 2009.
9. Косарева, Л.М. Социокультурный генезис науки нового времени (философский аспект проблемы) / Л.М. Косарева. – Москва, 1989.

10. Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Б.И. Пружинина. – Москва : Политическая энциклопедия, 2014.
11. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 1 / В.И. Ленин. – Москва, 1958.
12. Мамчур, Е.А. Проблемы социокультурной детерминации научного познания / Е.А. Мамчур. – Москва, 1987.
13. Мамчур, Е.А. Отечественная философия науки: предварительные итоги / Е.А. Мамчур, Н.Ф. Овчинников, А.П. Огурцов. – Москва : РОССПЭН, 1997.
14. Манхейм, К. Идеология и утопия / К. Манхейм // Манхейм К. Диагноз нашего времени. – Москва : Юрист, 1994.
15. Мангейм, К. Структурный анализ эпистемологии : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Москва : РАН ИНИОН, 1992.
16. Микешина, Л.А. Детерминация естественнонаучного познания / Л.А. Микешина. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1977.
17. Пригожин, И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. – Москва : Прогресс, 1986.
18. Сокулер, З.А. Спор о детерминизме во французской философской литературе / З.А. Сокулер // Вопросы философии. – 1993. – № 2.
19. Франк, С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк. – Москва : Республика, 1992. – 511 с.
20. Франк, С.Л. Философские предпосылки деспотизма / С.Л. Франк // Вопросы философии. – 1992. – № 3.
21. Шпет, Г.Г. Антропологизм Лаврова в свете истории философии / Г.Г. Шпет // Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. Ч. 2. – Москва : РОССПЭН, 2009.
22. Gurvitch, J. Determenismes socialux et uberte humaine / J. Gurvitch. – Paris, 1955.
23. Dancy, J. An Introduction to Contemporary Epistemology / J. Dancy. – Oxford : Oxford University press, 1996.
24. Landesman, Ch. An Introduction to Contemporary Epistemology / Ch. Landesman. – New York : Wiley-Blackwell, 1997.

КОГНИТИВНЫЕ ПРАКТИКИ АНАЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ*

Б.В. Марков

Статья посвящена проблеме сравнения аналитических практик современной философии. Такая проблема была поставлена в философии познания Л.А. Микешиной. Она основательно изучила феноменологию, герменевтику, аналитическую философию, структуралистские и постструктуралистские концепции. В ее книге определены границы и возможности методов современной философии. Своеобразие программы Л.А. Микешиной состоит в соединении герменевтики с когнитивными теориями. В статье продолжена эта программа. Она дополнена исследованием методов философской антропологии. Аналитические практики философии сформированы на основе книжной культуры и предназначены для анализа текстов. Развитие образной, «экранный» культуры порождает потребность в аналитике и концептуализации визуального дискурса. Вопрос о том, как мы ориентируемся в образах, решается путем поиска слов, выражающих смысл видимого. В статье раскрыта специфика изучения образов в визуальной антропологии. Предметом анализа также является музыка, дизайн, архитектура. Представлен набор аналитических техник для анализа медиальной культуры. Предложен проект изучения культурного пространства, в контексте которого формируются философские концепции.

Ключевые слова: понимание, объяснение, факты, ценности, оценки, желание, воображение, память.

COGNITIVE PRACTICES OF ANALYTICAL ANTHROPOLOGY*

B.V. Markov

The article is devoted to the problem of comparing analytical practices of modern philosophy. Such a problem was put in the philosophy of cognition of L.A. Mikeshina. She thoroughly studied phenomenology, hermeneutics, analytical philosophy, structuralist and post-structuralist concepts. Her book identifies the boundaries and possibilities of modern philosophy. The originality of L.A. Mikeshina's program is to connect hermeneutics with cognitive theories. This program is continued in the article. It is supplemented by the study of methods of philosophical anthropology. Analytical practices of philosophy are formed on the basis of book culture and are designed to analyze texts. The development of a figurative, "screen" culture generates the need for analytics and conceptualization of visual discourse. The question of how we navigate images is solved by searching for words that express the meaning of the visible. The article reveals the specifics of the study of images in visual anthropology. The object of analysis is also music, design, architecture. A set of analytical techniques for analysis of medial culture is presented. A project to study the cultural space, in the context of which philosophical concepts are formed, has been proposed.

Key words: Understanding, explanation, facts, values, assessments, desire, imagination, memory.

Введение

Поколение, слабо представляющее, какие испытания выпадали на долю предшественников, чаще всего расценивает их как неудачников. Правда, некоторые ощущают зависть в связи с тем, что им уже никогда не представится возможность противостоять этим вызовам. Необходимо преодолеть убеждение, что жизнь является одинаковой во все времена, что опыт одного поколения полностью подходит для другого. Всегда есть возможность

попробовать действовать по-новому, хотя это сопряжено со значительной долей риска. Образцом здесь как раз и может служить интеллектуальная биография Л.А. Микешиной. Она начиналась в 60-е гг. XX в., когда методология науки становилась лидирующей философской дисциплиной. Вместе с другими представителями ее поколения Л.А. Микешина внесла значительный вклад в «социокультурный поворот» философии науки. В 90-е гг. она основательно изучала феноменологию, герменевтику, аналитическую философию, структуралистские и постструктуралистские концепции. Обобщением этого опыта является «Философия познания» – грандиозный труд, в котором реконструированы и сопоставлены ведущие философские направления [10]. Исследуя их границы и

* Исследование выполнено по проекту РФФИ 19-011-00775 Топология культурной памяти в диалоге поколений / The publication was prepared with the support of the grant of Russian Foundation for basic research № 19-011-00775 Topology of cultural memory in the dialogue of generations.

Марков Борис Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры философии, культурологии и социологии Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.

Markov Boris Vasilievich – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophical Anthropology at St. Petersburg State University.

E-mail: b.markov@spbu.ru

© Марков Б.В., 2020

возможности, Л.А. Микешина предложила стратегию диалога гуманитарных практик.

Как известно, философские споры обычно не завершаются общим решением. Консенсус не складывается по той причине, что философы, имея дело с абсолютным, нередко считают себя непогрешимыми. На самом деле никто не знает того, чего не могут знать другие. Поэтому остается диалог, где философы выступают не как представители «мирового духа», а как арбитры, выносящие решение на основе всестороннего обсуждения как самой ситуации, так и её описания. Прежде всего, это касается гуманитарных наук, где позиции наблюдателя и участника событий нередко совпадают. Социальный исследователь всегда втянут в разговор как партнер, интервьюер, слушатель, зритель и включен в речевое взаимодействие личностей. То же самое в истории, где для объяснения событий приходится учитывать не только «историческую необходимость», но и цели, интересы, желания людей. Представители «объективизма», абстрагирующиеся от роли субъективных намерений, на самом деле вовсе не избегают от их влияния. Игнорируя человеческий фактор, они не способны контролировать его реальное воздействие на ход познания.

Как совместить установку участника социального жизненного мира с объективной установкой исследователя? Можно ли соединить когнитивный подход с методами «наук о духе» – феноменологией и герменевтикой, или такая попытка изначально обречена на провал? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно рассмотреть движение навстречу с той и с другой стороны. Поздний Гуссерль ввел в поле феноменологии социальный жизненный мир, а представители постаналитической философии используют понятие ментальности и допускают непосредственный опыт сознания. Своеобразие исследовательской программы Л.А. Микешиной состоит в том, что в ней соединяются, с одной стороны, феноменология и герменевтика, а с другой стороны, когнитивные теории нередуктивного физикализма, оперирующие понятием супервентности. Таким образом, ей удалось построить междисциплинарную, точнее, трансдисциплинарную исследовательскую программу, в которой соединяются кажущиеся взаимоисключающими подходы.

Опираясь на результаты, полученные Л.А. Микешиной, можно продолжить её проект в форме аналитической антропологии. Сегодня в условиях медиального поворота происходит смена медиумов коммуникации. Критико-аналитические методы философии, сложившиеся в рамках книжной культуры, должны быть дополнены техниками анализа звуков и образов, которыми экранная или аудиовизуальная культура воздействует на сознание и поведение людей.

Проблема

Философская антропология сегодня отказывается от «антропоцентризма» и трансформируется в когнитивную науку, претендующую на выявление дорефлексивных антропологических предпосылок познания. Успешно развиваются различные ее модификации от антропологии культуры и религии до антропологии науки. Можно перечислить еще педагогическую, юридическую, социальную, политическую и иные антропологии. Наряду с дифференциацией развиваются и интегративные антропологии. Благодаря этому получены неплохие результаты, свидетельствующие о том, что еще слишком рано говорить о «смерти человека» в том смысле, что его отчуждение достигло максимума, что в современном рыночном обществе он выступает как агент нечеловеческих институтов.

Тезис о «смерти человека» означает окончание эры «человеческой исключительности» [14]. Это призыв к пересмотру классической идеи человека. Речь идет, пожалуй, о самом трудном в философии, о применении её критического метода к самой себе. Это действительно проблема. Как Фрейд не занимался самолечением, в том смысле, что не привлекал методы психоанализа для решения собственных проблем, так Адорно и другие критики идеологии не применяли критическую теорию для преодоления собственных мессианских настроений. Философская антропология, раскрывающая неинтеллектуальные предпосылки познания, сама оказывается как бы вне подозрений. Поэтому возникает задача анализа её собственных предпосылок, т.е. поворот к аналитической антропологии. Некоторые её важные компоненты уже отчасти разработаны, например в визуальной антропологии, указывающей на приоритет образного сознания, в топологической рефлексии, изучающей роль символического культурного пространства, в котором живут и создают люди. Учитывая такие «маргинальные» направления, как антропология моды, дизайна, парфюма и др., пора заняться аналитикой новых медиумов. Дело в том, что практики философствования, сложившиеся на базе книжной культуры, не вполне пригодны для выявления структуры и порядка даже таких феноменов культуры, как, например, изобразительное искусство и музыка.

Феноменология образа и герменевтика слова

Слово «образ» намекает на мимесис, но современное искусство – это, скорее, перформанс, т.е. производство образов на основе собственной изобразительной техники. Хотя существует словосочетание «музыкальный образ», смешно считать, например, марш изображением кавалерийской атаки. Но если музыка и образ воздействуют на человека, как утверждал Ницше, неизмеримо сильнее, чем идеи, то возникает вопрос, как и почему среди

тысячи образов и звуков нас увлекают только некоторые лица и мелодии?

Вопрос о природе образов решается средствами семиотики. Образы воспринимаются по аналогии со словами как носители значений и смыслов. Они определяются как иконические знаки, указывающие на объекты или предписывающие действия. Семиотическая интерпретация сложилась в эпоху письменной цивилизации и привела к нейтрализации визуального, которое воздействует на сознание непосредственно до какой-либо рефлексии. Протест против господства слов возник сравнительно недавно благодаря акциям постмодернистских художников, восставших против засилья смыслового фермента искусства. Одним из первых на это отреагировал М. Хайдеггер, который указал на то, что греки считали, что видимое – это не продукт зрительной способности человека, а форма явления самого бытия, которое показывает себя таким, как оно есть. Слово *истина* должно применяться не к знанию, а к бытию, которое является как Открытое. Но, конечно, не слабые во всемирном масштабе усилия отдельных интеллектуалов привели к визуальному повороту. Коммуникативная революция происходит на наших глазах в результате смены носителей сообщений. Медиумами коммуникации становятся не понятия, а образы.

Для понимания новой медиальной культуры необходимо рассмотреть эволюцию форм коммуникации в горизонте становления письменной цивилизации. Если обратить внимание не только на значение, но и на материю знаков, то требования к их форме были одинаковыми. Документы готовятся в канцеляриях, подписываются официальными лицами и подтверждаются печатью. Все это говорит о том, что их значимость определяется не столько истиной, сколько властными институтами.

Язык обычно определяется как система знаков, которые воздействует на поведение людей благодаря тому, что наделены значениями, являются носителями той или иной информации. Язык регулируется логикой и грамматикой, он является носителем смыслов и значений, которые могут быть проверены. Величественные образы и завораживающие звуки если и имеют какой-то порядок, то он доступен только тем, кого называют гениями. Хотя существует музыкальный слух и художественный вкус, но ни у творцов, ни у зрителей и слушателей нет четких правил, подобных грамматическим и логическим, которые бы определяли гармонию звуков и образов. При этом все понимают, что если одни их сочетания воздействуют на нас сильнее, чем другие, то это свидетельствует о том, что тут все происходит не как попало. Но если в сериальной музыке и в абстрактной живописи существуют

более или менее четкие правила и коды, то выявить их в, так сказать, «натуральных» формах нелегко.

Сторонники перформативной концепции критикуют «изобразительное» понимание искусства и говорят о связи музыки с ритмами организма. К. Леви-Стросс использовал при анализе мифов музыкальные метафоры и образные метонимии. Сходство восприятия музыки и речи состоит в том, что они вызывают работу неких общих ментальных структур. Серийная музыка связывает музыку с математикой. Абстрактная живопись заменяет мимесис конструктом. Леви-Стросс различал две сети – внешнюю, культурную и внутреннюю, природную, которая относится к церебральным явлениям. Этим он объяснял удивительную способность музыки действовать одновременно на разум и на чувства. Музыка раскрывает физиологическую основу культуры, она требует участия тела, она буквально трогает наше сердце, вызывает восторг или грусть. Когда играют или поют для себя или все вместе, тогда достигают гармонии движения и экспрессии. Посредством музыки передают не информацию, а усилие [8: с. 34].

Э. Гуссерль протестовал против семиотической трактовки познания. Воспринимаемые объекты являются не знаками, которые воздействуют исключительно своими значениями, а остаются чувственно воспринимаемыми вещами. «Образ или знак, – писал Гуссерль, – указывает на нечто, лежащее за его пределами, – это нечто, перейдя в иной способ представления, дающее созерцание, было бы доступно постижению "само" по себе. Знак и образ не "изъявляет" своей самостью означаемую (или отображаемую) самость, он не даёт себя. Физическая же вещь не чужда тому, что является чувственно-телесно, но изъявляет себя в нём, причём а priori (по неотменимым сущностным основаниям) изъявляет себя изначально только в нём» [4: с. 21] Причём, отмечал Гуссерль, оболочка, в которой дан носитель физических определений, не является чуждой, не является обманом.

Феноменологию Гуссерля обычно истолковывают как миметическую. На самом деле он отрицал теорию отражения. Произведения искусства (а также реклама, клипы) воздействуют не только информативно, но и сами по себе, так как обладают собственной энергией. Не это ли имел в виду Гуссерль, сделавший центральным актом сознания эйдетическую интуицию? Можно сказать, да и нет. С одной стороны, он описал работу сознания, которая не сводится к интерпретации. С другой стороны, он сохранил символическое содержание, которое, как он полагал, непрерывно сопровождает чувственное восприятие в форме установок, мотиваций, ориентаций и прочих внеопытных и даже непонятных предпосылок. Они априорны в историческом смысле как обобщение опыта генерали-

зованного другого и могут меняться, однако остаются при этом априорными формами проявления абсолютного чистого сознания. Ноэмы, установки, мотивации, дополняющие сенсорные данные, не сводятся ни к образу, ни к языку.

Отсюда остаётся непонятным статус конструкций сознания. Ведь термин «конституирует» столь же сильный, как слово «конструирует». Гуссерль использовал для характеристики переживаний «интенциональность». Её понимают как обозначение непосредственной данности предмета в интеллектуальном созерцании. Но абсолютным Гуссерль называет чистое сознание, существование которого необходимо допустить, даже если нет воспринимающего субъекта. Люди и животные имеют дело с интенциональными или относительными переживаниями. Во-первых, относительны они сами. Человеческие сознания обусловлены природно-биологическими и социально-культурными условиями. Во-вторых, относительны предметы их восприятия, которые интенциональны в том смысле, что конституированы установками, мотивациями и иными предпосылками трансцендентального субъекта.

Настоящим полем приложения феноменологической дескрипции является не столько наука, сколько искусство. Главное открытие Гуссерля состоит в описании разнообразных актов сознания, которые остались вне поля внимания классической эстетики, опиравшейся на идеи Просвещения. Искусство XX в. изображает не столько сами предметы, сколько предпосылки их визуализации. Например, «Черный квадрат» Малевича акцентирует раму, в которую помещается изображаемый объект. Другие художники обращают внимание на правила перспективы и экспериментируют с планами и границами, отделяющими фигуры от фона.

Значимость феноменологии проявляется в эпоху масс-медиа. Её актуальность обусловлена медиальным поворотом в современной культуре, когда уже не книги, а звуки и образы используются для управления поведением людей. Визуальная антропология – молодая становящаяся дисциплина, в которой исследуется современная видеокультура и ее влияние на человека [16]. Оказывается, чувственные переживания тоже не вполне мои и даже не вполне человеческие. Достаточно послушать современную музыку или посетить художественную выставку, чтобы убедиться в искусственности демонстрируемых произведений, в том, что они во многом определены общей атмосферой, экзистенциальным опытом бытия в нашем абсурдном мире. Но это не значит, что исследование искусства переходит в ведение социологов или политологов. Не отрицая широких возможностей их методов, можно уверенно говорить о необходимости философской рефлексии новых медиа.

В рамках прежней, «книжной» культуры облагораживание, нормализация поведения людей осуществлялись посредством устного (лекции) и письменного (книги) слова. Различные теоретические методы и техники исследования, в том числе и философские, приспособлены в основном для анализа текстов. Развитие образной, «экранный» культуры порождает потребность в аналитике и концептуализации визуального дискурса. При сравнении изображений классического и современного искусства обнаруживаются отличия самой фигуры наблюдателя [11]. Если раньше удвоение реальности позволяло раскрыть нечто новое в мире, то теперь экран не просто замещает, а как бы устраняет реальность, заменяя её «гиперреальностью».

Одним из первых это уловил И. Кант, разработавший проект «трансцендентальной эстетики». Он доказывал, что образы – продукт чисто человеческого сознания. Поэтому в искусстве их оценка подчинена эстетическому вкусу [9: с. 20]. Если истина объективна, то вкусы – субъективны, и хотя о них не спорят, они принудительны. Своеобразие суждения о вкусе Кант видел в том, что его всеобщность достигается без помощи понятия. Это общее чувство, признание которого не требует каких-либо процедур обоснования и доказательства.

Тем не менее открытие Канта не привело к отказу от репрезентативной эстетики. В России ее критиковал нигилист Писарев, а в Германии значительный вклад в ее преодоление внес Ницше, пересиливший сложившиеся различия между этическим и эстетическим. В своем предисловии 1886 г. к «Рождению трагедии» Ницше просит взять на заметку выдвинутое им положение о том, что *метафизической* деятельностью человека по существу выставляется искусство, а не мораль.

Хайдеггер интерпретировал Ницше на основе кантовской эстетики, согласно которой «прекрасно» то, что нравится как таковое. По Канту, прекрасное открывается нам, как свободное от всякого интереса. Согласно Шопенгауэру, эстетическое состояние представляет собой угасание воли, успокоение всяческого стремления, чистое отдохновение, нежелание-ничего-больше, погружение в безучастность. По мнению Ницше, эстетические ценности покоятся на биологических ценностях. Искусство как сопротивление нигилизму призвано к тому, чтобы заложить основу для утверждения новых ценностей. Искусство для Ницше есть высшая форма воли к власти. Мы мыслим красоту как нечто, достойное наибольшего почитания. Если искусство обретает свою подлинную сущность в большом стиле, тогда это значит, что мера и закон полагаются в усмирении хаоса и опьяняющего начала.

Феноменология и критическая теория

Цивилизационное значение классического искусства состояло в том, что оно как бы вырывало

человека из кокона индивидуального существования и выводило на героический путь служения высшим ценностям. Это не то искусство, которое сегодня культивируется рынком и выступает либо дорогим товаром для наслаждения богатых, либо дешевым суррогатом для управления беднотой. Классическое искусство выражало вечные ценности, оно уводило из повседневности в мир прекрасного. Мастера современного искусства не отличают прекрасное от безобразного, культурное от некультурного. Отказ от канонов высокого искусства парадоксальным образом привел к эстетизации мира. Это является заслугой дизайнеров, которые способствовали преодолению противоположности реальности и искусства. Классическое искусство в своей основе было утопией. Сегодня она реализуется благодаря новым технологиям. Эстетический вкус формируется с учетом интересов экономики.

В эпоху знаковых событий искусство становится сферой услуг, а произведение – товаром. Его ценность определяет не мастерство художника, а реклама в форме презентации, где должны присутствовать знаменитости и зеваки, циркулировать сплетни и случаться скандалчики, благодаря которым, собственно, и возрастает цена товара. Манипулирование финансами становится более важным, чем творчество. Претензия на подлинность уступает место требованиям массового вкуса.

В связи с «гиперреальностью» массового искусства в постмодернистской философии было актуализировано платоновское определение произведения искусства как симулякра. По Платону, художник похож на черта, который обманом покупает души людей. И это не проявление resentment, зависти философа к поэту и художнику. Подозрение, как и удивление, – основа философии. Одиссей победил Медузу, показав ей собственное лицо. Вопрос в том, не побоятся ли философия посмотреть на саму себя, а главное, каково зеркало, с помощью которого это можно сделать.

На феноменологию можно посмотреть сквозь призму теории отчуждения Маркса и психоанализа Фрейда. В первом случае речь идет о капиталистической экономике, которая накладывает свой отпечаток не только на идеологию, но и на культуру. Если у Гуссерля мы, кажется, не встречаем следов влияния Маркса, то Хайдеггер его внимательно читал и цитировал: «То, что Маркс называл отчуждением, я называю забвением бытия» [12: с. 207]. Наоборот, политику Ленина, особенно программу электрификации, он расценивал как проявление американского проекта промышленного освоения мира [13: с. 184].

Подключение к марксизму психоанализа было осуществлено, хотя и по-разному, ещё Э. Фроммом и Г. Маркузе. Сегодня задача согласования трех великих философских проектов остается по-прежнему

актуальной. Современные критические исследователи Т. Адорно, Г. Маркузе, Ж. П. Сартр, М. Фуко, Ж. Делёз, Ж. Бодрийяр и др., опираясь на идеи Маркса, предприняли интересные попытки развития стратегий эмансипации от идеологии. Разработка феноменологического и герменевтического проектов в России началась еще до революции. В 70-е и 80-е гг. XX в. интерес к ним проснулся в связи с осознанием границ позитивистской и постпозитивистской методологии науки. В 90-е гг. в нашей стране произошел настоящий культурный взрыв, актуализировавший методологию гуманитарных наук.

В гуманитарных науках ученый, изучающий общество, сам к нему принадлежит. Он должен как-то образом «относиться» к изучаемой реальности, должен «понимать» её, а для этого – быть участником. «Отношение» участия отличается от нейтрального наблюдения тем, что это особого рода жизненный, экзистенциальный опыт переживания традиций. Религиозные, идеологические, моральные ценности – весьма мощные факторы исторического развития. Их понимание является не только когнитивной, но и социальной практикой, направленной на самоизменение общества. Весь этот массив духовного опыта также нуждается в критическом анализе и обосновании. Теоретические исследования становятся работой по производству общества.

Топологическая рефлексия

Можно расширить поле когнитивных практик, реконструированных Л.А. Микешинной. Прежде всего, это можно сделать на примере анализа социальных и культурных пространств, метрика которых также влияет на работу сознания. Общество – это не только результат договора между людьми, но, прежде всего, исторически сложившаяся и, вместе с тем, искусственная по сравнению с природой среда обитания. Элементами общественного пространства является совокупность архитектурно, технически и символически обустроенных социальных контейнеров, где приняты те или иные нормы поведения, и в ответ на одни действия люди ожидают других. Общественное пространство отличается от геометрического наличием культурной символики. Различаются экономическое и моральное, приватное и публичное пространства, а также пространства развлечения и отдыха – кафе, городские парки, центры отдыха, клубы и т.д. В каждом из них существует своя «разметка», в соответствии с нею складываются свои коды поведения. Благодаря этому каждый знает, каким образом окружающие будут реагировать на те или иные действия. В каком-то смысле это похоже на игру, например, в шахматы. Причем правила поведения во многих пространствах являются неписаными. В случае, когда соблюдение порядка является особо значимым, вывешиваются инструкции. Благо-

даря этому общественная жизнь протекает более или менее нормально.

Историю культуры можно рассмотреть как поиск способов жить вместе. Прежде всего, людей объединяла территория. Они имели общий опыт и технологии её освоения, а также культурную память в форме мифов и сказаний, одинаковые верования, общие культы и ритуалы. В небольших сообществах жители пребывали под взглядом друг друга, и при этом каждый мог высказать свое мнение о поступках другого. Поскольку ценился род, а не индивид, то воспитывались общественные добродетели. Жертвуя личными интересами, индивид обретал защиту общины. Изгнание за проступок обрекало на рабство или смерть.

Сегодня говорят о прогрессе свободы, но социальное пространство не способствует её реализации. В больших городах люди либо пребывают наедине с собой, либо превращаются в толпу, ищущую зрелищ. На работе, в супермаркетах, в центрах развлечений индивиды находятся в непосредственной близости, но не замечают друг друга. Бросается в глаза отчужденность. Толерантность на практике – это какой-то невидимый барьер для общения. Раньше посещение соседней деревни давало информации, разумеется, не больше, чем Интернет, но сообщаемые новости воспринимались с воодушевлением, а не с характерным для горожан безразличием. Конечно, и раньше участие граждан в общественной жизни нередко сводилось к передаче разного рода слухов, однако в целом люди ощущали себя частью единого целого и оказывали реальную поддержку друг другу.

Началом новой истории стала французская революция, породившая страх элиты перед толпой. Ее пытались организовать при помощи демонстраций и митингов. Потом политическая жизнь перешла с улиц в конгрессы и дворцы съездов. К сожалению, роль таких мест не прописана и нет специальной науки о таких социальных пространствах. В XX в. гигантским архитектурным коллектором для разрядки огромного числа агрессивно настроенных людей становится стадион. Открытый в глубокой древности эффект арены Колизея возродился спустя тысячелетие. Стадион – прямая противоположность агоре, где консенсус достигался на основе речей. Единство реализуется в форме слияния индивидов с фигурой победителя. Во время Олимпийских игр эффект возбуждения приобретает планетарный характер. То, что называют единством, – это продукт общественных коллекторов, оснащенных такими медиумами, как громкоговорители и телекамеры, не упускающих ни одного события, в курсе которых, благодаря ежедневной прессе и телевидению, должен быть каждый.

Геофилософия

В качестве ответа на вызов глобализации можно реанимировать намеченную еще Гуссерлем программу геофилософии. Это не геополитика, хотя между ними есть общее, а именно – протест против абсолютизации роли идей, духа, морали в истории народов. Геополитика делает акцент на территории. Это не столько географическое, экологическое и климатическое образование, сколько государственные границы, рубежи защиты и обороны. Геофилософия исходит из приоритета культурного ландшафта, который представляет собой символическую вселенную, которая близка природе. Например, философия Хайдеггера опирается на восприятие природы как живого. Это мировосприятие в России развивал В. Бибихин [3]. Природа – не объект преобразования, не промышленное сырьё, а нечто близкое нам. При этом природный ландшафт структурируется, оформляется, кристаллизуется в разные исторические периоды по-разному.

В «Номосе Земли» К. Шмитт, вместе со Шпенглером, Хаусхофером и другими геополитиками, реанимировал органическое понимание истории, согласно которому не философские идеи, а порядок жизни на определенной территории, необходимость ее культивирования и защиты определяют то, что иногда называют национальным характером [15]. В постмодернистской манере эти идеи повторил Ж. Делёз. Он считал причиной отчуждения (кризиса Европы) капитализм, который взламывает коды земли и рода, детерриториализует мысль, но при этом не только опустошает ее, как бы сейчас сказали, цифровым мышлением, а задает новые метафоры (Эдип), управляющие поведением людей на бессознательном уровне [5]. Отношения обмена разрушают справедливость. Порядки полиса и экономики противоречат друг другу.

В процессе глобализации происходит унификация мирового рынка и трансформация международного права, основанного на соблюдении интересов национальных государств. Номосы Земли и моря, леса и степи уходят в небытие, остается мыслящий деньгами разум, действующий на всех территориях. Но при этом никакого интернационализма нет. Сакральным центром глобализации остаётся Европа. По мнению М. Каччари, либеральная конверсия государства по формуле верховенства права лишь ускоряет кризис Европы [7]. В противовес политической теологии К. Шмитта можно утверждать, что в машине современного государства не спрячено никакого Бога. Даже холодная война на самом деле – это борьба за рынки.

Известный тезис о «конце истории» выражал оптимистичную веру в то, что закончилась азиатская фаза истории. В 90-е гг. народ, политики и интеллектуалы радовались окончанию холодной

войны, объединению Европы. Тревоги, конечно, были, но все надеялись на хороший результат, так как источником вражды считали коммунистическую Россию, разжигавшую мировую революцию. Редко кто понимал, что Европа тоже должна перестроиться, в частности, избавиться от ксенофобии. Сегодня вновь стоит вопрос: сможет ли Европа реализовать универсалистскую утопию при условии рискованного признания конфликтности своего и чужого?

Прошедшие десятилетия показали, что либеральные ценности утратили приоритет. Во-первых, начала подниматься с колен Россия. Поэтому реанимировался прежний образ врага. Во-вторых, поток мигрантов вызвал резкий протест у европейцев, заставил отречься от либеральных ценностей мультикультурализма и толерантности. Всё пошло по сценарию Шмитта, а не Хабермаса. Снова в моде сравнения общества с концентрационным лагерем [1], а также концепции, реанимирующие практики жертвоприношения и насилия [6]. Скорее всего, ужасное прошлое, конечно, не повторится. Образ чужого претерпел глубокую трансформацию. По сути, так называемые постимперские исследования – это самопротиворечивый и саморазрушительный проект. Задача теоретиков – предсказать характер будущей конфронтации, а политиков – искать практические способы снижения конфликтности.

Биополитика и вирусология

В отличие от Делёза Фуко назвал трансформацию современной власти биополитикой, искусством управления населением. Это форма власти, в отличие от господства, опирается на знания о демократии, о нормах потребления, ресурсах питания и т.п. Главные концепты: жизнь, население, работа. Сегодня в условиях объявленной пандемии понятие биополитики приобретает иной смысл. Пора поставить принципиальный вопрос о вирусологии. Она сегодня лидирует на медийном рынке. Дело не ограничивается открытием антидота. Понятия вирусологии входят в естественный язык, оживляя старые метафоры друга и врага. Философы вопрошают: кто такие вирусы, можно ли им приписать свойства субъекта? Обычными людьми эти невидимые существа воспринимаются как враги. Если кинематограф переключится с инопланетян на вирусы, то, несомненно, будет изображать их как маленьких чудовищ.

Пандемия поставила человека перед лицом смерти. Она напомнила нам, что параллельно политическим и экономическим событиям, происходившим на протяжении XIX и XX вв., творилась другая история. Это история развития биологических и культурных паразитов – разного рода вирусов, в том числе компьютерных и медийных, которые сбивают культуру с ее истинного жизненного пути. Именно это и произошло с Западом в начале XX в., а сегодня весь мир должен четко осознать,

что он заражен вирусом глобализации и болен культурной дисторсией. Это не означает, что нужно мыслить представителей чужих культур по аналогии с антителами, раковыми клетками. Организмы существуют в окружающей среде, получают извне, прежде всего, пищу, которую поглощают, усваивают, перерабатывают и выделяют. Для этого существуют каналы подсоединения, а также разного рода мембраны и фильтры. Осознавая условность как органицистских, так и функционалистских метафор, на практике необходимо строить отношения и между общественными организмами, принимая во внимание не только борьбу, но и кооперацию.

Здоровье как биологических, так и культурных организмов определяется высоким иммунитетом по отношению к чужому и одновременно способностью воспринимать полезные внешние факторы. Конечно, эта модель должна быть использована в философии с некоторыми предосторожностями, но не стоит забывать об иммунитете. Открытие И. Мечникова интересно как раз тем, что антитела могут играть защитную роль. Безопасность организма зависит не только от непроницаемости границы, но и от внутренней сопротивляемости. Организмы, в том числе и культурные, являются открытыми системами, чужое, внешнее является, с одной стороны, опасным, а с другой стороны, полезным для внутреннего развития. Например, пребывание за железным занавесом напоминает профилакторий, очищенный от вирусов чужого. Но его обитатели утрачивают иммунитет и становятся беззащитными, если перегородки разрушаются. Точно также недовольство режимом может зародиться как внутри общества, так и подогреваться извне. Отсутствие внутреннего иммунитета проявляется в том, что люди смотрят на себя глазами чужого.

Проект инверсионной или негативной антропологии следует оценивать не как описание и, тем более, смакование «ужасного», а как попытку преодоления жестких различий «животного» и «человеческого», которые без каких-либо сомнений, часто анонимно, принимаются как исходные предпосылки научных исследований [2]. Необходимо выявить не только разрушительные, опасные последствия негативного, но и позитивные результаты борьбы или игры с тем, что не переживается, но существует. Опыт запредельного, балансирование на границах возможностей человеческого существования также нуждается в философской концептуализации.

Заключение. Философия экстремальных ситуаций

Философия как форма критики настоящего сопровождается постоянной модернизацией, которая, собственно, и является предметом споров. Она должна учитывать, ухудшится или улучшится положение человека, который будет жить на основе ее

принципов. Правда, философия не всегда соответствует этому требованию. Например, Декартово радикальное сомнение является методическим, но не экзистенциальным. Сомнение как форма эмансипации возможна при такой институциональной власти, которая не сталкивается с серьезным случаем. Есть области, где нельзя достигнуть консенсуса, и с этим надо как то жить. Жить в состоянии конфликта и даже войны. Конечно, цинично заявлять, что война лучше мира. Но столь же неосмотрительно думать, что во всех вопросах можно прийти к согласию.

Существует ли такое непереживаемое, которое не принадлежит к разряду переживаемого, однако может быть рассказано или описано? И кто знает, можно ли описать все пережитое? А можем ли мы пережить и увидеть остаток исчезнувшего, хотя бы благодаря метафоре, которая граничит с переживанием? Подозрение не уводит от мира, в котором непереживаемое есть нечто мнимое. Оно там, откуда никто не возвращается. И все же никто не может отрицать, что если такого рода опыт существует, то оно есть.

Можно дать дефиницию тому, о чем не говорит дух времени: это экстремизм. Экстремист – это тот, кто реализует серьезный случай, создает условия его реализации. Недействительное, которое реализуют экстремисты, – основа артефактов, в которых симулируется серьезный случай. Потребность быть уверенным в своей стабильности в экстремальной ситуации заставляет искать такие переживания, которые непосредственно граничат с непереживаемым. Есть такие люди, которые желают это попробовать, даже посредством симуляции. В любом случае они надеются, что смогут вытерпеть трудности и проверить себя в рискованной ситуации. Несомненно, это является базисной потребностью человека. Людей, способных выдержать трудные испытания, называют стойкими. Однако есть такие ситуации, когда речь идет не о самоиспытании, а о чем-то существующем вне нашего мира. Речь идет об условиях существования, которые радикально отличаются от тех, к которым мы привыкли.

Нельзя отрицать стремление знать наперед, что будет потом. Выход состоит не только в том, чтобы избегать экстремальных ситуаций. Суть дела в том, что в случае проявления угроз возможны разные реакции людей. Различные формы осмысления начала пандемии сходятся в том, что была необходима попытка сопротивления. До сих пор попытки самоиспытания для большинства были артефактом. Речь не шла о физической угрозе существования.

Например, любые виды игры – это артефакты, не связанные с приближением к границам выживания. Также нарастающие сегодня игры с властью – это выдумка, которая не имеет дела с реальностью, не сталкивается с чужой волей, произволом, давлением силы. Такие игры опираются на допущение, что нет никакой реальной или виртуальной власти, воздействующей на людей, предполагается, что ничего не нужно бояться. Тем, кто хочет любой ценой испытать ужас пограничного опыта, следует напомнить, что есть объективный порог, за которым существование становится невозможным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен, Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен. – Москва : Европа, 2011. – 256 с.
2. Агамбен, Дж. Открытое: Человек и животное / Дж. Агамбен. – Москва : РГГУ, 2012. – 112 с.
3. Бибихин, В.В. Лес / В.В. Бибихин. – Санкт-Петербург : Наука, 2011. – 425 с.
4. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. – Москва : Лабиринт, 1994. – 110 с.
5. Делёз, Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – Екатеринбург : Фактория, 2007. – 672 с.
6. Жирар, Р. Насилие и священное / Р. Жирар. – Москва : НЛЮ, 2010. – 448 с.
7. Каччари, М. Геофилософия Европы / М. Каччари. – Санкт-Петербург : Пневма, 2004. – 186 с.
8. Леви-Стросс, К. Сырое и приготовленное / К. Леви-Стросс. – Москва; Санкт-Петербург : Университетская книга, 1999. – 406 с.
9. Лиссман, К.П. Философия современного искусства / К.П. Лиссман. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет, 2011. – 220 с.
10. Микешина, Л.А. Философия познания. Полемика главы / Л.А. Микешина. – Москва : Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.
11. Савчук, В.В. Медиафилософия / В.В. Савчук. – Санкт-Петербург : Русская Христианская Гуманитарная Академия, 2013. – 296 с.
12. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Время и бытие. – Москва : Республика, 1993. – С. 192–220.
13. Хайдеггер, М. Парменид / М. Хайдеггер. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2009. – 384 с.
14. Шеффер, Ж.-М. Конец человеческой исключительности / Ж.-М. Шеффер. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – 392 с.
15. Шмитт, К. Номос Земли / К. Шмитт. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2008. – 670 с.
16. Ямпольский, М.Б. Наблюдатель. Очерки истории видения / М.Б. Ямпольский. – Москва : Ad Marginem, 2000. – 269 с.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-30-35

К ИДЕЕ МНОГООБРАЗИЯ ВИДОВ ПОЗНАНИЯ: СПЕЦИФИКА И СТАТУС ПРАКТИЧЕСКОГО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ЗНАНИЯ

Н.И. Мартишина

Одним из главных направлений развития современной философии познания представляется исследование познания как внутренне многообразного процесса, включающего принципиально различные способы осуществления познавательной деятельности. В качестве наиболее универсальных из них обычно рассматриваются обыденное, научное, художественное, религиозное и мифологическое познание. Статья посвящена обоснованию необходимости выделения, наряду с перечисленными, также специализированного практического (или предметно-практического) познания как специфического способа производства знания в рамках сложных видов практической деятельности. Специализированный характер отличает его от обыденного познания, а ориентация на эффективность, в противоположность поиску истины, – от научного познания. Описание разновидностей специализированного практического познания позволяет продемонстрировать его распространенность в культуре.

Ключевые слова: типология познания, виды познания, способы познания, формы познания, обыденное познание, практическое познание, специализированное практическое познание, предметно-практическое познание.

TO THE IDEA OF THE VARIETY OF COGNITION TYPES: SPECIFICITY AND STATUS OF PRACTICAL SPECIALIZED KNOWLEDGE

N.I. Martishina

One of the main directions of development in the modern philosophy of cognition lies in the study of cognition as an internally diverse process, including fundamentally different ways of cognitive activity, which interact and complement each other. The most universal of them are ordinary, scientific, artistic, religious and mythological cognition. The article is devoted to the substantiation of the idea to add to this list of knowledge types the specialized practical (or subject-practical) knowledge as a specific way of producing knowledge in the framework of complicated practical activity. The specialized nature distinguishes this type of knowledge from ordinary one, and the orientation toward efficiency, as opposed to the search for truth, gives a difference from scientific knowledge. The description of varieties of specialized practical knowledge allows to demonstrate its prevalence in culture.

Key words: variety of cognition, types of cognition, methods of cognition, forms of cognition, ordinary knowledge, practical knowledge, specialized knowledge, subject-practical knowledge.

Разрабатывая свой проект философии познания XXI в., во многом определившей приоритеты и контуры развития этой тематической области сегодняшней отечественной философии, Л.А. Микешина указала в числе других важнейших направлений движения от абстрактной теории познания к содержательному и реалистическому его исследованию на необходимость внимания к богатству познавательного опыта и многообразию когнитивных практик как на уровне философской, гуманитарно-научной и художественной репрезентации познания, так и на уровне самого совокупного познавательного процесса. Одним из главных принципов философии познания, отвечающей вызовам эпохи, должна быть «переоценка фундаментализма, признание многомерного образа реальности, а также неустранимой множественности отношений и «точек зрения», отношения дополненности и взаимодействия между ними» [9: с. 53].

Развитие этой идеи в отечественной философии изначально было связано с описанием вненаучных видов познания (религиозного, художественного и

др.) как полноправных составляющих совокупного познавательного процесса [3] и в дальнейшем охватывало растущее количество концептуальных форм различного уровня, также трактуемых (в одном из своих аспектов) как возможные способы производства знания: таковым представлялись «не только истинное научное знание, но и заблуждения, фантазии, верования, убеждения, предрассудки и обыденные представления, эмоции и нравственные решения... Ибо эти феномены формируют определенную картину мира, в которой живет человек, свидетельствуют об уровне освоения им реальности, о характере практикуемой деятельности и общения. Они, тем самым, позволяют человеку достигать функциональной регулярности в окружающем мире, являются формой его встроенности в мир, а потому и по своему коррелируют с этим миром, говорят о нем – с той или иной степенью соответствия» [4: с. 11].

На мой взгляд, это одно из магистральных направлений развития современной теории познания, если мы действительно хотим построить реали-

Мартишина Наталья Ивановна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Сибирского государственного университета путей сообщения (г. Новосибирск).

Martishina Natalya Ivanovna – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Culturology at Siberian Transport University (Novosibirsk).

E-mail: nmartishina@yandex.ru

© Мартишина Н.И., 2020

стическую картину последнего: познание, как оно происходит в современном обществе и в деятельности современного человека, лишь в самом абстрактном виде может быть сведено к иерархическому разграничению научного и обыденного уровней и в действительности представляет собой конгломерат активно взаимодействующих между собой способов понимания мира, каждый из которых имеет не только свою тематическую направленность, но и собственные постулаты, специфическую логику познавательного освоения мира. Принятие этой позиции в качестве отправной точки исследования сделало описание познания в современной философии существенно более содержательным.

Концепция многообразия видов познания инициирует ряд философских вопросов, к числу которых принадлежит, в частности, проблема классификации вариаций познания. Следует ли говорить о видах, типах, уровнях, формах или каких-то иных классификационных единицах познания [2 : с. 36]? Верно ли, что в этой типологии существуют более универсальные и подчиненные им иерархически способы познания и как они могут быть соотношены? Представляется, что эти вопросы не требуют особого формально-терминологического усложнения и вполне могут быть решены конвенционально, исходя из общей логики таксономических построений, в которой традиционно основной структурной единицей систематики является вид. Этой традиции главным образом следует сложившаяся в отечественной философии языковая практика, в соответствии с которой *видами* познания именуют в первую очередь всеобщие логико-гносеологические системы производства концептуальных представлений о мире в целом и различных аспектах его бытия – научное, мифологическое, художественное, религиозное, философское познание. Например, в формулировке В.С. Степина: «Наука – особый вид познавательной деятельности... Как вид познания наука взаимодействует с другими его видами: обыденным, художественным, религиозно-мифологическим, философским» [13: с. 561]. В составе видов познания могут быть выделены подсистемы, обладающие гносеологической спецификой и использующие собственные познавательные средства (естественно-научное и социально-гуманитарное научное познание, сциентистский и несциентистский тип философствования, т.е. в данном случае распространено обозначение их как *типов*). От видов познания, универсальных по отношению к объекту познания (для перечисленных видов познания это могут быть самые различные природные и социальные явления и процессы) отличаются способы осмысления областей реальности, складывающиеся в рамках определенных форм сознания (нравственное познание, социальное познание). Их специфику определяет изначальная предметная локализация (так, объектом нравственного

познания, имеющего функции нормирования и оценки, может быть только деятельность акторов, обладающих субъектностью), и оправданным представляется определение их как *форм* познания (и форм знания как результата познавательной деятельности). Наконец, можно указать также на наличие гибридных систем познания, возникающих на стыках различных видов познания и обладающих характеристиками различных видов. Так, на стыке науки с обыденным познанием развивается протонаучное знание, в поле взаимодействия науки и религии – оккультные науки и т.д. (подробнее об этом в [8]); поскольку и в этом случае речь идет о достаточно локальных когнитивных феноменах, понятие «форма» также вполне уместно. (Подчеркнем еще раз, что в литературе при описании многообразия познания существуют и другие варианты использования приведенных терминов, но пока споры по этому поводу представляются несколько схоластическими; содержательная сторона темы гораздо интереснее.)

Взгляд на познание как пространство взаимодействия различных видов, типов и форм, каждая из которых выполняет свои гносеологические функции, будучи в этом выполнении не до конца заменимой, оказывается в современных условиях значительно более методологически эффективным, чем унифицированная или иерархическая концепция познания. Во-первых, только с этих позиций можно адекватно понять закономерность и даже необходимость присутствия в культуре таких феноменов, как современный миф – осмысление новых реалий, вплоть до феноменов информационного общества, посредством присущих мифомышлению логико-гносеологических процедур. Во-вторых, такой подход позволяет отслеживать тенденции в изменениях общественного сознания, потому что определенная часть этих изменений заключается в перераспределениях «веса» различных видов познания в совокупном познавательном процессе. В частности, речь идет о сохранении и даже некотором увеличении значимости вненаучного знания в современном массовом сознании. Б. Винн в свое время определил это явление как «вынос науки за скобки» [18]: наука, объективно играя возрастающую роль в жизни современного общества, перестает восприниматься в качестве постоянно присутствующего в ней фактора – с одной стороны, достижения научно-технического прогресса становятся слишком привычными и легкими в использовании, с другой стороны, происходит разрыв массового сознания с наукой переднего края. В результате, вопреки ожиданиям, научно-технический прогресс не предопределяет повышение уровня научности познавательного освоения мира человечеством, а напротив, сопровождается смещением баланса между наукой и вненаучными видами познания в пользу последних. И, в-третьих, такой подход

позволяет быть внимательным к таким эмпирически наблюдаемым изменениям в познавательном комплексе, как возможность дальнейшей дифференциации познания вплоть до обособления новых его видов. На определившуюся в настоящее время возможность концептуализации одной из таких тенденций мне и хотелось бы обратить внимание в данной работе. На мой взгляд, представляется возможным говорить о формировании в современной культуре, в дополнение к традиционно выделяемым видам познания, нового самостоятельного вида – специализированного практического или предметно-практического познания и соответствующего вида знания как его результата.

Хотя характеристика познания как практического стандартна для отечественной философской литературы, в качестве особого вида познания практическое познание до настоящего времени сравнительно редко становилось предметом философской рефлексии. Его выделение обычно осуществляется в связи с иными основаниями – либо в контексте характеристики уровней познания (теоретическое «знание-что» и практическое «знание-как»), либо в описании всеобщих форм взаимодействия человека с миром (практическое, духовное-практическое, духовное освоение мира человеком). В наиболее общем определении любое познание в конечном счете связано с практикой. В несколько более узкой трактовке практическим называют познание, которое в пределах практики и остается, будучи направленным на непознавательные цели. Например, в формулировке М.В. Трапезникова: «Практическое познание ориентировано на то, чтобы способствовать получению некоторого жизненного блага, способного удовлетворить человеческую потребность», тогда как «Наука и проводимый по ее правилам научный эксперимент соответствуют установке "Знание ради знания"» [14: с. 22]. Еще ближе к предлагаемой идее лежат концептуальные разработки, в которых практическое познание соотносится с обыденным познанием и трактуется как пересекающееся, но не совпадающее с последним. Так, Я.Б. Пукшанский разграничивает обыденное практическое и жизненно-практическое знание [12: с. 22]; М.Т. Андрушенко пишет о существовании «не одного, а, по крайней мере, двух типов донаучного познания. Первый – обыденный – связан ... с бытом. Второй – выходящий за пределы быта – связан с собственно практикой» [1: с. 43]; аналогичную идею высказывает В.Ф. Юлов: «Форм практического познания весьма много – здравый смысл, или обыденное познание, профессиональный опыт: опыт рабочего-станочника, опыт повара, опыт врача, военное искусство и многое другое» [16: с. 5]. Представляется целесообразным выделить и концептуализировать в качестве специфического вида познания именно последнюю форму практического познания, до сих пор растворившегося где-то в

непосредственном приближении к обыденному познанию, но на самом деле отличного от него.

Впервые в отечественной философской литературе посвятивший предметное исследование практическому познанию в специальном значении термина С.П. Щавелев предложил следующее его определение: «Так предлагается именовать процессы отражения и конструирования действительности, выработки и принятия решений, оценки эффективности их исполнений внутри продолжающейся практики; когнитивные моменты материально-преобразующей деятельности людей» [15: с. 43]. Он также разграничивает это познание с обыденным, указывая на его связь не с бытом, а именно с практикой как целенаправленной деятельностью и специализированным опытом, прежде всего трудовым, профессиональным или, во всяком случае, приобретаемым при углубленном погружении в определенное занятие (а не в процессе повседневной жизни, как в случае с обыденным познанием). Напротив, обыденное знание в его трактовке далеко не полностью является практическим, поскольку на обыденном уровне могут осмысливаться вещи, не имеющие непосредственного утилитарного значения для человека [15: с. 64]. Правда, при характеристике типологии практического познания автор отчасти возвращается к его объединению с обыденным, указывая в качестве его проявлений, например, на этническое познание (неизбежно связанное с культурной повседневностью), «народную мудрость» (причем речь идет об универсальном общечеловеческом опыте), повседневный опыт индивида, а также включая в состав практического познания мифологическое и паранаучное познание и др. На мой взгляд, «ядром» описываемого автором практического познания является «опыт квалифицированного труда, профессиональных занятий работников разного профиля» [15: с. 157], которым владеет мастер того или иного дела (не обязательно профессионал, но не дилетант в данной области).

Представляется, что было бы уместно опять-таки конвенционально решить проблему терминологического обозначения и в том случае, когда мы говорим не о практическом познании вообще, а об этой последней категории – познании, происходящем в рамках различных специализированных практик – использовать термин «специализированное практическое познание» (поскольку это основная характеристика, отличающая его от обыденного знания) или «предметно-практическое познание» (поскольку оно всегда связано с вполне определенным предметом). Предложим в дополнение к приведенному выше определению практического познания определение практического *знания*: это устойчивые комплексы сведений, концентрирующихся вокруг определенных видов и сфер практической деятельности и обеспечивающих эту деятельность. Именно такое

познание исторически присутствует в культуре как необходимая составляющая совокупного познавательного процесса, и именно такое знание быстро растет в настоящее время в связи с углубляющейся специализацией и усложнением практики.

Можно выделить несколько основных разновидностей знания данного вида. В историческом определении это огромный пласт технологического, рецептурного опыта, который веками служил основой различных, подчас очень сложных производственных процессов, вплоть до эпохи модерна мало зависевших от науки. Это именно те знания, которые позволяли строить пирамиды, храмы, дороги и водопроводы, мосты и корабли, изготавливать посуду, краски, мыло, добывать руду и выплавлять металлы, охотиться и разводить скот, организовывать сельхозработы по годовому циклу, использовать целебные травы и т.д. – «всегда, задолго до первых ростков подлинного научного знания и потом независимо от него» [15: с. 69]. Это знание и до сих пор сохраняется в ряде областей деятельности, дополняя научное и иногда обнаруживая неожиданную эффективность (методики народной медицины). Своеобразным направлением развития этой разновидности практического знания в наши дни является его расширение за счет включения специализированных знаний о некоторых видах деятельности, которые раньше однозначно относились к сфере быта, а в обществе потребления превратились в возможные услуги и соответственно начали профессионализироваться: уборку теперь можно заказать клининговой компании, организацию семейного праздника – ивент-агентству, подбор гардероба – персональному стилисту, извинения перед обиженным партнером – психологической службе, а планирование ближайших лет жизни – дизайнеру карьеры. С превращением этих и других аналогичных действий в профессиональные практики в них отчасти искусственно создаются, отчасти действительно накапливаются эмпирические обобщения, приемы решения типичных проблем и секреты профессионального мастерства. Иногда такие разработки оказываются суперуспешными (один из недавних примеров – метод «гуру уборки» Мари Кондо [6]), причем это не обязательно чисто маркетинговая успешность. В современных условиях подобные тематические комплексы практических знаний обычно систематизированы, включают такие формы организации знания, как законы, типологии, классификации, и демонстрируют определенный уровень аргументированности изложения.

К описанным формам практического знания примыкают, с одной стороны, знания того же рода, но существующие не в отношениях внешней дополненности с наукой, а внутри самого научного комплекса – практические приемы деятельности исследователя, инженера, химика, врача, педагога и т.д., приобретаемые вместе с теоретической профессио-

нальной подготовкой и составляющие неотъемлемую часть последней. М. Полани, одним из первых посчитавший принципиальным тот факт, что «в самом сердце науки существуют области ... знания, которое через формулировки передать нельзя» [11: с. 89], обозначил его как «личностное знание», подчеркивая, что набор таких знаний в конечном счете является индивидуальным. «Личностное знание», по М. Полани, включает в себя различные компоненты, в том числе общекультурную подготовку, мировоззренческие установки и другие теоретические источники. Но определенную часть его составляет то самое практическое мастерство, которое приобретается человеком в результате включения в деятельность, подражания ее образцам, выводов из собственных и наблюдаемых попыток выполнить действие наилучшим образом. Таково в примере М. Полани умение читать рентгенограмму для врача: оно основывается на владении теоретическим материалом, но превращается в действительное знание, когда будет апробировано в практике на ряде конкретных случаев. Аналогично выведенное из массы отработанных ситуаций знание о возможных реакциях аудитории, прогнозирование ее реакций на то или другое обращение, понимание изменений ее работоспособности и настроения в ходе занятия, имеющиеся в арсенале способы быстро изменить атмосферу и т.д. – те необходимые практические дополнения, которыми располагает опытный преподаватель, кроме теоретической подготовки в своей предметной области. Самые интеллектуально-емкие профессии включают в себя слой таких прикладных, конкретных знаний, которые, если даже они преподаются, входят в наш арсенал лишь через опыт практического применения и набор которых неизбежно индивидуален. Примечательно, что современные практические знания этого типа до сих пор передаются теми же способами, что и описанное выше «технэ» доиндустриального общества – через личное наставничество и непосредственные профессиональные коммуникации.

С другой стороны, к основным формам практического знания примыкают комплексы получаемых в деятельности знаний, накапливающихся и транслируемых в непроизводственных практиках – спорте, игре, художественном творчестве. Это также массовая форма практического знания, поскольку какими-то его объемами располагают не только профессиональные спортсмены или деятели искусства, но и все, кто в течение некоторого времени занимается этими видами деятельности на любительском уровне. Это знание о тонкостях применения правил и тактике игры, о собственном теле и оптимальном использовании его ресурсов у спортсмена, о позициях в танцах, обозначении рядов и петель на выкройках для вязания и т.д. Для приобретения таких знаний необходимо целенаправленное углубление в предмет, и это обстоя-

тельство выводит их тоже за пределы обыденного знания: «...обыденное знание в самом общем плане противостоит не только научному, но специализированному знанию вообще» [12: с. 91], а они, несомненно, являются специализированными. Особенностью этой формы практического познания является формирующаяся «снизу» нормативность: в них более или менее стихийно, но достаточно четко определяется круг знаний, которыми в обязательном порядке должен владеть тот, кто разбирается в предмете, в отличие от новичка-дилетанта.

И, наконец, обратим внимание на еще одну форму практического знания, получившую особое развитие в настоящее время. В связи с обособлением и развитием ряда новых, сложных, интеллектуально нагруженных видов социальной деятельности в общественном сознании складываются предметные комплексы идей, отражающих опыт таких социальных практик и лежащих в основе их осуществления. Примером такой практики может служить PR – «связи с общественностью» как специализированная форма деятельности, направленная на создание позитивного имиджа представляемой структуры и оптимизацию ее взаимодействия с социальным миром. Работа в сфере PR в настоящее время предполагает подготовку на уровне высшего образования; эта область деятельности имеет свою историю, обширный и постоянно обновляющийся арсенал методов, теоретические разработки по экономическим, социальным, психологическим и другим ее основаниям, развитую терминологию, в ней есть признанные авторитеты и т.д. Существует тенденция, прежде всего среди специалистов в данной и подобных ей сферах, к квалификации такого знания как научного – на том основании, что круг наработанных профессиональных достижений в этом случае имеет выраженную концептуальную составляющую и для освоения требует усилий, так же, как и классические научные дисциплины. Тем не менее такая оценка вряд ли может быть поддержана в серьезном эпистемологическом анализе. Дело даже не в том, что теоретические разработки в таких областях знания обычно приходят из других – фундаментальных научных дисциплин, а описательность и рецептурность явно преобладают над обоснованностью, и не в том, что они «не содержат системы идеализированных объектов, процедур научного объяснения и предсказания» [5: с. 690] (на этом основании «Энциклопедия эпистемологии и философии науки» выводит их за пределы научного знания). Прежде всего они имеют иные по сравнению с наукой задачи, цель существования. Мы солидарны с точкой зрения, согласно которой квалифицирующим признаком научного познания является направленность на поиск истины, всегда приоритетный по сравнению с тем, как потом полученное знание будет применяться. В самой своей сути

наука – «форма общественного сознания, ориентированная не на извлечение пользы, а на достижение истины» [7: с. 67]. И соответственно по самой сути своей PR (HR, менеджмент, таможенное дело, промышленное и гражданское строительство, юриспруденция...) ориентированы не на незаинтересованный поиск истины, а на достижение практического результата. Вряд ли на этом основании их можно отнести к паранауке, как это делает И.Т. Касавин: это именно специализированное практическое знание как «систематизированный и дидактически оформленный опыт» [5: с. 690], иной по сравнению с наукой вид познания. А.В. Юревич описывает предельную в этом плане ситуацию, когда наука и специализированное практическое познание развиваются параллельно в одной и той же предметной области (психологии) и строятся при этом очевидно различными способами: академическая психология – как классическая научная дисциплина, практическая психология – как «оформленный опыт». В них используются различные отправные теоретические позиции и различная логика. Например, концепции прикладной психологии «в большинстве случаев не верифицированы – по крайней мере, в тех формах, которые признаны нормативными в академической психологии»; «знание практической психологии основано на конвенциях, а еще чаще включает в себя конвенции, которые в академической психологии выглядели бы очень странными или, по крайней мере, потребовали бы эмпирических подтверждений» [17: с. 9]. Если бы обе традиции принадлежали к сфере научного познания, конкуренция между ними была бы существенно острее; но отнесение одной из них к сфере специализированного практического познания позволяет, кроме прочего, понять, почему многолетняя критика некоторых концепций (прежде всего психоанализа) с точки зрения критериев научности практически не влияет на уровень его социальной успешности: в предметно-практическом знании свои каноны и свои механизмы принятия идей.

Представляется, что впервые в отечественной философской литературе особенность этой формы специализированного практического знания в качестве самостоятельного вида познания была предметно определена в работе [10] при исследовании гносеологического статуса компьютерной инженерии. Анализируя термин «computer science», авторы отметили, что термин «science» в настоящее время часто используется расширительно для обозначения видов практических занятий, основанных на целенаправленном освоении и сознательном применении некоторых принципов, и пришли к выводу о том, что «computer science» на самом деле – не наука в строгом смысле слова как дисциплина, применяющая научный подход, а «систематизированная совокупность знаний с теоретическими основаниями»

ми» [10: с. 181], для которой более точным будет обозначение «компьютерное дело». На мой взгляд, данный вывод носит принципиальный характер, поскольку задает базовый способ квалификации специализированного практического познания в различных областях: ни системность, ни теоретичность, ни необходимость целенаправленного познавательного освоения в современных условиях не означают научности знания, оценка должна базироваться на способе его формирования и функционирования.

Обзор представленности специализированного практического знания в культуре обнаруживает его историческую значимость и достаточную определенность его логико-гносеологических характеристик, объединяющих различные модификации, что, на мой взгляд, позволяет сделать вывод о том, что специализированное практическое (предметно-практическое) познание в исторической традиции и в современной культуре представляет собой развитый и самостоятельный вид познания, который может быть рассмотрен в общем ряду с такими универсальными видами познания, как обыденное, научное, художественное, религиозное, мифологическое и т.д.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что вопрос о возможности выделения специализированного практического познания как самостоятельного вида познания не является чисто теоретическим. Специализированное практическое познание в современном обществе, как уже говорилось выше, быстро растет количественно и качественно и играет все более важную роль в обеспечении социальной практики. Отсутствие его артикулированной дифференциации с наукой в сочетании со стереотипным убеждением массового сознания в том, что по-настоящему достойное знание может быть только научным, приводит к неосознанному или вынужденному использованию профессионалами в сферах специализированного практического познания научных стандартов и процедур представления и трансляции знания. В ряде случаев, например, когда речь идет о квалификационных работах, это ведет к проблемам, поскольку значимый с практической точки зрения результат далеко не обязательно обладает научной ценностью и новизной. Анализ ситуации с позиций современной теории познания указывает на необходимость альтернативных, адекватных специфике вида познания, способов подтверждения профессионализма (как это принято, в частности, в художественной сфере) в рамках специализированного практического познания. В конечном счете концепция многообразия видов познания означает, в одном из своих аспектов, что характеристика некоторого вида познания как вненаучного не означает его признания ошибочным или невостребованным, не принижает его значения и не содержит в себе отрицания существования в этой области значительного объема

накопленных знаний и необходимости профессионального обучения; напротив, она подчеркивает значимость и востребованность каждого из видов в совокупном познавательном процессе. Таким образом, философское осмысление данной темы в идеале открывает возможность для перестройки концептуального подхода к статусу знаний в современном обществе и принятия квалифицированных управленческих решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрюшенко, М.Т. Очерки по теории познания. Ч. 1 / М.Т. Андрюшенко. — Владимир : Изд-во ВГУ, 2001. — 172 с.
2. Афанасьев, Т.Ю. Познание и его классификации по типам и видам в современной гносеологии: к построению полной типологии. Ч. 1 / Т.Ю. Афанасьев // Философские науки. — 2012. — № 1. — С. 35–40.
3. Заблуждающийся разум? Многообразие форм научного знания / отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. — Москва : Изд-во полит. лит., 1990. — 464 с.
4. Касавин, И.Т. Нормы в познании и познание норм / И.Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. — 2017. — Т. 54, № 4. — С. 8–19.
5. Касавин, И.Т. Паранаука / И.Т. Касавин // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. — Москва : Канон + «РООИ «Реабилитация», 2009. — С. 689–691.
6. Кондо, М. Магическая уборка: японское искусство наведения порядка дома и в жизни / М. Кондо. — Москва : ОДРИ, 2016. — 320 с.
7. Лившиц, Р.Л. Пределы субъективности ученого / Р.Л. Лившиц // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2019. — Т. XVI, Вып. 3. — С. 63–72.
8. Мартишина, Н.И. Феномен и типология околонаучного знания / Н.И. Мартишина // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. — 2013. — Вып. 29. — С. 19–28.
9. Микешина, Л.А. Философия познания: полемические главы / Л. А. Микешина. — Москва : Прогресс-Традиция, 2002. — 624 с.
10. Микешина, Л.А. Новые образы познания и реальности / Л.А. Микешина, М.Ю. Опенков. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 1997. — 240 с.
11. Полани, М. Личностное знание / М. Полани. — Москва : Прогресс, 1985. — 344 с.
12. Пукшанский, Я.Б. Обыденное знание: Опыт философского осмысления / Я.Б. Пукшанский. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1987. — 152 с.
13. Степин, В.С. Наука / В.С. Степин // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. — Москва : Канон + «РООИ «Реабилитация», 2009. — С. 560–566.
14. Трапезников, М.В. Прикладные разработки как форма современной взаимосвязи науки и практики / М.В. Трапезников // Вестник Вятского государственного университета. — 2012. — № 4-1. — С. 22–24.
15. Щавелев, С.П. Практическое познание / С.П. Щавелев. — Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1994. — 232 с.
16. Юлов, В.Ф. Перспективы развития интегративной теории познания / В.Ф. Юлов // Вестник Вятского государственного университета. — 2016. — № 2. — С. 5–6.
17. Юревич, А.В. Три источника и три составные части психологического знания / А.В. Юревич // Психология: Журнал высшей школы экономики. — 2005. — Т. 2, № 3. — С. 3–18.
18. Wynn, B. Knowledge in context / B. Wynn // Science, technology and human values. — Cambridge (Mass.), 1991. — Vol. 16, № 1. — P. 111–121.

НЕОЧЕВИДНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОНВЕНЦИОНАЛИЗМА

Р.Л. Лившиц

Анализируется попытка разграничить на идейной платформе конвенционализма науку и неподлинные формы ее бытования (лженаука, псевдонаука, паранаука). Показано, что конвенционализм исходит из абстрактного, внеисторического, идеализированного образа науки, не учитывающего реальной сложности предмета. Совпадение мнений ученых, даже самых талантливых и авторитетных, само по себе не гарантирует истинности. Истина – причина согласия, а не его результат. Принятие конвенционализма может привести к тому, что мейнстрим будет перехвачен дельцами от науки, ныне паразитирующими на ее мегабренде. Применительно к общественному конвенционализм ведет к оправданию такого положения вещей, при котором наука подменяется «предвзятой угодливой апологетикой».

Ключевые слова: лженаука, мейнстрим, научная истина, конвенционализм, консенсуализм, апологетика.

UNOBVIOUS CONSEQUENCES OF CONVENTIONALISM

R.L. Livshits

The author analyzes the attempt to distinguish between science and its non-genuine forms such as pseudoscience on the ideological platform of conventionalism. It is shown that conventionalism proceeds from an abstract, non-historical, idealized image of science that does not take into account the real complexity of the subject. The coincidence of opinions of scientists, even the most talented and reputable does not guarantee the verity. The truth is the reason for consent, not its result. The adoption of conventionalism may lead to the fact that the mainstream will be intercepted by businessmen from science which are now parasitizing on its mega-brand. As applied to social science, conventionalism leads to the justification of the situation when science is replaced by "biased, obedient apologetics".

Key words: pseudoscience, mainstream, scientific truth, conventionalism, consensualism, apologetic.

Непосредственным поводом для написания настоящей статьи послужила работа А.Г. Сергеева «Проблема практической демаркации науки и лженауки на российском научном поле» [14]. В момент написания этой работы А.Г. Сергеев был членом комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. (В 2018 г. эта комиссия разделилась на две: комиссию по борьбе с лженаукой и комиссию по противодействию фальсификации научных исследований. В настоящее время (май 2020 г.) А.Г. Сергеев входит в состав комиссии по борьбе с лженаукой.) Насколько мы можем судить по имеющимся источникам, позиция, выраженная А.Г. Сергеевым в упомянутой статье, не подвергалась корректировке. Следовательно, его точка зрения продолжает оставаться актуальным фактором влияния на происходящие в российской науке процессы.

Статья А.Г. Сергеева привлекла наше внимание не только из-за официального статуса автора, но и по причине ее несомненных достоинств. Четкая постановка проблемы, репрезентативный аналитический обзор вариантов ее решения в литературе,

ясное и не допускающее двойного толкования изложение собственной позиции – всё это делает статью А.Г. Сергеева достойной самой высокой оценки и пристального внимания научного сообщества. Однако наше безусловно положительное мнение о работе А.Г. Сергеева вовсе не означает, что мы согласны с выраженной в ней позицией. Ниже мы постараемся показать, в чем это несогласие состоит. В общем виде о своем критическом отношении к точке зрения А.Г. Сергеева нами сказано в одной из предыдущих публикаций [15]. Сейчас мы хотели бы развернуть нашу аргументацию.

Воспроизведем основные положения статьи А.Г. Сергеева. Сначала в ней проанализированы содержательные признаки науки: истинность, экспериментальная подтверждаемость, взаимная согласованность (отсутствие противоречий между теориями), выводимость из экспериментов, (непосредственная) проверяемость, фальсифицируемость (в смысле К. Поппера). Все эти признаки, по мнению А.Г. Сергеева, недостаточны для надежного разграничения науки и лженауки. Затем он анализирует признаки лженауки. В качестве таковых в

Лившиц Рудольф Львович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (г. Комсомольск-на-Амуре).

Livshits Rudolf Lvovich – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Socio-Political Studies at Amur State University of Humanities and Pedagogy (Komsomolsk-on-Amur).

E-mail: rudliv@yandex.ru

© Лившиц Р.Л., 2020

литературе нередко называют очевидно завышенные претензии (на революцию в науке, на переворот во взглядах на ту или иную проблему, на создание прорывных технологий), игнорирование проверенных практикой научных методов познания, использование аргументов идеологического и политического характера для доказательства своей правоты, фальсификация экспериментов, прямое мошенничество. Признавая правомерность выделения всех указанных признаков, А.Г. Сергеев отказывается считать их совокупность достаточным основанием для идентификации того или иного продукта интеллектуальной деятельности в качестве псевдонаучного. «И тут, – пишет он, – мы вплотную подходим к необходимости рассмотрения науки и лженауки как социальных феноменов» [14]. С таким поворотом темы мы совершенно согласны. Да, наука представляет собой определенную форму духовного освоения действительности, на которую обществом возложена специфическая задача; наука есть материализованная исследовательская потребность социума, и только в такой системе теоретических координат может быть уловлена ее сущность. Мы вкладываем в тезис о науке как социальном феномене именно этот смысл. Но А.Г. Сергеев трактует этот вопрос иначе. Ввиду принципиальной важности сюжета мы вынуждены привести обширные цитаты. «<...> Все упирается в размытость самой философской категории истины (особенно когда это слово пишут с заглавной буквы). Если истиной называть абсолютно надежные, раз и навсегда установленные суждения, в которых не допускается сомнений, то такое понимание истины принадлежит, скорее, религиозному мышлению. Поскольку наука все ставит под сомнение, такого рода истины в ней нет» [14]. Конечно, в научном тексте написание слова «истина» с заглавной буквы – явный моветон. Тут мы с А.Г. Сергеевым совершенно согласны. Наука – вообще такого рода деятельность, которая требует крайне сдержанного, аскетичного выражения эмоций. Но это вовсе не означает, что «философская категория истины» есть некое «размытое», нечеткое, туманное образование, которое не может служить нам надежным ориентиром на тернистом пути научного познания. Но А.Г. Сергеев придерживается на этот счет другой точки зрения. Ввиду принципиальной важности сюжета приведем его высказывание по интересующему нас вопросу полностью. «Согласно другому взгляду, – пишет автор, – истина – это соответствие наших представлений независимой от нас объективной реальности. В принципе это допустимый подход, но тогда придется признать, что каждая смена научной парадигмы меняет истину. Например, 500 лет назад истиной было то, что тяжелые предметы "стремятся вниз", – так утверждала физика Аристотеля; 300 лет назад истиной стала ньютоновская

"сила всемирного тяготения"; а 100 лет назад Эйнштейн выяснил новую истину: "тела скользят по геодезическим линиям пространства-времени". Поскольку значение слова "истина" неявно подразумевает абсолютность и неизблемость, его использование для обозначения изменчивых научных знаний будет все время вводить нас в заблуждение» [14]. Таким образом, справедливо констатируя изменчивость научных взглядов, А.Г. Сергеев делает вывод о необходимости отказа от самого понятия истины. На наш взгляд, этот вывод неправомерен, так как он влечет за собой крайне негативные последствия для дела защиты науки от внешних и внутренних угроз. В настоящей статье предпринята попытка представить аргументы в пользу нашей позиции.

Вообще отрицательное отношение к понятию истины, желание отправить его в склад ненужных вещей – явление достаточно распространенное. Так, анафема истине – один из любимейших сюжетов постмодернизма. (И не только истине, но и добру и красоте – но это отдельная тема, в которую мы не имеем возможности здесь вдаваться.) Но те, кто стремятся сбросить истину с ее пьедестала, попадают в порочный круг. На него указывают некоторые отечественные авторы, не разделяющие модного ныне увлечения постмодернизмом. Приведем соответствующее высказывание: «Если деконструкция влечет за собой разрушение всех классических философских понятий, включая и понятие истины, то Ж. Деррида и его сторонники обязаны объяснить, продолжают ли они считать, что выдвинутые ими положения являются истинными. Если они отвечают утвердительно, то оказываются логически непоследовательными, так как ранее заявляли, что истины не существует. Если же они отвечают отрицательно, т.е. полагают, что их высказывания неистинны, то трудно видеть в том, что они ранее утверждали, что-либо серьезное» [3: с. 81]. Таким образом, «последовательное проведение постмодернистских положений приводит к их самоликвидации: если истины нет вообще, значит, и то, что говорится постмодернистами, тоже не истина. Ответа на этот парадокс не дали ни западные, ни отечественные постмодернисты» (Там же).

Но описанный логический капкан, в который попадают все ниспровергатели истины, – далеко не единственное и даже, пожалуй, не главное негативное следствие их позиции. Этого вопроса мы намерены коснуться в ходе дальнейшего изложения, пока же отметим, что сама по себе аргументация в пользу отказа от понятия истины строится на весьма шатком основании. Общая причина, приводящая к такому отказу, – искажение диалектики абсолютной и относительной истины.

Это хорошо видно на примере статьи А.Г. Сергеева. Верно, что механика Ньютона строится на иных основаниях, чем физика Аристотеля. Однако

неверно, что между концепцией Аристотеля и Ньютона существует непреодолимый разрыв. Ньютон не отвергает полностью взглядов Аристотеля, но отказывается лишь от того, что в этих взглядах устарело, что оказалось ошибочным. Так, для Ньютона, как и для Аристотеля, Солнце – это не бог Феб, объезжающий на колеснице Землю по небу, а объект природы, тело, обладающее физическими свойствами. Аристотель во многом ошибался, но в главном он был прав. И Ньютон ошибался, однако степень соответствия его взглядам действительности выше. На данный момент предельная степень соответствия представлений о реальности самой реальности достигнута в концепции Эйнштейна. Но настанет момент, когда выяснятся пределы правоты и Эйнштейна. Критиков корреспондентской теории истины, к коим относится и А.Г. Сергеев, смущает ключевое понятие «соответствие». Они исходят из предпосылки, что никакого иного соответствия, кроме абсолютного, не существует. Но в реальности соответствие различается по степеням. Есть соответствие приблизительное, а есть и абсолютное. Прогресс научного познания как раз в том и состоит, что степень соответствия наших представлений действительности возрастает. И если так подойти к вопросу, то в этом случае отпадает необходимость отказываться от понятия истины в науке.

Впрочем, А.Г. Сергеев впадает в противоречие с собой, используя в своих рассуждениях понятие заблуждения. Это последнее имеет смысл лишь тогда, когда мы признаем существование истины. Это еще один логический дефект его позиции, косвенно свидетельствующий о том, что изгнание понятия истины из науки – задача в принципе неразрешимая.

В чем состоит критический пафос А.Г. Сергеева, понятно. Посмотрим, какое позитивное решение вопроса он предлагает. Оно выражено в следующем ключевом положении статьи: «Лучше не называть научные представления истинами. Вместо этого правильнее пользоваться понятием "научный мейнстрим", означающим представления, которые на сегодняшний день являются наилучшими по мнению большинства специалистов» [14]. Позиция, которая выражена в этих словах, имеет вполне определенное название – конвенционализм.

По нашему мнению, предложенное А.Г. Сергеевым решение вопроса приводит не к усилению позиций настоящей науки в ее противостоянии неподлинным формам бытования научной деятельности, а, напротив, к их ослаблению, т.е. к результатам, обратным желаемым. Такое нередко случается в общественной практике. Неверно выбранное средство решения проблемы парадоксальным образом приводит к ее обострению. Стремясь противостоять «паразитированию на мегабренде науки» (выражение А.Г. Сергеева) на идейной платформе конвенционализма, мы

с очень большой степенью вероятности можем получить результат, обратный желаемому.

Как совершенно справедливо отмечает Л.А. Мишешина, научное познание по своей природе коммуникативно, что делает неизбежным выработку определенных конвенций [13: с. 111–128]. Так, «важнейшими и очевидными конвенциями в научно-познавательной деятельности являются языки (естественные и искусственные), другие знаковые системы, логические правила, единицы и приемы измерения, когнитивные стандарты в целом» (Там же: с. 117). В этом смысле научная деятельность ничем не отличается от любой другой деятельности. Юристы вырабатывают общее понимание законов и других правовых актов, инженеры договариваются о критериях оценки качества сооружений, в основе деятельности врачей лежит соглашение о том, какие существуют нозологические единицы и как они называются. Конвенции пронизывают повседневность, без них невозможна никакая целесообразная деятельность. Однако ни в медицине, ни в юриспруденции, ни в обыденном познании сам факт наличия конвенций не влечет за собой никаких мировоззренческих последствий. Врачи, когда они ставят диагноз, прекрасно отдают себе отчет в том, что целью их деятельности является не достижение согласия относительно природы той или иной болезни, а помощь больному (в идеале – излечение). Юристы, вырабатывая общую позицию, делают это не ради того, чтобы добиться взаимопонимания, а для практического торжества законности. В обыденном познании согласие – средство достижения практического результата, а не самоцель. Так, торг между покупателем и продавцом ведется не из познавательного интереса, а с вполне практической целью: один стремится реализовать товар, а другой – стать обладателем нужной ему вещи. Каждая из этих ситуаций не дает повода для дискуссий. И в медицине, и в юриспруденции, и в обыденной жизни в качестве цели деятельности выступает польза. Это настолько ясно и понятно, что всякая почва для фетишизации средства просто отсутствует.

В науке положение иное. Между предметом, постигаемым научными методами, и результатом этого постижения (в виде фактов, гипотез, теорий) имеется ряд промежуточных ступеней, что затемняет суть дела. Вопрос стоит так: соглашение в науке – это цель или средство познания? Как показала О.В. Ершова, этот вопрос вызвал споры еще в период зарождения конвенционализма [4]. Так, А. Пуанкаре, один из родоначальников конвенционализма, подвергал критике взгляды Э. Леруа, который полагал, что в науке нет ничего, кроме условных положений, что сами научные факты есть результат творческого воображения ученого и что наука не открывает истину, а лишь создает «правило

действия» (Там же: с. 155). Эта дискуссия представляет интерес не только в том смысле, что она наглядно демонстрирует существование нескольких вариантов конвенционализма, но и в том, что содержит неявные указания на опасности, таящиеся в самом его исходном принципе. Выдвигая конвенционализм в качестве позитивной альтернативы «наивному реализму», А. Пуанкаре, насколько можно судить, вовсе не стремился к тому, чтобы открыть двери для субъективизма и произвола в науке. Его намерения были вполне конструктивны: великий французский ученый желал оградить науку от неявного отождествления последней с обыденным познанием, с житейским здравым смыслом. Но в любой сфере деятельности всегда были, есть и будут люди, которые не желают останавливаться на полдороге (и уж тем более в самом начале пути). Всякая конвенция есть по определению некая условность. Допустив, что условности в науке имеют содержательное (а не инструментальное) значение, мы тем самым делаем вполне возможным и даже, пожалуй, неизбежным следующий шаг, – сведение *всех* научных положений к условностям. Именно его и совершает Э. Леруа. За этим шагом вполне логично следует утверждение, что научные факты и законы – искусственные создания ученого, а сама наука истинны не открывает, а только лишь выступает в качестве правила действия (Там же). И вот уже гуру конвенционализма вынужден вступать в полемику со своим прямодушным сторонником.

В отечественной философско-методологической литературе наиболее основательная и подробная характеристика конвенционализма была дана А.С. Лебедевым и С.Н. Коськовым [5–9]. Они выделяют следующие исторические варианты этого течения мысли: конвенционализм А. Пуанкаре, геохронометрический конвенционализм А. Грюнбаума, радикальный конвенционализм К. Айдукевича, конвенционализм Р. Карнапа, конвенционализм К. Поппера, конвенционализм И. Лакатоша [6: с. 62–68]. Упомянутая выше разновидность конвенционализма, представленная в трудах Э. Леруа, ими в качестве самостоятельной версии не выделяется. Впрочем, это не имеет существенного значения. Обращает на себя внимание и тот факт, что конвенционализм – довольно широкая идейная платформа, в рамках которой возникли разные течения мысли, различающиеся во многих отношениях, в том числе и по степени радикализма. Все течения конвенционализма совпадают, однако, в одном – в понимании сущности процесса познания. Он трактуется не как все более полное и точное постижение законов объективного мира, а как выработка учеными все более точных и всеобъемлющих конвенций по всем представляющим взаимный интерес проблемам. С точки зрения конвенционализма задача научного

исследования состоит в том, чтобы добиться полного взаимопонимания между членами научного сообщества. Иначе говоря, конвенционализм сводит цель научного сообщества к выработке общего языка. Гносеологическая по сути проблема научной истины устраняется из поля зрения тем, что подменяется лингвистической проблемой поиска универсальных языковых средств выражения мысли.

Важно подчеркнуть, что конвенционализм – это не какое-то маргинальное явление, не какая-то экзотика, а весьма влиятельная, авторитетная и респектабельная концепция, которая разделялась и продолжает разделяться далеко не ординарными умами. И уже одно это обстоятельство заставляет отнести к ней со всей серьезностью. Конвенционализм возникает не на пустом месте, существуют серьезные причины, которые его порождают и питают. Эти последние состоят в исключительной сложности процесса научного познания. Научное познание состоит не столько в расширении наших представлений о действительности, сколько в качественном преобразовании этих представлений. Эти преобразования должны быть осмыслены, соответствующим образом кодифицированы и ассимилированы научным сообществом. Такая ассимиляция – результат коллективных усилий, следовательно, она может быть достигнута только в процессе выработки соответствующих договоренностей. Конвенционализм отражает реальные сложности процесса научного познания, он представляет собой воззрение, вырастающее на почве действительных трудностей науки. И мы с пониманием относимся к мотивам, которые побудили А.Г. Сергеева усмотреть в конвенционализме позитивную альтернативу релятивистской трактовке истины (которую он принимает за единственно возможную).

Но способен ли конвенционализм выполнить ту миссию, которую возлагает на него А.Г. Сергеев? Таким ли уж надежным оружием борьбы против лженауки является конвенционалистская трактовка истины?

Как проникательному читателю понятно из всего предыдущего изложения, мы склонны отвечать на этот вопрос отрицательно. В данном пункте мы вполне солидарны с А.С. Лебедевым и С.Н. Коськовым, которые указывали на три неустранимых изъяна конвенционалистской методологии. Во-первых, конвенционализм, сознавая важность соглашений в науке, придает ей «самодовлеющее значение» [6: с. 68]. Во-вторых, конвенционалисты игнорируют тот факт, что базой любого искусственного языка (в том числе и научного) является язык естественный, «утверждать же о чисто конвенциональном характере естественного языка явно бессмысленно» (Там же). В-третьих, «несомненной ошибкой конвенционалистов является то, что в ка-

честве субъекта научного познания они обычно рассматривают отдельного ученого или группу ученых, отношения между которыми являются чисто рациональными и прозрачными в плане их фиксации. Такой чисто рационалистический и "робинзонадный" подход к субъекту научного познания в эпоху большой науки не может быть признан правильным» (Там же). Но, разделяя с указанными авторами критическое отношение к конвенционализму, мы не можем согласиться с тем, что в качестве положительной альтернативы последнему они рассматривают консенсуализм. С точки зрения А.С. Лебедева и С.Н. Коськова, недостатки конвенционализма преодолеваются в том случае, когда вместо простого согласия (т.е. согласия большинства) ученых в качестве цели выступает согласие полное, единодушное. В чем они видят преимущества консенсуса перед конвенцией? Прежде всего, в том, что консенсус вырабатывается в ходе длительных и напряженных дебатов (Там же), а конвенция, стало быть, есть непосредственная реакция на ситуацию. В том, далее, что происходит расширение субъекта ответственности за принятые решения: в случае конвенции таким субъектом является отдельный ученый, в случае консенсуса – все научное сообщество (Там же). Поэтому получается, что у конвенции имеется (реально или потенциально) конкретный автор, а у консенсуса он отсутствует по определению. Консенсус, в отличие от конвенции (и, добавляю авторы, от гештальт-переключения) вырабатывается в течение достаточно длительного времени, а конвенция возникает практически мгновенно (Там же: с. 69). Далее, ссылаясь на М. Малкея, они делают следующее заявление: «Если при конвенционалистской интерпретации механизма порождения и принятия научных истин последние приобретают явно субъективистскую трактовку, то при консенсуалистском подходе научная истина имеет явно выраженный коллективный и объективный (общезначимый) характер в силу самой природы консенсуса» (Там же). (Свою аргументацию в пользу консенсуализма указанные авторы развивают и в ряде других работ [5; 7; 8].) В концентрированном виде она выражена в следующем высказывании: «Главное достоинство консенсуального подхода к решению проблемы научной истины состоит в том, что в нем не только преодолеваются партикулярность и односторонность всех классических подходов к решению данной проблемы, но одновременно ассимилируются ("диалектически снимаются") все позитивные моменты каждой из классических концепций природы научной истины. При консенсуалистском подходе к проблеме научной истины удается совместить такие противоположные характеристики процесса научного познания, как его объектность и субъект-

ность, объективность научного знания и его относительность, социальность и индивидуальность субъекта, преемственность и историзм, объективно и социально детерминированный и вместе с тем индивидуально-творческий характер процесса получения нового знания [6: с. 64].

На наш взгляд, предложенное С.А. Лебедевым и С.Н. Коськовым решение вряд ли можно признать удовлетворительным. Не станем анализировать все аспекты их позиции, остановимся только на главном – на вопросе об объективности научного знания. Дело в том, что различие между конвенцией и консенсусом носит не качественный, а количественный характер. Да, субъект конвенции действительно не столь обширен, как субъект консенсуса. Да, достижение полного согласия – дело более трудоемкое и длительное, чем заключение соглашения, охватывающего небольшой круг участников. И, разумеется, решение, с которым согласны все участники дискуссии, обладает большей основательностью и, следовательно, пользуется большим авторитетом, чем решение, принятое небольшим кругом вовлеченных в процесс субъектов научного поиска. При переходе от конвенции к консенсусу степень субъективности действительно снижается, с этим тезисом авторов нельзя не согласиться. Однако можно ли, двигаясь таким путем, снизить уровень субъективности до нуля? Мы не знаем, что заставило авторов приравнять общезначимость к объективности, но искусственность такого отождествления не может не вызвать у внимательного читателя внутреннего протеста. Объективность по определению – независимость от субъекта, и при этом совершенно безразлично, выступает в качестве этого последнего отдельный ученый, группа авторитетных исследователей или все научное сообщество. Перекладывая ответственность за принимаемые решения на коллективный субъект, мы не сможем гарантировать объективности его позиции; максимум, на что можно рассчитывать, – на дискриминацию точек зрения непопулярных и неавторитетных. Фактически консенсуализм есть специфический вариант конвенционалистской трактовки истины со всеми неустранимыми изъянами этой трактовки.

Необходимо к тому же учитывать еще один момент, которому не придают должного значения сторонники конвенционализма. Давно минули те времена, когда занятие наукой было делом небольшой группы людей, где каждый лично был знаком с каждым. В наши дни научное сообщество в рамках одной дисциплины (даже в пределах одной страны) часто включает в себя несколько тысяч человек. Выработка консенсуса в таких условиях становится физически невозможной. Поэтому круг тех ученых, которые добиваются единодушного согласия по тем или иным проблемам, неизбежно

сужается до нескольких десятков человек. И получается, таким образом, что консенсус становится не демократически принятым решением, учитывающим мнение всего научного сообщества, а результатом договора, заключенного незначительным меньшинством. И это вполне осознается С.А. Лебедевым, о чем свидетельствует следующее его замечание: «Одним из следствий <...> структурированности научного сообщества является то, что главное слово при выработке научного консенсуса и принятии когнитивных решений в той или иной области науки принадлежит ее лидерам, наиболее авторитетным и признанным специалистам в той или иной области науки» [6: с. 61]. Здесь, на наш взгляд, и образуется та брешь, через которую в корабль науки может хлынуть забортная вода, способная привести к катастрофе.

Логика наших рассуждений приводит к необходимости вновь обратиться к вопросу о науке как социальном феномене. И А.Г. Сергеев, и А.С. Лебедев с С.Н. Коськовым настаивают на необходимости анализировать науку не как самодовлеющий мыслительный процесс, а как явление социальной жизни. И с таким подходом невозможно не согласиться. Однако мы не считаем хорошей идеей трактовать социальность науки узко, как деятельность, ограниченную рамками научного сообщества. Ведь само научное сообщество существует не в вакууме, а в определенной общественной системе: в стране, государстве, в конкретных социальных и политических условиях. Отсюда следует, что в понимании социальности науки необходимо сделать еще один шаг: вписать научное сообщество в «большое» общество. И тогда мы обретем возможность судить о процессах, протекающих внутри науки, с учетом влияния общих социальных условий.

На материале естествознания, которым ограничивается А.Г. Сергеев, данный тезис проиллюстрировать, в принципе, можно, но проще это сделать на примере социально-гуманитарных наук. Возьмем совсем недавнюю историю, случившуюся в нашей стране. В советские времена все обществоведы были (или декларировали, что были) сторонниками марксизма. Но случилась перестройка, а вслед за ней реставрация капитализма, и ситуация кардинально изменилась. Большинство советских специалистов в области социально-гуманитарных наук разом прозрели, в кратчайший срок осознали, что они поклонялись ложным богам. Боги эти оказались идолами, достойными лишь сожжения. Объектами почитания и поклонения стали как раз те учения, которые в прежние времена историки КПСС и специалисты в области научного коммунизма клеймили как буржуазные и реакционные. И лишь немногие мастодонты вроде М.Н. Руткевича не пожелали присоединиться к толпе прозревших [10]. Мейнстрим сменился пол-

ностью, но значит ли это, что наконец-то над родными просторами воссиял свет истины?

На это можно возразить, что отечественные обществоведы отличаются особой рептильностью, что они, воспитанные в духе преданности коммунистической партии, в которой, кстати, все поголовно состояли, не были свободными личностями, способными занять самостоятельную позицию, и потому стадное поведение – единственная возможная для них форма реакции на перемены в обществе. Этот аргумент построен на неявном противопоставлении «тоталитарного совка» и «свободного мира». Однако и в «свободном мире», где вроде бы никогда не было идеологического принуждения, мы видим безраздельное господство одной точки зрения по ключевым мировоззренческим вопросам. Так, в области экономической теории очевидно абсолютное доминирование экономикса, который, по меткому выражению А.В. Готноги, «в обличье математически уточненного дескриптивизма» [1: с. 73] возродил давно и хорошо известный «ползучий эмпиризм» (Ф. Энгельс). Так, важнейшая проблема капиталистического общества – экономические кризисы, периодически поражающие весь общественный организм. Эти кризисы в капиталистических странах с пугающей регулярностью происходят на протяжении последних полутора столетий; страдания, ими причиняемые, сравнимы разве только с невзгодами войны, однако экономикс тщательно обходит эту опасную для апологетов капитализма тему. Возьмем для примера популярнейший учебник по экономиксу К.Р. Макдонелла и С.Л. Брю [11]. Этот труд выдержал большое число изданий и переведен на великое множество языков. В нем освещается масса самых разных вопросов: деньги и банковское дело, ресурсы и спрос на них, налогообложение, экономика здравоохранения... Но напрасно было бы искать в этом объемистом сочинении главу или хотя бы параграф, где освещался бы вопрос об экономических кризисах. И даже в обширном словаре, которым завершается учебник, отсутствует термин «экономический кризис». Тема кризиса фактически табуирована. Что заставляет авторов учебника поступать таким образом? Вовсе не недостаток эрудиции, информированности или квалификации, а, очевидным образом, идеологическая ангажированность. Да, самая обыкновенная вовлеченность в общественные интересы, которая побуждает ученых видеть вещи в определенном свете. К. Маркс, характеризуя подобную ангажированность, употребил выражение «предвзятая, угодливая апологетика» [12: с. 17].

Ограниченность конвенционализма заключается не только в игнорировании факта вовлеченности научного сообщества в общественные интересы, но и в идеализированном, абстрактном и внеисторическом, понимании научного сообщества.

Сторонники конвенционализма исходят из молчаливого предположения, что научное сообщество представляет собой некий совершенный социум, деятельность которого детерминирована только стремлением к достижению истины. Одни ученые – талантливые, целеустремленные и трудолюбивые – вносят своими исследованиями серьезный вклад в науку. Другие, которые обладают необходимой квалификацией, чтобы по достоинству этот вклад оценить, и достаточной личной скромностью, чтобы признать чужой успех, признают этих первых лидерами, авторитетами. Первые вырабатывают консенсус, а вторые принимают его как данность. При этом молчаливо предполагается, что ученые – это люди без слабостей и недостатков, а научное сообщество представляет собой некий монашеский орден, не ведающий кипения страстей, столкновения самолюбий, борьбы тщеславий и т.п. Реалистичная картина науки подменена здесь ее парадным портретом. И это еще не все. Этот портрет игнорирует и то немаловажное обстоятельство, что в «большом» обществе существует определенное количество людей, желающих «паразитировать на мегабренде науки». К числу последних относятся не только люди, живущие от зарплаты до зарплаты и на собственные скудные средства издающие сочинения, в которых опровергается специальная теория относительности или разоблачается «лунная афера США». Соблазну паразитирования на науке могут быть подвержены и люди с возможностями. И даже с очень большими возможностями. Представьте себе следующую ситуацию. Некий крупный чиновник, разумеется, далеко не бедный, решил, что ему для полного счастья не хватает только одного: академического статуса. Власть у него есть, денег столько, что десяти жизней не хватит, чтобы их потратить, так почему бы не приобрести и то, что останется навсегда: имя в науке? И что помешает этому человеку обрести ту научную степень, которую он считает приличествующей своему статусу? Как показывает практика, при желании он в состоянии пробиться и в полные академики. И тогда он становится тем самым авторитетом, лидером, который на равных с другими авторитетами имеет право вырабатывать решения, обязательные для исполнения остальными учеными, не сумевшими, очевидно, в силу своей бесталанности, добиться столь блестящих и стремительных успехов. Печальный факт состоит в том, что наука уязвима для проникновения в нее романтиков с большой дороги. Но ведь кто-то этим романтикам помогает! Кто-то пишет за них статьи, монографии и диссертации, кто-то способствует получению ими вожделенных степеней и званий. Эти люди остаются за сценой и не стремятся к публичности. И находятся они не вне науки, а внутри нее, обладая достаточной квалификацией, опытом и связями в научном мире,

чтобы своей деятельностью успешно заниматься. Они – часть научного сообщества, подобно тому как злокачественная опухоль – часть организма.

Наше рассуждение – вовсе не умозрительная гипотеза, а вывод, опирающийся на факты. До создания «Диссернета» мы могли судить о таких явлениях лишь гипотетически, на основании отдельных фактов, которые иногда в результате случайных обстоятельств становились нам известными. Благодаря кропотливой работе, проведенной экспертами этого общества, мы получили достаточно ясную и полную картину явления. Стало отчетливо видно, что в научном сообществе сложились организованные псевдонаучные группы (ОПГ), которые концентрируются вокруг определенных лиц, занимающих официальные должности в научной среде. Такие ОПГ иногда называют диссеродельными фабриками. По понятным причинам их больше в столице, но есть они и на периферии. Каждый желающий может заглянуть на сайт «Диссернета» и узнать имена тружеников диссеродельного фронта, работающих в провинциальных вузах, в том числе и дальневосточных. Они не склонны заниматься рекламой своих достижений, однако их успехи несомненны и несомненно велики. Ну, как, например, не воздать должное талантам профессора Л.Е. Бляхера! Он единственный на Дальнем Востоке России сумел обрести статус суперзвезды «Диссернета», имея в своем послужном списке 15 «красочных» диссертаций. Было бы неверно недооценивать деловые качества отдельных тружеников диссеродельного фронта, их целеустремленность, напористость, беспринципность, умение налаживать нужные связи в научной среде, способность производить благоприятное впечатление на окружающих. В свете известных фактов вовсе не фантастической представляется возможность объединения отдельных ОПГ в целостную сеть, как и перспектива превращения мастеров диссеродельных фабрик в видных деятелей науки, авторитетов, лидеров, определяющих научный мейнстрим. Именно эти деловые люди имеют предпочтительные шансы образовать группу научных лидеров.

Если бы такая возможность относилась к разряду абстрактных, о ней не стоило бы и вести речь. Однако опасность, которую не замечает конвенционализм (и консенсуализм как его разновидность), к сожалению, реальна. Конечно, А.Г. Сергеев и все другие искренние борцы за чистоту науки такого поворота не желают. Но благородство помыслов само по себе не гарантирует успеха. Социальная материя не поддается прямому управлению, ибо наряду с прямыми и очевидными последствиями принимаемых действий всегда существуют невидные, неочевидные, которые могут перечеркнуть ближайшие результаты. Так, введение сухого закона оборачивается не снижением потребления алкоголя, а

расцветом криминального бизнеса. Попытки запретить аборт ведут не к увеличению рождаемости, а к повышению уровня смертности женщин детородного возраста. Поэтому так важно иметь правдивую, а не приукрашенную картину реальности.

На наш взгляд, в основе идеализации науки, свойственной конвенционализму, лежит неразличение науки как социального института и науки как сферы человеческой деятельности. В качестве социального института наука безлична и бесстрашна. Истина – ее высшая цель. Как область человеческой деятельности наука ничем принципиально не отличается от политики, искусства, религии, материального производства. Везде действуют люди, наделенные достоинствами и недостатками, везде кипят страсти, сталкиваются амбиции, героизм соседствует с трусостью, а искренний энтузиазм – с циничным расчетом. Благородство целей науки как социального института не делают автоматически всех ученых людьми благородными. Ученые – это просто люди со всеми их добродетелями и пороками. Задача состоит в том, чтобы выработать социальные механизмы, делающие невозможным или хотя бы крайне маловероятным торжество зла. С нашей точки зрения, конвенционализм в качестве теоретической платформы такой работы – не самый удачный выбор.

Самый уязвимый пункт конвенционалистской доктрины – его гносеологический фундамент. Основой любого соглашения в конечном итоге является мнение. Да, это может быть мнение настоящих ученых, глубоко постигших закономерности изучаемой области действительности. Но мнение – даже в таком идеальном случае – это все-таки субъективный взгляд на вещи. Наука может строиться только на основе такого представления об объекте, которое не зависит ни от чьего мнения, иначе говоря, на основе истины. Никакие попытки откеститься от классической концепции истины как соответствия представления действительности не могут привести к успеху. Мы солидарны с позицией Н.Н. Губанова, выраженной им в следующих словах: «Необоснованными являются попытки ряда философов устранить из философии и науки категорию истины и заменить ее понятиями смысла, достоверности, правдоподобия» [2: с. 49]. Осмысленность того или иного утверждения, его согласованность с системой других утверждений, как и его фальсифицируемость (по К. Попперу) – не причина, а следствие его истинности. Конвенционализм, как и другие теории истины, альтернативные классической концепции, переворачивает действительное отношение с ног на голову. Согласие между учеными возникает тогда, когда практика, данные наблюдения и эксперимента убеждают их в том, что они верно, адекватно понимают суть протекающих процессов. Истина – причина согласия, а не его результат. Конечно, в каждой науке критерий практики обладает

спецификой, обусловленной особенностями изучаемой предметной области. Практическая проверка знаний в астрофизике отличается от практической проверки в исторической науке или в культурологии. Однако различие не заслоняет то общее, что свойственно всем наукам, что присуще науке как сфере духовного освоения действительности. Устранение под флагом конвенционализма (равно как и консенсуализма) понятия истины из научного познания ведет к утрате той ариадниной нити, которая единственно способна вывести нас из лабиринта заблуждений к свету подлинного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Готного, А.В. Политэкономия К. Маркса: пережиток прошлого или наука будущего? / А.В. Готного // *Философия и общество*. – 2011. – № 4. – С. 70–86.
2. Губанов, Н.И. О возможности универсальной концепции истины и ее критериях / Н.И. Губанов // *Вестник Волгоградского государственного ун-та*. – 2016. – № 2 (32). – С. 49–58. – (Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии).
3. Губанов, Н.И. Критерии истинности научного знания / Н.И. Губанов, Н.И. Губанов, А.Э. Волков // *Философия и общество*. – 2016. – № 5. – С. 78–95.
4. Ершова, О.В. Ученые и эпистемологи о феномене конвенции / О.В. Ершова // *Симбирский научный вестник*. – 2015. – № 3 (21). – С. 154–159.
5. Коськов, С.Н. Консенсус и конвенция как категории современной эпистемологии / С.Н. Коськов, А.С. Лебедев // *Булгаковские чтения*. – 2016. – № 10. – С. 180–186.
6. Лебедев, С.А. Конвенционалистская философия науки / С.А. Лебедев, С.Н. Коськов // *Вопросы философии*. – 2013. – № 3. – С. 57–69.
7. Лебедев, А.С. Пересборка эпистемологического / А.С. Лебедев // *Вопросы философии*. – 2015. – № 6. – С. 53–64.
8. Лебедев, С.А. Конвенционалистская эпистемология / С.А. Лебедев, С.Н. Коськов // *Вестник Московского университета*. – 2013. – № 2. – С. 13–34. – (Серия 7. Философия).
9. Лебедев, С.А. Конвенционализм как синтез рациональности и антропологичности научного знания / С.А. Лебедев, С.Н. Коськов // *Вестник Московского университета*. – 2009. – № 5. – С. 93–98. – (Серия 7. Философия).
10. Лившиц, Р.Л. Не пожелавший прозреть / Р.Л. Лившиц // *Новые идеи в научной классификации*. Вып. 5. – Екатеринбург. 2010. – С. 596–599.
11. Макдонелл, К.Р. Экономика Принципы, проблемы и политика / К.Р. Макдонелл, С.Л. Брю ; пер. с 14-го изд. – Москва : Инфра-М, 2003. – XXXVI. – 972 с.
12. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. – 2-е изд. – Москва, 1960. – 907 с.
13. Микешина, Л.А. Философия науки : учебное пособие / Л.А. Микешина. – Москва : Прогресс-Традиция; МПСИ; Флинта, 2005. – 463 с.
14. Сергеев, А.Г. Проблема практической демаркации науки и лженауки на российском научном поле / А.Г. Сергеев. – URL: <http://klnran.ru/2015/10/demarcation/> (дата обращения: 10.02.2020).
15. Livshits, R. The markers of Pseudoscience / R. Livshits // *Advances in Economics, Business and Management Research*. Vol. 128. International Scientific Conference "Far East Con" (ISCFEC 2020). – P. 212–221.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-44-50

«НОВЫЙ ОРГАНОН» СОВРЕМЕННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

В.Г. Зангиров

О.А. Зангирова

В данной работе рассматриваются изменения, которые переживает философия познания в связи с развитием современных когнитивных наук, на материале которых возможно внести значимые коррективы в трактовку сущности и структуры человеческого опыта как основы для постановки и решения основных эпистемологических проблем.

Ключевые слова: эмпиризм, умозрение, когнитивные науки, знание, структура опыта, перцептивный опыт, вещественный опыт, жизнеутверждение, сознание, естественный интеллект.

«NEW ORGANON» OF MODERN EPISTEMOLOGY

V.G. Zangirov

O.A. Zangirova

This paper examines the changes that the philosophy of cognition is undergoing in connection with the development of modern cognitive sciences, on the basis of which it is possible to make significant adjustments to the interpretation of the essence and structure of human experience as a basis for formulating and solving basic epistemological problems.

Key words: empiricism, speculation, cognitive sciences, knowledge, structure of experience, perceptual experience, material experience, life affirmation, consciousness, natural intelligence.

Философское мышление, делающее своим предметом сущность и структуру познания, на протяжении всей своей истории испытывает влияние со стороны фундаментальных бытийственных обстоятельств человека и общества. За всеми категориями теории познания и эпистемологии просматриваются структуры реальности, в соответствии с которыми верифицируются или фальсифицируются мыслительные формы знания. Философия может принять форму акцентированного эмпиризма, крепко привязанного к непосредственным фактичностям бытия человека в мире. Но ей свойственно и ярко выраженное метафизическое раскрепощение мысли, вырабатывающей априорные суждения высшего порядка, характерные для умозрительных теоретических конструктов. Плодотворные периоды философского мышления отличаются гармоничным сочетанием порядка *опыта* и порядка *умозрения*. Похоже на то, что современный период эпистемологических штудий вышел на этот многообещающий путь, на котором формируется новый

взгляд как на феноменальное содержание знания, так и на его сущностные формы.

Связано это с существенным парадигмальным прогрессом так называемых когнитивных наук, дающих мощный импульс для переосмысления основных эпистемологических концепций и в целом характера философского мышления. В философский образ знания вносятся новые штрихи. Переосмысливается сама фигура *человека познающего*, заново пересматриваются функциональные связи познания со всеми формами отношения человека к миру. Знание начинает истолковываться как существенный атрибут искусственных информационных систем. Мышление становится свойством искусственного интеллекта. Разумность усматривается как способность самопрограммирующихся интеллектуальных систем, решающих нетривиальные творческие задачи [3].

Обозревая весь круг современных когнитивных теорий, все больше убеждаешься в том, что интегративные тенденции шаг за шагом преодолевают

Зангиров Владимир Гайфулович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Zangirov Vladimir Gayfulovich – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Law at the Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: zangirov@gmail.com

Зангирова Ольга Александровна – социолог (г. Хабаровск).

Zangirova Olga Alexandrovna – sociologist (Khabarovsk).

E-mail: zangirovs@mail.ru

© Зангиров В.Г., Зангирова О.А., 2020

ту «отраслевую» разобщенность, которая начала тормозить построение цельной философской картины человека познающего. Каждая отдельная когнитивная теория сейчас ищет потенциальные точки соприкосновения с другими теориями, идет им навстречу, преодолевая в собственных мыслительных конструкциях то, что может помешать этому плодотворному диалогу. Было время, когда отдельные философские концепции образовывали локальные мыслительные симбиозы. Тогда герменевтика искала точки сближения с феноменологией, структурализм с антропологией, а аналитическая философия пыталась найти свежее дыхание в повороте к метафизике. Сегодня этого уже недостаточно. Отдельные когнитивные теории встали на путь поиска интегративных представлений о том, что такое «знание», «информация», «мышление», «сознание», «язык», без которых практически невозможно подступиться к развитию информационных технологий, созданию искусственного интеллекта. Спросим себя, чей исследовательский предмет «язык». Ответим лишь перечислением ряда когнитивных теорий: «лингвистика», «психолингвистика», «нейролингвистика», «теория фреймов», «машинное обучение», «когнитивная психология». Но по сути речь идет о последовательном формировании общей метатеории языка, на фоне которой традиционные лингвистические теории выглядят узкими специальными областями.

Философское мышление может идти путями, на которых оно утрачивает основной изначальный мотив – самораскрытие человека. Обычно это происходит в форме построения предельно абстрактных концепций. В качестве примера можно указать на различные проекты теории познания, в которых скрупулезно штудируются проблемы истины, репрезентации, уровней, форм и видов знания, ощущений, восприятий и представлений, понятий, суждений и умозаключений. В результате перед нами возникают грандиозные теоретические конструкции, из которых практически невозможно усмотреть, кто, когда, как и почему познает мир, какое место в жизни реальных людей занимают эти тщательно исследованные категории. Именно из осознания этого методологического тупика и возникло современное *когнитологическое движение* как попытка вернуть человеку его законное место живого личностного субъекта реального бытия в мире, понимаемом как арена развертывания его персональной судьбы. Интересно даже просто наблюдать этот процесс наполнения выхолощенных абстрактных категорий энергией жизни, не говоря уже о том, какое творческое удовлетворение доставляет участие в этой нелегкой работе.

Тематика современных когнитивных наук открывает для философии познания новые возможно-

сти. Концептуальная фигура человека раскрывается с такой стороны, которая ранее не была плотно вовлечена в круг эпистемологических обобщений. Когнитивные науки предоставляют философии познания материал, стимулирующий новые подходы к исследованию природы, сущности и структуры знания. Этот материал нуждается в новаторской эпистемологической работе, в коренном переосмыслении бытийственного положения человека [4]. Для выражения этой задачи как нельзя лучше подходит вопрос, который задает Л.А. Микешина в одной из своих работ: «Как от абстрактного схематизма и теоретизма перейти к реальному познанию – текущему, изменчивому, историчному, индивидуальному, пребывающему в традиции, случайном, живых эмоциях, пристрастиях и интересах, принять его и, оставаясь в языке и мышлении философа, описать и объяснить в целостности?» [5: с. 5].

В решении сформулированной здесь задачи необходимо прежде всего уяснить, каким образом можно преодолеть абстрактность рассмотрения основных эпистемологических проблем. На наш взгляд, следует обратиться к такой инстанции процесса познания, которая и по форме, и по содержанию максимально конкретна в силу своей непосредственной связи с основными отношениями человека с миром. Эпистемологический возврат на почву живого опыта может быть тем подходом, в котором кроется потенциал решения задач понимания сущности знания и интеллекта в целом. Чтобы не остаться декларативным, этот возврат следует осуществить в такой форме, когда из структуры непосредственного человеческого опыта можно будет последовательно вывести и обосновать опосредованные категории теории познания. Эта задача будет практически невыполнимой, если в нашем распоряжении не будет хотя бы минимально ясной концепции структуры человеческого опыта, позволяющей установить связь между различными компонентами процесса познания. Основной причиной эпистемологической приблизительности и нестрогости является как раз вот это невнимание к исходной, генетически первичной инстанции познания – к *структуре опыта*. Это обусловлено тем, что та или иная эпистемологическая концепция не имеет главного – критерия истинности собственных рассуждений. Не нуждается в доказательстве то обстоятельство, что данный критерий немислим без апелляции к форме и содержанию опыта.

В качестве примера эмпирического обоснования эпистемологической концепции приведем анализ форм и содержания *перцептивного опыта*, на который обычно ссылаются практически все эпистемологи. В этом анализе мы исходили из собственной концепции структуры человеческого опыта, полагая, что она может приоткрыть завесу над основными аспектами бытия человека в мире.

В структуре опыта мы выделяем четыре базовые категории: вещь, перцепт, концепт и символ. Для нас это – четыре грани единого по структуре опыта, связанные между собой строгими взаимодействиями, выражающими бытийственную упорядоченность практики, восприятия, познания и общения. В категории перцепта мы усматриваем человеческую способность к чувственному восприятию определенной внешней образности и к внутренней переработке ее содержания в модусах смыслов и значений. Добавочно к этому постулируем, что перцептивность имеет три структурные формы – единичность, общность и особенность. Единичность перцепта сущностно связана с восприятием конкретных реальных вещей. Например, каждое конкретное дерево обладает неповторимой перцептивной картиной, имеет свой уникальный внешний образ. Если бы мы смогли чувственно воспринимать атомы, то мы увидели бы уникальную перцептивную картину каждого отдельного атома, т.е. реальной вещи. Все вещи мира перцептивно уникальны. Каждый перцептивный образ вещи можно рассматривать как единичный компонент опыта. Восприятие реальной вещи вообще относится всегда к неповторимому экзистенциальному событию персональной личности и тем самым к уникальному событию ее опыта.

Однако мы не только воспринимаем вещи, но и познаем их. Вот здесь и начинаются все наши концептуализации, без которых невозможны ни наше мышление, ни наша наука, ни наши коммуникации. Теперь мы постулируем, что в отношении концепта перцептуализация имеет общий характер, абстрагированную форму. Все наши концепты рождаются посредством обобщающих процедур, сводящих воедино уникальные перцептивные картины реальных вещей. Возьмем в качестве примера понятие «цунами». Само по себе это понятие не несет в себе никакой конкретности, в отличие от той реальной гигантской океанской волны, которая стремительно набегает на сушу. Это понятие осваивают и те, кто никогда не был вблизи океана или моря, но вполне представляют себе, какой перцептивной картиной сопровождается этот концепт. Без такой перцептуализации все наши концепты имели бы вид пустых понятий. Надо отдавать себе отчет в том, что основа любой концептуализации – это возведение в общность различных перцептуальных картин единичного характера. Задача концепта – поймать то общее в содержании уникального перцептивного опыта и возвести его в абстрактную понятийную сущность. Цунами как реальное событие можно концептуализировать различными способами, обогащая систему знания новым содержанием. Подлинное знание не извлекается из однородного события, но всегда связано с повторяемостью, совпадением, позволяющими осуществлять абстрагиро-

ванную перцептуализацию, имеющую характер внутреннего интеллектуального процесса.

Здесь надо внимательно отнестись к дифференциации понятий «конкретное» и «абстрактное», «внешнее» и «внутреннее». Когда мы говорим о конкретности восприятия реальных вещей, то очевиден внешний характер того перцептивного образа, который доставляется нам каждой реальной вещью, подвергаемой нами внешнему обозрению. Перцептуализация, сопровождающая формирование концепта, в принципе имеет характер внутреннего интеллектуального процесса. Это можно квалифицировать и как умственное воображение, ведущее к созданию общего представления. Ясно, что здесь речь может идти о перцептах внутренней абстрактной формы, а не о живом созерцании реальных вещей. То, что было конкретным и внешним, трансформировалось в абстрактное и внутреннее. Не требует пояснения, что вся жизнь концептов происходит в пределах нашего внутреннего опыта, нашего сознания, интеллекта. А перцептивный опыт имеет свойство сохраняться в ресурсах нашей памяти, актуализируясь в воображающей работе нашего ума. На основе сохраненного перцептивного опыта становится возможной поэзия, в которой этот опыт получает своеобразную концептуализацию. При чтении поэтической конструкции «Белеет парус одинокий...» в нашем воображении возникает не конкретный образ реальной вещи, а та самая абстрагированная перцептивная картина, которую каждый из нас формирует по-своему, на основе своего экзистенциального освоения мира. Три отдельных концепта «белизна», «парус» и «одиночество» слились в один общий поэтический образ, который можно иллюстрировать посредством художественного образа. Но и поэзию, и искусство сопровождает сходная абстрагированная и обобщенная перцептивная картина.

Теперь о том, как наш опыт связан с символизацией и как формируется перцептуальная картина наших символов. В рамках нашей концепции структуры опыта мы связываем символы с интерсубъективным опытом общения. В свою очередь, все интерсубъективные формы общения выстраиваются вокруг определенных систем значений, которые характеризуют жизненные функции процедур оценивания, выбора, предпочтения, избегания, т.е. эмоционально-волевого отношения человека к миру. Цунами, вокруг которого мы выстраивали наши предшествующие примеры, можно квалифицировать и как почву, из которой произрастают наши системы означивания и символизации. Ранее мы уже постулировали, что перцептивные картины, связанные с формированием символов, имеют характер особенных форм. Это означает, что всякое цунами имеет свои особенности, ко-

торым придается особенное значение. Сегодня мы увидели, что в океане поднялась небольшая волна, которая вряд ли доставит нам большие неприятности. Ей придается определенное значение, она становится символом незначительной опасности. Система оповещения информирует жителей побережья, что это цунами имеет такие-то параметры, такую-то степень опасности. Завтра картина может измениться, может прийти гигантская волна, которой будет придано другое значение, которая заставит принять чрезвычайные меры спасения. Эта волна – не просто уникальная реальная вещь конкретного восприятия, не просто абстрагированное сопровождение общей концептуальной конструкции, а конкретно-абстрактное перцептивное восприятие индивидуально-социальной интерсубъективной обстановки, означающей для всего сообщества побережья надвигающуюся огромную опасность. То, что имеет значение для одного человека, значимо и для остальных, если речь идет об общей обстановке. Что такое символ, как не общепринятая система выражения интерсубъективных значений? Образ поднимающейся над океаном волны становится значащим символом грозящей опасности. В этой символизации явственно просматривается синтез реального овеществления и идеальной концептуализации, обретающий характер особенного означивания. Само собой разумеется, что здесь речь идет о также синтетической перцептивной картине.

Проведенный нами анализ перцептивных компонентов опыта свидетельствует о том, что формы перцептивности различаются в зависимости от того, имеют ли чувственные образы отношение к вещам, концептам или символам. Относятся ли эти формы к процессу познания? Безусловно, но следует оговориться, что перцептивные репрезентации вещей, концептов и символов различаются между собой. Без учета этого различия перцептивный опыт сливается в сплошную массу, в которой невозможно разглядеть связь чувственного восприятия с основными аспектами бытия человека в мире. На наш взгляд, первичный перцептивный опыт лежит в фундаменте всех структур практики, познания и общения. Впервые увиденная реальная вещь доставляет нам первичную, исходную информацию о себе, становится краеугольным камнем памяти об этой вещи. Чувственно воспринятая вещь открывается для практического действия, но одновременно становится и первичным актом познания, сообщая нам о своих свойствах. И она же включается нами в процесс избирательного оценивания, обретает то или иное значение для нас. Все дальнейшие шаги практики, познания и общения берут начало из этого изначального акта чувственного восприятия. Мы не можем действовать вслепую, не можем познавать на основе пустых понятий, не можем строить меха-

низмы общения, если наши означивания не будут сопровождаться дифференциацией различных перцептивных картин интерсубъективных ситуаций.

Второй аспект опыта мы именуем «вещественным» или «овеществленным». Что значит иметь «опыт вещей»? Это значит, что любая реальная внешняя вещь превращается нами в объект практического действия. На основе перцептивного опыта мы обнаруживаем внешнее присутствие этой вещи в мире. Первичная форма познания вещей заключается в их непосредственном чувственном восприятии. Можно сказать, что здесь речь идет о первичном онтологическом *обнаружении* вещи. А разве поиск следов электрона в камере Вильсона не относится к тому же классу первичных онтологических обнаружений? В практическом смысле слова это есть не что иное, как перцептивный контроль за вещами. Если бы мы могли зрительно разглядеть местонахождение коварных вирусов, мы могли бы избежать массового заражения. Вместо этого мы прибегаем к сложному тестированию, вынужденно решая проблему верификации данных. Нечто похожее происходило в физике XXI в., когда для подтверждения существования бозона Хиггса понадобились дорогостоящие эксперименты на Большом адронном коллайдере. В непосредственном перцептивном обнаружении вещи предстают перед нами в своей уникальной единичной форме.

Практическое действие с вещами предполагает выявление того значения, которое каждая вещь имеет для нас. Эти вещественные значения можно рассматривать как форму обобщения вещей, их абстрагированный символизм. Общее в вещах – это не их уникальный перцептивный облик, а то назначение, которое мы придали вещи на основе многократного повторения сходного практического опыта. Акт означивания вещи имеет характер внутреннего действия субъекта, вовлеченного в интерсубъективную структуру практического общения. Это не личный изолированный акт, а именно социальный, коллективный, в котором формируется общность отношения к вещи. Сама вещь выступает здесь в виде объективной реальности, как нечто внешнее, иначе нельзя было бы говорить о практике. Но ее объективная реальность соотносена с интерсубъективной процедурой отношения к ней как к носителю социальной определенности. Что такое монета в руках покупателя? Своеобразное личное право на ее обмен на что-либо продаваемое. Кусочку металла придано значение денег, т.е. социальное качество средства обмена. Вне интерсубъективной структуры общения монета становится просто кусочком металла. Внутри этой структуры она приобретает функцию символизации форм общения.

Символизм практического общения становится более очевидным, если мы рассмотрим различные социальные формы отношения к вещам. Произво-

дитель цветов рассматривает клумбу с розами как товарный ресурс, который надо выгодно сбыть. Покупатель роз рассматривает их как покупку, за которую надо отдать свои деньги. Но продажа и покупка выступают лишь средним звеном между производством и потреблением. Купленные розы дарятся тому лицу, кто должен получить знак внимания. Розы, будучи совокупностью обыкновенных физических вещей, в акте общения приняли на себя функцию символа, т.е. стали вещественным знаком внимания. Современная цивилизация производит роскошные цветы в большом количестве лишь потому, что они обрели социально удостоверенное значение как вещи, способные удовлетворить потребность в объектах дарения или выражения социального признания. Сложилась социальная традиция дарить цветы по большим праздникам, торжественным случаям. Налицо символическое отношение к вещи, заключающееся в придании ей общего для данного социума значения. Традиционализм по отношению к вещам вообще характеризует любую материальную культуру, вне которой вещи остаются обычными физическими объектами.

К перцептуальному и символическому отношению к вещам следует добавить концептуальное отношение, в котором представлена функция практического познания. Огромный ряд наших концептов относится к свойствам реальных вещей. Концептуализация заключается здесь в том, что в отношении этих свойств вырабатываются специальные понятия, позволяющие дифференцировать вещи по их практической пригодности. Концепт «электропроводность» можно применять лишь к тем вещам, которые способны проводить электричество и в этом особенном качестве актуальны для нашей практики. Если к одной и той же вещи применить ряд концептов, то мы обнаружим, что каждый концепт выявляет в вещи очередную специфическую особенность. Речь идет о знаниях вещей, об осведомленности в их свойствах. Быть «подарком» – не свойство вещи, а принятый ею на себя социальный символизм. Быть «электропроводным» – свойство самой вещи, постигаемое людьми в процессе практического обращения с ней. Здесь вещь не выступает представителем общего признака, как в социальном общении, а характеризуется в качестве носителя определенного смыслового значения. Электропроводность вовсе не является абстрактным свойством, размытым во всех мыслимых проводниках. Это именно определенное, специфическое свойство вещи со своей определенной атомной структурой, с типичной электронной оболочкой, которую нельзя игнорировать, если мы намерены управлять практическими свойствами вещей.

По отношению к вещи концепт есть форма фиксации ее особенных свойств в отношении особен-

ных свойств других вещей. Познание реальных вещей есть одна из составных частей первичного опыта, на фундаменте которого исторически возникают многочисленные отрасли материального производства чрезвычайно сложной формы. Их имена широко известны: «атомная энергетика», «космонавтика», «фармацевтическая промышленность», «химическое производство», «биотехнологии». Все это вещественные формы практики, в основе которых лежит высшая форма концептуализации материи – наука. Сущностно нет различия, идет ли речь о постижении древним человеком свойств кремния или о понимании устройства ракетного двигателя современным инженером. Различие заключается в глубине проникновения в вещественные свойства, в структурной простоте первого и неизмеримой сложности второго. В обоих случаях условием успешности практики является умственная концептуализация вещи или целой системы вещей. Глубина концептуализации вещи соответствует возможности использования ее особых свойств. Кто бы мог знать, что известный древнему человеку кремний через огромное количество веков откроет свою новую особенность – стать структурным центром компьютерных процессоров. Концептуальный опыт вещественной практики исторически сконцентрирован в разветвленных отраслях естественных и технических наук.

Эту концептуализацию вещей практики можно назвать «практическим разумом», имея в виду, что здесь уразумение воплощено во внешних формах освоения мира. Этот опыт поистине историчен, потому что предполагает наличие преемственного процесса создания объектов материальной культуры. Здесь вещи выступают в ипостаси опредмеченного знания. Вехи на пути исторического развития знания тождественны эпохам промышленного прогресса. Любая вещь может быть концептуализирована, но есть особый класс вещей, в отношении которых необходимы специальные методы концептуализации. Это мир вещей «второй природы», продукты человеческого творчества. Труд по созданию этих вещей требует специальных знаний, опыта и навыков.

На примере перцептивного опыта и вещественного опыта мы увидели, что проблемы теории познания вполне извлекаемы из этой своеобразной концепции, которую мы именуем «структурным эмпиризмом». Аспекты опыта в своем логическом соотношении вполне соответствуют тому, что можно характеризовать как *эволюционные* стадии исторического процесса познания. Одновременно они могут рассматриваться и как ступени *онтогенетического* когнитивного развития. Очевидно то, что данный подход содержит в себе акцент на *эпистемологической субъектности* человека, рассмат-

риваемого в предельно широком ключе бытийственного жизнеутверждения в мире. Познание вообще вписано в процесс освоения человеком своего жизненного мира. В отличие от основной парадигмы феноменологии, учрежденной трудами Э. Гуссерля, мы полагаем, что ключевые проблемы сознания и познания коренятся в кропотливом исследовании *естественной установки*, определяющей базовые формы отношения человека к миру. Вместо редуцирующего исключения случайностей эмпирической фактичности нами предпринято обращение к структуре опыта в его повседневном закономерном становлении в качестве наиболее близкой дистанции к тому, что может быть квалифицировано как детерминированные самой жизнью модусы восприятия, практики, познания и общения.

Что касается методологического недоверия Гуссерля к эмпирической фактичности, то мы рассматриваем его как искусственно инициированную процедуру, благодаря которой инициатор феноменологии лишил себя возможности связать эйдетиические сущности с тем эмпирическим содержанием жизни и сознания, из которого они могут быть извлечены и без которого они лишаются всякого основания. Чистые эйдосы вообще мало пригодны для освоения физически устроенного жизненного мира, разве что находят свою естественную среду в мышлении математика. К тому же на их основе весьма проблематичен внятный философский дискурс, на который рассчитывал Гуссерль, не говоря уже о том, что они никак не могут быть инструментом построения системы универсального научного знания. Не случайно в современных когнитивных теориях влияние феноменологии сведено к минимуму, зато максимум внимания уделяется анализу психологических, нейрофизиологических, нейролингвистических, информационно-кибернетических аспектов опыта. Компьютер не нуждается в моделировании эйдетиической интуиции, да и вряд ли будет способен на нее. А вот исследования в области машинного зрения ведутся с учетом скрупулезных деталей непосредственного перцептивного опыта человека, наполненного случайными эмпирическими фактичностью. Если когда-либо искусственный интеллект будет способен к «усмотрению сущностей», то вряд ли это будут трансцендентально-очищенные эйдосы, добытые посредством выхолащивания интенций сознания до состояния пустых формальных схем.

Возвращая на место трансцендентального субъекта реального *агента жизнеутверждения*, мы получаем возможность утвердить теорию познания на надежном праксиологическом, перцептологическом и аксиологическом фундаменте. Истинность знания выражается как в адекватности и точности перцептивного восприятия, так и в концептуальном

обосновании реального вещественного строительства, в интерсубъективной согласованности символических конструкций языка и логики. Истина переживается как опыт, как сочетание удач и провалов, зоркости и слепоты, взаимопонимания и конфликтов. Удостоверенность знания истиной трансформируется в удостоверенность действия успехом, восприятия – точностью, а общения – согласием. Критерий истины в такой трактовке предстает как нечто многоаспектное, соотносительное: одно проверяется через другое; дефект одного элемента отрицает всю систему. Здесь знание рассматривается как функция жизни субъекта, встроенная во все основные отношения человека с миром.

Такой подход накладывает отпечаток и на трактовку сознания человека как его жизненной функции. И.А. Бескова разрабатывает идею *глубинного сознания*, лежащего в основе всех остальных форм проявления сознания и представляющего собой врожденную способность. По ее мнению, глубинное сознание есть изначальная, целостная, нерасчлененная, базовая для всех остальных когнитивных проявлений функция, на основе которой возникает перцептивное и высокоуровневое сознание [2: с. 224]. В другой работе И.А. Бескова соотносит естественно-интеллектуальную активность со всей полнотой человеческой экзистенции, усматривая у естественного интеллекта способность к интегральному постижению в своих познавательных стратегиях [1: с. 179]. На наш взгляд, именно наличие глубинного сознания является предпосылкой способности интегрального постижения мира, к которому человек обращен всем своим существом, изначально заинтересованным в жизнеутверждении в мире. Можно предположить, что на основе идеи глубинного сознания удастся найти более прочные основания для понимания интегральной структуры опыта.

Современные когнитивные исследования охватывают широкий спектр проблем, относящихся к познавательной деятельности человека в различных областях его жизнедеятельности. В трактовке познания как жизненного отношения постепенно появился новый аспект – понимание того, как структуры знания связаны с глубинными нейробиологическими структурами мозга и мозговой деятельности. Становится более понятным нейрофизиологический коррелят сознания, мышления и языка. Теория познания впервые получает шанс верифицировать свои концептуальные построения, опираясь на новый эмпирический материал, добываемый когнитивными науками. Вполне возможно, что некоторые эпистемологические построения при встрече с этим эмпирическим материалом окажутся несостоятельными. Надо быть готовым к тому, что придется радикально пересмотреть все, что было

сказано о сознании, разуме и мышлении психологами и философами. Традиционный путь развития теории познания со времен Платона и Аристотеля и до сегодняшнего дня был связан с опорой на ресурсы рефлексии, интроспекции и здравого смысла. Сейчас мы подошли к той точке, за которой начинается широкое обращение к объективному материалу когнитивных наук, который позволит нам лучше понять, что такое синтаксис и семантика языка, психология и логика мышления, пространственно-временная ориентация восприятия, рациональные механизмы абстрагирования, обобщения и категоризации. Нет сомнения, что в новом концептуальном освещении предстанут традиционные категории метафизики «тело», «душа» и «дух». Этот процесс раскрытия глубинных структур когниции благотворен для прогресса эпистемологических исследований.

На наш взгляд, в теорию познания сейчас приходит эмпиризм нового типа – связанный с глубоким проникновением в нейробиологические основания сознания, разума, мышления, языка, общения, культуры, искусства. Это сулит открытия таких фактичностей, о которых прежняя эпистемология могла строить лишь интуитивные гипотезы. Нуждается в переосмыслении само понятие опыта, которое может быть рабочим концептом для эпистемолога. Структура опыта перестает быть умозрительной конструкцией и обретает черты, выраженные на языке экспериментально ориентированных когнитивных наук. То, что происходит в структурах мозга и в функциях высшей нервной деятельности, должно стать составной частью опытной связи человека с миром. Нейробиологические механизмы восприятия и мышления являются имманентными компонентами человеческого опыта. Пришло время пересмотра концепта субъективности как фундированного на самоощущении «Я» внутреннего мира чувств, мыслей и эмоций. Субъективность – это еще и внутренние процессы нейробиологического характера, принципиально скрытые от самосознания, но открытые для объективного когнитологического исследования. Это объективное знание может стать основой для более глубокого представления о своей самости, тем самым открывая возможность целенаправленной коррекции своего внутреннего мира. Субъективность – это не только рефлексивная картина самосознания, но и скрытый внутренний мир Другого, глубоко интересующий психоаналитиков, психотерапевтов и психиатров. Современные когнитивные науки шаг за шагом раскрывают нейробиологические основания субъективности, позволяя иначе, более аргументированно, истолковать человеческую природу.

Надо отдавать себе отчет в том, что когнитивные теории, взявшие старт полвека назад, во многом были стимулированы работами в области ис-

кусственного интеллекта и информационных технологий. Концепт «знания» оказался в центре исследовательского интереса, став оправданным объединяющим принципом. Дальнейшее развитие когнитологического движения потребует расширения концептуального поля, привлечения категорий, выходящих за рамки проблематики познания. Это будет связано с более глубоким уяснением родства и общности сущности и структуры практики, познания, восприятия и общения, чьим конкретно-историческим выражением является укорененный в сущности жизнеутверждения многообразный и в то же время единый человеческий опыт. Категория опыта до недавнего времени не исследовалась со стороны своей структурности. Содержание опыта традиционно сводилось к чувственному аспекту восприятия. Умозрительный подход и не мог дать большего. Когнитивные науки поднимают пласты опыта, укорененные в нейробиологических механизмах познавательной деятельности. Надо отдавать себе отчет в том, что эмпирический базис эпистемологии кардинально обогащается. На место интуитивно-умозрительного истолкования структуры опыта приходит его экспериментально-обоснованное научное понимание.

Рассуждая о месте когнитивных наук в современном массиве эпистемологических исследований, можно сказать, что они представляют собой своего рода «Новый Органон» философии познания, обещающий новые линии раскрытия таких концептов, как знание и субъект познания. Когнитивный опыт человека, обобщенный эпистемологами, способствует необходимому «возвращению человека» в теорию познания. Для подлинного понимания *человека познающего* не нужны никакие метафоры – ни компьютерные, ни кибернетические. Нужно главное – возврат на почву целостного опыта жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бескова, И.А. Естественный интеллект, междисциплинарность и феномен интегрального постижения / И.А. Бескова // Философия науки. Вып. 19. Эпистемология в междисциплинарных исследованиях. – Москва : ИФ РАН, 2014. – С. 164–182.
2. Бескова, И.А. Сознание: перцептивное, высокоуровневое, глубинное // И.А. Бескова // Философия науки. Вып. 15. Эпистемология: актуальные проблемы. – Москва : ИФ РАН, 2010. – С. 214–232.
3. Когнитивный подход : научная монография / отв. ред. акад. РАН В.А. Лекторский. – Москва : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2008. – 461 с.
4. Максимов, Л.В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли / Л.В. Максимов. – Москва : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2003. – 160 с.
5. Микешина, Л.А. Эпистемология ценностей / Л.А. Микешина. – Москва : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007. – 439 с.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-51-59

ВОЗМОЖНОСТЬ БАЛАНСА КОГНИТИВНЫХ ПРАКТИК

Э.А. Тайсина

Основная идея данной статьи – рассмотреть балансирование современного человека между двумя или несколькими ипостасями: глубинной внутренней самостью и поверхностной внешней сетью социальных отношений (и наоборот – глубинным «ансамблем общественных отношений» и отчужденным «функционалом»), между «человеком мыслящим» и «человеком играющим» («символизирующим»), а также примеры / попытки примирения и/или прямого столкновения «ломающих» друг друга объяснительных парадигм.

Ключевые слова: классические, неклассические и постнеклассические парадигмы, пост- и after-постмодернизм, спекулятивный реализм/материализм, неоренессанс.

THE POSSIBILITY OF COGNITIVE PRACTICES BALANCE

E.A. Taysina

The main purpose of this paper is to analyze the balancing of a contemporary person between two or several hypostases: the deep inner self and the shallow external network of social links (and vice versa – the deep "ensemble of social relations" and the alienated "functive"), between "homo sapiens" and "homo ludens" ("Animal symbolicum") as well as examples / attempts of reconciliation and / or a direct collision of explanatory paradigms that break each other.

Key words: classical, non-classical and post-non-classical paradigms, post- and after-postmodernism, speculative realism / materialism, neo-renaissance.

Введение

Не хотелось бы начинать рассуждение с расхожей притчи о пяти (или более?) слепых индийских мудрецах, которым надлежало описать слона («стена, столб, веревка, веер, копьё... змея!») – однако придется. Невозможно более кратко обрисовать «выборку», на которую вольно или невольно идет познающий, чтобы передать мозаичную картину коллективного восприятия познаваемого объекта. Сложность в том, что современные мудрецы не имеют над собою того раджи, который решил бы спор, утвердив, например, что все правы – или никто не прав.

Мировоззренческих парадигм, а главное – их центральных объяснительных абстракций много больше, чем пять или шесть. Их толкований, а следовательно, методологических инструментов объяснений – не просто много; их в избытке, это целые арсеналы, в том числе искусствоведческие и философские. Однако в любом случае для познающего сохраняется первый вопрос: каков объект *поистине*? Затем сразу напрашивается второй: *а кто спрашивает*? И тут же третий: *как он/а это делает*?

Ответы на эти вопросы способны определить тип мировоззрения и «отнести» спрашивающего «по ведомству» того или иного философского

направления, той или иной методологии (познавательной техники) и даже той или иной идеологии.

Трудности разграничений парадигм

Вначале надо подчеркнуть: автор данной статьи *принимает* основное гносеологическое различие субъекта и объекта познания и действия, ибо несомненно, что ощущение диспозиционно, мышление абстрактно, а действие направленно. Это гносеологическое различие является основой классической, в основе – немецкой теории познания. Далее, диспозиция субъективного и объективного принимается с уточнением: есть области, где они совпадают. Изначально это *здесь-и-теперь-бытие-сознание*, "*Dabewußtsein*", о чем не раз приходилось писать [6]; на более продвинутых стадиях познания это *смысл* как место встречи идеального и материального, ибо язык действительно является орудием овладения объектом, а субъектом знания, скажем, у схоластов был не человек, а логическое подлежащее [6; 9]. Указанное уточнение могло бы отнести позицию автора к неклассическим, если не считать Беркли и Канта классиками. Наконец, это сама *практика*, в которой чувственное и логическое, субъективное и объективное целостнонеразличимы. Здесь применим был бы религиозный термин: они существуют «нераздельно/неслиянно»;

Тайсина Эмилия Анваровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и медиакоммуникаций Казанского государственного энергетического университета.

Taysina Emiliya Anvarovna – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Department of Philosophy and Mediacommunications at Kazan State University of Power Engineering.

E-mail: Emily_Tajsin@inbox.ru

© Тайсина Э.А., 2020

а впрочем, лучше подходит марксистская оценка этой, третьей, стадии познавательного действия, включающей и снимающей обе первых¹. Подойдет и теория речевых актов Остина, также целостно объединяющая коммуникативные и когнитивные практики. Этот пёстрый и нестройный хор интерпретаций можно было бы пополнить выкладками из произведений современных философов науки, в которых деятельностью (актами) научного познания исчерпывается определение познающего субъекта – ученого и результата его труда – науки. Наука – это то, что делается в лаборатории.

С другой стороны, есть области, где объективная реальность (а лучше сказать «действительность», чтобы сохранить корневую морфему, указывающую на активность) – это также субъект. Не только наблюдатель чувственно воспринимает, теоретически осмысливает и практически переделывает мир, но и наблюдаемое активно, оно является «субъектом всех изменений». Последнюю фразу, принадлежавшую средневековому мистика Якобу Бёме, как известно, одобрительно цитировал Маркс. Я бы сказала, сам Маркс. Весьма комплиментарно рассматривают эту средневековую синтагматику и постнеклассические постпостмодернисты, что лишний раз подтверждает нашу интуицию о том, что постмодернизм – это Новый Средний век (с его основной философской дилеммой номинализма и реализма). Вот как тревожно-образно выглядит эта синтагма, или подвижная картинка, или «текущая позиция» (выражение Хармана), анализируемая современным философом Э.Б. Миннуллой: «Внешнее врывается в жизненный мир человека, при этом не столько субъект соотносит себя с объектом, сколько наоборот: мир подглядывает за человеком, и в этом "паноптикуме" индивид обозрим как часть системы взаимодействий» [4]. Или сердцевина системы взаимодействий. Или *Entäusserung* – гегелевско-марксово «овнешнение». Собственно, и сам Маркс счел в свое время наиболее адекватным определением сущности человека «ансамбль общественных отношений».

Вместе с тем прорыв к «самим вещам», или к сущности, или к объективной действительности самой-по-себе есть чисто *человеческое* познание/действие.

Когда-то Локк, а затем Фейербах был обвинен в интеллектуальном одиночестве «гносеологического» Робинзона. Сегодня, напротив, всё больше внимания философы уделяют не коллективным,

групповым практикам коммуникации и познания, но самодовлеющему индивидууму – отказавшемуся, между прочим, от поиска независимой истины, веры в объективное знание, а также и от арсенала (позитивистских) методов анализа языка науки, – драматичному, «живому и единственному». «Наивно верить в возможность мыслить *ничто*, будь то даже математическое определение объекта, абстрагировавшись от факта, что именно *мы* мыслим это "ничто" [1: с. 10]. Это говорит выдающийся теоретик и основатель спекулятивного реализма Квентин Мейясу; причем говорит речитативом, как бы в скобках предисловия, предваряя основное свое суждение о необходимости контингентности.

Реагирую.

«Этого бесспорного утверждения мало. Мы не знаем и не можем знать, как именно *выглядит* мир "сам по себе" за пределами нашего существования. Соответствующий вопрос, будь он поставлен, не имеет ответа, он некорректен. Описать мир, выйдя за пределы человеческого, – команда невыполнимая. "Взглянуть" на нас мир может только в человеческих ощущениях, по преимуществу зрительных. Если нас нет, мир никак не "выглядит"» [6: с. 443].

Проникновение мысли в независимый объект («вещь-без-меня») «снизу» или «сверху» есть двойной возможный путь познания (по направлению к «четвероякому объекту»), в терминологии другого выдающегося теоретика того же направления мысли, что и у Мейясу – издателя его эссе Грэма Хармана [7: с. 18–21]. (Кстати сказать, Харман характеризует философию Мейясу как не-Евклидовую [9: с. 172]). Пафос этого широко обсуждаемого тренда нашего века – спекулятивного реализма (спекулятивного материализма) – состоит в усилии победить корреляционизм познающего и познаваемого.

Чисто логически, пожалуй, это тоже можно сделать двойко. Первая когнитивная техника состоит в том, чтобы «склеить» субъект и объект в единосущем понятии наблюдателя/наблюдаемого на манер последователей Беркли, Юма, Канта и иже с ними, т.е. сместить акцент на субъект (как в нашем "Dabewußtsein") с практическим исчезновением «внешнего». Ср. у Хармана, излагающего и комментирующего Мейясу: *Nothing is hiding outside the world or beyond the scope of human knowledge that could provide a cryptic causal depth for a world of appearances. Immanence 'implies a world with nothing outside that could limit its power of novelty'.* (Quoted from: Meillassoux's *The Divine Inexistence* (DI), p. 224) [9: с. 141]. В переводе: «Ничто не скрывается за пределами мира или за общим объемом человеческого знания, могущее обеспечить загадочную глубину причинности для мира явлений. Имманентность "подразумевает мир, вне которого нет ничего, что могло бы ограничить его

¹ Автоотсылка: «Практика (и её пять ролей) перманентно вызывает категориальные завихрения, загадочным образом сводя и включая в себя все три домена – объективный материальный мир, идеальное и язык. Удовлетворительно объяснить этот семиотический треугольник может только семиотика, но не диалектико-материалистическая гносеология в чистом и незамутненном общенаучными подходами виде» [6: с. 361].

силу новизны"» (Цит. по: К. Мейясу, «Божественное небытие» (DI): с. 224) [9: с. 141].

Вторая когнитивная техника состоит в том, чтобы, напротив, «расклеить» эту сцепку, убрав за скобки познающего вместе с его перцепциями, концептами и языком – или абсолютно убрав его, так сказать, из виду. Что же будет этим очищенным объектом, свободным от призм языка и культуры наблюдателя? У Гегеля в «Энциклопедии философских наук» встречаем суждение: «Внешнее есть *в себе* истинное, ибо истинное действительно и должно существовать». (Т. 1: с. 150). У постмодернистов, как известно, этим рафинированным объектом стал самодовлеющий *текст*. Дискурс. Мир символов. Терапевтический, даже магический опыт искусства. «Человек играющий» (или «символизирующий») вообще является признанной альтернативой классическому «Homo Sapiens». «Постструктуралистский [читай: постмодернистский. – Э.Т.] распад реальности происходит именно в результате её калейдоскопического преломления, опосредования в тексте» [4]. (Между прочим, Лейбниц не сомневался, что использование символов приведет ученого к самим вещам).

У after-постмодернистов, как бы они не именовались, это *не* текст. Это «конец любых идеалов» (С. Сонтаг). Главная цель теперь – «схватывание» объекта без участия субъекта «как посредника». Не имея способности представить такой кунштштюк вне формата гегелевской науки логики, автор данных строк соглашается, однако, с метафорическим титулованием такого «схватывания» как «философии доступа».

Человек многомерен; это не нуждается в доказательстве, не требует демонстрации. Демонстрации требуют его познавательные усилия, когнитивные практики, бессчетные по определению. Проблемой является способность сознания (человека) противопоставлять, сопоставлять, сочетать и затем «снимать» разнообразные когнитивные картинки и видеофильмы реальности, получаемые при содействии и воздействии множественных приемов или целых метод, неизменно приводящих к желанным результатам. Парадоксально, но факт: логически взаимосвязанное рассуждение поистине может доказать что угодно, ибо в универсальности вселенной в достатке вещей и явлений². Разумеется, это обилие дает нам полную возможность действовать

² Жестоким современным примером является ситуация в сегодняшнем Эквадоре, где скончавшиеся от коронавируса приравниваются к выздоровевшим – на том основании, что и те, и другие уже перестали распространять инфекцию. Впрочем, это, видимо, связывается с парадигмой, согласно которой (неверующие) люди всегда «больны»: больны смертью. Я слышала соответствующее рассуждение от молодого священника, выпускника Казанской духовной семинарии.

и мыслить *свободно*. Когнитивно-практическое проникновение сквозь феномены к сущности, прокладывание собственных троп и траекторий на этом пути осуществляется всё же субъектом – человеком. На «выходе», в конце пути, мы получаем множество своеобразных, более или менее оригинальных «картин».

Диалог исследовательских когнитивных практик и техник часто переходит из формы диспута, предусматривающего лишь коллективный обмен точками зрения, в форму полемики – «боя на победу», с применением не только корректных приемов спора, но и настоящих идеологических диверсий. Обострение дискуссий чаще всего наступает, когда речь заходит о *мировоззренческой позиции*, каковую люди склонны защищать бескомпромиссно. Более мягко протекают дискуссии *методологического* характера – хотя к ним-то прежде всего и приложима упомянутая притча об индийских мудрецах.

Существует интригующий, не получивший пока определенного ответа, методологически важный вопрос: каким именно образом разграничиваются, беря укрупненно, классические – неклассические – постнеклассические картины мира (парадигмы, системы, теории, *тексты*)? И классические – неклассические – постнеклассические субъекты? Скажем, в физике это просто: Ньютон – Эйнштейн – Фридман. А в философии, конкретно – в гносеологии? Считать ли системой отсчета, т.е. безусловной классикой теории познания труды Аристотеля – или Декарта? Локка – или Канта? Гегеля – или не Гегеля (Фейербаха, например)? Маркса – или не Маркса (Ницше, Вебера...)? Хайдеггера – или Маха/Авенариуса? Или Поппера-Лакатоша, или Фейербенда, этого анфан террибль эпистемологии, выступившего против метода вообще? Или же классика – это *все немцы*, независимо от их идейных различий и противостояний? Или это в целом вся культурная эпоха «до интерпретации», т.е. до традиции комментариев и толкований тысячелетнего Средневековья и до Нового Среднего века? Ведь когда-то «...у произведения не спрашивали, что оно *говорит*, ибо знали (или думали, будто знают), что оно *делает*» [5: с. 14–15]. Однако уже в культуре поздней античности возникает интерпретация...

Как именно, далее, соотносятся классификационные ряды модернизм–постмодернизм–after-постмодернизм, структурализм–постструктурализм–постпост..., т.е. деления, связанные с калокагетическими культурологическими исследованиями и переживаниями, экзистенциализмом, герменевтикой, философией жизни – и фазы развития позитивизма в формате философии науки, в особенности 2-я, 3-я и 4-я, а именно эмпириокритицизм, неопозитивизм и постпозитивизм (хотя это и не самоназвания)?

Неблагодарная задача прокладывания границ и построения классификаций всегда будет объектом критических атак. Это понятно: классификация дает внятную познавательную модель для критики. Самыми яркими современными примерами являются восстание постструктурализма/постмодернизма против (*сущностных*) «бинарных оппозиций» – «фокусного» знания, в которые никак не укладывается *содержательное* богатство (чего? Очевидно, «фонового» знания), а также тяжеловесных нарративов, повествующих о поиске истины, сущности и самости, и встречное, собственное контрпредложение «ризомы», «складки», лабиринта, эротики текста, амальгамы, «эхокамеры», «ленты Мёбиуса» и т.д.; и совсем новое – а может быть, сопутствующее – восстание «эпохи» постпост... против текста и дискурса, а попутно и вообще против «системы», т.е. против закабаления объективирующими и публично реифицирующими приватную, интимную самость человека социальными институтами и нормативами, в том числе (агрессивным) языком. Убедительно звучит характеристика попавшего в это постпостмодерное «междумирье» индивида: он/а, с одной стороны, «стремится к самоопределению, а с другой – избегает его, попадая в зависимость от символической идентичности...» [4].

Подчеркнем специально, что ни одна серьезная (или несерьезная) парадигматика/синтагматика, ни одно исследование, ни прежде, ни теперь, не обходится без бинарных оппозиций; и это не только вечное, классическое (или безостановочно устаревающее) категориальное знание: уникальное–универсальное, внешнее–внутреннее, знание–мнение, добро–зло, красота–уродство, абсолютное–релятивное и (простите) истина–ложь. Это также имманентное–трансцендентное, эмпирическое–трансцендентальное (ну или рациональное), логоцентризм–антропоморфизм, Я–Другой (ну или «разрыв в структуре бытия»). «Различающие» подходы в философии и подходы, исключающие «присутствие», есть также *диспозиция* направлений мысли и соответствующих «трендов»; она же «бинарная оппозиция». Скажем, объектно-ориентированная философия Хармана, отстраняющаяся как от античной презумпции более глубокого, подлинного существования, нежели гносеологические объекты, так и от (в сущности, кантианского) размежевания основ бытия и познания с последующим «склеиванием» явленной реальности и представления о ней, вводит свою эстетичную бинарную оппозицию «подрыва» и «надрыва» (в оригинале значительно эстетичнее: *overmining* и *undermining*), почти столь же изящную и стильную, как и постмодерные «пастиш» и «бриколаж». Действительно, что же еще можно сделать, занимая негласную позицию

наблюдателя, как не уважительно оставить *вне* когнитивного акта подлинное бытие, отстаивая его принципиальное существование, либо же *представить* его – и таким образом пробраться к объекту? Харман называет по именам философов, повлиявших на формирование его собственной, объектно-ориентированной онтологии: это Альфред Уайтхед и Хавьер Субири. «Я уверился в том, что любая сущность должна быть истолкована в радикально нереляционном смысле», – пишет он в Предисловии к русскому изданию. Что же в итоге? Четырехлепестковая диаграмма «объекта самого по себе», во-первых, сделала его (объект) «тёмным излишком, никогда полностью не выражающимся в своих отношениях» [7: с. 13–14]. А во-вторых, достаточно расширить цитирование, чтобы увидеть наглядно всё те же двоичные оси координат, на которых построена теория Хармана:

«Философия, предлагаемая в этой книге, есть философия не только объектов, но и поляризаций. Наряду с реальными объектами, которые существуют на воле сами по себе, открытые Гуссерлем чувственные объекты существуют только в неволе – в опыте некоей другой сущности. Но наряду с объектами есть также и качества, и что удивительно – объекты и обладают, и не обладают этими качествами. Такая система асимметрий – с двумя видами объектов и двумя видами качеств – и стала мотивом, побудившим предложить четвертичную структуру» [7: с. 139–140].

Харман далее рассуждает о *двух* способах «отвержения одной из полярностей»: «философия доступа», каковую он отверг, отрицает существование чего-либо вне мышления, а эмпиризм (точнее, субъективный идеализм. – Э.Т.) утверждает, что объект – не более чем его качества. Видя несомненное сходство обоих способов, Харман пишет о возможности объединения обоих; группировка приводит к тому, что от объекта остаются только *квалиа* и т.д. Остается последний вариант: «Философия, признающая *реальные объекты* как единственную первичную реальность. Это позиция большинства разновидностей классического реализма, для которого единые субстанции выступают основой всего сущего» [7: с. 140]. Самооценкой теории Хармана, призванной оборотить онто/гносеологический релятивизм, можно признать следующую аналогию: «Эта книга предлагает *систему* (*sic!*–Э.Т.), схожую с эмпедокловской... в которой пики, черви, тrefы и бубны вступают в *отношения* (*sic!*–Э.Т.) *посредством расщепления и сплавления*» (курсив в цитате мой. – Э.Т.) [7: с. 141].

Воистину, пойдешь направо – придешь налево.

Упомянем еще более новую концепцию постмодернизма, не имеющую претензии предстать актуальным проектом философии, не пишущую кар-

тину мира в соответствии с какой-то своей оригинальной методологией, не использующей ни гипотез, ни обобщений. Короче говоря, это не теория. (Примерно так выстраивается современная посттеоретическая философия науки, разрабатываемая отечественным ученым В.И. Пржиленским.) Однако и эта модель рассматривает настоящее как колебание между *двумя полюсами*: «классикой и постмодернизмом». «...Современное состояние – это и не глубокое погружение в сущность, и не скольжение по ризоматичной поверхности... это **осцилляция** между парадигмами классической и постнеклассической эпох» [4].

Нетривиальным примером универсального характера научных и философских объяснений в парных или двоичных координатах может служить концепция двух уровней хаоса применительно к когнитивной практике прогнозов, принадлежащая Ювалю Харари, историку, антропологу и палеонтологу, автору нашумевшей книги "Sapiens" [8]. Возможно, нижеследующие строки из этой книги явились заочным диалогом с другим философско-научным бестселлером «Черный лебедь», автором которого был Нассим Талеб [12]. «Черный лебедь» – теория Талеба, которая рассматривает труднопрогнозируемые и редкие события, обладающие огромной силой воздействия и требующие нового объяснения, которое в итоге оказывается простым. Практика показала, что никто и никогда не может предсказать кризисы (что предполагает и сама теория), однако эксперты во всем мире регулярно пытаются это делать. Так или примерно так характеризуют открытие Талеба отечественные СМИ³.

Можно сказать, что и позиция Мейясу находится в консонансе с Талебом: Ср.: "There is no secret principle 'hidden away in the secret drawer of a demiurge' (DI, P. 225), and reason teaches us that there is nothing illogical about sudden changes for no reason at all even if our senses proclaim the relative stability of the world" [9: с. 141]. В переводе: «Не существует секретного принципа, "спрятанного в тайном ящике Демииурга" (DI, P. 225), и он учит нас тому, что нет ничего нелогичного во внезапных изменениях безо всякой причины, даже если наши чувства провозглашают относительную стабильность мира». (Цит. по: Мейясу К. Божественное небытие (DI): с. 224) [9: с. 141].

³ Талеб так отозвался о пандемии коронавируса: «Когда мы увидели, что происходит, мы стали думать о том, как сделать мир менее соединенным... Мы должны просто избегать так называемых "суперраспространителей"... ввести больше регулирования в аэропортах, позволять государствам закрывать границы или просто тестировать людей до того, как они вступят на территорию страны. Потому что нам не нужно многого, чтобы избежать следующей эпидемии... Но если болезнь будет не респираторной, то нам надо будет заново учиться». // МОСКВА, 18 апр. 2020. РИА Новости.

Речь пойдет, с одной стороны, о непреодолимой сложности прогнозирования маловероятного, а с другой, о неминуемом «ответе», или обратной реакции прогнозирования маловероятного со стороны самого спрогнозированного маловероятного – в обществе.

Харари начинает разъяснение:

"History cannot be explained deterministically and it cannot be predicted because it is chaotic. So many forces are at work and their interactions are so complex that extremely small variations in the strength of the forces and the way they interact produce huge differences in outcomes". Это означает: «Историю нельзя объяснить детерминистически, и ее нельзя предсказать, потому что она хаотична. Так много сил производят работу, а их взаимодействия настолько сложны, что чрезвычайно малые различия в могуществе этих сил и способах их взаимодействия приводят к огромным различиям в результатах». С этим нельзя не согласиться. (В целом позиция Харари противоречит материалистическому пониманию истории, которую поддерживает любой марксист; однако она любопытна). Далее следует изложение теории двух уровней (видов) хаоса.

"Not only that, but history is what is called a 'level two' chaotic system. Chaotic systems come in two shapes. Level one chaos is chaos that does not react to predictions about it. The weather, for example, is a level one chaotic system. Though it is influenced by myriad factors, we can build computer models that take more and more of them into consideration, and produce better and better weather forecasts.

Level two chaos is chaos that reacts to predictions about it, and therefore can never be predicted accurately. Markets, for example, are a level two chaotic system. What will happen if we develop a computer program that forecasts with 100 per cent accuracy the price of oil tomorrow? The price of oil will immediately react to the forecast, which would consequently fail to materialize... as a result, the price will shoot up... today rather than tomorrow. Then what will happen tomorrow? Nobody knows" [8: p. 240].

Это означает вкратце: «История есть хаотическая система "второго яруса". Хаотические системы бывают двух видов. Хаос первого уровня не реагирует на предсказания о нем: погода, например. Хотя на неё оказывают влияние многочисленные факторы, мы можем создавать компьютерные модели, которые учитывают все больше и больше и дают все более качественные прогнозы. Хаос второго уровня – это хаос, который реагирует на прогноз и поэтому никогда не может быть предсказан точно: например, рынки. Что произойдет, если мы разработаем компьютерную программу, которая со стопроцентной точностью спрогнозирует цену нефти на завтра? Цена на нефть немедленно отреа-

гирует на прогноз, который, следовательно, не осуществится» [пересказ: 8: с. 240].

Здесь же Харари проводит параллель между экономикой и политикой.

"Politics, too, is second-order chaotic system. Many people criticize Sovietologists for failing to predict the 1989 revolutions and castigate Middle East experts for not anticipating the Arab Spring revolutions of 2011. This is unfair. Revolutions are, by definition, unpredictable. A predictable revolution never erupts".

В переводе: «Политика тоже является хаотической системой второго порядка. Многие критикуют советологов за неспособность предсказать революции 1989 г. и подвергают критике экспертов по Ближнему Востоку за то, что они не предвосхитили революции арабской весны 2011 г. Это несправедливо. Революции по определению непредсказуемы. Предсказуемая революция никогда не вспыхивает» [8: с. 240].

Можно сопоставить это с принятым в советской философии разделением законов на динамические, действующие однозначно, и статистические, или «законы больших чисел». Но можно этого и не делать, поскольку прекрасно работающие на идею автора «бинарные оппозиции» и так очевидны.

Опыт межевания парадигм и диалог когнитивных практик

Постмодернистская иерархо-многополярная схема образов культуры сегодня дала сбой. Но after-постмодернизм, конечно, наследует общему стремлению постмодерна дать отпор «классике», отвоевать право на смесь концептов и культур, если невозможен их подлинный синтез. С другой стороны, именно в наше время возродился порыв «к самим вещам», вне пояснений, примечаний, отсылок, интерпретаций, герменевтических истолкований и т.п. «Против интерпретации» выступили вполне современные авторы, называя её «мезью интеллекта искусству», «мезью интеллекта миру» (и даже «обывательским нежеланием оставить произведение» таким как есть) [5: с. 17–18]. Однако – как же без толкований достичь понимания, «внятно раскрыть подлинный культурный смысл» и тем паче «совершить освободительный акт» (речевые обороты С. Сонтаг) людям разных мировоззрений, ученым разных эпох и философам-изобретателям контрарных парадигм?

Никак.

Или всё же как-то? (Предположим то и другое!)

Следовательно, диалоги на эти темы просто необходимы.

Уже приходилось обращать внимание на первые модели универсального диалога, а именно беседы «Семи мудрецов» [11]. Их коммуникация не включала еще спор как таковой, спор без пощады; это были именно диспуты, обмен мнениями по важным вопросам общественной и частной жизни, задаваемым «модератором»; чаще всего таковым был Пе-

риандр. Позднее, в «сократических» диалогах, появились и другие виды спора, включая дискуссию и полемику; наводящие вопросы Сократа служили главным когнитивно-практическим инструментом обретения знания, часто истинного. При этом Сократ нередко останавливал диалог, если не удавалось сблизить позиции или перейти с одного яруса сложности на другой: «Пожалуй, нам необходимо крепко подумать об этих вопросах ещё». Тангенсоида такого диалога оставляла место для дальнейших размышлений, провоцируя мысль и побуждая собеседников к последующим встречам и новым попыткам достичь понимания.

Одним из результатов «лингвистического поворота» XX в. стало сближение оппонирующих когнитивных практик: философии науки, философии жизни и *диалектического материализма*. Соответствующий (советский) вариант был предложен известным советским методологом науки Л.А. Микешиной [2; 3]; в итоге стало возможным конструирование общего объекта исследования для формирующейся немарксистской эпистемологии⁴. К числу несущих, опорных идей такой новой эпистемологии можно отнести следующее обоюдоострое утверждение: «Сам субъект предстает правомерным и необходимым основанием для истины как соответствия знания предмету и соответствия предмета понятию» [2: с. 155]. Совершенно прозрачная лигатура, сведённое в одном определении «корреспондентной» теории истины, наследия марксизма, да и всей линии материализма – и «когерентной», или позитивистского требования непротиворечивости утверждений теории как достаточного критерия. В работе «Философия науки» Л.А. Микешина подчеркивает и взаимную дополненность обоих подходов (или «когнитивных практик»), и обособленно-определённую область эффективности каждого. Так, удерживается марксистское понимание *практики* как критерия истины, её «главного удостоверения». Она понимается не как «система прикладных процедур», вопреки, допустим, правилам аналитической философии. Вместе с тем в «Философии науки» Л.А. Микешина предложила поискать истину не в логике – а где-то в более «теплой» сфере (термин Хабермаса) жизненного мира; это при том, что в более раннем произведении философ даёт следующее хрестома-

⁴ Автору статьи посчастливилось присутствовать в качестве слушателя спецкурса, посвященного указанному практическому когнитивному развороту (в сущности гегельянской) советской философии в сторону кантианской теории познания, прочитанного Л.А. Микешиной в ИПК МГУ в 1985 г. Насколько можно судить, это был первый, пионерский проект такого разворота, впоследствии распространившийся и принявший характер общего места в отечественной эпистемологии, аналитической философии, философии науки и т.п.

тийное определение основной формы научного познания. Теория есть «развитая форма организации научного знания, в идеальном случае предполагающая дедуктивный метод построения и вывода знания – логических следствий, получаемых с необходимостью из системы аксиом или достоверных посылок» [3: с. 31].

Диалектико-материалистическая гносеология и рационалистическая отечественная эпистемология versus философская антропология?

Напрашивается «нераздельно/неслиянно».

«Свойства того или иного знания выводятся не из традиционных вечных критериев рациональности, но из свойств познающего субъекта и практических контекстов его деятельности и общения», – вполне справедливо утверждает Л.А. Микешина. «Типологии знания соответствуют типологии познавательных способностей индивида и типологии практик, каждому виду знания свойственны свои критерии строгости, адекватности и обоснованности» [2: с. 162]. Однако это были не все новшества в поиске баланса парадигм.

Соглашаясь со многими соображениями М.М. Бахтина, Л.А. Микешина предпринимает опыт «виража» в сторону философской антропологии, устанавливая существование истины не в (логике и) методологии науки, но в экзистенциально-антропологической философии, что оказалось жизненно важным для гуманитарной сферы: «Естествознание как наука ничего не может сказать нам о наших жизненных нуждах, о смысле или бессмысленности всего человеческого существования» [2: с. 158]. Надо заметить, что в то время – отказа от марксистской традиции, возникновения новых для страны либерально-демократических ценностей, прославления индивидуальности и приватности, критики «затеоретизированной» рациональности – веберовский целерациональный субъект, обособленно проживающий в мире идеальных социальных сущностей и действий, «где он имеет дело не с собой, а с имманентным законом», уже не пользовался философской поддержкой. Чтобы превратиться из бесплотной схемы в живого человека, нужно было ценностно-рациональное, неэгоистичное поведение; потребна стала *драма предназначения* и аффект. Индивидуум оказывается «одержимым необходимостью смысла», точно так же, как шелеровский и бахтинский «исторически действительный» и «участный» субъект [2: с. 159].

Менее деликатно происходит дополнение классики не-классикой, скажем, в монографии М.С. Кагана «Метаморфозы бытия и небытия: монография для вузов». (2-е изд. Москва : Юрайт, 2019. 424 с.). В этой книге, в соответствующей главе, посвященной проблемам – а более языку – онтологии, гегелевско-марксистский классический тезаурус (овнеш-

нение, отчуждение, опредмечивание/распредмечивание) не слишком органично дополняется неклассическим: «Духовные явления еще не обладают бытием, пока не овнешнены, т.е. не существуют для Другого», и т.п. (с. 100). Внутреннего протеста сегодня это не вызывает – если бы не уничижительно-оценочные фразы: «Идеологическая тенденциозность советской философии»... «Вульгарный "материализм" марксистов XX века...» и др. (Там же).

Такие когнитивные ЛЕГО-техники, объединяющие классику и не-классику, в целом можно было бы объяснить применением принципа дополнительности; минус в том, что «на выходе» получается часто самопротиворечивая картина. Это особенно касается нашей философии, изначально диалектико-материалистической, получившей «перестроечную» функционально-декоративную прививку феноменологии и других ипостасей неокантианства. Невозможно, чтобы А и не-А, сказанные о том же самом, сочетались: а) в том же месте; б) в то же время; в) в том же отношении. Точнее, возможно; язык может всё сказать; но это противоречиво с точки зрения школьной логики. Впрочем, как мы убеждаемся, и логика может доказать практически всё.

Возможность баланса когнитивных практик, конечно, существует. Однако есть ограничение, при выходе за рамки которого разнонаправленные или просто различные парадигмы начинают «ломать» друг друга (скажем, религиозная картина мира – и научно-материалистическая). Таким условием является синтагматическая непротиворечивость *имманентного принципа*, положенного в фундамент концепции (теории, системы, закона и проч.). Свобода интерпретации состоит как раз в нашем собственном выборе: какой именно принцип положить в основу классификации. Скажем, мы с легкостью объединили в одну когорту «немецкой классики» Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, поскольку при всем несходстве позиций в их философствовании есть общие характерные черты: идеализм, диалектика, рационализм. Однако опыт совокупления гегельянства и кантианства в виде постмодернизма *в теории познания* не удастся и не удастся: логика и гносеология Гегеля *объединяет* основы бытия и познания (в Абсолютной Идее), а логика и гносеология Канта основана на *разделении* основ бытия (-в-себе) и основ познания (феномена). Диалог между ними, разумеется, возможен; не только возможен, но он и имел место в истории европейской философии, и если в XIX в. победу одержало более прогрессивное на тот исторический период гегельянство, то «эпоха» постмодернизма – как и after-постмодернизма, составившие исторический фон для историко-критической философии постпозитивизма, – вернула кантианство обратно. Этому способствовали и известные политико-экономические

преобразования (постсоветская Россия и постсоциалистическая Европа в целом, отвергшие марксизм, законное идейное наследие Гегеля).

Можно сделать попытку применить школьную логику в рассуждениях о синтагматическом балансе или дисбалансе, совместимости или несовместимости парадигм, что возможно относительно сравнимых концепций. Сравнить можно не только имеющие общую местность концепции, но и противоположные, и противоречащие. Разные виды, не имеющие общих предикатов, могут быть соподчинены одной более общей концепции – и, следовательно, быть сравнимыми. Представляется, что фазы развития одного и того же философского или научного направления, «телескопически» вырастая из одной и той же основы, как правило, совместимы наподобие концентрических кругов. Этот тип совместимости называется подчинением. В пределе можно говорить о полном совпадении: в сущности учения Демокрита и Эпикура тождественны, различаясь при этом содержательно. Есть также пересекающиеся парадигмы, согласные в одном отношении и несогласные в другом, имея общую сферу значений и при этом распадаясь в отдельных важных воззрениях (Платон и Аристотель, Гегель и Шеллинг, Гуссерль и Хайдеггер, например).

Наши пост- и after-постмодернизм только на вид контражны, но в сущности, безусловно, совместимы; у них общая, кантианская, философская основа и общий комбатант: метафизика. По аналогии так же совместимы нео- и постпозитивизм, структурализм и постструктурализм. Кроме того, все они легко поддаются сравнению друг с другом на том же основании. Исследователю только надлежит разместить «картинки» из кругов Эйлера в правильном порядке – и баланс либо дисбаланс, совпадение или распадение легко проявятся. Важно, однако, четко представлять себе, какой имманентный принцип (или дефинитивный признак, в данном случае это не очень важно) избран, чтобы служить основанием определения и деления. Можно, например, трактовать отношения постмодернизма и постпозитивизма как перекрещивание, а не совмещение, поскольку постпозитивизм в отличие от своего предшественника – неопозитивизма (логического синтаксиса и логической семантики) – имеет преимущество художественного стиля изложения, оперирует богатыми примерами из области гуманитаристики, отказываясь от ригоризма физикалистского знания, и постпозитивистские тексты так же остроумны, блестящи и привлекательны, как творчество постмодерна. А можно представить эти отношения как включение: тогда постпозитивизм (философия науки) – это, в терминологии Полани, фокусное знание, а постмодернистский дискурс – фоновое. И такова максимальная когнитивная свобода субъекта от объекта,

на который направлено познание и деятельность: выбор приёмов, методов и метод написания картин мира зависит от человека. На этой познавательной свободе зиждется и диалог когнитивных практик, – коммуникация, в которой человек произвольно выбирает, будет ли этот диалог лишь тщательным предъявлением (мировоззренческих) позиций, дискуссией с намерением обрести понятийный консенсус в общем поле смыслов перекрещивающихся парадигм – или убийственной полемикой, боем на экстинкцию. Последняя альтернатива, к сожалению, также возможна при том номиналистском хроматоскопе, преломляющем образы одного и того же объекта в глазах разных индивидов, Авторов, Акторов и Субъектов, который используется чаще, чем в этом есть жизненная необходимость. Это не наивное, примордиальное, первичное восприятие мира «без посредников»; это в первую голову действие, познавательное действие; можно сказать, это своеобразная «когнитивная практика». It doesn't matter what you know, it only matters what you can do. Однако любая попытка избавиться от классики насовсем – скажем, решительно отказаться от метафизики, «помещения в систему категориального знания», от всех и всяческих универсалий – выведет на авансцену Сингулярию, которая тоже есть универсалия. Это бинарные оппозиции.

Заключение

Фасеточное зрение, присущее пост- и after-постмодернизму, этот новый номинализм, изысканно раздробивший представление человека о себе и о мире, в котором он бытийствует, много послужил изоощренным, образованным умам, но мало психологическому и философскому «здоровью». «Современный индивид руководствуется страхом упустить нечто из-за того, что избыточно много знает о внешнем мире, за которым наблюдает через социальные сети. Одновременно он раздражен и пребывает в скуке вследствие нетождественности самому себе, образования складки между собой и тем отчужденным "Я", которое в нем самом (для него) является странным (weird)... Это несоответствие между субъектом и объективированным "Я" составляет трагедию человека и обуславливает его тоску по подлинному», – так Э.Б. Миннуллина [4] характеризует современную душевно-духовную ситуацию, которую мы склонны рассматривать как новое Средневековье.

Когда маятник пойдет в обратную сторону, Новый Средний век сменится, должен смениться новым Ренессансом. Многомерность человека, соперничающая с безмерностью вселенной, перестанет пугать и начнет нас радовать. И это не наивная вера; тревожит только предупреждение Талеба и Харари относительно бесполезности написания картин будущего на основе знания прошлого.

Мы совсем не склонны идеализировать «радугу» Возрождения, озарившую «ночь» Средневековья. XV в. – время флорентийских академиков, книгопечатания, клавирина, великих научных открытий и величайших мастеров искусства – был также веком десятков междоусобных войн: между потомками Дмитрия Донского, между Москвой и Новгородом, между литовско-польской армией и Тевтонским орденом. Кастилия против Арагона, Ланкастеры против Йорков; Валуа... Медичи... Сфорца... Борджиа... Золотая Орда и...

К тому же XV в. был веком чумы, пришедшей из Генуи и уничтожившей треть населения Европы.

Однако главное, что позволяет сегодня надеяться на то, что Новый Ренессанс будет не просто диалектически объяснимой стадией прогрессивного, я надеюсь, развития вида Homo Sapiens – надежду рождает призывный витрувианский образ всеобщего гармоничного человека, как и стоящий за этим образом целостный человек. «Конец всех идеалов» будет отсрочен – или из творческого хаоса второго уровня родится еще один ярус и иной порядок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мейясу, К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности / К. Мейясу; пер. Л. Медведевой. – Екатеринбург; Москва : Кабинетный ученый, 2015. – 194 с.
2. Микешина, Л.А. Философия науки: современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования : учебное пособие / Л.А. Ми-

кешина. – Москва : Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. – 464 с.

3. Микешина, Л.А. Философия познания. Полемиические главы / Л.А. Микешина. – Москва : Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.

4. Миннуллина, Э.Б. – Постпостмодернизм: между субъектом и абсолютно внешним / Э.Б. Миннуллина // Философия и культура. – 2020. – № 4. – С. 1–10. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31842 (дата обращения: 10.02.2020).

5. Сонтаг, Сьюзен. Против интерпретации и другие эссе / Сьюзен Сонтаг. – Москва : Ад Маргинем, 2014. – 352 с.

6. Тайсина, Э.А. Теория познания. Интродукция и рондо каприччиозо / Э.А. Тайсина. – Санкт-Петербург : Алетея, 2013. – 608 с.

7. Харман, Грэм. Четвероякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера / Грэм Харман ; пер. с англ. А. Морозов, О. Мышкин. – Пермь : Гиле Пресс, 2015. – 252 с.

8. Harari, Yuval Noah. Sapiens. A Brief History of Humankind / Yuval Noah Harari. – HarperCollins, NY, 2015. (First published in Jerusalem, 2011). – 443 p.

9. Harman, Graham. Quentin Meillassoux. Philosophy in the Making / Graham Harman, ed. Second edition – Edinburgh University Press, 2017. – 300 p.

10. Tajsin, Emilia. Essays on the New Theory of Cognition. In 4 v. Essay I. The Basic Syntagma / Emilia Tajsin. – Vědecko vydavatelské centrum "Sociosféra-CZ", Prague, 2018. – 162 p.

11. Tajsin, Emilia. The Seven Sages on the Issues of Universal Dialogue: a Message to Contemporary World / Emilia Tajsin // Dialogue and Universalism. – 2017. – Vol. XXVII, № 1. – P. 33–42.

12. Taleb, Nassim Nicholas. The Black Swan. The Impact of the highly improbable / Nassim Nicholas Taleb. – Random House Trade Paperbacks, New York, 2010. – 435 p.

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕЯ СИНТЕЗА КОГНИТИВНЫХ ПРАКТИК И ЛОГИКА ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

М.П. Арутюнян

Опираясь на когнитивный принцип «разноуровневости» методологии (В.А. Штофф) и философско-методологическую идею «синтеза знаний и когнитивных практик», обоснованную в философии познания Л.А. Микешиной, автор обращается к вопросу рефлексивного анализа «методологического синтеза» в контекстах философско-методологического анализа феномена мировоззрения и обсуждает проблему соотносимости идеи синтеза когнитивных практик с актуальными сегодня мировоззренческими контекстами логики трансдисциплинарности в ее экзистенциально-антропологических контекстах.

Ключевые слова: философия познания, уровни методологии, экзистенциально-антропологический поворот, «синтез когнитивных практик», «доверие эмпирическому субъекту познания», мировоззрение, трансдисциплинарность, проективное мышление.

PHILOSOPHICAL-METHODOLOGICAL IDEA OF COGNITIVE PRACTICES SYNTHESIS AND LOGIC OF TRANSDISCIPLINARITY

M.P. Arutyunyan

Based on the cognitive principle of “multilevel” methodology (V. A. Shtoff) and the philosophical and methodological idea of “knowledge and cognitive practices synthesis” justified in the philosophy of cognition by L. A. Mikeshina, the author considers the issue of reflective analysis of “methodological synthesis” in the contexts of philosophical-methodological analysis of the worldview phenomenon. The author also discusses the correlation problem of the cognitive practices synthesis idea to the current worldview contexts of the transdisciplinarity logic in its existential-anthropological contexts.

Key words: philosophy of knowledge, methodology levels, existential-anthropological turn, “synthesis of cognitive practices”, “trust in the empirical subject of knowledge”, worldview, transdisciplinarity, projective thinking.

Методологическая идея синтеза знаний и когнитивных практик. Идея синтеза знаний не нова. В ее контекстах и содержании происходят интегративные процессы познания, обосновывается и утверждается мировоззренческий стержень исторического типа культуры. Особый методологический интерес к идее синтеза обнаруживается в кризисные периоды развития общества и состояний его сознания, характеризующихся сменой мировоззрений, научных картин мира, стилей и парадигм мышления. Востребованность такой философской рефлексии становится запросом современности. Объективно складывающиеся процессы глобализации, многомерной коммуникации и интеграции, происходящие в современном техногенном мире, имеют самые разные, в том числе не всегда ожидаемые и желательные для человека и сохранения гармонии мира, последствия. В связи с этим актуализируется практическая проблема моделирования оптимальных для развития человека и человечества социальных, экономических, политических, идеологических процессов; проблема управления и

обеспечения качества жизни. В объективно складывающихся условиях выбора актуализируются исследования многогранности панорамы сознания, сочетания в ней различных методов и методологических ориентиров; открываются возможности критической рефлексии старых оснований и становления новых импульсов саморазвития самого методологического сознания.

Закономерные процессы смены парадигм мышления открывают путь осмысления и теоретической разработки одной из ключевых регулятивных идей методологического сознания – идеи разноплановости и «разноуровневости» методологии как «теории метода» (В.А. Штофф). Именно в ее контекстах и содержании может быть поставлена и теоретически обоснована философская идея синтеза как проблема поиска общих оснований целостности и единства функционирующих различий; исследования многообразия проявления целостностей, имеющих в своих онтологических основаниях – целостности мира, человека, познания, гармонию отношения «человек–мир». Именно глубинная объективная потребность

Арутюнян Маргарита Павловна – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Arutyunyan Margarita Pavlovna – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Socio-Humanitarian Sciences at Pedagogical Institute of the Pacific National University (Khabarovsk).

E-mail: mpa@email.su

© Арутюнян М.П., 2020

гармонизации системных связей и отношений разрозненных элементов в целое лежит в основании философско-методологической идеи синтеза. Каждый элемент целого удерживает в себе «единое», проявляя сущность целого. Элементы целого, по выражению Гегеля, «светятся в нем».

Диалектика синтеза – как системной организации различий в единое мыслеполе – своеобразно проявляется в закономерностях функционирования методологической ментальности, возникая и утверждаясь в дискурсе философских методологических концептов, где становятся предметом особого внимания и специального исследования предельно общие вопросы теории познания и связанные с ними проблемы эпистемологической коммуникации. В их числе – проблема рефлексии разнородных элементов поля когниций, объективно составляющих единое эпистемологическое пространство¹.

Решения этих комплексных проблем задают особую направленность и тональность разработки теоретической идеи методологического синтеза. Запрос времени побуждает к поиску общих оснований совместных усилий и действий человечества, а с ним – к теоретическому обоснованию сущности и содержания того контекста, в котором эти усилия и их тексты (в том числе науки, философии, религии, идеологии, политического, правового, внеучного, повседневного и т.д. знания) окажутся не просто совместимыми и сосуществующими, но совместимыми и дополнительными, «работающими» в общих основаниях, на общую идею. Возможен ли такой синтез? Теоретически – да. Но практически – он сохраняется и перманентно воспроизводится в качестве очень большой и сложной концептуально-теоретической и экзистенциально-антропологической проблемы. (Хотя поиск путей практического воплощения экзистенциальных идеалов онтологически значим для ценностной регуляции человеческой жизнедеятельности.)

Составляет большую проблему и само теоретическое моделирование целостностей на уровне форматов методологической ментальности. Серьезными методологическими рисками здесь могут стать абсолютизации и возведения в статус «всеобщего» тех или иных методологий, объективно ограниченных заданной предметностью и локальностью ее природы и ее функциональных возможностей. История знает немало примеров подобных

методологических редукций, связанных с ними теоретических просчетов и, как следствие, – возникающих на этой почве серьезных практических проблем. Соответственно принципиально важным для философской методологии оказывается выбор исходной позиции обобщающей аналитики – «синтезирующего аналитического взора», или особой «методологической призмы» исследования. Она открывает возможность созерцания сущего феноменов и оценки потенциала их различий, способности представить, удержать и укрепить саму целостность. Это возможность по-новому увидеть, осмыслить, оценить и обосновать на уровне философской методологии познания потенциал объективно различающихся своим многообразием и назначением форм и методов познавательной деятельности. Сама по себе – это сложная проблема, порождающая перманентный методологический дискурс². И принципиально значимой в поисках оснований обсуждаемой целостности для методолога оказывается исходная позиция – точка отсчета.

Для методологического выбора Людмилы Александровны Микешиной исходным основанием аналитики становится когнитивный потенциал *фило-*

² Парадигмальные обновления современного методологического сознания становятся знаком времени. Они знаменуют собой уже не столько исторически известные методологические «повороты» философствования, такие как: культурно-исторический, онтологический, герменевтический, лингвистический, коммуникативный, конструктивистский и др., сколько направления, рефлексирующие в таких изменениях, определяющие целостности, синтезы, коммуникации. Это: дальнейшее обоснование «открытой рациональности» (В.С. Швырев); установки на существенно значимый для этого типа рациональности «синтез когнитивных практик», «доверия эмпирическому субъекту познания», «экзистенциально-антропологический подход» (Л.А. Микешина); понимания уровневого строения методологического сознания (В.А. Штофф); признания когнитивного статуса диалога (В. Библер), дискурса как рефлексивной речевой коммуникации (Ю. Хабермас); допущения соизмеримости и «дополнительности» (Н. Бор) разных дискурсов на уровне функционирования фоновых полей, экстенциональных экспланант в обосновании приоритетов той или иной научной методологии; экспликации философии как «единства научного и вне-научного мышления» (Т.И. Ойзерман); анализа «скользящей границы» между «научным» и «ненаучным» мышлением (В.А. Лекторский). Весьма интересными в этом плане представляются направления методологической рефлексии, выраженные следующими лексемами и понятийными связками: «познание, проектирование, идеал» (В.С. Швырев, Е.П. Никитин, А.Г. Никитина); «знание и мироотношение» (В.С. Швырев); «идеал и критическая рефлексия» (М.А. Розов, В.Н. Порус, В.А. Лекторский), «соединимость «религии и научного знания» (В.А. Лекторский), «логика разума, парадокса» (В. Библер); актуальными сегодня становятся идеи «логики как теоретической и практической дисциплины» (И.Н. Грифцова), «проективного мышления», «междисциплинарности» и «трансдисциплинарности» и т.д.

¹ Так называемый третий мир, по К. Попперу. Его пространство – объективное содержание культурно-исторической памяти; оно проецируется в состояния, формы и содержание ментальности разных культурно-исторических эпох, доминирующих в них форм и содержаний познания, в форматы организации когнитивных практик, предметов и субъектов – носителей познания. Это пространство открыто исследователю.

софии познания, включающей в качестве важнейших составляющих ее целостности традиционную теорию познания (гносеологию), эпистемологию и философию науки. «Я стою на стороне сохранения и дальнейшего развития систематической философии познания на основе синтеза когнитивных практик, а также диалога двух традиций – рассудочно-рациональной (картезианской) в ее современном виде и экзистенциально-антропологической», – пишет Людмила Александровна. И далее даёт важные методологические замечания – об историчности традиционной субъектно-объектной парадигмы познания и признании права «создавать когнитивные практики вне этой парадигмы». При этом главными для такого методологического синтеза и диалога становятся непреходящие и хорошо известные классической философии принципы: «укорененности познания в бытии», единства и категориальной оппозиции субъекта и объекта, различения эмпирического, трансцендентального и экзистенциального субъекта, принцип «рациональности и преемственности в познавательной деятельности» и др. [26: с. 52–53].

Тем самым методологическая призма философии познания в аргументации Л.А. Микешиной, с одной стороны, сохраняет за гносеологией, эпистемологией и философией науки их философский статус – «всеобщего знания», т.е. их абстрактно-гносеологическую и логико-методологическую природу. А с другой стороны, она открывает для этих областей методологии познания новые возможности и горизонты – горизонты их возможных обращений к параметрам социокультурных, культурно-исторических, антропомерных, экзистенциальных контекстов в рефлексии динамики процессов познания. Соответственно для этих областей философского знания открываются и новые ориентиры в аналитике синтеза знаний и когнитивных практик, осмысление вопросов их междисциплинарных и межпредметных связей. Именно в концептуально емких контекстах философии познания становится возможным методологическое прояснение и обоснование особенностей, мировоззренческой природы гуманитарной науки и гуманитарного познания – того познания, где сам текст, по мысли Л.А. Микешиной, выступает «синтетической единицей методологического анализа».

В данных интерпретационных контекстах вполне естественной методологической установкой философии познания для Людмилы Александровны становится и аргументативная позиция *экзистенциально-антропологической меры* анализа. Проецируясь в контексты методологической идеи «синтеза знаний и когнитивных практик», она достаточно гармонично вписывает в методологию познания ведущие понятия экзистенциальной фи-

лософии, такие как: вера, доверие, жизненный мир, миро-воззрение, миро-понимание, понятия целостности человека и человеческого бытия и др. Соответственно и в качестве ведущих когнитивных принципов «целостной философии познания» Людмила Александровна определяет и обосновывает экзистенциально-антропологические понятия и принципы «целостного человека познающего», «доверия человеку познающему», «доверия эмпирическому субъекту познания». Они вписываются в контексты философии науки, расширяя и углубляя ее действительные эксплицитные горизонты. Сложные процессы субъективной природы и субъектной мотивации научного познания, его интерпретационных контекстов, закономерностей функционирования личностных, неявных, фоновых знаний и т.д. здесь получают своё осмысление и прописку. В метаориентирах философии познания, способной синтезировать разноуровневые когнитивные практики, рефлексировать сложные пересечения разнопредметных форм познания, открываются возможности методологического анализа сложных феноменов. Таковым предстает и феномен мировоззрения (нем. «Weltanschauung»).

О синтезе методологических подходов в рефлексии понятия мировоззрения. Не ставя своей задачей описание и пояснение всей сложности философско-методологической аналитики феномена мировоззрения [4; 7], обратимся к некоторым итогам исследования автора в форме констатации онтологической природы и сущностных черт мировоззрения как важнейшего атрибута бытия человека в мире, его эпистемологического образа, и некоторых методологических подходов аналитики, взаимосвязанных в данном исследовании. Исходным в аналитике мировоззрения в контекстах общих установок философии познания стал феноменологический подход³. В своем основании феноменологический

³ Именно феноменология, будучи открытой «иному» и способная достраивать «в себе» недостающие звенья, призвана прояснять «сущее в существовании» аналитических подходов самых разных – как классических, так и модернистских способов философствования. Исследовательски интересен и методологически значим сам путь, сам характер такого восполнения. «Феноменологию, – словами одного из видных последователей данного философского направления, Мориса Мерло-Понти, можно принимать и практиковать как способ или стиль, она существует как движение еще до того, как достигает полного философского осознания <...>. Именно в нас самих мы находим единство феноменологии и ее дополнительный смысл... Дело не столько в том, чтобы вести счет цитатам, сколько в том, чтобы объективировать эту феноменологию для нас, благодаря которой, читая Гуссерля или Хайдеггера, большинство наших современников изведали такое чувство, будто они узнали не новую философию, но скорее, встретились с тем, что давно ожидали. Феноменология доступна только феноменологическому методу» [18: с. 6].

подход полагает изучение смыслов и сущностей, но трансцендентальное он погружает в экзистенцию.

Сущностный философский анализ мировоззрения может быть дополнен *культурологической* (исследовательски – наиболее представленной) традицией рефлексивного анализа мировоззрения. Она «достраивается» при феноменологическом подходе до целостности, через подключение (по принципу уровневой дополнительности) к культурологическому – других, не менее традиционных: *эпистемологического, онтологического, аксиологического, праксеологического, антропологического* аспектов анализа. При этом каждый из данных аспектов сам может выступить генерирующим фактором такой систематизации и при изменившихся точках отсчета репрезентировать феноменологический подход к понятию мировоззрения в иных контекстах, в том числе в контекстах сущностно-репрезентирующей феномены мировоззрения проблематики образования. При этом каждый из этих традиционных подходов обогащает свое собственное содержание, получает импульс развития, обновляет смысловые поля исследования.

Так, в *культурологической* традиции анализа сложились классические представления о мировоззрении, его формах и типах как феноменах культуры. Проявляясь в специфических социокультурных и конкретно-исторических объективациях той или иной эпохи и наполняясь содержанием образующей его формы (как правило, культурно- и исторически значимой для определенного этапа развития общества), мировоззрение в логике культуры эксплицируется взаимосвязанными понятиями: «*духовное ядро*», «*квинтэссенция культуры*», «*основная культурологическая идея*», «*картина мира*», «*стиль мышления*» и др. Эти понятия наполняются ему (мировоззрению) созвучным сущностным содержанием («механицизм», к примеру, – как мировоззренческое ядро порождает механистическую картину мира, стиль мышления и т.д.), они оказываются формой проявления одного из основных функциональных назначений мировоззрения – быть *организующим ядром культуры*. Именно в этом смысле мировоззрение называется К. Мангеймом «*духом эпохи*», – формой, по его мнению, непосредственно невыразимой, в любых ее (культуры) видах объективации). О мировоззрении он говорит как о «*мирочувствовании*», «стоящем за этими объективациями» [19: с. 54–117]. И в этом своем качестве оно оказывается внешним, трансцендентным по отношению к жизни человека и человеческого сообщества основанием. Современной эпистемологией, воспринимающей, по существу, эти мировоззренческие смыслы познающего бытия, осознается важнейшая роль «предзнания», допонятийных, дорациональных форм созерцания бытия, идет поиск понятийно-логических форм для выражения такого постижения в теории

познания; мировоззренческое и методологическое знания при этом характеризуются как формы ценностных предпосылок науки [27: с. 244–297]. Так культурологический аспект анализа мировоззрения «достраивается» *эпистемологическим*.

Другим, столь же предельно общим феноменом из основных культурологических функционалов мировоззрения является *образование человека. Философия образования* методологически проясняет его мировоззренческую природу, актуальное содержание и культурно-исторические тексты мировоззренческой парадигмы [3; 7].

В актуальной культуре действительно значительно активизировались и культуuroобразующий, и собственно образовательный потенциал мировоззрения. Интенсивно обновляется мировоззренческая картина мира: идет поиск нового через встречу, диалог культур, сопровождающийся повышенным интересом к синтезу знания, к соприкосновению с классической традицией. Он связан с возрождением непреходящих ценностей человечества. (Выход на *аксиологический* аспект анализа мировоззрения). Идея синтеза становится характерной чертой современного менталитета. Изменяются и стиль, образ мышления эпохи: его своеобразным воплощением оказывается мировоззренческий дискурс. А культура мировоззренческого дискурса – необходимой для выработки позиций и практических решений оптимизации жизни, преодоления кризисных состояний бытия, решения глобальных проблем современности. В дискурсе рождаются новые понятия, смыслы, интерпретации, активизируется разум в поисках творческих решений и инновационных практик. Именно в контексте мировоззренческого дискурса сегодня обсуждаются идеи «нового мировоззрения», «философии устойчивого развития», вводится ряд значимых для современной ментальной культуры и практики понятий, таких как синергетическое мировидение, экологическое мировоззрение, экологическая культура, «ноосферное сознание, экология человека, экология культуры. Таким образом, дискурс вводит в содержательные поля современного мировоззрения новые смыслы, переориентируя ценностный ряд и сложившийся расклад его функционалов: миропонимания, мироощущения, мироотношения и др. [2; 3; 7; 28; 37]. А в методологической рефлексии культуuroемкое согласуется с практико-ориентированным через ценностно-значимое и логически выверенное. Новые интересные исследовательские пласты, а с ними – смысловые поля понятия мировоззрения обнаруживаются и при изучении феноменов культурной истории, логически схваченных понятиями «подмены» и «превращения» [8; 9; 19; 39; 40]. Здесь, в поле культурологического подхода, также смыкаются разные аспекты рефлексивного анализа мировоззрения, но

наиболее отчетливо проявляется природа его интенциональности – существенное для мировоззрения и самого феноменологического подхода.

Так, в контекстах феноменологического исследования мировоззрение предстает своими сущностными характеристиками, проявляющимися и его онтологическую природу, и методологический потенциал.

1. Онтологический подход к понятию мировоззрения, раскрывающийся в проекциях феноменологического метода, и позволяет, на мой взгляд, исследовать «здесь-бытие» (Dasein) в качестве «сущего», которое, по Хайдеггеру, «в своем бытии *понимающе* относится к своему бытию», т.е. как «обладающее мировоззрением». В своей онтологической природе мировоззрение предстает как бытие не только как формирующейся, но и самовоспроизводящейся целостности «духовного» и «практического» человеческой жизнедеятельности. В этом плане методологический потенциал мировоззрения раскрывается в его понятии как формы рефлексии целостности духовного и практического экзистенции, необходимой для воссоздания цельности бытующего в мире человека и гармонизации его мироотношения.

2. Сущность мировоззрения кроется в онтологии человека, духовно-практической природе его бытия. Мировоззрение предстает особым способом «включения» человека в мир посредством специфического идеального конструкта. В мировоззрении формируются, трансформируются, преобразуются миры человеческого бытия, происходит «упорядочивание» первичного хаоса бытия, прояснение «непонятного мира» до его смысловой «прозрачности» – в целом идентификация человека и его адаптация к условиям внешней среды. Мир внешний «превращается» в контекстах мировоззрения в мир внутренний, трансформируясь в образы, смыслы и ценности, экзистенциально значимые для человека.

3. Онтологическая природа обуславливает «особенное» размерности мировоззрения – его амбивалентность, составляющую целостности противоположностей: ментального–визуального, рационального–нерационального, научного–вненаучного, повседневного–культуроемкого, личностного–социального, конечного–бесконечного, трансцендентного–имманентного, вечного–преходящего и т.д. Амбивалентная природа мировоззрения, с одной стороны, порождает специфику его рефлексии, реализуемую в основаниях феноменологического метода, а с другой стороны – его собственный методологический потенциал, раскрывающийся возможностью в контекстах мировоззрения уловить мысль и обозначить целостности, осуществить синтезы знаний.

4. Природу мировоззрения характеризуют полифоничность мировоззренческих форм, мировоззренческих взглядов, широта его функциональных возможностей. Природой мировоззрения полагается

возможность осмысления действительности с разных мировоззренческих позиций; «встреча» мировоззренческих взглядов, их диалог, дискурс, корреляция.

Мировоззренческая ориентация образования предполагает и его «инкультурацию», или погружение образования в культурологический мировоззренческий контекст. Это означает обретение навыков встречи с позицией «мировоззренчески-иною»; формирование позиции мировоззренческого дискурса, умений мировоззренческой аргументации, способностей обоснования собственных мировоззренческих взглядов, самостоятельного выбора позиции. Образование в этом плане можно представить в мировоззренческом контексте «диалога культур» (В. Библер). Посредством такого диалога оно обретает свой емкий культурологический фон. В нем проявляется и реализуется *культурологическая толерантная позиция педагога*.

5. Для мировоззренческого познания характерна своеобразная незавершенность, динамичность и естественное внутреннее побуждение к обновляемости мировоззренческой мысли. Природе мировоззрения свойственна непрерывная тяга к «додумыванию», переинтерпретации смыслов и содержания, устремленность к переосмыслению действительности и обновлению наличных знаний в контекстах изменяющегося духовно-практического опыта человека, обращенность к будущему через осмысление опыта прошлого. Именно в мировоззренческом контексте встречаются традиции и новации познания и деятельности, осуществляется их осознание и ценностный выбор. Это качество мировоззрения может стать основанием роста креативных начал познания и образования.

6. Качеством мировоззрения является и возможность соизмерения в его контекстах, на первый взгляд, несоизмеримых и исключаящих друг друга реалий бытия и мысли: трансцендентного (выходящего за пределы возможного опыта человека, каковы: «Бог», «вечное» и «бесконечное»; «идеалы» и «ценностные абсолюты» – «Истина», «Добро», «Красота» и т.д.) и повседневного; духовного и практического; личностного и общественного; индивидуального, локального и культуроемкого, обобщенного; действительности мысли и поступка человека. В мировоззрении и через мировоззрение действительно «соизмеряются» истины Духовного, Абсолютного, «Бога» и повседневного, реального поступка. Истины социального – Долга и – индивидуального – Желания. Они оцениваются, усваиваются, принимаются или отвергаются субъектом, становятся внутренними импульсами *самоорганизации и саморегуляции* в реальном процессе познания и жизнедеятельности.

7. Таким образом, именно в мировоззрении и через мировоззрение осуществляется синтез знаний

и «когнитивных практик». Синтезирующий характер мировоззрения устремляет к обобщающему взгляду на мир, к поиску универсальных оснований оценок и взаимопонимания. Способствует упорядочиванию хаоса бытия, преодолению кризисов и согласованию функционирующих форм познания, ценностных ориентаций человека и человечества. Поэтому сам феномен мировоззрения и аналитика его сложной «духовно-практической природы» оказываются методологически ценными в исследовании самых разных граней праксиосферы, ее современных проблем, задач и ориентиров функционирования и методологически выверенного саморазвития. Определенное звучание и значение здесь обретает методологический дискурс трансдисциплинарных подходов и мировоззренческие контексты рефлексии практико-ориентированной логики трансдисциплинарности, обращенной, в частности, к реформирующейся системе образования.

Логика трансдисциплинарности и мировоззренческие ориентиры образования. Сложность проблемных вопросов методологии и практики познания в условиях современности по-своему свидетельствует о той парадоксальности ее экзистенциальных ситуаций, когда «истина бытия и бытие истины расходятся» (А.В. Ахутин). И здесь особо востребованной становится разработка методологически аргументированных проектных моделей и обоснованных форматов «опережающего» развития праксиосферы. Актуальной в этом плане предстает реформирующаяся система образования. Контексты инноваций «опережающего образования» методологически сопровождают регулятивные идеи логики трансдисциплинарности⁴. Трансдисциплинарный опыт постнеклассической науки, отмечает Л.П. Киященко, «строится на парадоксальной установке». Он сохраняет в своих основаниях «объективность классического рационализма» и те начала «субъективности», что порождают эту рациональность [13: с. 138–139]. Логика трансдисциплинарности тем самым оказывается «открытой» и «чувствительной» к вопросам жизненного мира человека. Экзистенциальная «логика парадоксов» оказывается способной прояснить (настраиваясь на предмет методологического осмысления и практической оценки в выборе векторов поиска решений) такие феномены, как симулякр, текущая современность, глобальное и т.д. В чем же истоки и суть согласованности дисциплинарных подходов в логике трансдисциплинарности? И чем эта логика может быть полезна рефлексии феномена образования?

⁴ Отметим, что инновационная и дискурсивная идея трансдисциплинарности в образовании, как мы увидим далее, способна воплотиться в диалектике «традиции–новации», воспринимая и удерживая в качестве экзистенциально значимого ценный опыт классической матрицы образования.

История методологии научного познания знает функционирование самых разных форм дисциплинарных связей и их методологических подходов, в том числе – *мультидисциплинарности*⁵ и *междисциплинарности*⁶. Особенность *трансдисциплинарности*, прежде всего, в ее ориентации на *синтез знаний* и задачу *решения актуальных, злободневных практических проблем*. Изначально, как отмечается в литературе, она была задумана как «метаметодология», и позднее в своей эволюции трансформировалась в самостоятельную дисциплину с разноуровневой систематикой обоснования проектной деятельности в сферах науки и образования. Вместе с тем определенным барьером построения такой методологии изначально стал сам механизм интеграции, синтеза дисциплин, предметных областей знания [13; 29; 30; 32; 35].

Трансдисциплинарность в своих методологических истоках и основаниях характеризуется, как ранее отмечалось, такими познавательными ситуациями, которые требуют в силу своей непосредственной обращенности к практическим проблемным полям жизненного мира. Поэтому в поисках интеграции, целостности и, что важно, своего собственного исследовательского кредо и методологической обоснованности, логика трансдисциплинарности мыслит теоретический разум (в качестве исходного, базисного основания) трансцендирующим в *пограничную* с жизненным миром сферу. В «транс-ситуации» – ситуации «над жизненным миром» мыслящий разум ориентируется (в логике трансдисциплинарности) на решение насущных, злободневных проблем экзистенции на нескольких уровнях одновременно – уровне глобального и локального, физического и ментального и т.д.⁷ [30].

⁵ Мультидисциплинарность, как отмечается в литературе, характеризует ситуацию такой связи различных дисциплин, когда каждая из них в рамках своей предметной области исследует один и тот же объект, фрагмент реальности. Таковым может стать человек, природа, общество, культура и т.д.

⁶ Междисциплинарность предполагает взаимодействия дисциплин, при которых могут возникать на основе интегративных связей новые дисциплины (биофизика, биохимия). А также такие ситуации, при которых понятийный аппарат и методологический арсенал одной дисциплины используется в другой предметной области знания для решения ее собственных дисциплинарных вопросов. История науки демонстрирует подобные факты, характеризуя междисциплинарный статус таких дисциплин, как физика, кибернетика, системный анализ, синергетика.

⁷ Соотнесем данную связку дуальных оппозиций с «особенным» размером мировоззрения – его амбивалентностью, составляющую целостности противоположностей: ментального–визуального, рационального–внерационального, научного–вненаучного, повседневного–культуроемкого, личного–социального, конечного–бесконечного, трансцендентного–имманентного, вечного–преходящего и т.д., о чем ранее говорилось.

Тем самым трансдисциплинарный подход представляет особенную методологию. Прежде всего, это *философско-методологический подход* к анализу сложных «жизненно-практических» состояний и ситуаций актуальной истории и актуальной культуры. Исследователи отмечают несомненный потенциал такой «встречи» философии с различными «иными» формами разумного, духовного и практического освоения мира при решении насущных проблем: экологической, демографической, ин-формационной, энергетической и др.; в соединении общечеловеческих усилий, направленных на охрану здоровья и качества жизни человека; на совместные действия в противостоянии угрозам насилия, терроризма и экстремизма. Сама же трансдисциплинарность оказывается «одним из векторов многомерной трансгрессии современной науки за рамки своей классической самоидентификации в сферу становления своих основополагающих различий и идентификаций» [30].

И если с данных методологических позиций обратиться к оценке современных состояний образования и образовательных реформ – как практической проблемы их бытования в глобальном мире – становится ясней необходимость и возможность соотносимости разных подходов, концептуальных схем интерпретации и оценки этих процессов. Тем более что сам характер производства современного научного знания представляет собой сложный конструкт взаимодействующего сочетания – фундаментальных исследований – в поиске научной истины; прагматически ориентированных исследований, нацеленных на эффект пользы; гуманитарных исследований – ориентированных на обоснование и демонстрацию онтосов свободы, экзистенциальной правды и человеческого достоинства; обоснование жизненного потенциала креативности и творческой природы человека.

Вполне понятно, что данные векторы саморазвития современной науки воспроизводятся и сферой образования. Очевидно и то, что именно прагматически ориентированные исследования, осуществляющиеся в сложной сети академических и коммерческих, государственных и общественных учреждений, оказываются наиболее коммерциализированными и практически востребованными для своей реализации методологических усилий трансдисциплинарности.

Что же касается трансдисциплинарных ориентиров развития высшего образования в России, следует отметить то, что логически трансдисциплинарный подход должен стать солидной методологической платформой значительного расширения мировоззренческих ориентиров научного познания и сферы образования. В ориентирах высшего образования, согласно «Всемирной декларации о выс-

шем образовании для XXI века: подходы и практические меры», основополагающей задачей высшей школы становится *формирование у студентов особой (трансдисциплинарной) мировоззренческой позиции*. Она раскрывается как обучение навыкам «редуцирования», «трактовки дисциплинарных знаний» с позиций и через призму «универсальных (трансдисциплинарных) закономерностей и моделей действительности»; обретение опыта использования трансдисциплинарного подхода в решении сложных многофакторных проблем природы, общества, человека, проблем в профессиональной сфере [30; 35]. При «встрече позиций» ориентиры на «ценностное», «субъективное», «личностное» в методологии трансдисциплинарности, несомненно, значимы, и в этом плане она представляет атрибутику гуманитарного познания и логически становится ведущей в рефлексии сферы образования.

Однако эта методология для высшего образования в России на сегодняшний день еще остается только значимой перспективой – перспективной методологией проектной деятельности в сфере образования, способной объединить усилия теоретиков и практиков; ученых разных предметных областей, представителей сферы управления, инициативную общественность, сторонников разных мировоззренческих направлений – в общем заинтересованном дискурсе по выработке и воплощению в жизнь оптимальных практических решений актуальных, сложных проблем современности. Эта работа требует больших концептуально-теоретических усилий, организованного практического и управленческого сопровождения [1; 5; 30; 35]. Вместе с тем складывается убеждение, что реальная управленческая деятельность в практике высшего образования в России сегодня все более отдалается от реализации потенциальных возможностей действительной практической логики трансдисциплинарности, абсолютизируя приоритеты техничности, экономичности и прагматичности. Налицо новые «вызовы» и риски форматов «опережающего образования» – непонимания его сущностной, онтологической природы; недооценки реальных угроз его разрушений посредством внедрения в жизненный мир моделей его (образования) усеченных форматов и оснований редуccionистской логики поверхностных значений.

И вновь нельзя не обратиться к методологическим основам классики. «В культуре и социуме, – пишет Л.А. Микешина, – осуществляются два встречных процесса, из которых складывается образование: первый, по Гегелю, – подъем индивида ко всеобщему опыту и знанию, поскольку человек *не бывает* от природы тем, чем он должен быть; второй – субъективация всеобщего опыта и знания в уникально-единичных формах "Я" и самосозна-

ния». Рассмотрение образования в единстве культурального и антропального, «где одновременно признается "всеобщий" характер "Я" и самостоятельное значение "живой" индивидуальной субъективности вне всеобщих форм» способствует выявлению «герменевтических смыслов образования». В них субъект образования предстает «мировоззренчески нагруженным» (М.А.), «как человек, непрерывно интерпретирующий, расшифровывающий глубинные смыслы, которые стоят за очевидными, поверхностными смыслами, раскрывает уровни значений, скрывающихся за буквальными значениями» [24: с. 112]. Так сохраняется человеческое в человеке и воспроизводится «сущностно-человеческое» лицо мира. И какими бы новациями методологических и методических «поворотов» не озадачивала себя практика образовательных реформ, ей не дозволено не понимать этого глубинного, сущего, способного проясняться и обновлено воспроизводиться на очередной ступени саморазвития человеческой культурной истории.

Дорогая Людмила Александровна! Огромное спасибо Вам за Ваши интеллектуальные труды, питающие мысль и творческое воображение. На них хочется бесконечно учиться, их хочется читать, читать и перечитывать. Спасибо за Ваше неутомимое наставничество, за жизненную мудрость, душевное тепло и удивительное человеческое обаяние! С огромной любовью к Вам, примите мои самые добрые поздравления со славным Юбилеем и искренние пожелания крепкого здоровья, благополучия и еще много-много замечательных книг!

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнян, М.П. Идея трансдисциплинарности в методологии социально-гуманитарного познания и образования : монография / М.П. Арутюнян, С.И. Давыдова, Л.С. Малявина, М.А. Маниковская. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2019. – 176 с.
2. Арутюнян, М.П. Идея целостности мировоззрения: контексты созвучия русской и китайской социокультурной традиции / М.П. Арутюнян // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – Т. 15, № 3. – С. 19–25.
3. Арутюнян, М.П. Мировоззренческая парадигма образования: актуальные методологические смыслы / М.П. Арутюнян // Полиэтническая среда – основа развития надпрофессиональных навыков : материалы междунар. науч.-практ. конф. (КНР, Харбин, 3 нояб. 2019 г.). – Хабаровск, 2020. – С. 5–10.
4. Арутюнян, М.П. Понятие мировоззрения в дискурсе метафизики / М.П. Арутюнян // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2011. – № 3 (31). – С. 49–53.
5. Арутюнян, М.П. Трансдисциплинарный подход в рефлексии развития образования / М.П. Арутюнян // Проблемы высшего образования : материалы междунар. науч.-метод. конф. (11–13 апреля 2018 г.). – Хабаровск : ТОГУ, 2018. – С. 8–10.
6. Арутюнян, М.П. Трансформация методологических подходов рефлексии феномена телесности / М.П. Арутюнян // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2014. – № 4 (44). – С. 11–20.
7. Арутюнян, М.П. Феномен мировоззрения: историко-философский и методологический анализ : монография / М.П. Арутюнян. – Хабаровск : КГБНУК Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2016. – 336 с.
8. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва : Медиум, 1995. – 322 с.
9. Блюменкранц, М.А. Введение в философию подмены: (Легенда в историко-философской перспективе) / М.А. Блюменкранц. – Москва : Весть, 1994. – 88 с.
10. Гайденко, П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века / П.П. Гайденко. – Москва : Республика, 1997. – 495 с.
11. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 / Э. Гуссерль. – Москва : Дом интеллектуальной книги, 1999.
12. Касавин, И.Т. Рациональность в познании и практике. Критический очерк / И.Т. Касавин, З.А. Сокулер. – Москва : Наука, 1989.
13. Киященко, Л.П. Постнеклассическая философия – опыт трансдисциплинарности / Л.П. Киященко // Постнеклассика: философия, наука, культура : коллективная монография. – Санкт-Петербург : Мирь, 2009. – С. 137–169.
14. Косарев, А.Ф. Феноменология мифа: Мифология и ее эвристическая значимость / А.Ф. Косарев. – Москва; Санкт-Петербург, 2000. – 304 с.
15. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – Москва : Смысл, 1999. – 487 с.
16. Лосев, А.Ф. Из ранних произведений / А.Ф. Лосев. – Москва, 1990. – 655 с.
17. Мамардашвили, М.К. Стрела познания. Набросок естественноисторической гносеологии / М.К. Мамардашвили. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 304 с.
18. Мерло Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло Понти. – Санкт-Петербург : Ювента : Наука, 1999.
19. Мангейм, К. Диагноз нашего времени / К. Мангейм. – Москва : Юрист, 1994. – 700 с. – (Серия: «Лики культуры»).
20. Мангейм, К. Очерки социологии знания. (Теория познания – мировоззрение – историзм) / К. Мангейм. – Москва : ИНИОН, 1998.
21. Микешина, Л.А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А. Микешина. – Москва : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. – 575 с.
22. Микешина, Л.А. Прорыв в новую эпистемологическую проблематику / Л.А. Микешина // Эпистемология & философия науки. – 2009. – Т. XIX, № 1. – С. 76–82.
23. Микешина, Л.А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы / Л.А. Микешина. – Москва : Полит. энцикл., 2016. – 463 с. – (Серия «Humanitas»).
24. Микешина, Л.А. Субъект, образование, истина / Л.А. Микешина // Синергетика и образование. – Москва : Гнозис, 1997. – С. 112–118.
25. Микешина, Л.А. Философия познания XXI век. Синтез когнитивных практик / Л.А. Микешина // Вестник Российского философского общества. – 1999. – № 3 (11). – С. 22–31.

26. Микешина, Л.А. Философия познания: полемические главы / Л.А. Микешина. – Москва : Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.
27. Микешина, Л.А. Эпистемология ценностей / Л.А. Микешина. – Москва : РОССПЭН, 2007. – 439 с. – (Серия «Humanitas»).
28. Моисеев, Н.Н. Быть или не быть человечеству? / Н.Н. Моисеев. – Москва, 1999. – 88 с.
29. Мокий, В.С. От дисциплинарности к трансдисциплинарности в федеральных государственных стандартах высшего образования / В.С. Мокий, М.С. Мокий // *Universum: Общественные науки* : электрон. науч. журн. – 2016. – № 9 (27). – URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/3685> (дата обращения: 05.05.2020).
30. Мокий, М.С. Трансдисциплинарность в высшем образовании: экспертные оценки, проблемы и практические решения / В.С. Мокий, М.С. Мокий. – URL: <http://www.science-education.ru/pdf/2014/5/87.pdf> (дата обращения: 10.05.2020).
31. Мокий, В.С. Трансдисциплинарный метод усиления междисциплинарного синтеза социально-экономического и гуманитарного знания / В.С. Мокий // *Universum: Общественные науки* : электрон. науч. журн. – 2016. – № 8 (26). – URL: <http://7universum.com/ru/social/arhive/item/3559> (дата обращения: 15.05.2020).
32. Таранова, Т.Н. Трансдисциплинарный подход в подготовке магистров / Т.Н. Таранова, Э.М. Ахмедова // *Мир науки, культуры, образования*. – 2017. – № 1 (62). – С. 155–156.
33. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Москва : Ad Marginem, 1997.
34. Херрманн, Ф.-В. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля / Ф.-В. Херрманн. – Томск, 1997.
35. Черникова, И.В. Междисциплинарные и трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки : учебное пособие / И.В. Черникова. – Томск : Издат. дом Томск. гос. ун-та. – 2018. – 86 с.
36. Широканов, Д.И. Философские проблемы междисциплинарного синтеза / Д.И. Широканов. – Минск : Белорусская наука. – 363 с.
37. Arutiunian, M. "Ecologizing" Education in Russia / M. Arutiunian // *What Works. A Guid to Environmental Education and Projects for Practitioners and Donors*. – Canada : New Society Publishers, 1999. – P. 42–43.
38. Bocheński, J.M. Europäische Philosophie der Gegenwart, 1947 / J.M. Bocheński // ФЭС. – Москва, 1998.
39. Bultmann, R. The problem of Demythologizing / R. Bultmann // *The Hermeneutics Reader. Texts of the German Tradition from the Enlightenment to the Present*. – New York : Continuum, 1994.
40. *Dialogues with the Living Earth. New Ideas on the Spirit of Place from Designers, Architects, & Innovators*. – USA, Quest Books Theosophical Publishing House, 1996.
41. Ross, S.D. *The Scientific Process* / S.D. Ross. – Martinus Nijhoff (The Hague), 1971.
42. Usher, R., *Postmodernism and Education* / R. Usher, R. Edwards. – London, New York, 1994.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-69-75

ДИАЛОГ КОГНИТИВНЫХ ПРАКТИК В ПЕРСПЕКТИВЕ ГУМАНИТАРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

М.А. Маниковская

Рождение темы, заявленной в статье, обусловлено все расширяющейся технической мощью нынешней эпохи и одновременно нарастающей силой гуманитаристики, взаимная соразмерность значимости которых детерминирует наступление феномена гуманитарно-технологической революции. Автор показывает, что становление качественно новой социокультурной ситуации инициирует необходимость релевантной парадигмы ее дескрипции и исследования возможности диалога когнитивных практик гуманитаристики и современных технологий, ведущих к их синтезу.

Ключевые слова: гуманитаристика, новейшие технологии, гуманитарно-технологическая революция, диалог когнитивных практик.

DIALOGUE OF COGNITIVE PRACTICES IN THE PERSPECTIVE OF HUMANITARIAN-TECHNOLOGICAL REVOLUTION

М.А. Manikovskaya

The choice of the theme stated in the article is due to the ever-expanding technical power of the current era and at the same time due to the growing power of humanitaristics. The mutual proportionality of their significance determines the emergence of the humanitarian – technological revolution phenomenon. The author shows that the formation of a qualitatively new sociocultural situation gives rise to the need for a relevant paradigm of its description and makes it necessary to study the possibility of a dialogue between cognitive practices of humanitaristics and modern technologies that lead to their synthesis.

Key words: humanitaristics, the latest technology, humanitarian - technological revolution, a dialogue between cognitive practices.

В исключительной актуальности заявленной журналом темы убеждает и научный авторитет юбиляра – Людмилы Александровны Микешинной, акцентировавшей в своих исследованиях проблематику диалога и синтеза когнитивных практик, а также востребованностью этой проблематики в настоящее время – время наступления гуманитарно-технологической революции.

Данная характеристика современной реальности имеет в виду вовсе не радикально новые технологии в гуманитаристике, а такое, прежде несуществовавшее, сопряжение и взаимодействие революционных по масштабу изменений как в области гуманитарного знания, так и в сфере современной техники и новейших технологий, которые и обуславливают феномен гуманитарно-технологической революции.

Гуманитаристика и технико-технологическая сфера обладают достаточно ясной взаимной автономностью, спецификой тех задач, которые призваны и способны решать. Каждая из этих областей, спровоцировавших феномен гуманитарно-технологической революции, естественно, имеет

свою уникальную историю, социокультурную детерминацию развития, отличающуюся и темпами, и движущими силами, и предъявляемыми человечеству результатами. Становление техники и технологии ускорялось и совершенствовалось в зависимости от вызовов времени, от «хитрости ума» (Гегель) человека, понимания и переосмысления им своих отношений с техникой, его способностью перекладывать человеческие функции на «машину». Отчетливо проступающие контуры цифровой реальности демонстрируют триумф новейших технологий. Цифровизация экономики, социальной сферы и человеческого бытия открывает завораживающие перспективы будущего человечества, ошеломляющие возможности развития и трансформации общества и человека. До недавнего времени научные изыскания и прогнозы мирового сообщества ученых хотя и отмечали риски и негативные следствия цифровизации, но оставляли их на периферии исследовательского внимания, способствуя преобладанию в общественном сознании эйфории, ведущей к абсолютному торжеству технической рациональности. Но чем эффективнее мощь циф-

Маниковская Мария Алексеевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Manikovskaya Maria Alekseevna – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Socio-Humanitarian Sciences at Pedagogical Institute of the Pacific National University (Khabarovsk).

E-mail: mary.manikovskaya@gmail.com

© Маниковская М.А., 2020

ровизации, тем значительнее риски ее освобождающей и преобразующей силы. К числу наиболее важных относятся: дегуманизация всех сфер общества, деформация идентичности человека, распада ее на фрагменты и даже сведения к профайлу («цифровому человеку»), девальвация ныне существующих морали и этики, «цифровой аутизм» (А. Курпатов). «Но где опасность, там вырастает и спасительное» (М. Хайдеггер). Мы не случайно заметили, что техническая рациональность доминировала *до недавнего времени*, когда даже в научном сообществе сохранялось скептическое отношение к гуманитарным наукам, явно или неявно отмечалась их неравноценность естественным и техническим дисциплинам. Сегодня ситуация радикально меняется, что и приводит к гуманитарно-технологической революции, смысл которой обусловлен иным измерением сопряжения гуманитаристики и новейших технологий.

И весьма важно, что становление этой новой ситуации в немалой степени было подготовлено философским осмыслением значения сопряженности этих гетерономных областей: как самой гуманитаристики, так и техники. Как заметил Ж. Бодрийяр, «...люди и техника, потребности и вещи взаимно структурируют друг друга к лучшему или худшему. В ареале той или иной цивилизации структуры индивида и общества связаны с технико-функциональными особенностями едва ли не универсальным законом» [4: с. 104]. Речь идет о способах выявления фундаментальных онтологических констелляций между гуманитаристикой и современными технико-технологическими новациями.

Феномен гуманитаристики, являющийся одним из ключевых в нашем исследовании, фиксирует в качестве ядра гуманитарные науки, но не сводится только к ним, поскольку включает и вненаучное гуманитарное знание. Понятие гуманитаристики можно определить как знание о духовной сути человека, «его внутреннем мире, выраженном в материальных и идеальных культурных образованиях, наделенных человеческими значениями, ценностями, смыслами» [1].

Целевая установка и логика ее развертывания обуславливают необходимость краткого исторического экскурса для обозначения реперных точек, фиксирующих социокультурные обстоятельства, позволяющие достичь объясняющего эффекта нашего замысла: обоснования революционной роли гуманитаристики. Эта роль уходит своими корнями в индийскую древность. Как отмечает Вл. Соловьев, именно в Индии, стране «всякого рабства, неравенства», где «понятия о человечности, т.е. о значении человека как человека не было совсем», возникло «новое, неслыханное слово: *все есть одно*... Это было первое слово философии, и этим словом

впервые возвещались человечеству его свобода и братское единение» [18: с. 126].

Непреходяще значение совершенного софистами и Сократом гуманистического поворота, утверждавшего верховное значение человеческой личности. Софисты, как известно, абсолютизировали это значение, провозгласив человека мерой всех вещей. Но вместе с тем, полагая, что право на существование имеет то, что обосновано, доказано сознанием, они утверждали не только субъективность, ведущую к субъективизму и релятивизму, но и субъектность человеческого бытия, заключающего в себе источник активности, превосходящей влияние внешнего бытия. Сократ, «величайший софист» и «величайший противник софистики» (Вл. Соловьев), утверждая возможность философии научить человека правильному способу жить согласно осуществлению Добра, тем самым утверждал и особенность гуманитарного знания, отличного от знания о природе – его целеполагание. Целью философии греческого мыслителя было пробуждение «духа внутреннего убеждения» (Гегель), формирования самостоятельной рефлексивной позиции. Хорошо известен образ жизни Сократа, который, вступая в диалог на площадях и улицах, ставил вопросы, заставлявшие усомниться собеседника в стереотипах мысли и поведения и осознать необходимость обретения своего индивидуально-нравственного голоса. Такое поведение, словно овод, жало властпридержащих, что и обусловило казнь Сократа. Принципиально важно суждение Гегеля о трагическом конце жизни философа: «принцип греческого мира еще не мог перенести принципа субъективной рефлексии». Таково, по мнению немецкого философа, всеобщее положение героев во всемирной истории, они гибнут, «но сам принцип проложит себе путь, хотя и в другой форме...» [5: с. 655]. Этот принцип находит свое особое выражение в философии Платона, поскольку ему и Сократу принадлежит открытие духовности, которая впоследствии и образует проблемное поле «наук о духе».

Уже в эпоху Возрождения оказалось возможным вычленить дисциплины, получившие название гуманитарных: грамматику, риторику, философию, ибо их изучение было нацелено на воспитание нового человека, на выработку способности совершать добродетельные поступки. Возрожденческая мысль, утверждая новое понимание человека, акцентировала его достоинство в способности активно утверждать себя в мире и быть творцом самого себя (Пико делла Мирандола).

Упомянутые вехи в становлении гуманитаристики общеизвестны. Однако в нашей логике экспликации замысла они приобретают концептуальное значение, ибо являются историко-философским свидетельством нарастания силы гуманитаристики,

соразмерной технико-технологическому развитию. Художественные интуиции, художественный опыт, теоретико-философское осмысление возрастающего масштаба гуманитарных феноменов приводит к легитимации «наук о духе». Как известно, В. Дильтей одним из первых обосновал предмет и методологию гуманитарных наук, их существенное отличие от наук о природе (от естествознания). Легитимация «наук о духе» образовала эпистемологическое поле, центрированное проблематикой специфики гуманитарных наук, обоснованием критериев их научности и истинности. Это проблемное поле ширится и усложняется вследствие различия подходов, теоретико-философских интерпретаций, включения в его размерность новых областей гуманитарного знания, а также, что особенно важно, рассмотрение данных проблем с учетом ценностных отношений. Интенсивное и плодотворное исследование специфики гуманитарных наук и в целом – гуманитарного знания осуществляется усилиями как зарубежных, так и отечественных теоретиков науки и философов. К их числу относится наш дорогой юбиляр – Людмила Александровна Микешина. В ее новаторских работах [12–14] представлена философская аналитика особенностей онтологии, эпистемологии и логики гуманитарных наук как самостоятельного типа научного знания, исследование философского опыта гуманитарного знания, оригинально воплощенного в текстах разных философов, культур и времен, обоснование методологии гуманитарных наук, эвристической плодотворности синтеза когнитивных практик и одновременно – критика «вульгарной» методологической эклектики. Всесторонне и отлично от классической эпистемологии интерпретируется субъект гуманитарного познания, требующий, по убеждению Л.А. Микешиной, специальных методологических приемов, отсутствующих в арсенале естественных наук. Это обстоятельство объясняется специфичностью объекта гуманитарных наук, а также и тем, что субъект не только познает, но одновременно и оценивает. В гуманитарном познании «неустранимо ценностное отношение субъекта к объекту». Нельзя не отметить актуализируемую Л.А. Микешиной идею человекомерности, которая имеет принципиальное значение в экспликации заявленной нами темы.

Констатируя прогресс техники и технологий, а также нарастающую силу гуманитаристики и фиксируя тем самым имманентную логику развития каждой из этих сфер, следует иметь в виду и учитывать характер и способы их взаимоотношений в различных социокультурных ситуациях, что дает возможность увидеть и осмыслить особенности их сегодняшнего сопряжения. Известен соблазн экстраполировать законы механики, ставшей в XVII в. образцом экспериментально-математического зна-

ния, на человека и уподобить его машине, как это продемонстрировал Ж.-О. Ламетри. Технократические атаки на гуманитарную область усиливаются с наступлением научно-технической революции, демонстрирующей торжество технической рациональности, что содержало угрозу дегуманизации человеческой жизни.

Современная технико-технологическая сфера, являясь многоаспектным фактором, воздействует на все стороны общественной жизни, в разной степени определяя их содержание, характер или оставляя «следы» своего активного присутствия в «снятом» преобразованном виде. Но сегодня она знаменует собой большой вызов для человечества.

Значение технико-технологического воздействия фиксировалось общественным сознанием и в предшествующие эпохи. Однако только в XX в., когда со всей очевидностью обнажились противоречия в ее воздействии на социальное бытие и стала отчетливо зримой ее угроза судьбе человечества, техника выдвинулась в разряд исключительно актуальных проблем, требующих рациональной экспликации. Об опасности технократизма и дегуманизации предупреждали философы, ученые, деятели культуры. Многие мыслители, художники осознали, что человек стал рабом техники. Она распространила свою власть даже на его душу, захватила помыслы, посягнула на присвоение креативной способности, устремилась подчинить себе человеческую жизнь, захотела, «чтобы человек принял ее образ и подобие». Так, В.А. Кутырев полагает, что следствием тотального использования высоких технологий, в том числе и в искусстве, станет «закат культуры. На восходе XXI века» [8]. Тотальная технизация чревата деантропологизацией творчества, превращением человека в зомби (П. Гуревич). Этот образ воспринимается сегодня как метафора механизированного человека с атрофированным мышлением, человека, действующего и живущего автоматически. Иную позицию представляет М. Кагельс, по мнению которого, совершенствование технологии привело к возникновению новой культуры – «культуры реальной виртуальности» [7].

Реакция на «вызов» техники нашла отражение в довольно обширной библиографии. Однако, как заметил в свое время Ортега-и-Гассет, известная ему литература на эту тему оказалась бесполезной, поскольку не смогла подняться до уровня проблемы техники.

Данное обстоятельство и все возрастающая амбивалентная роль техники обусловили необходимость философской рефлексии этого феномена, выявления его сущности, смысла, анализа возможностей преодоления или, по крайней мере, уменьшения его губительных последствий для человека и общества. Освобождение от деструктивной власти

техники невозможно без просветляющего философского постижения этого феномена.

Во второй половине XX в. сформировалась настоятельная потребность в развитии философии техники, чтобы, согласно М. Хайдеггеру, «осмыслив мысль», прояснить отношение к ее существу и тем самым «подготовить возможность свободного отношения к ней» [20: с. 221].

Многомерность техники обусловила различные направления ее философского исследования. В настоящее время интенсивно и плодотворно ведутся изыскания в таких областях, как онтология, антропология, культурология техники.

Следует заметить, что не все мыслители признают легитимность философии техники. Так, Ж. Эллюль аргументирует свою позицию тем, «что таковая не имеет ничего общего с мудростью, а, напротив, выражает исключительную гибридность» [21: с. 281]. В.М. Розин полагает, что «по сути философия техники – это не философия в строгом смысле этого слова. По характеру знаний и выполняемому назначению философия техники – это широкая рефлексия над техникой, включающая не только философские, но и другие формы сознания – методологические, аксиологические, проектные, символические и т.п.» [17: с. 20].

Однако основательные исследования в области философии техники свидетельствуют в пользу ее состоятельности. Как нам представляется, весомым аргументом является сфокусированность в технике всего спектра проблем человека. Как заметил Х. Ортега-и-Гассет, «...размышление о технике заставляет открыть в самой теме, словно косточку в плоде, ту удивительную тайну, которую таит бытие человека, отличное от бытия животного» [15: с. 43].

Суждение К. Париса о том, что выяснение сути техники «помещает нас в самое сердце философской проблематики» с ее фундаментальными вопросами: что такое человек, что такое жизнь, что общего у человека с животным и, наконец, что такое природа, главная граница технического действия, – не кажется «риторическим пустословием» [16].

Произведения основоположников философии техники XX в. Х. Ортега-и-Гассета, Н.А. Бердяева, М. Хайдеггера, К. Ясперса, а также их многочисленных последователей не только свидетельствуют о плодотворном развитии онтологии техники, антропологии техники, культурологии техники, но и содержат немало идей, которые, как дуб в желуде, могут вырасти в новые направления или методологически и содержательно обогатить философский анализ отношений: техника и человек, техника и бытие, техника и природа, техника и социокультурный мир.

Радикальные изменения, трансформирующие гуманитарное знание, убедительно свидетельствуют о его революционной и одновременно спаси-

тельной роли в свете ситуации, выраженной во фразе К. Леви-Стросса, ставшей крылатой: «XXI век будет либо веком гуманитарных наук, либо его не будет вообще». Нынешняя эпоха своей технической и все расширяющейся мощью формирует вызовы, требующие гуманитарной силы, сопоставимой с масштабом технологического прогресса, чтобы не случилось будущего, когда «все прогрессы реакционны, если рухнет человек» (Евтушенко).

Эти новые вызовы требуют «ответственного поступка» (М. Бахтин), так как они лишают жизненные миры традиционности, меняют содержание и структуру ценностей, ярко высвечивают риски экзистенциальных последствий цифровых технологий. И здесь вновь необходимо акцентировать заслугу Л.А. Микешиной в актуализации бахтинской концепции «ответственного поступка». Реалии сегодняшней жизни показывают, что нередко человек снимает с себя ответственность на самых разных уровнях, перекладывая ее на «машину», либо действует бездумно, механизированно. Утрата субъектности, ответственной рефлексивной позиции детерминирует дегуманизацию человеческого бытия. В конечном счете смысл *ответственного поступка* в сохранении человека и человечности, в утверждении человекообразности во всех его деяниях.

Вызовы новейших технологий порождают необходимость объединенных усилий теоретиков, аналитиков, экспертов как гуманитарной, так и технологической сфер с целью выявления особого измерения сопринадлежности (сопряжения) гуманитаристики и новейших технологий, в рамках которого наблюдается эффект гуманитарно-технологической революции.

В качестве аргумента, свидетельствующего об увеличении потенциала революционной силы гуманитаристики, полагаем уместным привлечь исследования изменений характера гуманитарной методологии в интерпретации Г.Л. Тульчинского. В этом процессе, как отмечает теоретик, можно выделить ставшие очевидными две главные тенденции. Первая фиксирует «переход от натуралистическо-позитивистской доминанты к феноменологии и далее – через герменевтику, экзистенциализм, фрейдизм и постструктурализм – к вызреванию персонологической и постперсонологической доминанты». А вторая тенденция смещает акценты осмысления действительности «от традиционной онтологии (есть – нет) к возможности, овозможиванию и потенцированию бытия, а значит, и к необходимости источника и средства такого потенцирования – сознанию и самосознанию личности» [19: с. 43].

В русле наших изысканий находится конструктивная и обстоятельная аналитика Кристиана Мадсбьерга, характеризующая силу гуманитарного мышления в эпоху алгоритмов, искусственного

интеллекта и больших данных [10]. Теоретические выводы аналитика, стратегического консультанта крупнейших компаний, в том числе Ford, Adidas, Chanel, убеждающие в незаменимости роли гуманитарного знания, базируются на обширном эмпирическом материале, почерпнутом из сферы бизнеса.

К. Мадсбьберг убедительно показывает значение гуманитарного фундамента в образовании и доказывает, что его ценность не подлежит сомнению, потому что без гуманитарных знаний мы рискуем остаться без будущего, в клетке точных данных. По мнению аналитика, глубоко и обстоятельно обоснованному, именно гуманитаристика позволяет людям осознавать себя в сложном социальном контексте. На базе тщательно выверенных наблюдений, глубоких размышлений и обобщений К. Мадсбьберг приходит к признанию практики, в основе которой лежит интенсивная вовлеченность в культуру. Данную практику он называет *осмысление*. «Это одновременно и житейская мудрость, и метод, основанный на гуманитарных науках» [10: с. 25]. Аналитик считает важным, что его трактовка *осмысления* восходит к учению Аристотеля о житейской мудрости, называемой фронезисом, что обозначает искусный синтез знания и опыта. К. Мадсбьберг разработал базовые принципы *осмысления*, которые основаны на богатом разнообразии теорий и методов гуманитарных наук. Фундаментальная идея, образующая новацию Мадсбьберга, в том, что главную роль в *осмыслении* играет человеческий фактор. «Когда мы заявляем о себе как о единственных интерпретаторах культуры, то можем освободиться от предубеждений и увидеть технологию как она есть – простым инструментом среди многих. Она поможет добраться до потрясающих мест, но только человеку дано выяснить, что делать по достижении этих целей» [10: с. 192].

Уже краткий экскурс в историю становления и развития гуманитаристики показывает, что к настоящему времени ею накоплен потенциал, способный трансформировать измерение сопряжения с новейшими технологиями. Очевидные и осознаваемые симптомы революционной ситуации провоцируют действительность гуманитарно-технологической революции. Данная констелляция обуславливает необходимость учета смысловой многомерности совместного человеческого бытия, свидетельствуя тем самым, что гуманитаристика и новейшие технологии практически вынуждены смыкаться с философской антропологией и социальной философией.

Феномен гуманитарно-технологической революции становится сегодня предметом исследования и обсуждения, в частности в монографии и статьях В.В. Иванова. Следует заметить, что его работа «Гуманитарно-технологическая революция как глобальный вызов» была выполнена в соответствии с Программой президиума РАН «Научные основы

развития российского научно-инновационного комплекса в контексте глобальных трансформаций» и поддержана грантом РФФИ. В.В. Иванов показывает, что исторические этапы развития человечества различаются технологиями, изменяющимися вследствие усложнения запросов и потребностей людей. На разных этапах совершенствование технологий имело по крайней мере один магистральный приоритет, который определял вектор деятельности и позволял решать жизненно важные задачи: выживание, освоение территорий, технологическое и экономическое развитие. Однако с переходом к постиндустриальному обществу экономическая, социокультурная ситуация меняется, и главным приоритетом становится качество жизни. В настоящее время интенсивное развитие новейших технологий, приближающих цифровую реальность, нацелено на решение этой задачи: обеспечение качества жизни. Современные технологии, изменяющие все сферы общества, детерминируют, по мнению теоретика, гуманитарно-технологическую революцию, контуры которой описываются парадигмой «экономика для человека». Такое измерение экономики формирует «дружелюбное технологическое пространство как среду обитания человека» (см.: [6]).

Безусловно, интересны, доказательны и важны рассматриваемые изыскания. Достижения современной техники и новейших технологий, бесспорно, должны превращаться в человеческое богатство, в многогранные жизненные условия каждого индивида, обеспечивающие его самоактуализацию, позволяющие в полной мере реализовывать творческий потенциал, открывать перспективы надежного будущего. Однако нам представляется эффект революционности как качественно новой определенности в ином. Суть гуманитарно-технологической революции именно в качественно новом характере взаимоотношений гуманитаристики и современных технологий – *взаимобусловленности*, обеспеченном равным значением их измерения в этом тандеме. Отсюда и иная парадигма дескрипции исследуемого феномена: *развитие техники и технологий для человека, но мера технологий – человек*.

Фокус напряжения в границах теоретико-методологического поля, образованного аналитикой взаимоотношения различных предметностей – гуманитаристики и технологий, – неизбежно приходится на выявление основания диалога когнитивных практик, нацеленного на их синтез. Осознавая трудности этого исследовательского предприятия, важно избегать «вульгарной эклектики» (Л.А. Микешина). Осуществлять это намерение помогает как критика «вульгарной эклектики», так и «плодотворные опыты» современной теоретико-философской методологии. Неразрывная связь научного познания и технического проектирования была из-

вестна давно. Но сегодняшняя нацеленность науки на проектную культуру актуализирует эту связь и смещает методологический акцент в сторону синтеза. А поскольку современные проектные разработки осуществляются в области социального проектирования, предполагающего создание определенной системы совместной деятельности, то их методология неизбежно выходит за рамки собственного технического знания.

Синтез когнитивных практик – обязательная принадлежность междисциплинарной и трансдисциплинарной стратегий исследования, методологический опыт которых может быть ресурсом осмысления гуманитарно-технологической революции. Понятия междисциплинарности и трансдисциплинарности хотя и близки друг другу, тем не менее можно обнаружить между ними и концептуальные различия. Междисциплинарность устанавливает возможности связи различных научных областей, используемых в них понятий для постижения каких-либо явлений. Что же касается трансдисциплинарности, то она характеризуется такими исследовательскими приемами, которые преодолевают междисциплинарные границы, переносят когнитивные схемы из одной дисциплинарной области в другую и разрабатывают совместные проекты исследований.

Весомым аргументом в дискурсе о гуманитарно-технологической революции являются широко обсуждаемые сегодня мировым научным сообществом конвергенции знания, конвергенции технологий. Если первоначально (2001 г.) конвергенция охватывала нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии и когнитивистику, то через пять-шесть лет стала очевидной и значимость социально-гуманитарных технологий, что нашло отражение в аббревиатуре: NBICS-конвергенция. Это обстоятельство открыло огромное поле деятельности для гуманитарного знания. Однако, как замечает О.Е. Баксанский: «...отечественные академические исследователи (философы, психологи, социологи, экономисты) оказались не готовы ответить на вызов времени» [2: с. 14]. Характеризуя перспективы NBICS-конвергенции, теоретик отмечает не только их положительные моменты, но и большое количество угроз и социально-экономических рисков. Самая существенная угроза связана с эволюцией человека как биологического вида. Конечно, во многом от человека зависит – откроется ли «ящик Пандоры». Вместе с тем очевидно – благодаря конвергентным технологиям «единство науки превращается в некий единый когнитивно-ценностный комплекс требований к познавательному процессу» [2: с. 19].

Представляется, что в исследовании художественной культуры нам удалось продемонстрировать синтез когнитивных практик [11]. Реализуя исследовательскую программу, мы творчески ис-

пользовали плодотворные в методологическом отношении идеи, теории, концепты. Полагаем, что нам удалось избежать «вульгарной эклектики», поскольку применяемые методологические принципы органично встраивались в нашу методологическую стратегию, являющуюся фундаментальным основанием решения проблемы: как возможна художественная культура, т.е. какой онтологический порядок общества детерминирует данный феномен как обязательную структуру его жизнедеятельности.

Механизмом, обеспечивающим экспозицию художественных творений в социальное пространство жизни и одновременно превращающим их в ценности художественной культуры, выступает техническое воспроизведение. Нынешняя эпоха своей технической и все расширяющейся мощью поставила под вопрос подлинность художественных произведений и соответственно суверенный статус искусства в жизни современного общества. После того, как проблема была сформулирована в работе Бенямина [3], технические возможности для имитации и симуляции художественного творчества стали гораздо шире. Это – с одной стороны. С другой – нельзя отрицать, что та же современная техника открыла новые перспективы самовыражения художника, умножила арсенал используемых средств и приемов художественной деятельности. В позитивном плане не менее важно и то, что именно технические возможности обеспечивают интенсивный характер присутствия произведений искусства (всего художественного) в повседневной жизни современного человека. Иными словами, художественное производство стало постоянным фактором и условием социального воспроизводства. Таким образом, через техническую возможность формируется существенный социальный механизм – *превращение* художественных творений в ценности художественной культуры общества. Тем самым методологически объясняется необходимость концептуального различения сферы искусства и художественной культуры общества. Многие теоретики искусства, пытаясь найти его границы (и вслед за ними обычная аудитория), не отдают себе отчета в том способе, каким художественное присутствует в ткани общественной (культурной) жизни. Они продолжают думать, что искусство *все еще* находится только в музеях, галереях, театрах и пр., тогда как в качестве эффекта эстетизации реального – художественное пронизывает уже *все*. Это стало возможно именно благодаря современной технике и в особенности благодаря компьютерным технологиям, тому, что сегодня называют «виртуальной и дополненной реальностью».

Методологическим основанием парадигмации художественной культуры является системная теория. В отличие от отечественных теоретиков, рассматривающих художественную культуру как си-

стему в парадигме: «часть-целое», мы исходили из новейших исследований в этой области – изысканий Н. Лумана [9], которые позволили преодолеть противоречие существующих систем художественной культуры, делавших заявку на различение искусства и художественной культуры, однако утверждавших искусство в качестве элемента системы. В основу трактовки художественной культуры как системы мы положили эффективное в методологическом и эвристическом плане определение системы через различение ее от окружающей среды, сыгравшее основополагающую роль в концептуализации художественной культуры.

Художественная культура общества представляет собой систему институциональных отношений производства-потребления художественных ценностей. Система художественной культуры возможна только потому, что есть окружающая её среда: произведения искусства и люди как потенциальные потребители художественных ценностей. В этой оппозиции система образуется посредством операции различения от среды, т.е. благодаря непрерывным операциям производства-потребления художественных ценностей. Художественное производство конституировано возможностями технического воспроизведения художественных творений. Оно не создаёт художественных творений, а генерирует художественные ценности, технически воспроизводя произведения искусства, извлечённые из своей окружающей среды.

Само, как это нам видится, существо гуманитарно-технологической революции порождает такое рефлексивное поле ее постижения, в котором необходимо есть место диалога, так как он обусловлен фундаментальным принципом, в конечном счете нацеленным на обеспечение полноты и целостности человеческого бытия.

Современная эпистемология богата когнитивными практиками: как по образцу и подобию естественных наук, так и берущих за образцы гуманитарные и художественные формы мышления. Глубокая аналитика философии познания, осуществленная Л.А. Микешиной, убедительно свидетельствует, что в XXI в. «наряду с дальнейшим развитием обоих типов практик, будет решаться и проблема их соотношения, взаимопроникновения и, возможно, синтеза» [13: с. 51].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьев, А.И.* Гуманитаристика: научные притязания / А.И. Афанасьев // Гуманитарные научные исследования. – 2013. – № 5. – URL: <http://human.snauka.ru/2013/05/3222> (дата обращения: 26.01.2019).
2. *Баксанский, О.Е.* Стратегические цели NBICS-конвергенции: Знания, технологии и общество / О.Е. Баксанский // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2016. – № 11-2. – С. 14–19.
3. *Беньямин, В.* Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе / В. Беньямин. – Москва : Медимум, 1996. – С. 15–65.
4. *Бодрийяр, Ж.* Система вещей/ Ж. Бодрийяр. – Москва : Рудомино, 1995. – 168 с.
5. *Гегель, Г.В.Ф.* История философии. – URL: <https://books.google.ru/books?id=WfpKDwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 08.01.2020).
6. *Иванов, В.В.* Гуманитарно-технологическая революция как глобальный вызов / В.В. Иванов // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности : труды 1-й Международ. конф. (8–9 февраля 2018 г., Москва). – Москва : ИПМ им. М.В. Келдыша, 2018. – С. 12–15.
7. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – Москва : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
8. *Кутырев, В.А.* Разум против человека (Философия выживания в эпоху постмодернизма) / В.А. Кутырев. – Москва : ЧеРо, 1999. – 230 с.
9. *Луман, Н.* Общество общества / Н. Луман. – Москва : Логос, 2011. – 640 с.
10. *Мадсбьерг, К.* Осмысление. Сила гуманитарного мышления в эпоху алгоритмов / К. Мадсбьерг. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 208 с.
11. *Маниковская, М.А.* Введение в философию художественной культуры : монография / М.А. Маниковская. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2018. – 304 с.
12. *Микешина, Л.А.* Тенденции развития эпистемологии социального и гуманитарного знания / Л.А. Микешина // Постнеклассика: философия, наука, культура : коллективная монография / отв. ред. Л.П. Киященко и В.С. Степин. – Санкт-Петербург : Мирь, 2009. – С. 491–518.
13. *Микешина, Л.А.* Философия познания. Полемиические главы / Л.А. Микешина. – Москва : Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.
14. *Микешина, Л.А.* Эмпирический субъект и категория жизни / Л.А. Микешина // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. XIX, № 1. – С. 5–15.
15. *Ортега-и-Гассет, Х.* Размышления о технике / Х. Ортега-и-Гассет // Вопросы философии. – 1993. – № 10. – С. 32–68.
16. *Парис, К.* Техника и философия / К. Парис // Это человек: Антология. – Москва : Высшая школа, 1995. – С. 250–265.
17. *Розин, В.М.* Философия техники и культурно-исторические реконструкции развития техники / В.М. Розин // Вопросы философии. – 1996. – № 3. – С. 19–28.
18. *Соловьев, В.С.* Исторические дела философии / В.С. Соловьев // Вопросы философии. – 1988. – № 8. – С. 118–125.
19. *Тулчинский, Г.Л.* Новая антропология: личность в перспективе постчеловечности / Г.Л. Тулчинский // Вопросы философии. – 2009. – № 4. – С. 41–56.
20. *Хайдеггер, М.* Вопрос о технике / М. Хайдеггер // Время и бытие. – Москва : Республика, 1993. – С. 221–238.
21. *Эллиул, Ж.* Технологический блеф / Ж. Эллиул // Это человек: Антология. – Москва : Высшая школа, 1995. – С. 265–295.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-76-80

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОНЯТИЯ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: КЛАССИЧЕСКОЕ И НЕКЛАССИЧЕСКОЕ

Ф.Е. Ажимов

В статье анализируется связь феноменов рациональности, метафизики, онтологии, классического и неклассического в современной исследовательской литературе. Автор приходит к выводу, что, несмотря на устойчивое деление научного знания на естественное и гуманитарное, неизбежно встает вопрос о необходимости конструирования онтологии единого научного знания.

Ключевые слова: метафизика, онтология, гуманитарное познание, рациональность.

THE METAPHYSICAL CONTEXT OF THE CONCEPT OF SCIENTIFIC RATIONALITY: CLASSICS AND NON-CLASSICS

F.E. Azhimov

The article analyzes the relationship of the phenomena of rationality, metaphysics, ontology, classics and non-classics in modern research literature. The author comes to the conclusion that despite the steady division of scientific knowledge into natural and humanities, the question inevitably arises of the need to construct ontology of unified scientific knowledge.

Key words: metaphysics, ontology, humanitarian knowledge, rationality.

Современную культурную ситуацию принято определять как неклассическую. Понятие «неклассическое» черпает свое содержание из противопоставления характеристикам, определяющим понятие «классическое». Современное отождествляется с неклассическим и на первый взгляд резко противопоставляется классическому. Перечисляя термины, обозначающие существенные признаки классического стиля мышления, обычно приводят их антонимы, которые автоматически являются характеристиками неклассического. Далеко немаловажное место в этом соотношении имеет указанное слово «стиль», каковое и дает основание считать то или иное явление классическим или нет. Неклассическое (как и классическое) определяется своим стилем [9: с. 5], поэтому, сглаживая разницу между терминами, уже можно сказать, что они повествуют об одних и тех же явлениях.

Например, классический стиль в философии определяется «претензией» философа на систематичность, целостность, завершенность, монистичность, рациональность [13: с. 30]. Недостаток приведенных характеристик классики становится очевидным после их критики неклассическими философами. Следовательно, их соотношение друг с другом является единственной возможностью для осмысления не только сущности, но и значения этих двух феноменов-моделей (классического и неклассического) [13: с. 30]. Неклассический стиль более гибок, его нормы пост-

янно меняются [11: с. 110], он позволяет описывать реальность наиболее адекватно, в то время как основное противоречие классики заключается в том, что дух и действительность пребывают в разорванности [13: с. 51–52]. В классических когнитивных схемах, полагает Л.А. Микешина, сознание субъекта оторвано от мира, от реальности, поэтому классическую теорию познания смело можно назвать «виртуальной» [16: с. 22–39].

Схематизм и отчасти неповоротливость классического мышления становятся отправным пунктом и стимулом поиска иных путей познания. Самой выпуклой проблемой в контексте проведения разыскания новых схем познания в настоящее время стало понятие рационального.

Во многих работах, посвященных проблемам рациональности, подчеркивается, что рациональность является междисциплинарной проблемой, поскольку рациональное есть, во-первых, выражение теоретического и систематического. И, во-вторых, будучи такой проблемой, рациональное в настоящее время не только не противостоит иррациональному, но неизбежно включает его в себя как свою составную часть. В современных философских парадигмах происходит «рационализация иррационального и внерационального» [2: с. 49]. Рациональное объемлет не-рациональное и является предельно широким понятием, в которое входит все охватываемое разумом и мышлением [5: с. 209–224].

Ажимов Феликс Евгеньевич – доктор философских наук, директор Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Azhimov Felix Evgenievich – Doctor of Philosophy, Professor, Director of the School of Arts and Humanities at the Far Eastern Federal University (Vladivostok).

E-mail: azhimov.fe@dvfu.ru

© Ажимов Ф.Е., 2020

Но можно ли тогда сказать, что квинтэссенцией рационального будет научное знание? Или современная наука определенным образом синтезирует рациональное и иррациональное?

Для современных ученых, философов науки и методологов очевидно, что понятие научной рациональности является более широким, чем понятие науки, хотя, несомненно, они связаны между собой. Так, широко известная классификация типов рациональности В.С. Степина предполагает [23: с. 633–634]:

– классический тип, рассматривающий только объект познания, исключая все, что относится к субъекту;

– неклассический тип, обращающий внимание помимо объекта исследования на средства познания и учитывающий их связь;

– постнеклассический тип, не только включающий в себя характеристики первых двух, но и расширяющий «поле рефлексии над деятельностью», соотносит знания и средства его получения с целями и ценностями этого знания.

Вместе с тем необходимо отметить, что указанные типы рациональности не уничтожают и не отменяют один другого, но лишь ограничивают и оставляют их применимыми только локально, но не всеобщо [23: с. 635]. Более того, П.П. Гайденко подчеркивает, что научную рациональность всегда дополнял «философский разум», снимая с нее ограниченность [4: с. 26], наукой никогда не исчерпывалось познание мира [23: с. 42], и сама наука всегда выходила за рамки практики [23: с. 703]. К тому же классическое понятие научной рациональности окончательно сложилось в естествознании XVII–XVIII вв. и стало возможным лишь благодаря тому, что само естествознание в ходе своего развития было связано с метафизикой, ведь только последняя являла собой науку о конечных причинах и целях [4: с. 15]. Рациональность же вообще, т.е. не только научная, связана с метафизическими и онтологическими категориями, зародившимися еще в греческой философии [21: с. 21–39]. Можно сказать, что именно поэтому, как показывает история научных открытий, наука стремится к трансценденции и преодолению своих границ посредством либо творчества, либо эвристики. Несомненно, это говорит о взаимовлиянии метафизики и науки как сферы рационального [8; 24]. Французский философ науки Г. Башляр вообще считает, что рационализм вместе с реализмом являются двумя неотъемлемыми «метафизиками», на которые опирается научный разум [2: с. 28]. Вместе с тем, очевидно, что современная идея рациональности позволяет связать абстрактные метафизические понятия, выхолощенные научные концепции с человеческим существованием, с пониманием человека как целостного существа: и ученого, и философа, и художника.

Так есть ли рациональность производная от философии вообще и метафизики в частности?

Так или иначе, но важным остается то, что метафизика обладает схожими характеристиками с понятием рационального, во-первых, и понятием классического, во-вторых. Она тоже представляет собой интенцию на систематичность и целостность, однако метафизика всегда дополнялась и критиковалась, «всегда была под вопросом» [14: с. 80], что лишний раз подчеркивает «взаимораскрытие» классического и современного (неклассического). Благодаря предмету метафизики, ее предельности, все указанные проблемы соотношения «классического и неклассического», «рационального и нерационального» обретают более отчетливую форму.

Не являясь, таким образом, уже ставшей наукой в полном смысле этого слова, метафизика в условиях современности имеет отношение к рациональному и вне-рациональному, связывает их и продолжает оставаться залогом междисциплинарности научного знания. А это, в силу особой роли, отводимой рациональному в свете современной культуры обязывает метафизику к интегративной функции [18]. Но, с другой стороны, сама наука и философия вообще, разрабатывая и шлифуя свою терминологию, свой язык [12], приходят к метафизике. Так, применяя понятия «мироустройство», «миропорядок», «мир», «природа», «картина мира» и др., мы неизбежно приходим к универсальности и всеобщности, за коими стоит метафизика.

Понятие или, как говорят Ж. Делёз и Ф. Гваттари [6: с. 10], концепт, метафизично в принципе, ибо отсылает к проблеме, к ее целому, к ее историческому, событийному, культурному фону. Философия есть процесс постоянного творения новых концептов. Благодаря этому она, в отличие от науки, постигает бесконечное и тем самым упирается в метафизику, создавая некий порядок, защищающий мышление философа и ученого от хаоса бесконечного. Но в этом случае речь идет о классической эпохе. В неклассической метафизике, например у тех же Ж. Делёза и Ф. Гваттари, концепт изображается более корректно посредством того, что он не мыслится без своего создателя. «Авторизированность» концепта вносит субъекта в метафизическую, пусть даже исключительно историко-философскую культуру не просто как пассивное начало, но вписывает его в общий контекст эпохи. Классическое восприятие метафизики как системы логических категорий, господствовавшее со времен Аристотеля, смещается в сторону понимания ее как «ансамбля» или «хоровода» различных философских концепций и направлений. Но при всем этом задачи метафизики остаются вполне научными: интеграция знания, получение трансцендентального знания, эвристика и т.д.

Если наличие метафизики в естествознании, построение онтологий конкретных наук о природе в настоящее время признается современными методологами, то насколько указанные метафизические характеристики и задачи свойственны социально-гуманитарному знанию? Сомнение в трансцендентальной составляющей гуманитарного познания лишает его научного статуса. Л.А. Микешина в этой связи уверенно выдвигает тезис об аподиктичности такого рода знаний: «...в действительности идеалы трансцендентальной философии, включающие объективность, всеобщность, необходимость, присутствуют» [15: с. 841] и в гуманитарном познании, но только в особенной форме по сравнению с естествознанием. Это достигается благодаря особому анализу структур языка, коммуникаций, интерсубъективности, феномена ценности [17] и т.д. В результате гуманитарные науки могут предстать как завершенное, целостное знание, которое, однако, остается всегда открытым к различным дополнениям со стороны других «авторов».

Именно в социально-гуманитарном познании наиболее остро стоит, как говорит Н.С. Автономова, «парадоксально» двусмысленная цель: «рационально прояснить непроясняемое» [1: с. 121]. В своем историческом развитии, т.е. в процессе становления и обретения своего парадигмального статуса, гуманитарные науки, полагает исследователь, проходят несколько этапов, связанных с трактовкой феномена языка. Речь в данном случае идет о символе и символическом как об особом рода запредельном, но в то же время всегда присутствующем здесь и сейчас. Развитие символической составляющей в гуманитарном познании предстает как смена следующих этапов: «символ» как таковой, «символические формы», «символические системы» и «символический порядок».

«Символ» – это пример, если сослаться на Канта (как это и делает Н.С. Автономова), из сферы разума, который, как известно, не имеет никаких корреляций ни в эмпирическом опыте, ни в сфере рассудочно познаваемого. Следующий этап – «символические формы», формулировка которого принадлежит Э. Кассиреру. Согласно неокантианскому подходу творение символов выступает как главная функция человеческого разума [1: с. 124]. Символ в некотором смысле отождествляется с понятием и выступает как синтез культурно-духовной деятельности (мифология, сам язык, искусство, наука, религия и пр.). Символы существуют не как альтернатива рационального познания и не в качестве итога разумного опыта, но являются собой дологические структуры сознания и познания. Закономерным развитием второго этапа стал третий («символические системы»), связанный с творчеством К. Леви-Стросса [1: с. 125], в котором на первое место выходят отношения между симво-

лическими системами-институтами социально-гуманитарной сферы: религией, искусством, браком и т.д. Причем все системы центрируются вокруг главной искусственной системы – языка, которому все в культурном мире соответствует. Итогом развития этой структуралистской концепции стал четвертый этап «символического порядка», приписываемый Ж. Лакану [1: с. 127]. Согласно этой стадии объяснения человек, овладевая языком, внедряется в существующую сферу символического порядка, в рамках которого усваивает правила поведения, механизмы действия и поступков, носящих во многом бессознательный характер.

Благодаря историко-философскому анализу развития определенного аспекта гуманитарной сферы, проведенному Н.С. Автономовой, становится очевидным тот факт, что метафизический (в смысле «запредельный») характер гуманитаристики связан и с ее стремлением объяснить, подобно точной науке, культурные феномены (существующие не только как элементы окружающей объективной действительности), и с тем, что в социально-гуманитарном познании присутствуют одновременно рациональные и нерациональные аспекты.

Представители естествознания, ученые-практики редко задумываются не только о языке, но и о методе своих исследований. Отечественный исследователь Б.И. Пружинин полагает, что методология сама по себе уже является гуманитарным исследованием, оставаясь при этом атрибутивной чертой строгой науки [20: с. 12–14]. О гуманитарной ориентации методологии свидетельствуют интерпретативная работа, логический анализ, работа с концептуальным и терминологическим языком и т.д. Действительно, сложно оспорить тот факт, что языковая проблема, вопрос о формулировках – удачных или неудачных – стоит очень остро именно в гуманитарных науках, в то время как в науках о природе используется единый терминологический язык. Но значит ли это, что гуманитарное знание в этом аспекте резко противостоит естествознанию? Можно ли различать методы естественно-научные и гуманитарные?

Методологические установки, безусловно, имеют определенные отличия, их можно даже противопоставлять друг другу, как это и делала уже почти двухвековая философско-методологическая традиция, идущая от неокантианцев и позитивистов. На мой взгляд, в настоящее время проблема методологии должна быть представлена в ракурсе, позволяющем говорить о единстве научного знания. В этой связи представляется очень аргументированной позиция Б.И. Пружинина: тандем гуманитарных и естественных наук становится возможным благодаря методу [19: с. 130]. (Не определенному методу, но методологии как таковой, рассмотрению вопроса о способе исследования.) Вы-

ясняя методологические особенности гуманитарного познания, ученый тем самым уточняет сферу методологии естествознания, и наоборот. Это означает, что все методологические разработки по большому счету являются интегрирующими. Какой-либо конкретный метод не может принадлежать исключительно одной науке, как минимум, он обособляет целый ряд дисциплин, однако это обособление снимается методами иного уровня, интегрирующими и синтезирующими научное знание. Так, синергетика, возникнув в рамках естествознания, в настоящее время распространяется в виде синергетической парадигмы, стирающей какие бы то ни было различия между науками.

Поэтому об уникальности методологии естествознания и гуманитаристики можно говорить лишь как о первом институциональном шаге на пути неизбежной универсализации науки.

Например, русский философ Г.Г. Шпет в качестве методологического основания гуманитарных дисциплин полагал логическую науку [25], так как с помощью логики, мыслил Шпет, можно судить не о степени «общности» категорий гуманитарного знания, а о способе их образования [26], в чем, надо признать, и заключается одна из особенностей методологии социально-гуманитарного познания. Озабоченность способом образования понятий обусловлена тем, что представитель гуманитарных наук стремится постичь исследуемый предмет в целостности, в контексте. Если для естествознания позволительно делить целое на части, изучать только лишь какую-то одну составную часть, реализуя тем самым второе правило метода Декарта, то гуманитарная реальность устроена таким образом, что вычлененные объекты уже не существуют в качестве составляющей изучаемого предмета. Но вместе с тем необходимо отметить, что и для естествознания в настоящее время указанный контекст важен не в меньшей степени, о чем свидетельствует осознание современными учеными и методологами необходимости построения региональных онтологий конкретных наук. В науке наших дней онтологизируется и сама реальность (природа), и искусственные теоретические конструкты до такой степени, что разница между ними стирается [22: с. 63].

Развитие научного знания носит диалектический характер: «... интеграция наук ... реализуется все больше через дальнейшую их дифференциацию» [7: с. 256]. Слова академика Б.М. Кедрова, написанные около сорока лет назад, не потеряли своей актуальности и по сей день. Это объясняется, прежде всего, тем, что дифференциация наук как аналитическая деятельность научного разума всегда нуждается в восстановлении раздробленного предмета исследования. В истории науки это единство осуществлялось посредством логических

формулировок законов развития природы и общества, создания теорий и т.д.

Синтез естествознания и гуманитарной науки – это полная погруженность первого и второго в единую историко-культурную среду. Только в ней может функционировать фундаментальная наука как институт, существующий в режиме «преемственности в развитии знания» [19: с. 205]. Прикладная деятельность, лишенная какой бы то ни было преемственности и ориентированная на сиюминутное обеспечение тех или иных потребностей и запросов общества, в этом смысле вообще не может быть названа научной. Следовательно, изоляция научного знания может означать только одно – скорейшее уничтожение обособленной науки и как социального института, и как сферы творческой деятельности человеческого духа. Естественные науки не в состоянии реализовать многие свои функции без взаимосвязи с гуманитарными, поэтому в настоящее время остро встает вопрос об их синтезе [3: с. 249].

Тем не менее в научной литературе позиция, согласно которой гуманитарные науки не только невозможно свести к естественным, и, таким образом, в научном знании существует изначальный раскол, но и сложно говорить о научном статусе наук об обществе, человеке, культуре, довольно распространена. Академик В.А. Лекторский систематизирует основные тезисы представителей приведенной точки зрения в пяти пунктах, критически разбирая каждый из них. Приведем эту критику по его статье, опубликованной в журнале «Вопросы философии» [10: с. 699–703].

1. Формулировка первого утверждения, устанавливающего зазор между двумя группами наук, принадлежит Г. Риккерт и может быть выражена следующим образом: естествознание имеет дело с «общими зависимостями», в то время как гуманитарное знание есть знание локальных явлений. В ответ на это замечание смело можно выдвинуть упрек сторонникам приведенной позиции неокантианцев, так как локальное событие не может быть рассмотрено без общих понятий. Объясняя отдельное событие, гуманитарий использует общие методы математики, социологии, экономики, экологии и т.д.

2. Второй тезис не менее известен. Речь идет о том, что науки о природе объясняют, а науки о человеке интерпретируют, т.е. специфика социальных и гуманитарных наук обусловлена наличием в социально-гуманитарном познании интерпретативного элемента, привнесенного герменевтикой. Однако в современной логике и философии, например аналитической, является уже доказанным тот факт, что понимание и объяснение взаимосвязаны теснейшим образом и часто переходят друг в друга.

3. Третье положение, обособляющее гуманитаристику от строгой науки, основано на утверждении

нии, что естествознание способно делать прогнозы относительно развития тех или иных явлений, в то время как гуманитарные науки «обеспечивают понимание». Возражая на это замечание, необходимо сослаться на бурно развивающуюся и завоевывающую в наши дни все больше признания синергетическую науку, которая свидетельствует о том, что в сложных системах предсказать будущее невозможно. Более того, синергетика, как мы уже отмечали выше, в настоящее время уже довольно продуктивно внедрена в исследования социальных процессов.

4. Следующее замечание относится к форме существования научного знания и заключается оно в том, что науки о природе функционируют, создавая теории, а гуманитарное знание не в состоянии сформулировать теорию и иного рода обобщения. Но вместе с тем нельзя отрицать, что, объясняя ту или иную социальную структуру, исследователь вынужден заниматься анализом с целью нахождения определенных закономерностей, которые, однако, носят локальный характер. Но с другой стороны, и универсальные законы в естествознании в настоящее время могут быть рассмотрены как исторические.

5. Последний упрек гуманитарному знанию заключается в его субъективности. Естествознание, согласно этому взгляду, может претендовать на объективность, в то время как гуманитарные науки сами порождают свой объект. Возражая на этот на первый взгляд довольно сильный аргумент, можно сослаться на известный факт использования ученым, исследующим объективную реальность, «искусственных приспособлений». Кроме того, теоретические разработки постпозитивистов выявили, что развитие естествознания есть конфликтное взаимодействие различных научных школ и традиций. В этой связи можно еще указать и на те серьезные изменения, которые происходят в социально-гуманитарном познании в ходе отказа от субъект-объектной парадигмы.

Таким образом, в настоящее время можно уверенно говорить о необходимости создания не только онтологии гуманитарного и социального знания, но и, более смело, об онтологии единого научного знания с целью выявления его метафизических и культурных оснований и предпосылок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова, Н.С. Символ, язык и проблема объективации в гуманитарном познании / Н.С. Автономова // Познание, понимание, конструирование. – Москва : ИФ РАН, 2008.
2. Башляр, Г. Новый рационализм / Г. Башляр. – Москва : Прогресс, 1987.
3. Вострикова, Е.В. Новые книги по эпистемологии на французском языке / Е.В. Вострикова // Эпистемология и философия науки. – 2006. – Т. VII, №1.
4. Гайденко, П.П. Научная рациональность и философский разум / П.П. Гайденко. – Москва : Прогресс-традиция, 2003.
5. Гуревич, П.С. Поиск новой рациональности / П.С. Гуревич // Рациональность как предмет философского исследования. – Москва : ИФ РАН, 1995. – С. 209–224.
6. Делёз, Ж. Что такое философия? / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – Санкт-Петербург : Алетея, 1998.
7. Кедров, Б.М. О синтезе наук / Б.М. Кедров // Философия, наука, культура. «Вопросам философии» 60 лет. – Москва : Вече, 2008.
8. Койре, А. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий / А. Койре // Койре А. Очерки истории философской мысли (о влиянии философских концепций на развитие научных теорий). – Москва : Издательство УРСС, 2003. – С. 12–26.
9. Кузнецов, Б.Г. Разум и бытие. Этюды о классическом рационализме и неклассической науке / Б.Г. Кузнецов. – Москва : Наука, 1972.
10. Лекторский, В.А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке? / В.А. Лекторский // Философия, наука, культура. «Вопросам философии» 60 лет. – Москва : Вече, 2008. – С. 699–703.
11. Лекторский, В.А. Эпистемология классическая и неклассическая / В.А. Лекторский. – Москва : Издательство УРСС, 2001.
12. Макспетян, А.Г. Язык и метафизика / А.Г. Макспетян. – Ереван, 2001.
13. Мамардашвили, М.К. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии / М.К. Мамардашвили, Э.В. Соловьев, В.С. Швырев // Философия в современном мире. Философия и наука. – Москва : Наука, 1972.
14. Марков, Б.В. Знаки бытия / Б.В. Марков. – Санкт-Петербург : Наука, 2001.
15. Микешина, Л.А. Трансцендентальные измерения гуманитарного знания / Л.А. Микешина // Философия, наука, культура. «Вопросам философии» 60 лет. – Москва : Вече, 2008.
16. Микешина, Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания / Л.А. Микешина. – Москва : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009.
17. Микешина, Л.А. Эпистемология ценностей / Л.А. Микешина. – Москва : РОССПЭН, 2007.
18. Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков. – Санкт-Петербург : Алетея, 2000.
19. Пружинин, Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии / Б.И. Пружинин. – Москва : РОССПЭН, 2009.
20. Пружинин, Б.И. Методологическое исследование науки: историко-типологический очерк / Б.И. Пружинин // Философия науки. Методология и история конкретных наук. – Москва : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2007.
21. Рутманис, К.В. Генезис идеи рациональности в философии / К.В. Рутманис // Рациональность как предмет философского исследования. – Москва : ИФ РАН, 1995. – С. 21–39.
22. Степин, В.С. Конструктивизм и проблема научных онтологий / В.С. Степин // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. – Москва : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009.
23. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000.
24. Хюбнер, К. Рефлексия и саморефлексия метафизики / К. Хюбнер // Вопросы философии. – 1993. – № 7. – С. 165–171.
25. Шпет, Г.Г. Логика. В 2 ч. / Г.Г. Шпет. – Москва, 1912.
26. Щедрина, Т.Г. «Я пишу как эхо другого...»: Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета / Т.Г. Щедрина. – Москва : Прогресс-Традиция, 2004.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-81-88

ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ НАУКИ

И.Ф. Михайлов

На круглом столе в Институте философии РАН 19 декабря 2019 г. состоялась дискуссия о возможности идентификации вычислительных процессов в природе, каковая идентификация, в случае успеха, могла бы выступить онтологическим и методологическим основанием когнитивных (нейро)наук. Некоторые участники дискуссии выразили сомнения в приемлемости такого подхода, выдвинув аргументы: вычислительные процессы необходимо имеют дело с символами и составляют часть человеческой целесообразной деятельности. В настоящей статье я анализирую эти аргументы и показываю, что и символизм, и целесообразность как предполагаемые атрибуты вычислений присущи скорее человеческим интерпретациям соответствующих процессов, чем им самим в ходе их выполнения. Здесь же я рассматриваю онтологические и методологические особенности вычислительного подхода в научном познании и показываю, как, благодаря этим особенностям, такой подход может помочь преодолеть ограничения традиционного номологического образа науки в исследовании сложных самоорганизующихся систем.

Ключевые слова: номологический подход, вычислительный подход, вычисление, алгоритм, когнитивная наука, символ, целесообразность, телеология.

COMPUTATIONAL IMAGE OF SCIENCE

I.F. Mikhailov

Within a round table at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences in the framework of the seminar 'Interdisciplinary problems of cognitive sciences' on December 19, 2019, a discussion was held on the possibility of identifying computational processes in nature, which identification, if successful, could constitute the ontological and methodological basis of cognitive (neuro)sciences. Some participants in the discussion expressed doubts about relevance of such an approach, putting forward the following arguments: computational processes deal with symbols by perforce and form part of human purposeful activity. In this article, I analyze these arguments and show that both symbolism and purposefulness, as the alleged attributes of computations, are inherent in human interpretations of the corresponding processes rather than in the course of their implementation. Here I also consider the ontological and methodological features of the computational approach to scientific knowledge and show how, owing to these features, this approach can help overcome the limitations of the traditional nomological model of science in the study of complex self-organizing systems.

Key words: nomological approach, computational approach, computation, algorithm, cognitive science, symbol, purposefulness, teleology.

Введение

Настоящая статья написана в продолжение дискуссии о природных вычислениях, состоявшейся 19 декабря 2019 г. в Институте философии РАН на круглом столе «Вычисления в науках о мозге и сознании: атавизм, метафора или эвристика?» [8] в рамках регулярного семинара «Междисциплинарные проблемы когнитивных наук». По результатам обсуждения были написаны и предложены к публикации в «Вопросах философии» три статьи: моя [4], А.В. Родина [6] и В.И. Шалака [7].

Я отстаивал и продолжаю отстаивать идею возможности обнаружения вычислительных процессов в самой природе. В.И. Шалака считает, что в природе существуют алгоритмические процессы, но их нельзя считать вычислительными. Он представил интересный сравнительный анализ номологического и

алгоритмического способов научного объяснения. А.В. Родин полагает, что вычисления и алгоритмы – слишком сильная метафора для естественных процессов, и в их изучении нужно ограничиться старым добрым естествознанием. В его статье, готовой к публикации, также содержится интересная аргументация против неоправданного, по его мнению, компьютеризации в естественных науках.

Поскольку эта дискуссия продолжается в устных беседах, я воспользовался случаем, чтобы систематизировать мои контраргументы и изложить их в более или менее связном виде. Хочу выразить скромную надежду, что мои оппоненты также не останутся на достигнутом. И, конечно же, я был бы рад подключению новых участников к этой дискуссии.

Михайлов Игорь Феликсович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН (г. Москва).

Mikhailov Igor Feliksovich – Candidate of Philosophy, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Science (Moscow).

E-mail: ifmikhailov@iph.ras.ru

© Михайлов И.Ф., 2020

Номологический образ науки и его ограничения

Согласно научно-реалистическим представлениям мы живём в мире, где правят законы, открываемые традиционными науками. В этом бесконечном однородном пространстве камень, лишённый опоры, всегда падает под действием силы тяжести, гидроксид натрия, встретившись с соляной кислотой, всегда образует поваренную соль и воду, а товар всегда дорожает, если спрос на него превысил предложение. По широко известному мнению Карла Гемпеля [2], законы, открываемые науками, участвуют в научном объяснении в качестве первой посылки условно-категорического силлогизма:

1. А всегда влечёт Б (*закон*).

2. Имеет место А (*известный факт*). Следовательно,

3. Необходимо имеет место Б (*объясняемый факт*).

Всеобщая форма закона, таким образом, оказывается моделью, порождающей то, что мы называем объяснениями, и обеспечивающей предсказуемость мира – реальную или воображаемую, – которая вызывает чувство комфорта и безопасности у существ, вынужденных искать способы адаптации к не слишком дружественной среде. Если бы эта модель была безошибочной и действительно универсально применимой, развитие науки шло бы по кумулятивной схеме: путём накопления истинных знаний в рамках одной теории в каждой научной дисциплине.

Однако взглянем на объяснение Аристотелем причины землетрясений:

«Но поскольку ясно, как было ранее сказано, что испарения должны возникать и из влажного и из сухого, то и землетрясения являются необходимым следствием существования этих испарений. Сама по себе земля сухая, но из-за дождей в ней содержится много влаги, так что, когда под действием солнца и собственного огня она нагревается, как снаружи, так и в недрах земли образуется много пневмы, а эта [пневма] в одних случаях сплошным [потоком] вся вытекает наружу, в других – вся [направляется] внутрь, а иной раз делится [надвое].

Поскольку же *иначе быть не может* (курсив мой. – И.М.), нам следует, пожалуй, рассмотреть теперь, какое тело более всех других способно быть источником движения» [1: с. 500–501].

Пневма, как мы знаем из других его работ, – это то, кипением чего является огонь. Она опосредует взаимодействие души и тела, она же всегда стремится вверх к родственному ей эфиру. В рамках аристотелевского видения «иначе быть не может» – предложенная им концептуальная схема искренне мыслится им как единственно возможная. Почему же мы с ним не согласны? Позволю себе ещё одну длинную, но многое проясняющую цитату, но уже из нашего современника – Неда Блока:

«У философа-досократика не было бы никакой возможности понять, как тепло может быть видом движения или как свет может быть разновидностью вибрации. Почему? Потому что у философа-досократика не было подходящих концепций движения, а именно понятия кинетической энергии и ее роли, или [понятия] вибрации, т.е. понятий, связанных с волновой теорией света, которые позволили бы осознать, как такие разные понятия могут выражать одно и то же явление. <...> У нас часто есть несколько понятий одного и того же. Понятие света и понятие электромагнитного излучения [в диапазоне] 400–700 нм представляют одно и то же явление. Философу-досократика не хватает понятия света и соответствующей [ему] концепции вибрации (которая требует целой теории). Досократика не достаёт не только теоретического определения, но и осознания того, какие вещи [концептуально] сгруппированы с научной точки зрения» [9: с. 1114–1115]¹.

Точное замечание Блока, конечно, применимо не только к досократикам, но и к Аристотелю, и к нашим современным теориям, наивности которых будут удивляться учёные будущего, если человечество до него доживёт. Последнее соображение указывает на неточность формулировки в последнем предложении цитаты. Аристотелева концепция землетрясений группирует понятия тоже «с научной точки зрения» – точки зрения той науки, которую он создавал. Ведь для того, чтобы увидеть, что «иначе быть может», человечество должно было накопить не только опыт открытых и воспринятых фактов, но и опыт, показывающий возможность других объяснений там, где до тех пор единственное объяснение выглядело безальтернативным.

Но что создаёт эту постоянную возможность другого взгляда? Мы привычно полагаем, что законы традиционной науки появляются как обобщения известных фактов, которые, будучи подтверждены серией экспериментов в разных условиях, становятся неотъемлемой частью картины единого и однородного мира, предсказуемого в своих основных проявлениях. И тогда удачно составленной номологической картине мира достаточно лишь пополняться новыми фактами и изредка – новыми законами, не отменяющими старые. Но реальная история науки выглядит не так.

Заметим, что в качественном рассуждении Аристотеля роль закона (по силлогистической схеме Гемпеля) выполняет универсальное положение, гласящее, что при нагревании влаги должно выделяться большое количество пневмы. И это номологическое высказывание вряд ли можно считать обобщением опыта – откуда у нас может быть опыт

¹ Здесь и далее переводы цитат иноязычных источников выполнены мною. – И.М.

наблюдения ненаблюдаемой по определению субстанции? Но откуда тогда уверенность, что «иначе быть не может»?

Мой ответ уже был изложен в некоторых публикациях [3; 5]. Наука – не важно, античная, средневековая или современная, – помимо фактуальных и теоретических высказываний содержит высказывания о типах объектов, их свойствах и отношениях. Комплекс таких высказываний в каждой научной дисциплине можно назвать *научной онтологией* (далее – онтология). Онтология описывает объектную модель, на которой интерпретируются теоретические и фактуальные высказывания. В отличие от последних её высказывания не корректно оценивать на истинность/ложность – они по природе своей конвенциональны. Именно этого не понимали Аристотель и большинство мыслителей до и после него: высказывание «Пневма есть субстанция сухая и горячая» относится к онтологии и является частью предложенной объектной модели, тогда как высказывание «При нагревании влаги выделяется большое количество пневмы» есть уже высказывание собственно теоретическое и как таковое может быть истинным или ложным – но только в рамках предложенной объектной модели. А высказывание «Пневмы не существует» означает лишь то, что у нас появились более экономные, стройные и рациональные теории, которые «лучше» (в каком-то смысле) объясняют те же и вновь открытые факты, не прибегая при этом к постулированию ненаблюдаемых сущностей².

В качественных теориях, типа аристотелевской, различия собственно теории и онтологии не столь очевидны, как в математизированном естествознании Нового времени. Но даже в рамках последнего далеко не сразу удалось избавиться от унаследованного от греков способа объяснения: если имеет место явление, природа которого неочевидна, естественно предположить существование ненаблюдаемой сущности – носителя свойств, обнаруживаемых в этом явлении. Так, эфир оставался объяснительным принципом в физике и космологии вплоть до начала XX в. По иронии, при том, что специальная теория относительности объясняет результат эксперимента Майкельсона–Морли, не прибегая к постулированию эфира, сам Эйнштейн не только не исключал его существования полностью, но заявлял, что эфир существует, просто не надо понимать его как нечто, состоящее из существующих во времени элементов [11]. Не менее интересные истории связаны с теплородом и флогистом,

но рамки небольшой статьи слишком узки для их подробного разбора³.

Таким образом, история науки знает как случаи, когда противоречащие друг другу теории основывались на одной и той же онтологии, так и противоположные случаи – когда одни и те же теоретические положения считались истинными в рамках разных онтологий (например, как включающих теплород, так и обходящихся без него).

Мы примерно знаем, как науке удалось избавиться от некоторых онтологических излишеств: например от теплорода – объяснив макросостояние термодинамической системы определённой статистикой её микросостояний; или от эфира – предположив, что само пространство обладает физическими свойствами (именно в этом смысле Эйнштейн считал эфир существующим). Прибегая к философским обобщениям, можно было бы сказать, что онтологии упрощаются и избавляются от слишком уж произвольно домысленных сущностей за счёт вытеснения субстанциального подхода функциональным. *Субстанциальный подход* за каждым объективно регистрируемым свойством заставляет предполагать его носителя. *Функциональный подход* допускает, что по крайней мере некоторые из свойств могут возникать как эффекты взаимодействия сущностей, ни одна из которых в отдельности данным свойством не обладает. Так, ни одна из молекул в отдельности не является ни холодной, ни тёплой. Но совокупный статистический результат их движений определяет тепловые свойства состоящего из них тела.

Однако даже сегодняшняя функционализация научных онтологий пока не помогла объяснить существование усложняющихся систем в мире, где, казалось бы, действует второе начало термодинамики и где всё должно развиваться в направлении нарастания энтропии⁴. Как получается, что некоторые материальные системы усложняются, перестраивают свои отношения со средой, получают способность к росту, размножению, передаче наследственной информации, обретают интенциональные свойства, объединяются в сложноорганизованные группы, надстраивают уровни управления и предписывают сами себе правила поведения, не следующие ни из физических, ни из биологических законов?

Мы, например, знаем, что наличие асимметричных атомов углерода создаёт условия для формирования стереоизомеров – органических веществ, чьи физико-химические свойства зависят от простран-

² Возможна ситуация, как указывает А.В. Родин, когда учёный пользуется онтологией, включающей несуществующие, по его мнению, объекты (например, эпициклы орбит), просто потому, что пока нет хорошей замены. Но даже такое предвосхищение не свидетельствует о его/её способности проникать в суть вещей помимо научной абдукции.

³ Подробнее об этом см.: [12; 13; 16; 17].

⁴ Я отдаю себе отчёт в том, что очень лапидарно и поверхностно затрагиваю сложную и в высшей степени дискуссионную тему. Но дальнейшее рассуждение покажет, что изучаемая здесь проблема реальна вне зависимости от тех или иных интерпретаций теоретических вопросов физики.

ственных структур их молекул не в меньшей степени, чем от атомного состава последних. Но что делает неизбежным появление таких молекул, на которых основано всё царство живой природы? Насколько я знаю, пока нет удовлетворительной теории, которая могла бы предложить номологическое объяснение этого перехода, хотя есть гипотезы, отсылающие к специфическим условиям, имевшимся в момент формирования Земли или даже Вселенной.

Я позволю себе предположить, что и здесь, как в случае с досократиками, Аристотелем и многими другими оставленными позади этапами в истории науки, мы имеем дело не с недостатком эмпирических знаний, а с ограничениями, налагаемыми нашими текущими концептуальными схемами.

Два вида объяснений

Оставаясь в рамках нынешних стандартов научности, мы, конечно же, хотели бы избежать какой бы то ни было телеологии в объяснении возрастающей сложности некоторых систем. Если мы не склонны возвращать аристотелевскую энтелехию – а подобные решения как раз относятся к области онтологических обязательств (*commitments*), по Куайну, – то мы должны объяснить эту тенденцию, исходя из текущих условий. Проблема в том, что текущий набор известных законов природы не позволяет сделать это номологически. Тогда мы можем или продолжить искать пока не обнаруженные законы – что, как представляется, и попытались сделать основатели синергетического проекта, – или изменить принцип объяснения.

Объяснение – специфически человеческая процедура, сильно детерминированная психическим строем вида *Homo sapiens*. Причины, по которым нам что-либо становится ясным, что ранее таковым не было, многообразны и не всегда ясны сами по себе. Возможно, наша позитивная реакция на обретенное понимание представляет собой, как и во многих подобных случаях, биологическое вознаграждение за создание новой модели предсказаний возможных изменений важных для жизни обстоятельств. Предсказание возможно там, где имеет место повторяемость. Можно предположить, что на родовом уровне объяснение представляет собой доказательство повторяемости объясняемого. Тогда усматриваются по крайней мере два вида демонстрации повторяемости. Один из них сводится к обнаружению общего правила (закона), которое предопределяет непереносимое появление интересующего нас явления в определенных обстоятельствах. Как работает этот вид объяснения, мы вкратце обсудили выше.

Но человеку можно объяснить нечто и другим способом – а именно показать, как это можно сделать. Для того, чтобы такая демонстрация служила объяснением, она должна гарантировать, что определенная последовательность действий в опреде-

ленных условиях гарантированно вызовет к жизни наш *explanandum*. Поскольку здесь мы говорим об объяснениях в естественных науках, такой способ объяснения предполагает нахождение правдоподобного схематического описания того, как природа производит интересующее нас явление.

Схема, описывающая типичную конечную последовательность шагов, на последнем из которых достигается некоторый определенный результат, называется алгоритмом. Рецепт приготовления хека с овощами, правила умножения в столбик, репликация РНК – это всё алгоритмы, вне зависимости от того, кто или что их реализует. Так получилось исторически, что наиболее точное формальное описание алгоритмического процесса было дано в знаменитой статье Алана Тьюринга, посвященной математической проблеме вычислимых чисел [18]. Поэтому «алгоритм» прочно ассоциируется с «вычислением» в математическом смысле⁵, хотя, например, проезд перекрестка на автомобиле в соответствии с правилами дорожного движения является алгоритмическим действием, несмотря на то что никакие математические объекты в ходе его не вычисляются. И в природе, и в культуре существует множество алгоритмических процессов, которые не являются математическими вычислениями в привычном понимании и не используют их.

Учитывая это обстоятельство, возникает соблазн остановиться на убеждении, согласно которому все вычислительные процессы являются алгоритмическими, но не наоборот. И многие, если не большинство, на нём и останавливаются. Чтобы утвердиться в правильности такого видения, нужно ясно показать видовые отличия, фиксируемые понятием вычисления, которые соответствующим образом ограничивают объём родового понятия алгоритма. Соответственно, если окажется, что таковые отличия рационально не определимы, то оба понятия придётся считать эквивалентными.

Алгоритмы и вычисления

Интуитивно мы понимаем вычисление как процесс, связанный с решением математических (или, в крайнем случае, логических) задач. Поскольку математика и логика существуют только в человеческой культуре, то, согласно этой традиционной установке, вычислять может только человек или специально созданное им искусственное устройство, физические процессы которого организованы по человеческим алгоритмическим правилам таким образом, что их результат может быть интерпретирован человеком как результат вычислений. Я вижу два принципиальных свойства так понятых вычис-

⁵ На самом деле эта ассоциация состоялась ещё в Средние века благодаря персидскому математику Аль-Хорезми, имя которого в латинской транскрипции превратилось в «алгоритм».

лений: их *символизм* и *телеологию*. Первый предполагает, что по крайней мере предмет вычислительных операций присутствует в процессе будучи выражен в символах – физических формах, обладающих семантикой, т.е. представляющих некое содержание, отличное от них самих. Вторая предполагает, что вычисление определяется не наличными причинами, как ординарный физический процесс, а целью, содержащейся в сознании вычислителя. При этом принципиально важно, что оба свойства не должны быть интерпретируемы в терминах [какой-либо теории] алгоритмов, поскольку в противном случае они теряют свою специфичность как отличительные признаки вычислений.

Итак, предположим, что вычисление в привычном математическом смысле оперирует символами, которые вычислитель должен понимать и интерпретировать, и это обстоятельство *prima facie* отличает его от не-вычислительных алгоритмических процессов. Семиотика Ч.С. Пирса содержит три трихотомии, характеризующие знак: соответственно знак сам по себе, в его отношении к обозначаемому объекту и в его отношении к интерпретатору. В каждой из трихотомий (если опустить собственную тяжеловесную терминологию Пирса) знаки подразделяются на обозначающие через качество, через уникальное существование и через правило, т.е. конвенционально. Собственно символ есть третий член второй трихотомии, т.е. «знак, относящийся к объекту, который он обозначает в силу закона, обычно ассоциации общих идей, которая действует, чтобы заставить символ интерпретироваться как относящийся к этому объекту. Таким образом, он сам является общим типом или законом, то есть – легисайном⁶» [15: с. 102].

Приняв эту концептуальную систему, мы должны далее исходить из того, что вычисления в привычном смысле, в отличие от прочих алгоритмических процессов, оперируют со своими предметами – символами – как с типами, а не уникальными единичными сущностями («репликами», в терминологии Пирса), и, кроме того, семантика этих символов связана с ними в силу «закона», т.е. соглашения интерпретаторов.

Полемизируя с идеей натурализации вычислений, схожую мысль высказывает Андрей Родин [6], опираясь на известное различие *типа* и *токена* (*type/token distinction*), также восходящее к Пирсу. По его мнению, символы в вычислениях присутствуют и обрабатываются как *типы*, а не как *токены* – последнее характерно для не-вычислительных процессов.

Буква «А» как таковая является всегда тождественным себе *типом*, тогда как каждое её единичное

воплощение – *токен* – может отличаться регистром (заглавная/строчная), шрифтом, особенностями почерка в рукописном написании, цветом чернил, положением на странице и т.п. И алгоритмы, которые мы интуитивно рассматриваем как вычислительные, должны – согласно этой позиции – оперировать с символами как с типами. Это обстоятельство концептуально связано с их семантическими свойствами – значение символа не должно зависеть от особенностей его физического воплощения. Если мы принимаем этот аргумент в комплексе (символ как тип плюс семантика), мы обязаны признать нетождественность алгоритмических и вычислительных процессов. Однако этот аргумент работает только в том случае, если сами эти видовые особенности вычислений имеют неалгоритмическую природу.

Люди старшего поколения помнят, что в прошлом веке, когда нам нужно было отправить бумажное письмо обычной почтой, нам настоятельно советовали заполнить специальный пунктирный шаблон цифрами почтового индекса определённой геометрической формы, образцы которой для каждой цифры были в качестве подсказки изображены рядом на конверте. Предполагалось, что в почтовых отделениях наши конверты должны были автоматически сортироваться с помощью специального сканера, и это должно было значительно ускорить их доставку⁷. Очевидно, что технологии тех лет могли гарантировать правильное распознавание символа только при условии его специальной нормализации, т.е. целенаправленного устранения каких бы то ни было различий типа и токена (или «реплики»). Возможно возражение: эта машина не была вычислительной в строгом смысле. Я не уверен: она должна была уметь совершать по крайней мере одну вычислительную операцию: различать значение цифр в зависимости от регистра. Первые три цифры индекса кодировали регион, вторые – номер почтового отделения, и сортировка должна была осуществляться иерархически. И, фактически, через операции с нормализованными, но всё же – токенами.

Возьмём для примера современные компьютеры, в вычислительном статусе которых никто не усомнится. Согласно общему мнению язык, понятный компьютеру, – это двоичное исчисление, использующее только символы «1» и «0». Однако в реальном «железе» эти символы хранятся и обрабатываются в виде определённых значений электрического напряжения в ячейках памяти [10: с. 356]. Для человека эти значения также являются типами, но для железного устройства это всего лишь конкретные свойства конкретных его частей, в зависимости от

⁶ Легисайн – третий член первой трихотомии Пирса, также определяемый через конвенциональность.

⁷ Очевидцы утверждают, что в реальности эти сканеры чаще всего стояли сломанные или вовсе отсутствовали, поэтому сортировка всё равно осуществлялась вручную. В этом примере *токен* хорошо отражается суть советской жизни как *типа*.

которых открываются те или иные логические вентили. Таким образом, различие типа/токена имеет место скорее в интерпретации вычислительного процесса, а не в его осуществлении, будь то сортировка писем, работа компьютера или, может быть, даже электрохимические процессы в мозге.

Вместе с тем это различие обретает важность в такой, несомненно, вычислительной задаче, как распознавание письменного текста. Именно здесь компьютер должен суметь абстрагироваться от конкретных физических особенностей реплик символов и точно идентифицировать их тип, независимо от написания. Насколько мне известно, эта задача оказалась решаемой только с помощью компьютеров, реализующих статистические алгоритмы – искусственные нейросети или другие системы машинного обучения, – т.е. машин, специально обученных этой странной для них задаче. Рискну предположить, что различие типа/токена имеет значение только для человека как биокомпьютера, использующего крайне несовершенные и энергетически неэффективные интерфейсы сетевого общения – зрение, слух, руки и гортань с языком. Малая пригодность этих устройств, созданных эволюцией с другими целями⁸, для реализации эффективных сетевых протоколов создаёт ситуацию, когда единицы информации порождаются с сильными отклонениями от своей нормальной формы, и получатель сообщения должен быть специально обучен энергоёмкому искусству её восстановления. Которое – восстановление – также есть алгоритмический процесс.

Вкратце этот аргумент можно резюмировать следующим образом. У нас есть утверждение, что вычисление оперирует с единицами обрабатываемой информации как с типами, а не токенами, и именно поэтому они являются символами в соответствии с определением Пирса. Я привожу пример сканера конвертов, который, очевидно, является вычислительным устройством, поскольку различает регистры цифр на конверте и сортирует их иерархически. Но его успешная работа может быть нарушена из-за малейшего отклонения физической формы символа от заданной нормы, т.е. из-за любого индивидуального отличия. Если некий тип включает *все* особенности объекта как типические, то само понятие типа теряет смысл. Например, если у вас есть устройство распознавания лиц на входе в золотохранилище, и оно позитивно реагирует только на исчерпывающий набор отличительных черт определённого лица, то доступ в хранилище будет только у одного определённого человека – токена. Разница заключается в том, что исчерпывающим образом описанное лицо – без применения клонирования – в

⁸ Оговорюсь: это метафора, не предполагающая телеологической интерпретации эволюции.

природе встречается один только раз, а письменный знак, исчерпывающим образом определённый, может быть повторен сколько угодно – как, например, факсимиле. Таким образом, возможен вычислительный процесс, работающий со входными данными как с токенами, а следовательно, символизм не является необходимым свойством вычислений.

Более того, искусственные вычислительные устройства, способные идентифицировать тип в многообразных токенах (буквах или лицах), появились очень недавно и используют такие сложные статистические алгоритмы, что машине Тьюринга, чтобы сегодня закончить это вычисление, пришлось бы начать его в момент Большого Взрыва⁹.

То же можно сказать о семантике. Владимир Шалак в готовящейся к публикации статье [7] предложил очень хороший модельный пример алгоритмического процесса – Золушка, перебирающая зёрнышки. Во-первых, конечно, зёрнышки в этом процессе выступают не как символы-типы, а как носители качеств «хорошее/плохое», т.е. как квалисайны¹⁰ в терминологии Пирса. Но если мы захотим, чтобы Золушка не только выполняла хозяйственную задачу в интересах мачехи, но и развлекала себя интересной сказкой с помощью того же занятия, мы можем помимо означенных качеств ввести дополнительные пары свойств «большое/маленькое» и, например, «ячменное/овсяное». Нам следует также спроектировать устройство, которое будет ассоциировать один набор указанных качеств с образом принца, другой – с образом тыквы, третий – с образом превращения и т.д. Тогда, изменив определённым образом алгоритм сортировки зёрен, мы превратим скучное занятие в занятное повествование. Но самое главное – мы покажем, что и приписывание значений физическим объектам тоже есть процесс алгоритмический.

Итак, аргумент от символизма вычислений уже не стоит на пути отождествления их как класса с классом алгоритмических процессов. Рассмотрим аргумент от телеологии.

Подобно различию типа/токена целеполагание может быть внутренне присуще алгоритмической системе, но может быть и частью внешней интерпретации. Внешнюю телеологическую интерпретацию можно приписать и вполне физическому невычислительному процессу: например, река меняет русло, *чтобы соответствовать* изменившемуся

⁹ То есть, чтобы не просто описать это вычисление (как тип), а реально заменить собою действующую нейросеть. Это, кстати, к вопросу о критериях отождествления вычислительных процессов как одного и того же, который я получил от Андрея Родина при подготовке этого текста: отождествляются ли они как токены или всё же как типы. Крайне интересный вопрос, требующий отдельного исследования.

¹⁰ Следовательно, никак не символы.

рельефу местности. В научной картине мира мы стараемся избегать телеологии, поэтому, если она внутренне присуща вычислительным процессам, то они не должны быть обнаруживаемы в природе. Мы можем приписывать телеологию любым природным процессам в модальности «как если бы». Река меняет русло, как если бы стремилась соответствовать рельефу, пчела облетает цветы, как если бы хотела помочь их оплодотворению¹¹ и т.п. Искусственная нейросеть пересчитывает веса межнейронных связей, как если бы старалась научиться правильно различать письменные символы... Уместно ли употребление сослагательного наклонения в последнем случае? А если это естественная нейросеть? Мальчик дёргает девочку за косички, как если бы хотел ей понравиться... В какой момент употребление «как если бы» становится излишним? Существует ли качественная граница (где-либо вообще и в частности) между бессознательным автоматизмом и сознательным целеполаганием, или здесь (как и везде) можно говорить только о постепенных количественных переходах?

Правильный ответ представляется следующим: сознательное целеполагание реализуется вспомогательными вычислительными процессами, сопряжёнными с основными. Эти вспомогательные процессы различаются по степени «сознательности» и выполняют функцию дополнительного внешнего контроля. Внутренняя (сопряжённая) телеологичность не делает контролируемый процесс более вычислительным, чем тот был до её подключения и, следовательно, не может быть видовым признаком, выделяющим подмножество вычислительных процессов на множестве процессов алгоритмических.

Если этот вывод верен, как и представляется мне, то смысл эпохальной статьи Тьюринга состоит в следующем: реальная или воображаемая машина, способная воспроизвести некий процесс, есть индикатор того, является ли данный процесс вычислением. «Машина» – это как раз то, что противостоит природной энтропии. Для того, чтобы воспроизвести падение камня, машина не нужна. Золушка, перебирающая зёрнышки, – ничуть не худшая машина Тьюринга, чем *a*-машина, описанная в его статье¹².

Может быть, стоит признать, что «алгоритм», «вычисление», «машина» и «автомат» в каком-то отношении представляют синонимический ряд. И природа тоже умеет создавать машины.

Напротив, если вычисления необходимо предполагают участие сознания – в виде целеполагания или как-то ещё, – то на вычислительной когнитивной

науке можно ставить крест, ибо тогда *explanandum* содержится в *explanans* (как, собственно, и было на заре её формирования). Но после появления коннекционизма и, далее, искусственных нейросетей, как и всего множества био-вдохновлённых¹³ вычислительных технологий, понятия субсимвольных, а потом и натуральных вычислений, кажется, смогли внести некоторую концептуальную ясность.

Немного об этимологии

Причина трудностей с акцепцией вычислительного подхода к естественным процессам в российской академической среде кроется, в том числе, в специфике русского языка: у нас нет адекватного перевода латинского *computatio*¹⁴. У нас есть только «вы-числе-ние», понимаемое, таким образом, как то, чем занимаются математики и специально созданные ими машины¹⁵. Вычислительный же подход предполагает продемонстрировать, что, по крайней мере иногда, этим занимается сама природа, и мы – как её дети и её часть.

Продолжая этимологическую аргументацию, надо отметить, что и в другом латинском варианте «вычислений» – *calculatio* – также нет «чисел» и «функций». Там есть только пифагорейская «галька» (*calculus*¹⁶), которую кротонские математики использовали как способ репрезентации чисел. Но нет никакой необходимости и это слово ограничивать арифметическим значением. В американском жаргоне 1950-х *I calculate* означало «я полагаю». Поэтому приверженность многих математиков и философов сугубо численному пониманию термина «вычисления» можно рассматривать как психологическую инерцию и дань традиции.

Заключительные замечания

В номологическом видении мы приписываем природе «законы», а в алгоритмическом – «правила». Философская интуиция подсказывает, что, как и априорные формы Канта, всё это есть только на нашей стороне. Нам удобно (или нет) описывать мир, как если бы законы и правила в нём существовали. И тогда нет метафизической разницы между номологическим и алгоритмическим подходом. Это инструменты – как отвёртка и плоскогубцы, – между которыми мы выбираем, сравнивая успешность их применения к определённому набору объясняемых фактов.

¹³ Имеется в виду общепринятый англоязычный термин *'bio-inspired'*.

¹⁴ Этимология – не лучший способ аргументации, но всё же: *'putare'* (лат.) – «думать», *'com-'* – «со-», приставка, выражающая совместность. Я полагаю, что здесь не обязательно имеется в виду «совместное думание», а скорее комплексный вывод с учётом всех данных и соподчинённых процессов.

¹⁵ Однако, по мнению, в частности, В.А. Воеводского, современная математика значительно более удалена от «числа», чем элементарная, поскольку её универсальным языком является теория множеств [19].

¹⁶ Тот же корень – в слове «кальций».

¹¹ Кстати, было бы интересно представить систему «пчела-цветы» как вычислительную.

¹² Может быть, даже чуть лучшая благодаря дополнительному контролю со стороны «целеполагания».

В принципе и падение камня можно описать с помощью машины Тьюринга, но это будет откручиванием самореза плоскогубцами. А когда мы говорим «алгоритмы реализуются в физических системах», мы всего лишь имеем в виду, что абстрактно конструированные нами правилосообразные последовательности действий нам надо как-то интерпретировать на материале наших чувственных впечатлений, чтобы строить собственное поведение. И когда мы говорим «алгоритмическое действие запускает действие физического закона», мы всего лишь имеем в виду, что «физическую» часть нашей машины нет смысла описывать алгоритмически, поскольку до сих пор на этом уровне неплохо работало номологическое объяснение. Наука в большей степени зависит от культуры, привычек и случайно сформировавшихся традиций, чем мы иногда думаем.

Законы природы формулируются или как качественные онтологические принципы – например закон сохранения, – или в виде аналитических уравнений. В частных случаях они предписывают, например, некоторым типовым объектам скорость и траекторию движения, направление изменений, строго определённые следствия при наличии строго определённого набора причин. В общем виде они накладывают количественные ограничения на множество возможных миров: из позиции субъекта, «знающего» данный закон, достижимы только некоторые определённые возможные миры, а их многочисленные альтернативы – не достижимы.

Напротив, вычислительный подход предполагает взгляд на предмет исследования как на систему, осуществляющую вычислительные процессы. Возвращаясь к теме научных онтологий, преимущество этого подхода состоит также и в том, что вычислительное объяснение может быть основано на более простой и формальной онтологии, не предполагающей глубокого проникновения в «природу вещей». Вычислительная онтология в идеале состоит из «вычислительных примитивов» [14] – абстрактных узлов машины, выполняющих элементарные вычислительные операции.

Очевидно, что эти подходы не взаимозаменяемы: с одной стороны, далеко не всякую систему или процесс есть смысл рассматривать как вычислительные хотя бы в каком-то смысле, а с другой – законы природы, конечно, налагают ограничения на множество возможных реализаций вычислительных алгоритмов. Но в то же время нельзя не отметить, что вычислительная интерпретация даёт определённую надежду на строгий формальный подход к исследованию вещей и процессов, – таких как жизнь, сознание, мораль и социальность, – перед которыми номологический взгляд останавливается в недоумении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Метеорологика / Аристотель // Аристотель. Сочинения в четырёх томах. – Москва : Мысль, 1981. – С. 441–558.
2. *Гемпель, К.Г.* Логика объяснения / К.Г. Гемпель. – Москва : Дом интеллектуальной книги, 1998. – 237 с.
3. *Михайлов, И.Ф.* К общей онтологии когнитивных и социальных наук / И.Ф. Михайлов // *Философия науки и техники*. – 2017. – № 2. – С. 103–119.
4. *Михайлов, И.Ф.* Когнитивные вычисления и социальная организация / И.Ф. Михайлов // *Вопросы философии*. – 2020. – № 8. – С. 47–57.
5. *Михайлов, И.Ф.* Прошло ли время философии? / И.Ф. Михайлов // *Вопросы философии*. – 2019. – № 1. – С. 15–25.
6. *Родин, А.В.* Вычисления в природе и природа вычислений / А.В. Родин // *Вопросы философии*. – 2020. – № 8. – С. 58–63.
7. *Шалак, В.И.* Алгоритмические явления в природе: модель объяснения / В.И. Шалак // *Вопросы философии*. – 2020. – № 8. – С. 64–72.
8. *Шалак, В.И.* Круглый стол «Вычисления в науках о мозге и сознании: атавизм, метафора или эвристика?» (19 декабря 2019 г.) / В.И. Шалак // *Междисциплинарные проблемы когнитивных наук / Институт философии РАН*. 2019. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Oy7r3ZQuzHY> (дата обращения: 14.04.2020).
9. *Block, N.* Comparing the major theories of consciousness / N. Block // *The Cognitive Neurosciences. IV / Ed. by M.S. Gazzaniga*. – MIT Press, 2009. – P. 1111–1122.
10. *Copeland, B.J.* What is computation? / B.J. Copeland // *Synthese*. – 1996. – Т. 108, № 3. – P. 335–359.
11. *Einstein, A.* Ether and the Theory of Relativity / A. Einstein. – URL: http://mathhistory.st-andrews.ac.uk/Extras/Einstein_ether.html (accessed: 12.04.2020).
12. *Kargon, R.* The Decline of the Caloric Theory of Heat: A Case Study / R. Kargon // *Centaurus*. – 1964. – Vol. 10, № 1. – P. 35–39.
13. *Ladyman, J.* Structural realism versus standard scientific realism: the case of phlogiston and dephlogisticated air / J. Ladyman // *Synthese*. – Springer, 2011. – Vol. 180, № 2. – P. 87–101.
14. *Marcus, G.* The atoms of neural computation / G. Marcus, A. Marblestone, T. Dean // *Science*. – 2014. – Vol. 346, № 6209. – P. 551–552.
15. *Pierce, C.S.* Logic as Semiotic: the Theory of Signs / C.S. Pierce // *Philosophical Writings of Peirce / Ed. by J. Buchler*. – New York : Dover Publications, Inc., 2011. – P. 98–119.
16. *Schurz, G.* Structural correspondence, indirect reference, and partial truth: Phlogiston theory and Newtonian mechanics / G. Schurz // *Synthese*. – Springer, 2011. – Vol. 180, № 2. – P. 103–120.
17. *Šesták, J.* Contribution by Lazare and Sadi Carnot to the caloric theory of heat and its inspirative role in thermodynamics / J. Šesták, J.J. Mares, P. Hubík, I. Proks // *Journal of Thermal Analysis Calorimetry*. – 2009. – Vol. 97, № 2. – P. 679–683.
18. *Turing, A.M.* On computable numbers, with an application to the Entscheidungsproblem / A.M. Turing // *Proc. London Math. Soc.* – 1937.
19. *Voevodsky, V.A.* Mathematics and the outside world / V.A. Voevodsky // *Plenary lecture at AMS-India meeting, Bangalore, Dec. 17–20 2003*. – URL: https://www.math.ias.edu/vladimir/sites/math.ias.edu.vladimir/files/Maths_and_the_outside_world.pdf (accessed: 07.04.2020).

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-89-98

ТЕХНИЧЕСКАЯ ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ЛАБИРИНТАХ ТЕРМИНОЛОГИЙ

О.Н. Раев

М.А. Пронин

В статье проанализированы терминологические проблемы в сфере технологий виртуальной реальности. Показано, что определения виртуальной реальности, используемые технологическим мейнстримом, не адекватны ни природе виртуальных реальностей, ни сути технологий, продвигаемых в качестве «единственно» виртуальных. Продемонстрирована несостоятельность мифа о времени, авторстве и поводе «изобретения» виртуальной реальности. Обосновано, что в качестве базового следует брать определение виртуальной реальности, предложенное родоначальником отечественной виртуалистики Н.А. Носовым и учитывающее «природную виртуальность человека», без которой технологии виртуальной реальности не работают. Показана виртуальная природа любых изображений, в том числе кинематографических. Вскрыты ошибки в понимании объёмности изображений. Сформулирован вывод, что технологии виртуальной реальности, являющиеся технологиями «редактирования сознания», необходимо поставить под общественный, этический и юридический контроль общества, что требует проведение комплексных междисциплинарных исследований. И, прежде всего, требуется закрепление научно обоснованной терминологии.

Ключевые слова: виртуальная реальность, дополненная реальность, заместительная реальность, виртуалистика, безопасность, изображение, стереоизображение, трёхмерное изображение, биоэтика.

TECHNICAL VIRTUAL REALITY IN THE LABYRINTHS OF TERMINOLOGIES

O.N. Raev

M.A. Pronin

The authors analyze the terminological problems of describing the engineering-psychological aspects of virtual reality technologies. They show that the definitions of virtual reality used by the technological mainstream are neither adequate to the nature of virtual realities, nor to the essence of technologies promoted as “only” virtual. They point out the inconsistency of the official myth of time, authorship and the reason of the “invention” of virtual reality. They underpin the applicability of the definition of virtual reality proposed by N.A. Nosov, a founder of Russian virtualistics, as a basic one and taking into account the “natural virtuality of a human” without which the so-called virtual reality technologies would simply not work. The authors state to the virtuality of the nature of any image, including cinematic. The virtual (augmented, substitute) reality technologies relate to the technologies of “consciousness editing”; but the involvement of the audience is not a harmless entertainment! These technologies, knowingly deceiving, should be placed under the public, ethical and legal control of society. Comprehensive interdisciplinary studies of their safety, their bioethical and humanitarian expertise require an establishment of terminological order in this area of business and scientific circulation.

Key words: virtual reality, augmented reality, substitutional reality, virtualistics, safety, image, stereo, 3-dimensional, bioethics.

Виртуальность – обо всём и ни о чём

Данная статья актуальна для профессионального сообщества, занятого осмыслением в антропологическом ключе опыта переживания человеком состояний в средах технической виртуальной реальности: она вскрывает конкретные парадигмальные ошибки неразличения, выступающие виртусом – источником – порождающихся и, как правило, не-

наблюдаемых и, как следствие, неосмысливаемых мейнстримом терминологических коллизий, как казусов – симптомов или проявлений – освоения новых технологий виртуальной реальности. Разбор парадигмальных конфликтов виртуальной природы, категориальной оппозиции «виртус–казус» конфликта, предложенных Н.А. Носовым, – оставим для другого случая.

Раев Олег Николаевич – кандидат технических наук, доцент, декан Сергиево-Посадского филиала Всероссийского государственного института кинематографии имени С.А. Герасимова (г. Москва).

Raev Oleg Nikolaevich – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Dean of the Sergiev-Posad Branch of the All-Russian State Institute of Cinematography named after S.A. Gerasimov (Moscow).

E-mail: ncenter@list.ru

Пронин Михаил Анатольевич – кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики, руководитель исследовательской группы «Виртуалистика» Института философии РАН (г. Москва).

Pronin Mikhail Anatolievich – Candidate of Medical Sciences, Senior Research Fellow of Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Head of Research Group «Virtualistics» of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences (Moscow).

E-mail: pronin@iph.ras.ru

© Раев О.Н., Пронин М.А., 2020

Публикация призвана помочь гуманитариям – «не-технарям» – в разговоре с разработчиками технологий идеологически: на теоретическом поле того, что те делают в прямом смысле «за кадром», не погружая пользователей в свою кухню. То есть помочь врачам, психологам, педагогам, философам сориентироваться и сформулировать адекватные вопросы о природной виртуальности человека к так называемым изобретателям и носителям идеи виртуальности, за которых себя выдают создатели шлемов, очков, перчаток и костюмов виртуальной реальности. Помочь увидеть за терминологическим лесом технических чудес суть виртуальности.

Начнём с того, что термин «виртуальный» родился давно – достаточно напомнить о средневековой схоластике Сигера Брабантского (XIII в.). И здесь надо сказать, что многие аспекты историко-философского контекста становления идеи виртуальности и её «прививки» к познанию реальности раскрывает фундаментальная работа Л.А. Микешинной и М.Ю. Опенкова 1997 г.: их книга «Новые образы познания и реальности» [11] до сих пор сохраняет философскую ценность, так как и сегодня задаёт рамки для научного осмысления современной проблематики виртуальности.

Общеизвестны попытки в течение всего XX в. ввести термин «виртуальный» в научный оборот в самых разных сферах – от гуманитарных до инженерно-технических. Например, французский писатель, режиссёр и драматург А. Арто говорил о виртуальном театре [2]. Крупнейший советский психолог А.Н. Леонтьев, решая проблему существования высших психических функций, пришёл к выводу, что в веществе мозга они не могут находиться: «Виртуально мозг заключает в себе не те или иные специфические человеческие способности, а лишь способность к формированию этих способностей» [9: с. 208]. «Решение на самом деле точно такое же, как и у схоластического философа Сигера Брабантского: есть самостоятельная реальность, не сводимая к нижележащей реальности – человеческие способности существуют виртуально относительно субстанциального мозга», – отмечал Н.А. Носов в «Словаре виртуальных терминов» [14: с. 59–60].

В конце XX в. при изучении систем «человек–машина» было обнаружено, что в процессе выполнения человеком определённой задачи в некоторые моменты времени могут образовываться особые динамические объекты – «объединения человека и машины», которые заставляют, например, лётчика воспринимать самолёт не целиком, во всей полноте его функций, а исключительно как качественно отличный аэродинамический объект, который надо вывести из состояния перегрузки. Эти отношения возникают спонтанно, а затем исчезают – их нет ни в начале, ни в конце взаимодействия между лётчи-

ком и самолётом – перед пилотажной фигурой и после нее. Порождения и исчезновения подобных качественно новых объединений человека и технической системы нельзя игнорировать при проектировании и при эксплуатации того же самолёта. Такие временные динамические объекты-объединения были названы виртуальными (см.: [7]).

Однако долгое время области применения термина «виртуальный» оставались узкими – термин не выходил за пределы отраслевых сообществ учёных и специалистов. Часто авторы использовали термин «виртуальный» для своих, как правило, не нашедших в дальнейшем широкой поддержки и развития новаций. Примером редкого исключения можно назвать термин «виртуальные частицы», возникающие лишь во время взаимодействия других частиц: их нет ни в начале, ни в конце взаимодействия частиц.

Ещё одна сфера, в которой термин «виртуальный» прочно укоренился, – это компьютерная техника, где широко используют понятия «виртуальная машина», «виртуальная память». Ёмкость виртуальной памяти превышает ёмкость физических носителей, она существует, пока сохраняются функциональные отношения между элементами компьютера, задаваемые программным обеспечением. И здесь можно усмотреть аналогию с неразрешимой «проблемой сознания» – как виртуальная память связана с физической памятью в компьютере, как сознание человека связано с головным мозгом?

Подобные «приключения» термина «виртуальный» в истории философии, науки и техники Н.А. Носов (1952–2002) – родоначальник виртуалистики [25; 27] – не раз описывал на страницах журнала «Человек» [5; 15–17].

Тем не менее сегодня в массовом сознании широко распространена официальная легенда или кибернетический миф, что виртуальная реальность родилась на Западе и придумал её примерно в 1984 г. Джарон Ланье (Jaron Zepel Lanier) [6].

Но в это время в СССР в недрах военно-промышленного комплекса в рамках военной эргономики и профессиональной психологии, как тогда писали, человека-оператора, за которым стоял военный лётчик, возникло новое научное направление, названное его родоначальниками Н.А. Носовым и О.И. Генисаретским виртуалистикой. Этими советскими учёными был выявлен и описан эмпирический психологический феноменологический материал, существенный для обеспечения безопасности полётов лётчиков-испытателей, который не удавалось осмыслить в рамках традиционных научных подходов. А именно, особый тип психологических состояний, существующих только актуально, названных ими виртуальными состояниями [18]. Так зародилась виртуальная психология со своей

собственной парадигматикой, философией, экспериментом и теорией [13].

В то время не могло быть и речи о научно-техническом мифотворчестве в области советской виртуалистики в противовес западной, да и формировалась виртуалистика как чисто гуманитарное направление, не имевшее тогда никакого отношения ни к компьютерным виртуальным реальностям, ни, тем более, к шлемам виртуальной реальности. Тем не менее до сих пор виртуалистика школы Н.А. Носова сохраняет мировые парадигмальные приоритеты в осмыслении феноменов виртуальных психологических состояний человека, в том числе в технических средах виртуальной реальности. Дело в том, что если бы не работала природная виртуальность человека, которой изначально и занялась виртуалистика, то не работали бы и технологии виртуальной (virtual reality – VR), дополненной (augmented reality – AR) и заместительной (substitutional reality – SR) реальностей – далее TVR. Под TVR будем понимать все три направления и связанные с ними следствия.

К сожалению, природная виртуальность человека до сих пор находилась вне внимания научного мейнстрима, что привело к непониманию виртуальности. Под термином «виртуальность», пишет А.Е. Войскунский на страницах журнала «Человек», «обычно понимается всё, что выполняется посредством Интернета: виртуальные отношения, игры, покупки, книги и др. <...> Однако всеобщность понятия "виртуальность", обозначающего едва ли не все, что происходит в Интернете, препятствует выделению "виртуальности" как основополагающего психологического принципа поведения в Интернете» [4: с. 38]. Иными словами, сегодня в дискурсе мейнстрима слово «виртуальный» ничего не означает и ничего не объясняет: парадигмальные причины, сформировавшие данную ситуацию, рассмотрены нами в ряде публикаций [22; 23], как и необходимые этические императивы регулирования разработок и применения TVR, которые относятся к технологиям «редактирования сознания» [24].

В результате в терминологическом поле TVR возник вполне осязаемый лабиринт, через который неподготовленному человеку, неспециалисту сложно пробиться.

В этой статье уделим внимание прежде всего инженерно-психологическим аспектам TVR, на наш взгляд, наиболее важным для понимания терминологических коллизий преподнесения TVR малоподготовленному обществу. Ситуация усугубляется тем, что философы, психологи, социологи – гуманитарии, вставшие на путь осмысления TVR, не понимают ключевых инженерно-психологических тонкостей этих технологий, так как *ipso facto*

являются их неквалифицированными конечными потребителями.

Не все технологии виртуальной реальности одинаково виртуальны

Итак, около 20 лет тому назад о виртуальной реальности заговорили не только специалисты. В средствах массовой информации и в Интернете стали появляться публикации, посвящённые технике и технологиям виртуальной реальности как факте происходящем. Это произошло как следствие появления в продаже первых относительно дешёвых, а значит, доступных средств индивидуального просмотра аудиовизуального контента – так называемых шлемов виртуальной реальности. Агрессивная рекламная кампания по продаже шлемов виртуальной реальности привела к тому, что в массовом сознании виртуальная реальность стала ассоциироваться исключительно с компьютерами и со шлемами.

Обратим внимание читателей на некоторые вольности в терминологии: в английском языке шлем виртуальной реальности называется *head-mount display* или *head-mounted display*, т.е. наголовный дисплей, что отражает суть изделия и его конструкцию. Вопрос: почему в России дисплей стал шлемом? Почему его же сегодня называют «очками виртуальной реальности» или очки – шлемом? Всё-таки, по нашему твёрдому убеждению, коммерческие брэнды не должны вводить потребителей в заблуждение, преподносить технические средства как нечто новое только ради их продвижения на рынке.

В начале 2010-х гг. после очередного резкого снижения цен на новые конструкции шлемов виртуальной реальности (дисплей заменил смартфон) термин «виртуальная реальность» стал известен практически всем. Но на вопрос: что такое виртуальная реальность? – мало кто из разработчиков и, тем более, конечных пользователей сможет ответить.

В представлении большинства людей виртуальная реальность – это нечто отличное от реального мира, от физической реальности, несуществующее в реальности, неосозаемое, бестелесное. Такое преобладающее представление наиболее точно отражено в толковом словаре иностранных слов:

«Виртуальный ... – 1. ...возможный; такой, который может проявиться при определённых условиях... 2. Не имеющий физического воплощения или отличающийся от реального, существующего» [8: с. 150].

Поскольку в представлении большинства людей для того, чтобы попасть в виртуальную реальность, необходимо надеть на голову шлем виртуальной реальности и в дисплеях, смонтированных в шлеме, запустить показ специально подготовленного контента, то можно сделать вывод, что виртуальная реальность – это, прежде всего, аудиовизуальный контент, который демонстрируется с помощью

шлемов виртуальной реальности. А поскольку этот контент необходимо предварительно подготовить, и создаётся он с помощью специального программного обеспечения на компьютерах, то большинство полагает, что виртуальная реальность – это искусственно созданная компьютерами среда, предназначенная для демонстрации её зрителю.

Такой подход отражается в определениях многих авторов научных статей, приведём некоторые из них для иллюстрации сложившихся проблем в терминологии.

– «Виртуальная реальность – это искусственно созданная компьютерными средствами среда, в которую можно проникать, меняя её изнутри, наблюдая трансформации и испытывая при этом реальные ощущения» [3].

– «Виртуальная реальность – это цифровой мир, полностью создаваемый с помощью современных компьютерных технологий» [42].

– «Виртуальная реальность – 1. Искусственно созданный (параллельный) мир путём подмены окружающей действительности информацией, генерируемой компьютером. 2. Сфера новых экранных представлений, сформированных на базе компьютерной техники, позволяющей неограниченно изменять пространственно-временные характеристики, что приводит к возникновению "новой реальности"» [10: с. 27].

Анализ приведённых определений показывает, что они не являются строгими. Под эти определения, к примеру, не подпадают фильмы, снятые по технологии 360° комплексом кинокамер необходимого количества, позволяющих одновременно записать изображения объектов съёмки во всех пространственных направлениях, и предназначенные для показа зрителям с помощью шлемов виртуальной реальности. В этом случае компьютерные средства привлекаются для решения двух задач:

– в послесъёмочный период для соединения отдельных изображений, записанных разными камерами, в единое сферическое изображение;

– во время демонстрации фильма для того, чтобы вырезать из единого сферического изображения, хранящегося в памяти компьютера, ту его часть, которая в каждый момент времени соответствует пространственной ориентации шлема (взгляда зрителя), и именно эту часть изображения отправлять в систему визуализации в шлеме виртуальной реальности.

Приведём ещё одно определение: «Виртуальная реальность – это трёхмерная интерактивная графика, которая в соединении с техническими средствами реалистического отображения позволяет пользователю в реальном масштабе времени погрузиться в моделируемый на компьютере мир» [34]. И это определение не раскрывает описываемое им

понятие. Например, если мультфильм от начала до конца подготовлен с помощью компьютерных графических программ, то, согласно этому определению, данный мультфильм представляет собой виртуальную реальность, а если рисованный или кукольный мультфильм изготовлен по традиционной ручной технологии, отснят цифровой камерой, обработан на компьютере, хранится в цифровом виде и демонстрируется с помощью цифрового проектора, то он виртуальный, реальный или какой?

Некоторые авторы стремятся выйти за ограничения, накладываемые принятием за основу компьютерных технологий. Как правило, эти авторы вкладывают разный смысл в термин «виртуальная реальность», рассматривая разные аспекты проблем и достижений, разные области применения, разные технологии с разных философско-мировоззренческих позиций, и поэтому они вынуждены пояснять в своих публикациях, что они имеют в виду под термином «виртуальная реальность». Заметим, что всё это происходит из-за того, что термин «виртуальный» для большинства исследователей исключительно эмпирический [28].

Приведём наиболее типичные из таких определений.

«Виртуальная реальность – это искусственно созданный мир со своими законами и объектами, подчиняющимися этим законам» [40]. Под это определение подходит всё, что создало человечество, вся техносфера и все устройства, приборы, машины и т.д., которые, согласно данному определению, мы должны признать виртуальными.

Немного лучше определение: «Виртуальная реальность – созданный техническими средствами мир (объекты и субъекты), передаваемый человеку через его ощущения: зрение, слух, обоняние, осязание и другие чувства» [1]. Под такое расплывчатое определение также подходит всё, что создано человеком, например автомобиль или искусственно созданный живой клон овечки Долли.

Недостаток подобных определений заключается в том, что они не выполняют главной задачи – они не раскрывают ни существа описываемого явления, ни предлагаемого понятия, без чего термин не становится средством развития научного направления; он будет только средством фиксации названия некоторого явления, технологии, техники, причём разных в понимании разных учёных и специалистов, что может вводить в заблуждение учащуюся молодёжь, а также учёных и специалистов из смежных областей. А понимание существа и особенностей технологий принципиально для их разработчиков и для обеспечения безопасности потребителя технологий, в том числе для организации гуманитарной экспертизы.

Поэтому в качестве базисного, основополагающего определения примем определение, сформулированное Николаем Александровичем Носовым:

«Виртуальная реальность – реальность, независимо от её природы (физическая, геологическая, психологическая, социальная, техническая и проч.), обладающая следующим рядом свойств:

- порождённость (виртуальная реальность продуцируется активностью какой-либо другой реальности, внешней по отношению к ней; психологические виртуальные реальности порождаются психикой человека),

- актуальность (виртуальная реальность существует актуально, только "здесь и теперь", только пока активна порождающая реальность),

- автономность (в виртуальной реальности своё время, своё пространство и свои законы существования),

- интерактивность (виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе и с порождающей, как онтологически независимая от них)» [14].

Определение Н.А. Носова, раскрывающее понятие «виртуальная реальность», представляет собой основу научного анализа. Кроме того, данное определение, в отличие от рассмотренных ранее определений, не привязано к какой-либо конкретной технологии создания виртуальной реальности (например, к компьютерной), и охватывает все виды реальности, независимо от их природы, благодаря чему реализуется возможность выполнения системного многостороннего анализа. Здесь важно иметь в виду, что виртуалистика как парадигмальный подход оперирует категориальной оппозицией «константный–виртуальный»; где константная реальность выступает в роли порождающей реальности, а виртуальная – порождённой. Теоретических ограничений на число таких порождений (свёртываний) нет; ограничение де-факто налагаются природой реальностей и их ресурсным объёмом, мощностью – концепцию ресурсных ограничений в управлении и в экономике полагаем общеизвестной. На параллели между виртуалистической логикой и процессуальной логикой, предложенной академиком А.В. Смирновым [37; 38], мы указывали в других наших работах [20].

Теперь кратко рассмотрим основные сведения о психологической виртуальной реальности, без понимания которой невозможно анализировать субъективный план виртуальных реальностей, формируемых техническими средствами. Тот факт, что технические виртуальные реальности не работали бы, если бы не существовала природная виртуальность человека, до сих пор находится в когнитивном бессознательном (термин А.В. Смирнова) и неосознаваемом (термин М.А. Пронина) философского и технологического мейнстрима, продвигающего TVR [26].

Психологическая виртуальная реальность и TVR

Чувственное восприятие человеком объектов окружающего физического мира позволяет собирать информацию об этих объектах. Полученная информация обрабатывается с выделением из неё ключевых признаков объектов, на основе которых, а также с учётом предыдущего чувственного опыта мозг активно строит образы объектов окружающего мира и направляет эти образы в сознание человека [21].

Механизм работы мозга пока неизвестен [39] – мозг скрывает от сознания все сложные процессы, задействованные в получении сведений об окружающем мире. Однако результаты работы мозга нам известны. Анализируя эти результаты, приходим к выводу, что человек видит, слышит, чувствует не сами окружающие его объекты, как он об этом думает, а воспринимает их модели, создаваемые мозгом. «Наше восприятие – это предсказание того, что должно быть в окружающем нас мире, и это предсказание постоянно проверяется действиями» (Там же: с. 123), т.е. в сознании человека формируется субъективная психологическая виртуальная реальность, являющаяся субъективной моделью окружающего мира, причём эта модель адекватна реальному миру (иначе человек не смог бы существовать), но это не означает, что психологические виртуальные объекты именно таковы, каковы они в физическом мире.

Рассмотрим, к примеру, зрение – наиболее информативный орган чувств; он же ведущий внутри всего спектра существующих и будущих TVR.

Оптическая система глаза формирует на сетчатке изображение окружающих человека объектов, находящихся в поле зрения глаза. Светочувствительные клетки, поглощая фотоны, вырабатывают нервные импульсы. Мозг, как известно благодаря исследованиям, выполненным лауреатом Нобелевской премии Д. Хьюбелом и его коллегами [41], обрабатывая эти импульсы, выявляет существенные признаки в изображениях объектов:

- тёмную или светлую точку на фоне, отличающуюся от точки яркостью или спектральным составом излучаемого или отражаемого им света;

- границы между полями изображения, различающимися по яркости или спектральному составу света;

- ориентацию линий в изображении;

- движение изображений отдельных объектов относительно других объектов;

- параллакс в изображениях в левом и правом глазе;

- другие признаки объектов в сетчаточных изображениях.

Выявленные при обработке сетчаточных изображений признаки объектов позволяют мозгу постро-

ить внутриспсихологические образы этих объектов. Однако, как уже сказано выше, эти образы не всегда и не во всём соответствуют реальным физическим объектам. Например, цвет объектов существует только во внутреннем мире нашего сознания, а в реальном мире цвета нет. Действительно, каждый фотон – это неизменная порция электромагнитной энергии, со скоростью света перемещающаяся в пространстве до тех пор, пока фотон не будет поглощён веществом. Каждый фотон характеризуется неизменной величиной электромагнитной энергии, однозначно связанной с частотой электромагнитных колебаний, а такой характеристики, как цвет, у фотона нет, цвет появляется в восприятии человеком света только после поглощения фотонов сетчаткой и обработкой зрительной информации мозгом.

Таким образом, мозг транслирует в сознание не оптические изображения как таковые, а извлекает из них ключевые признаки объектов, на основании которых, а также с учётом предыдущего зрительного опыта и информации от других органов чувств строит визуальные образы объектов, которые и передаются нашему сознанию [41]. Изучением этих процессов занимался ещё И.М. Сеченов – один из основоположников отечественной школы физиологии [35]. Совокупность этих образов, в соответствии с определением Н.А. Носова, формирует в сознании человека психологическую виртуальную реальность. Подробнее отличие виртуальной психологии от константной рассмотрено в публикациях Н.А. Носова в журнале «Человек» и в его брошюре «Не-виртуалистика» [12]. Наличие цепочки порождающей (внешней) и порождённой (внутренней, психологической) реальностей и парадигмальной категориальной оппозиции «порождающий = константный» – «порождённый = виртуальный» позволяет и помогает выполнять научный анализ рассматриваемого нами проблемного поля.

Оставив в стороне варианты прямого воздействия на нервную систему человека и на структуры головного мозга, а также другие методы порождения сновидений и галлюцинаций, можно проанализировать созданные человеком, а не природой, средства воздействия на органы чувств человека, при которых в сознании будет формироваться иная психологическая виртуальная реальность, отличная от той, которая была бы при отсутствии такого воздействия на его органы чувств. Для этого, учитывая, что в шлемах виртуальной реальности на встроенные дисплеи выводится *изображение*, изменяющееся во времени и в зависимости от направления взора зрителя, сначала разберём, а что же такое изображение [29; 31]. Как правило, и этот аспект часто находится в когнитивном бессознательном и неосознаваемом «теоретизаторов технических виртуальностей» как несущественный для понимания виртуальной феноменологии.

Изображения и виртуальная реальность

В словаре русского языка приведено следующее определение:

«Изображение:

1. Действие по значению глаголов изобразить – изображать и изобразиться – изображаться.

2. То, что изображено (рисунок, фотография, скульптура и т.п.); предмет, изображающий кого-либо, что-либо» [36: с. 651].

Данное определение требует дополнительно раскрыть термин «изобразить», который в том же словаре зафиксирован следующим образом:

«1. Передать, воспроизвести в художественном образе (в живописи, скульптуре, в литературе).

2. Представить на сцене кого-либо, что-либо, создать сценический образ.

3. Устаревшее. Выразить, выказать, обнаружить» (Там же: с. 651, 652).

Из приведённого определения термина «изображение» следует, что изображение может быть получено разными способами, по разным технологиям и может быть не только оптическим.

Взяв за основу пространственно-временные характеристики изображений, построим следующую классификацию существующих изображений [31]:

1. Пространственные изображения: живопись, графика, скульптура, фотография.

2. Временные изображения: музыка, речь, шумы.

3. Пространственно-временные изображения: кинофильм, телефильм, спектакль, танец, эстрадно-цирковое представление, перформанс, мультимедийное шоу и т.д.

Таким образом, человек либо сам, либо с помощью технических средств способен создавать искусственный поток информации, аналогичный тому, который воспринимают органы чувств от реальных физических объектов. В этом случае в конкретной области пространства в конкретное время будут воспроизводиться изображения физических объектов, которых в действительности там нет. И если информация от изображения, достигающая органов чувств, будет такой же, как от реального объекта, в пределах диапазонов воспринимаемых параметров информации и порогов восприятия органов чувств, то человек не сможет отличить изображение от реального физического объекта. Здесь важно, что не любое живое существо, а именно человек не будет способен отличать информацию от изображения от информации от физического объекта. Любое другое живое существо с другими органами чувств или с другими параметрами органов чувств будет воспринимать изображения, отличающимися от реальных физических объектов.

В результате восприятия информации органами чувств от изображений объектов в сознании сформируются психологические виртуальные образы, анало-

гичные психологическим виртуальным образам, возникающим при рассмотрении реальных объектов.

Применяя определение Н.А. Носова к изображениям, получаем, что любые изображения, независимо от их природы, представляют собой внешнюю относительно человека виртуальную реальность, отсутствующую в физической реальности и существующую только в восприятии человека, причём находящегося строго в определённом месте и в определённое время.

Одним из вариантов пространственно-временных изображений, которые, в том числе, применяются в технологиях демонстрации фильмов с использованием шлемов виртуальной реальности, являются видеоизображения или киноизображения (обобщённо назовём их кинематографическими изображениями). Следовательно, в рамках рассмотренной концепции любые кинематографические изображения являются виртуальной реальностью [29; 30]. Поэтому шлемы виртуальной реальности отнюдь не родоначальники виртуальных (кино)изображений. Желание разработчиков TVR частное выдать за всеобщее сыграло с ними злую шутку: поспособствовало тому, что слово «виртуальный» сегодня ничего конкретного не означает и ничего не объясняет ни потребителям, ни им самим.

Кинематографическая виртуальная реальность

Объекты, присутствующие в искусственно создаваемых с помощью технических средств киноизображениях, в физическом мире, где демонстрируются киноизображения, отсутствуют, но воспринимаются человеком так, как будто они находятся в данное время в данном месте пространства.

Киноизображения подпадают под определение виртуальной реальности Н.А. Носова:

1. Киноизображения порождаются активностью средств визуализации (проектор должен быть включён, файл кинофильма загружен, свет в кинозале выключен и т.д.).

2. Киноизображения актуальны, т.е. существуют здесь и сейчас, только там, где есть средства визуализации, и только тогда, когда эти средства визуализации включены.

3. Киноизображения автономны, поскольку в кинофильмах своё время, пространство и свои законы, которые отличаются от времени и пространства физической реальности.

4. Киноизображения интерактивны в разных технологиях в разной степени, но как минимум интерактивны в том, что зритель самостоятельно определяет, смотреть ему конкретный фильм или выключить его (уйти из кинозала), или включить другой фильм; зритель выбирает, куда, на какие элементы киноизображения направить свой взор.

Таким образом, следует признать, что не только очки и шлемы создают кинематографическую вир-

туальную реальность, но и любое другое средство визуализации (формирующее киноизображение), работающее по любым физическим принципам, также создаёт кинематографическую виртуальную реальность. А способ создания кинофильмов – киносъёмка, компьютерное моделирование или гибридная технология – не может быть критерием при определении виртуальной реальности.

Это ещё один аргумент в пользу того, что шлемы виртуальной реальности правильнее называть «наголовными дисплеями»; можно, конечно, использовать и термин «шлемы виртуальной реальности» как устоявшийся и известный коммерческий термин.

Полагаем, что первыми «шлемами виртуальной реальности» были храмы, культовые сооружения любой религии: их задача – погрузить человека в иную психологическую реальность – в сакральную.

Но если любое киноизображение виртуально, то как же различать и оценивать различные виды киноизображений? В первую очередь по технологиям их создания и по техническим и киноведческим характеристикам. В качестве дополнительных характеристик можно использовать степень вовлечённости зрителя в демонстрируемое ему кинодействие, степень интерактивности, возможности движения зрителя в виртуальном мире, взаимодействия зрителя с виртуальными объектами.

При этом необходимо учитывать, что вовлечённость зрителя в действие, разворачивающееся в кинофильме, зависит не столько от технологии визуализации, сколько от интереса зрителя к тому, что ему показывают, а также от настроения человека, его настроения, физического и психологического самочувствия и т.д. Зритель может быть глубоко вовлечён в содержание кинофильма, находясь в кинозале кинотеатра, и может быть отстранённым при просмотре фильма с помощью наголовного дисплея, наушников, перчаток и даже костюма виртуальной реальности. Главное – сохраняет ли зритель понимание, что он сторонний наблюдатель? Или насколько полно он включается в кинодействие?

Вовлечённость зрителя не является безобидным развлечением! Необходимо учитывать, что TVR относятся к технологиям «редактирования сознания» – чем они лучше обманывают человека, его сознание, тем они более продвинуты и совершенны! Все TVR строятся на феноменах неразличения. В среде виртуальной реальности человек перестаёт различать своё тело и чужое тело, своё сознание/мысли и чужое сознание, свою и чужую личности, свою и чужую волю, своего внутреннего и чужого, навязанного ему человека!

Существенное значение имеет процесс обучения (привыкания) просмотру кинофильмов. Сравните,

как дети смотрят мультфильмы и как взрослые – художественные фильмы. Эффект вовлечённости особенно ярко выражен, когда человек впервые видит киноизображение. Очевидно, что с увеличением количества просмотренных кинофильмов происходит привыкание к такой информации и к такому способу формирования информации. В результате снижается эффект воздействия на зрителя. И как только применяемая техника переходит в разряд повседневности, степень вовлечённости перестаёт зависеть от техники, а определяется содержанием контента и интересом зрителя к этому контенту.

Объёмное изображение – ошибки в понимании

Ещё одна терминологическая проблема связана с частым непониманием того, как в киноизображении, уже ставшем обыденным, передаётся объём (глубина пространства).

Большинство полагает, что изображение объёмно, если при его восприятии присутствует стереоэффект. В этом случае такое изображение сейчас часто называют 3D-изображением, при этом связывая термин «3D» исключительно со стереотехнологией показа киноизображений. Но «3D» означает трёхмерное представление объектов в восприятии человека, а стереоэффект при наблюдении человеком изображений может проявиться не только при применении стереотехнологии, а и при других технологиях записи и воспроизведения киноизображений, в том числе голографической, интегральной, многоакурсной...

Из двух терминов «стерео» и «3D» наилучшим, как правильно ориентирующим, обладающим максимально возможной степенью точности, исключая ложные ассоциации и не приводящим к ложным заключениям, является термин «стерео» по прямому признаку – технологии создания и воспроизведения объёмных изображений [32].

Зададимся вопросом: если зрителю демонстрируется традиционное, обычное киноизображение, снятое киносъёмочным аппаратом с одним объективом, и демонстрируемое на проекционном экране или на экране телевизора, то зритель воспринимает это киноизображение объёмным или нет? Да, объёмным, поскольку в нем присутствуют *монокулярные* признаки глубины пространства [33], позволяющие зрительному аппарату человека по этим признакам выстраивать объёмное представление об объектах, присутствующих в киноизображении, и оценивать их удаление.

При кинопоказе такое одноракурсное киноизображение визуализируется на некотором конкретном расстоянии от зрителя – на расстоянии экрана от зрителя. В результате оптические системы глаз формируют на сетчатке левого глаза и сетчатке правого глаза одинаковые ретинальные изображе-

ния всех объектов кинокадра. В реальной жизни, поскольку два глаза разнесены в пространстве, то на сетчатках глаз совпадают изображения только тех объектов, которые находятся на поверхности гороптера (гороптер – это геометрическое место точек объектов, находящихся в поле зрения человека, изображения которых находятся на корреспондирующих точках сетчаток глаз). Все остальные сетчаточные изображения наблюдаемых объектов смещены относительно друг друга, причём смещены тем больше, чем дальше объекты от гороптера. Поэтому при демонстрации зрителю одноракурсного изображения монокулярные признаки глубины пространства, предоставляющие мозгу информацию о расстоянии до объектов, приходят в противоречие со стереоскопическими признаками глубины пространства, говорящими, что расстояние до объектов одинаковое. В результате мозг хотя и выстраивает объёмное представление об удалённости каждого из объектов в таком изображении, но не так, как в реальной жизни. Кроме того, все объекты в таком киноизображении воспринимаются за поверхностью экрана и никогда не могут выйти в предэкранное пространство, как это происходит при просмотре стереофильмов, и именно это вызывает у зрителей «вау-эффект».

Восприятие объёма может возникнуть даже в том случае, когда человеку демонстрируется не изображение, а некоторые его детали, например, проекции объекта на три ортогональные плоскости. Именно так в конструкторской документации чертят детали, узлы, изделия. Чтобы работать с конструкторской документацией, инженеры и рабочие сначала должны научиться читать чертежи – глядя на изображённые проекции на чертеже видеть деталь или изделие объёмно в трёхмерном пространстве.

Аналогично ещё в середине XIX в. для формирования у врачей адекватных представлений об объёмной топографической анатомии человека Н.И. Пирогов создал атласы, иллюстрированные разрезами, проведёнными через замороженное тело человека в трёх плоскостях [19].

Итак, ключевой аспект возникновения объёмного изображения – субъективный, психологический фактор; человек не нуждается для этого ни в шлемах, ни в очках виртуальной реальности! Но в большинстве рассуждений апологетов и евангелистов TVR психологические механизмы работы их чудесных шлемов остаются в чёрном ящике их обещаний.

Гуманитарная настороженность и вопросы экспертизы технологий виртуальной реальности

Широкое распространение TVR, когда всё в большей степени тексты замещаются картинками, а аудиовизуальных изображений, создаваемых техническими средствами, жителям страны доступно

всё больше по количеству, по времени доступа к ним, по месту подключения к ним, по видам технических средств, которые способны их воспроизводить, на первый план выходит потребность в комплексной гуманитарной экспертизе TVR. Незаметно, неразлично, но такое повсеместное и активное внедрение и неконтролируемое по длительности их использование приводит к изменению самого человека: не только его физического или психологического состояния, но и нравственных, моральных, духовных ориентиров.

Распространение TVR выдвигает на первый план потребность в философско-антропологических исследованиях. Это должен быть комплекс поли- и междисциплинарных научных областей и подмножества входящих в них научных дисциплин, что вовлекаются в проблематику исследования редактирования сознания. И этим надо заниматься срочно, уже сейчас, пока ещё не поздно, пока ещё можно влиять на эти процессы и осознанно регулировать их влияние и воздействие на человека, на общество.

Заключение

Выполненный в статье анализ инженерно-психологических аспектов терминологических «вольностей» определения виртуальности позволяет сделать вывод, что наиболее общим и правильно – гуманитарно – ориентирующим является определение виртуальной реальности, сформулированное Н.А. Носовым.

Применение определения Н.А. Носова позволяет наряду с психологической виртуальной реальностью ввести в рассмотрение техническую виртуальную реальность, а главное – высветить существующие проблемы в данном научно-техническом направлении, а также в социальных изменениях, происходящих под воздействием внедряемых технологий и технических средств виртуальной реальности.

Вектор научных исследований следует направить, прежде всего, на изучение влияния TVR на физическое, моральное и духовное здоровье человека. Здесь принципиальным должна быть однозначность описания, понимания и, как следствие, взаимосвязи технических и психологических аспектов данных технологий. А для этого необходима терминологическая чистота и однозначность понимания происходящих процессов и явлений. Иначе нам придётся согласиться с ещё одним мифом, который навязывают разработчики TVR, что именно они придумали дополненную реальность! Это раскрывает их культуру, этику и отсутствие у них гуманитарной настороженности. К их ведению, дополненную реальность можно увидеть на любой православной иконе. Дополненная реальность присутствует на женском лице в виде косметики, макияжа и других «технологических» хитростей обворожительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абляев, М.Р.* Возможности и ограничения технологии виртуальной реальности как средства для повседневного использования / М.Р. Абляев, Ф.Р. Аметов, И.Ш. Мевлют // Информационно-компьютерные технологии в экономике, образовании и социальной сфере. – 2016. – № 3(13). – С. 113–117.
2. *Арто, А.* Театр и его двойник: С прил. текста «Театр Серафима» / А. Арто ; пер. с фр. и коммент. С. Исаева. – Москва : Мартис, 1991.
3. Виртуальная реальность // Культурология. XX век : энциклопедия. – URL: <https://is.gd/Yc6ZII> (дата обращения: 03.03.2020).
4. *Войсунский, А.Е.* Поведение в киберпространстве: психологические принципы / А.Е. Войсунский // Человек. – 2016. – № 1. – С. 36–49.
5. *Генисаретский, О.И.* Концепция человеческого потенциала: исходные соображения / О.И. Генисаретский, Н.А. Носов, Б.Г. Юдин // Человек. – 1996. – № 4. – С. 5–21.
6. Джарон Ланье. – URL: <https://is.gd/bqWhh5> (дата обращения: 03.03.2020).
7. *Зараковский, Г.М.* Закономерности функционирования эргатических систем / Г.М. Зараковский, В.В. Павлов. – Москва : Радио и связь, 1987.
8. *Крысин, Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – Москва : Русский язык, 1998.
9. *Леонтьев, А.Н.* Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. – 4-е изд. – Москва : Изд-во МГУ, 1972.
10. Медиакультура: словарь терминов и понятий / авт.-сост. Н.Б. Кириллова. – 2-е изд., стер. – Москва : Флинта; Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019.
11. *Микешина, Л.А.* Новые образы познания и реальность / Л.А. Микешина, М.Ю. Опенков. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 1997.
12. *Носов, Н.А.* Не-виртуалистика (Современная философия психологии) / Н.А. Носов // Труды Лаборатории виртуалистики. Вып. 12. – Москва : Гуманитарий, 2001.
13. *Носов, Н.А.* Виртуальная психология / Н.А. Носов. – Москва : Аграф, 2000.
14. *Носов, Н.А.* Словарь виртуальных терминов / Н.А. Носов // Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 7. Труды Центра профориентации. – Москва : Путь, 2000.
15. *Носов, Н.А.* Психология ангелов по Я. Бёме / Н.А. Носов // Человек. – 1994. – № 6. – С. 88–95.
16. *Носов, Н.А.* Реальные нереальности / Н.А. Носов // Человек. – 1993. – № 1. – С. 33–42.
17. *Носов, Н.А.* Духовная лестница св. Исаака Сирина / Н.А. Носов // Человек. – 1992. – № 5. – С. 76–85.
18. *Носов, Н.А.* Виртуальные состояния в деятельности человека-оператора / Н.А. Носов, О.И. Генисаретский // Авиационная эргономика и подготовка летного состава : труды ГосНИИГА. – 1986. – Вып. 253. – С. 147–155.
19. *Пирогов, Н.И.* Топографическая анатомия, иллюстрированная разрезами, проведёнными через замороженное тело человека в трёх направлениях. В 4 т. / Н.И. Пирогов. – Санкт-Петербург : Petropoli, Яков Трей, 1852.
20. *Пронин, М.А.* Αντροποσχιζια – антропосхизия: к числению топологической антропологии / М.А. Пронин // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2019. – Т. XVI, Вып. 3. – С. 82–94.
21. *Пронин, М.А.* Философия как экспертиза: Виртуальные психологические состояния в технологиях объёмных изображений в кинематографе – к постановке проблемы / М.А. Пронин // Запись и воспроизведение объёмных изображений в кинематографе и других областях : материалы и

доклады X Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 16–18 апреля 2018 г.). – Москва : ВГИК, 2019. – С. 43–50.

22. *Пронин, М.А.* Этическое сопровождение разработок и применения технологий виртуальной реальности в России: первые шаги / М.А. Пронин, О.Н. Раев // Запись и воспроизведение объёмных изображений в кинематографе, науке, образовании и в других областях : материалы и доклады XI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 18–19 апреля 2019 г.). – Москва : КУНА, 2019. – С. 11–28.

23. *Пронин, М.А.* Технологии виртуальной реальности (TVR) и парадигмальный Рубикон психологии / М.А. Пронин // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 8. – Москва : Институт психологии РАН, 2018. – С. 115–134.

24. *Пронин, М.А.* Регулирование технологий виртуальной реальности: к первому российскому кодексу этического поведения / М.А. Пронин, О.Н. Раев // Горизонты гуманитарного знания. – 2018. – № 5. – URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/issue/view/55> (дата обращения: 01.03.2020).

25. *Пронин, М.А.* Николай Александрович Носов: штрихи к биографии / М.А. Пронин, О.А. Скоркин // Личность. Культура. Общество. – 2018. – Т. XX, Вып. 3-4. – № 99–100. – С. 300–309.

26. *Пронин, М.А.* Вызовы мировоззрению разработчиков технологий виртуальной реальности (TVR): философские, этические, юридические и другие следствия / М.А. Пронин // Философия образования. – 2016. – № 6(69). – С. 46–69.

27. *Пронин, М.А.* Носов Николай Александрович (1952–2002) / М.А. Пронин // ММК в лицах. Т. 2. – Москва : Институт развития им. Г.П. Щедровицкого, 2007. – С. 100–104.

28. *Пронин, М.А.* Эпистемологические проблемы исследования виртуальной реальности / М.А. Пронин // Новое в искусственном интеллекте. Методические и теоретические вопросы / под ред. Д.И. Дубровского и В.А. Лекторского. – Москва : ИИТЕЛЛ, 2005. – С. 110–113.

29. *Раев, О.Н.* Кинематографическая виртуальная реальность / О.Н. Раев // Инновационные технологии в кинематографе и образовании : материалы и доклады VI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 16–18 октября 2019 г.). – Москва : КУНА, 2020. – С. 24–35.

30. *Раев, О.Н.* Российский кинематограф и технологии виртуальной реальности / О.Н. Раев // Мир техники кино. – 2019. – № 4(13). – С. 11–15.

31. *Раев, О.Н.* Понятийная область термина «объёмное изображение» / О.Н. Раев // Запись и воспроизведение объёмных изображений в кинематографе и других областях : материалы и доклады IX Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 17–18 апреля 2017 г.). – Москва : ВГИК, 2017. – С. 29–40.

32. *Раев, О.Н.* Анализ терминологии в стереоскопическом кинематографе / О.Н. Раев // Обсерватория культуры. – 2016. – Т. 13, № 6. – С. 689–695.

33. *Рожкова, Г.И.* Зрительный дискомфорт при восприятии стереоскопических изображений как следствие непривычного распределения нагрузки на разные механизмы / Г.И. Рожкова, С.В. Алексеев // Запись и воспроизведение объёмных изображений в кинематографе и других областях : материалы и доклады III Междунар. науч.-техн. конф. (Москва, 21–22 апреля 2011 г.). – Москва : МКБК, 2012. – С. 19–46.

34. *Севальников, А.Ю.* Онтологические аспекты виртуальной реальности / А.Ю. Севальников // Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. – Москва, 2004. – С. 208–241.

35. *Сеченов, И.М.* Предметная мысль и действительность / И.М. Сеченов // Избранные произведения. Физиология и психология. Т. 1. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1952. – С. 465–485.

36. *Словарь русского языка.* В 4 т. Т. 1. А-Й / под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – Москва : Русский язык, 1985.

37. *Смирнов, А.В.* Процессуальная логика / А.В. Смирнов, В.К. Солондаев. – Москва : Садра, 2019.

38. *Смирнов, А.В.* Логико-смысловые основания арабско-мусульманской культуры: семиотика и изобразительное искусство / А.В. Смирнов. – Москва : ИФ РАН, 2005.

39. *Фрит, К.* Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир / К. Фрит ; пер. с англ. – Москва : Астрель, 2010.

40. *Хиллис, Е.М.* Влияние использования шлема виртуальной реальности на зрительные функции / Е.М. Хиллис, Т.П. Кащенко, Т.А. Корнюшина // Медицина труда и промышленная экология. – 2006. – № 9. – С. 16–23.

41. *Хьюбел, Д.* Глаз, мозг, зрение / Д. Хьюбел ; пер. с англ. – Москва : Мир, 1990.

42. *Milgram, P.* A taxonomy of mixed reality visual displays / P. Milgram, F.A. Kishino // IEICE Transactions on Information and Systems. – 1994. – Vol. E-77-D, № 12. – P. 1321–1329.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-99-103

ВРОЖДЕННЫЕ КОГНИТИВНЫЕ СПОСОБНОСТИ: АРГУМЕНТ ОТ БЕДНОСТИ СТИМУЛА ПРОТИВ АРГУМЕНТА КАРРИ

И.Ю. Булов

В статье рассматривается популярный аргумент нативистов против позиции эмпиризма – аргумент от бедности стимула. Анализируется наиболее сильное критическое замечание против аргумента от бедности стимула – аргумент карри. В результате критического рассмотрения дискуссии о бедности стимула делается вывод о том, что аргумент карри является достаточно убедительным.

Ключевые слова: врожденное, когнитивные способности, нативизм, эмпиризм, аргумент от бедности стимула.

INNATE COGNITIVE CAPACITIES: THE POVERTY OF THE STIMULUS ARGUMENT VS. THE CURRY ARGUMENT

I.Yu. Bulov

The article is dedicated to the popular argument among nativists, who use it against the empiricist approach. We analyze the strongest objection against the poverty of the stimulus argument which is the curry argument. As a result of the critical consideration of the poverty of the stimulus discussion, we conclude that the curry argument is quite sound.

Key words: innate, cognitive capacities, nativism, empiricism, the poverty of the stimulus argument.

Введение

Аргумент от бедности стимула (далее – АБС) сегодня является, пожалуй, наиболее популярным аргументом в дискуссиях о врожденных идеях, в частности о врожденной грамматике. АБС обычно используют нативисты – сторонники теории местной специализированности (domain specificity), защитники позиции, согласно которой определенные (или все) идеи являются врожденными. Местная специализированность – теория в когнитивной науке, которая гласит, что человеческая психика состоит из нескольких специализированных отделов переработки информации, и каждый из этих отделов имеет свои специфические правила усвоения и переработки информации [18]. Теория местной специализированности повторяет основные (но не обязательно все) положения концепции модулярности Дж. Фодора [13].

Нативисты также считают, что базовая структура психики, предполагающая деление на специализированные отделы, является врожденной. Врожденными нативисты обычно называют те признаки, которые возникли несмотря на отсутствие обучения (или при недостатке обучения) [1].

Такой подход резко отличает нативизм от эмпирического подхода, согласно которому психика формируется, прежде всего, за счет универсальных принципов обработки информации [22]. Как

утверждают некоторые эмпиристы, именно за счет универсальных механизмов обучения могут быть сформированы уже специализированные отделы психики [14].

Аргумент карри – наиболее известное возражение против АБС, имеющее структуру *reductio ad absurdum*.

Далее будет изложен сам АБС и проанализировано наиболее известное возражение к АБС – аргумент карри.

Аргумент от бедности стимула

АБС имеет долгую историю, берущую начало еще в диалогах Платона [6]. Однако в современной форме этот аргумент впервые сформулировал Н. Хомский в своей известной статье, критикующей концепцию усвоения языка Б. Скиннера [4]. В этой статье Хомский замечает, что первичных языковых данных, т.е. информации о грамматике языка, полученной ребенком в процессе обучения, недостаточно для того, чтобы построить корректную гипотезу о грамматике языка, в котором растет этот ребенок. Из этого в дальнейшем Хомский делает вывод о том, что для эффективного обучения грамматике языка у ребенка должен иметься некий врожденный аппарат усвоения языка (language acquisition device) [5].

Аргумент Хомского можно представить следующим образом:

Булов Илья Юревич – аспирант Института философии РАН (г. Москва).

Bulov Ilya Yurevich – Postgraduate student at Institute of Philosophy, Russian Academy of Science (Moscow).

E-mail: bulovilya@gmail.com

© Булов И.Ю., 2020

1. Существует множество разнообразных грамматик, которые могут быть построены исходя из информации (или не могут быть построены, ведь ребенок может строить некорректные гипотезы о невозможных грамматиках), полученной ребенком из первичных языковых данных.

2. Та грамматика, которой ребенок обучается, может не быть проще или удобнее, чем ее альтернативы (другие грамматики, которые можно построить, исходя из первичных языковых данных).

3. Обычно недостаточно данных для построения корректной гипотезы о том, какой грамматике из возможных альтернатив (или невозможных, так как ребенок может строить некорректные гипотезы о невозможных грамматиках) в действительности обучается ребенок.

4. Если бы ребенок обучался грамматике, исходя из универсального принципа обучения (т.е. строил и тестировал свои гипотезы о возможном положении дел, исходя из накопившегося массива данных об этом положении дел), он бы не смог постичь грамматику своего родного языка.

5. Дети обычно обучаются грамматике своего родного языка.

Вывод:

6. Дети обучаются, не исходя из универсального принципа обучения.

Недостаток данных, как правило, объясняется недостатком негативных подтверждений [7: р. 205–206]. Когда нужно освоить сложное и неочевидное грамматическое правило, ребенок самостоятельно не идентифицирует примеры некорректного употребления, а его неграмотные изречения, согласно исследованиям, редко правят [3]. Некоторые современные исследования языковых универсалий демонстрируют те же результаты [8; 9].

Со времен первых работ Хомского накопилось множество критических замечаний к АБС. Дальше мы рассмотрим наиболее популярное и одновременно наиболее сильное критическое замечание к АБС, а также ответ современных теоретиков нативизма – Лоренса и Марголиса на это замечание.

Аргумент карри и экспериментальные данные

Одним из первых, кто критиковал АБС, был Х. Патнэм. В статье, посвященной критике идей Хомского, Патнэм описал головоломку jump [23]. Головоломка jump довольно сложная, а времени на обучение игровым правилам обычно уходит не так уж много. Однако вряд ли бы кто-то сказал, что человеческая психика обладает врожденным механизмом ее решения [23: р. 21–22]. Намного более вероятным кажется такое устройство психики, при котором умение играть в jump было сформировано благодаря универсальным механизмам обучения.

Похожий контраргумент предложила Ф. Кауи. Чтобы корректно описать его, необходимо сделать

оговорку о том, что Кауи выделяет 2 версии аргумента от бедности стимула: версию a posteriori и версию a priori.

А posteriori версия «*призвана показать, что, так как язык нельзя выучить, основываясь на 'первичных языковых данных' [т.е. данных, на основе которых дети обучаются языку], принципы универсальной грамматики должны быть врождены*» [7: р. 177].

А priori версия «*призвана показать, что с позиции логики нельзя выучить язык, основываясь на доступной информации, и, следовательно, опять принципы универсальной грамматики необходимо должны быть врождены*» [7: р. 177].

Версию a posteriori можно парировать эмпирическими данными, которые показывают, что фактический стимул не так уж и беден, и что универсальные механизмы не так слабы, как это представляется. Опровергая недостаток стимула, можно вспомнить теорию Motherese, которая заключается в том, что интонации матери могут подсказывать ребенку информацию о структуре предложения [20]. В пользу этой теории свидетельствуют некоторые экспериментальные данные [25]. Сама Кауи также упоминает теорию Motherese [7: р. 191]. Еще а posteriori версия АБС может быть разбита, если показать, что универсальные механизмы обучения у детей достаточно эффективны, чтобы освоить замысловатые грамматические правила примерно за 4 года. Сторонники теории статистического обучения показывают, что дети, используя статистические закономерности в первичных языковых данных, вполне способны обучиться языку [17; 22; 25].

Как мы видим, в ответ на а posteriori версию АБС, согласно Кауи, могут быть приведены эмпирические данные. Выше мы проиллюстрировали то, какие именно экспериментальные данные могут быть использованы и каким способом.

Однако эмпирических данных оказывается недостаточно, когда сторонники нативизма используют а priori версию АБС. А priori версия гласит, что, используя первичные языковые данные, необходимому набору грамматических правил нельзя обучиться не просто фактически, но принципиально. В а priori версии АБС формулируется единая причина всех случаев, которые описывает а posteriori версия аргумента от бедности стимула. Эта причина – отсутствие (или недостаток) негативных подтверждений. Или, если выразаться более обще, это принципиальный недостаток информации.

Нативисты решают данную проблему при помощи местной специализированности и врожденных паттернов освоения языка. Когда они используют а priori версию АБС, они предполагают, что врожденные паттерны подсказывают ребенку, какое предложение грамотно, а какое нет [7: р. 211–213].

Критика Кауи заключается в том, что решение проблемы, обозначенной в аргументе, можно распространить и на множество других областей помимо языка, где есть недостаток негативных подтверждений. И в таком случае нам придется занять нативистскую позицию по поводу всех этих явлений, что кажется абсурдным.

Для иллюстрации своих мыслей Кауи приводит в пример способность идентифицировать специфическую еду. Никто не говорит нам, что спагетти, брокколи и тофу – это не карри. Это можно расценить как недостаток негативных подтверждений при идентификации еды. Тем не менее вряд ли бы кто-то стал утверждать, что система идентификации еды является врожденной.

Еще одно схожее критическое замечание против АБС можно встретить в статье Н. Гудмана. Там он приводит в пример стили искусства. Кажется, что для того, чтобы обучиться распознавать нужный стиль, нам также недостаточно данных. Однако было бы странно утверждать, что в человеческой психике есть врожденный механизм распознавания стилей искусства [12: р. 139].

Замечания Патнэма, Гудмана и Кауи имеют схожую структуру: все они являются *reductio ad absurdum*. Далее подобное замечание мы будем называть аргументом карри, отсылая к примеру Кауи.

Формально аргумент карри можно представить следующим образом:

1. Существует бесчисленное число вещей, которые могли бы быть карри, но они не карри. Несмотря на недостаток негативных подтверждений, мы вполне способны выстроить в голове теорию о том, что карри это карри, а не какой-то другой объект, и определять, является ли объект перед нами карри или чем-то другим.

2. Если это так, и верен АБС, то нативисты должны согласиться с тем, что теория врожденной местной специализированности должна предполагать и наличие врожденного механизма определения специфических блюд (вроде карри).

3. Однако абсурдно предполагать, что для того, чтобы определить, что перед нами карри, нам необходим специальный врожденный механизм определения кулинарных блюд.

4. Ход мысли, который приводит нативистов к подобным абсурдным выводам, с большой вероятностью является ошибочным.

Вывод:

5. Следовательно, должно быть какое-то другое объяснение тому, как дети обучаются грамматике в отсутствие необходимого числа негативных подтверждений. И это объяснение не должно предполагать наличие врожденных специализированных механизмов обучения¹.

Возражения к аргументу карри

Лоренс и Марголис в статье, посвященной АБС, критиковали аргумент карри за то, что он излишне упрощает АБС [15: р. 262–263]. По их словам, аргумент карри «игнорирует основные факты, подчеркнутые аргументом от бедности стимула, а именно то, что существует бесчисленное количество альтернативных гипотез, и корректная гипотеза никоим образом не является самой простой или наиболее естественной с дотееоретической позицией» [15: р. 263].

В случае с карри у нас и правда имеется множество альтернативных гипотез о том, какое перед нами блюдо. Однако Лоренс и Марголис считают, что обучение названиям блюд несравнимо проще обучения языку.

Во-первых, это связано с тем, что при обучении «корректная гипотеза никоим образом не является самой простой или наиболее естественной». Лоренс и Марголис это не явно проговаривают в своей статье, однако они в приведенном выше отрывке, судя по всему, указывают на то, что в случае с определением блюд гипотеза о том, что карри – это карри, является наиболее простой и/или наиболее естественной. И это делает обучение именам блюд настолько простым, что для этого достаточно универсального механизма обучения (в отличие от обучения грамматике). Если это так, то *reductio ad absurdum* в данном случае не работает.

На это можно возразить, сказав, что при обучении именам блюд мы сталкиваемся со стандартной проблемой обучения идеям, сложность которой соизмерима со сложностью поиска правильной гипотезы о грамматике. Как мы понимаем, что слово *карри* отсылает к идее КАРРИ², а не, скажем, к идее ОСТРОЕ БЛЮДО С КУРКУМОЙ? Не каждое острое блюдо с куркумой является карри. Другими словами, при объяснении обучения идее КАРРИ мы сталкиваемся с *qua*-проблемой. Девитт и Стернли описали ее как «проблему узнавания, связанную с тем, что термин основан на причине чувственного опыта одной категории объекта, но не другой» [10: р. 254].

Когда нам указывают на чайник и говорят, что это ЧАЙНИК, ничто нам не сигнализирует о том, что это не КУХОННЫЙ ПРИБОР или не СИНИЙ ЧАЙНИК С ИЗОГНУТОЙ РУЧКОЙ. Очень часто нет никакой подсказки о том, в какую категорию включать объект, на который нам указывают, называя его определенным словом.

Если держать в уме *qua*-проблему, то обучение КАРРИ уже не представляется таким интуитивно легким процессом.

¹ Форма представления аргумента взята и адаптирована из [19].

² Идеи в философской литературе принято обозначать заглавными буквами.

Но, возможно, гипотеза «карри»–КАРРИ является наиболее простой из допустимых. В таком случае возникает вопрос: почему эта гипотеза проще, чем «карри»–ОСТРОЕ БЛЮДО С КУРКУМОЙ? Идея ОСТРОЕ БЛЮДО С КУРКУМОЙ имеет намного меньше нюансов, чем КАРРИ. Идея КАРРИ предполагает, что блюдо является индийским, а также что в нем присутствует определенный набор приправ. Ментальное содержание КАРРИ может быть и другим: оно может быть основано на цвете и запахе блюда. Однако даже довольно поверхностное представление о карри (по его виду, например) кажется сложнее, чем ментальное содержание идеи ОСТРОЕ БЛЮДО С КУРКУМОЙ. Внешне карри имеет определенный цвет, текстуру и т.п., которые могут варьироваться в зависимости от того, как это блюдо приготовить. Поэтому гипотеза «карри»–КАРРИ не кажется проще, чем гипотеза «карри»–ОСТРОЕ БЛЮДО С КУРКУМОЙ.

Эта ситуация сильно напоминает обучение грамматике, где также самая простая гипотеза не обязательно является правильной. Однако ква-проблему обычно не решают тем, что постулируют врожденную природу всех (или большинства) идей³. Исключением является только концепция радикального нативизма идей Дж. Фодора, которую сами Лоренс и Марголис критиковали в одной из своих статей [16].

Если гипотеза «карри»–КАРРИ не является наиболее простой, то, вероятно, она является «естественной с дотеоретической позиции». Но здесь проблема заключается в том, что по ходу статьи не раскрывается, что Лоренс и Марголис имеют в виду под «естественной». Они лишь подчеркивают, что речь идет о дотеоретической позиции. Это пояснение ничего нам не говорит о том, что именно имеют в виду Лоренс и Марголис, когда утверждают, что верная гипотеза «ни коем образом не является наиболее естественной».

Второе отличие процесса обучения распознаванию блюд, которое отмечают Лоренс и Марголис, заключается в том, что если мы ошибемся и назовем «карри» какое-то другое блюдо, нас поправят. Также в этом случае (или при других обстоятельствах) нам могут предоставить исчерпывающее описание того, что в действительности такое карри. Подобная ситуация кажется вполне правдоподобной. Поэтому обучиться тому, что такое карри, не представляется такой уж большой проблемой (в отличие от обучения языку) [15: р. 263]. Однако Лоренс и Марголис не предоставляют никаких подтверждений того, что есть разница между количеством поправок при обучении семантике слов и количеством поправок при обучении граммати-

ке. Напротив, в недавней статье при помощи математической модели было показано, что обучение семантике слов и обучение грамматике идут рука об руку и могут быть освоены при помощи статистических предсказаний [2]. Также есть исследование, которое показывает, используя байесовскую модель обучения, что обучение новым словам может происходить без опоры на негативные подтверждения [26]. Поэтому утверждение о том, что есть разница между количеством поправок при обучении семантике слов и количеством поправок при обучении грамматике, по крайней мере, не является бесспорным.

Заключение

В статье был подробно изложен аргумент от бедности стимула – наиболее популярный среди современных нативистов аргумент. Также было рассмотрено главное критическое замечание к аргументу от бедности стимула – аргумент карри.

Современные нативисты Лоренс и Марголис в своей статье пытались показать несостоятельность аргумента карри, однако, как мы убедились по ходу статьи, аргумент карри все еще является убедительным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булов, И.Ю. Современный нативизм идей: некоторые методологические замечания / И.Ю. Булов // *Философские науки*. – 2019. – № 62(7). – С. 96–109.
2. Bootstrapping language acquisition / O. Abend, T. Kwiatkowski, N. Smith, S. Goldwater, M. Steedman // *Cognition*. – 2017. – № 167. – P. 116–143.
3. Brown, R. Derivational complexity and order of acquisition in child speech / R. Brown, C. Hanlon // *Cognition and the development of language* / J. R. Hayes (eds.). – New York : Wiley, 1970. – P. 11–53.
4. Chomsky, N. Review of Skinner's Verbal Behavior / N. Chomsky // *Language*. – 1957. – Vol. 35, № 1. – P. 26–58.
5. Chomsky, N. Aspects of the Theory of Syntax / N. Chomsky. – Cambridge, MA : MIT Press, 1965. – 251 p.
6. Chomsky, N. Knowledge of Language: Its Nature, Origin and Use / N. Chomsky. – New York : Praeger, 1986. – 341 p.
7. Cowie, F. What's Within: Nativism Reconsidered / F. Cowie. – Oxford : Oxford University Press, 1999. – 334 p.
8. Crain, S. Nature, Nurture, and Universal Grammar / S. Crain, P. Pietroski // *Linguistic and Philosophy*. – 2001. – Vol. 24, № 2. – P. 139–186.
9. Crain, S. Investigations in Universal Grammar: A Guide to Experiments on the Acquisition of Syntax and Semantics / S. Crain, P. Pietroski. – Cambridge, MA : MIT Press, 2000. – 360 p.
10. Devitt, M. Language and Reality / M. Devitt, K. Sterenly. – MA : MIT Press, 1987. – 274 p.
11. Douglas, S. The qua-problem and meaning scepticism / S. Douglas // *Linguistic and Philosophical Investigations*. – 2018. – № 17. – P. 71–78.
12. Goodman, N. The Emperor's New Ideas / N. Goodman // *Language and Philosophy* / S. Hook (eds.). – New York : New York University Press, 1969. – P. 138–142.

³ См. о решениях ква-проблемы в [11].

13. *Fodor, J.* The Modularity of Mind / J. Fodor. – Cambridge, MA : MIT Press, 1983. – 158 p.
14. *Karmiloff-Smith, A.* Beyond Modularity: A Developmental Perspective on Cognitive Science / A. Karmiloff-Smith. – Cambridge, MA : MIT Press, 1992. – 256 p.
15. *Laurence, S.* The Poverty of the Stimulus Argument / S. Laurence, E. Margolis // The British Journal for the Philosophy of Science. – 2001. – Vol. 52, № 206. – P. 217–276.
16. *Laurence, S.* Radical concept nativism / S. Laurence, E. Margolis // Cognition. – 2002. – № 86. – P. 25–55.
17. *Lewis, J.* Learnability and the Statistical Structure of Language: Poverty of Stimulus Arguments Revisited / J. Lewis, J. Elman // Proceedings of the Boston University Conference on Language Development. – 2002. – № 26. – P. 359–370.
18. *Margolis, E.* In Defense of Nativism / E. Margolis, S. Laurence // Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition. – 2013. – Vol. 165, № 2. – P. 693–718.
19. *Matthews, J.* Cowie's anti-nativism / J. Matthews // Mind & Language. – 2001. – Vol. 16, № 2. – P. 215–230.
20. *Newport, E.* "Mother, please, I'd rather do it myself": Some effects and non-effects of maternal speech style / E. Newport, H. Gleitman, L. Gleitman // Talking to children: Language input and acquisition / C. E. Snow and C. A. Ferguson (eds.). – Cambridge : Cambridge University Press, 1977. – P. 109–149.
21. *Perfors, A.* Poverty of the stimulus? A rational approach / A. Perfors, J. Tenenbaum, T. Regier // Proceedings of the 28th Annual Conference of the Cognitive Science Society (CogSci 2006) / R. Sun and N. Miyake (eds.). – 2006. – P. 663–668.
22. *Prinz, J.* The Return of Concept Empiricism / J. Prinz // Handbook of Categorization and Cognitive Science / H. Cohen and C. Lefebvre (eds.). – Amsterdam : Elsevier, 2005. – P. 679–695.
23. *Putnam, H.* The 'Innateness Hypothesis' and Explanatory Models in Linguistics / H. Putnam // Synthese. – 1967. – Vol. 17, № 1. – P. 12–22.
24. *Real, F.* Uncovering the richness of the stimulus: Structural dependence and indirect statistical evidence / F. Real, M. Christiansen // Cognitive Science. – 2005. – № 29. – P. 1007–1028.
25. *Saffran, J.* Statistical learning by 8-month-old infants / J. Saffran, R. Aslin, E. Newport // Science. – 1996. – № 274. – P. 1926–1928.
26. *Xu, F.* Word learning as Bayesian inference / F. Xu, J. Tenenbaum // Psychological Review. – 2007. – Vol. 114, № 2. – P. 245–272.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ МОДЕРНА

И.В. Пржиленский

Автор рассматривает проблему ценностей в философском дискурсе модерна. Анализ понятий традиционной аксиологии, а также пути их эволюции в истории философской мысли приводит к выделению двух подходов. Первый, условно называемый онтологическим, приводит к разделению как объектов природы, так и мышления на ценные либо не представляющие ценности. Второй подход, предполагающий некий ценностный релятивизм, условно можно назвать диспозиционным. Место и значение конкретных ценностей зависят в такой структуре от иерархии, взаимообусловленности и места ценностей в единой системе.

Ключевые слова: ценность, структура ценностей, аксиология, модерн, мышление, личность, культура, система, общество, ценностный релятивизм.

CONCEPTUALIZATION OF VALUES AND THEIR INTERPRETATION IN PHILOSOPHICAL DISCOURSE OF MODERN

I.V. Przhilenskiy

The author considers the problem of values in the philosophical discourse of modern. The analysis of the concepts of traditional axiology, as well as the path of their evolution in the history of philosophical thought, leads to the identification of two approaches. The first, conventionally called ontological - leads to the division of both objects of nature and thought into valuable or non-valuable ones. The second approach, which assumes certain value relativism, can be called dispositional. The place and meaning of specific values in such a structure depend on the hierarchy, interdependence, and place of values in a single system.

Key words: value, value structure, axiology, modern, thinking, personality, culture, system, society, value relativism.

Философское обсуждение понятия модерна, которое получило новый импульс благодаря кризису концепций постмодерна и их многочисленных интерпретаций, приобрело настолько всеобъемлющий характер, что ставшие уже классическими социальные теории современного общества приобретают новое и даже неожиданное звучание. В полной мере это относится и к концепту «ценность», интеграция которого в философский дискурс о модерне обусловлена необходимостью гармонизировать отношение между субстантивизмом классической гносеологии и релятивизмом неклассической эпистемологии, а также интегрировать новые смыслы в коммуникативную теорию общества.

Одним из актуальных вопросов философского дискурса модерна, касающихся роли понятия ценности в общественных науках, на сегодняшний день остается выделение принципов и предельно общих идеалов в структуре ценностных отношений. В современной аксиологии достаточно сказано и написано о классификациях ценностей, выстраивании иерархических структур, равно как и об их

исторической трансформации. Однако, к вопросу о достоверности и точности такого знания, нужно понимать, насколько рассуждения и измерения общественных настроений, социологические исследования и замеры разных сфер социального бытия дают нам точную картину о действительных ценностных установках. Насколько личности, семье, социальной группе, обществу, нации и человечеству вообще могут быть присущи или, напротив, чужды те или иные ценности. А также по какой причине они меняются, подчас стремительно и скрыто от взгляда наблюдателя? Наконец, насколько возможно разделить ценности на всеобщие, являющиеся в некотором смысле абстрактными, и эмпирические, нормативные, культурные?

Необходимость достижения определенности в вопросе об основаниях аксиологии обусловлена той уникальной ситуацией, которая сложилась в современных системах знания благодаря «кантианско-коперниканскому» повороту в философии. Именно кантовский трансцендентализм превратил ценности в главный регулятив не только деятель-

Пржиленский Игорь Владимирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь).

Przhilenskiy Igor Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Law Institute of the North Caucasus Federal University (Stavropol).

E-mail: yesdreamer@yandex.ru

© Пржиленский И.В., 2020

ности, но и знания. А поскольку обращение к ценности не снимает окончательно вопрос об основаниях, но переносит их в иную плоскость – плоскость целеполагания. Отделение культуры от природы и, до известной степени, противопоставление ей создали уникальную возможность сделать практический разум и деятельность подлинным основанием для знания и познания.

С точки зрения классической аксиологии описание неких устоявшихся общечеловеческих, системообразующих ценностей также в разные периоды имело различные методологические основания. Хотя формально исторический момент зарождения теории ценностей и появление аксиологии как самостоятельной части философской науки и принято относить к периоду второй половины XIX в. и, в частности, с введением самого термина в 1902 г. французским философом П. Лапи и позднее Э. фон Гартманом, фактически эта область познания гораздо старше. Можно сказать, что она стара как сама философия по причине рассуждения о ценностях как целях, планах, нормах, должном практически во всех философских школах. Многие идеи повседневной аксиологии берут начало в философии античного периода, но в современном преломлении они изменяются до неузнаваемости [3: с. 66].

Рассуждения Платона о разграничении между сущим и должным приводят его к выводам о мире идей, который является неким идеалом и образцом не только для предметов материального мира, но и для поведения людей, общественных норм. Таким образом, ценности как абстрактные свойства предметов, людей, правил и целей становятся важным и одним из центральных предметов осмысления античной философии [4]. В философском дискурсе модерна эта конструкция по-прежнему работает в неокантианской философской традиции или в метафизических доктринах XX в., таких, например, как системы Н. Гартмана и А. Уайтхеда.

Позднее различные подходы к понятию ценностей и их интерпретации обусловили ряд направлений в аксиологии, каждое из которых описывало значимость, нужность и ценность различных явлений с точки зрения потребностей индивида и личности, групповых интересов, их генезиса. Разделение самих ценностей на группы также влияло на выработку новых классификаций и подходов.

Понимание ценностей как объективных факторов действительности, которые практически созерцаемы, а их происхождение обусловлено биологическими и психологическими человеческими потребностями [2: с. 38], свойственно теории натуралистического психологизма, представителями которой были такие философы, как Д. Дьюи, А. Майнонг. Здесь целеполагание рассматривается

как свойство, присущее всем биологическим организмам, а ценности как вид целей или даже поведенческих стимулов.

Уже в советское время заметный вклад в осмысление этого подхода в аксиологии внес В.П. Тугаринов, который в рамках материалистического подхода понимал ценности как потребности или стимулы. В полном соответствии с духом советской версии марксизма он выделял три класса ценностей: класс материальных ценностей (пища, кров, одежда и т.п.), класс социально-политических ценностей, например свобода, и класс духовных ценностей, таких как справедливость или истина [9].

В целом натуралистический психологизм исходит из того, что природа человека предполагает уже заложенные и обусловленные биологическими и психологическими потребностями ценности, которые в ходе жизни человека фиксируются эмпирическим путем. При этом они могут подразделяться на индивидуальные и коллективные, личные и общественные, в том числе не только материальные, но и, говоря несколько упрощенно, духовно-абстрактные.

Иначе к ценностям как явлению, не связанному с человеческими желаниями и потребностями, подходили философы-неокантианцы, в частности представители Баденской школы. Теорию трансцендентализма в аксиологии принято связывать в первую очередь с именами В. Виндельбанда и Г. Риккерта. В их понимании ценность относилась к идеальному бытию, и была первичным звеном, соотносимым не с практическим знанием, исходящим из эмпирики, но с трансцендентальным, т.е. чистым сознанием.

Ценности рассматривались и с позиций персоналистического онтологизма, как объективно существующие идеи, заложенные в личность и каждого индивида независимо от культуры и воспитания, религиозных, правовых и идеологических норм. По мнению М. Шелера, ценности настолько объективны, что они «не могут быть созданы или уничтожены... они существуют независимо от всех организаций определенных духовных сущностей» [14: р. 111].

Идею о том, что мир ценностей существует «над природой» и является неким «логосом», который определяет целеполагание личности, развивали в своих работах такие философы, как Ж. Маритен, Э. Жильсон, Л. де Реймекер. В частности, Л. де Реймекер в своем понимании термина «ценность» отмечает, что он «имеет тот же смысл, что выражение схоластов *tatio boni*, и означает, что такая-то вещь хороша. Ценность это то, что не оставляет равнодушным, достойно быть познанным, прочувствованным, к чему надлежит стремиться и чего достойно желать» [13: р. 252–253]. В учении неотоми-

стов в части вопросов аксиологии ценности рассматривались как некое свойство бытия вещей, определяющее цель и норму их существования. В частности, человеческие ценности подразделяются в этой концепции на духовные, т.е. ценности «в себе», и материальные – созданные человеком: их можно отнести к общественным ценностям. И это разделение весьма близко коррелирует с подобной классификацией в теории натуралистического психологизма.

С точки зрения структурного релятивизма ценности могут изменять свое значение и даже корреляцию с общественной моралью в зависимости от трансформаций в обществе, объективных исторических изменений, и даже разности политических, идеологических или экономических моделей. Относительно новая традиция в осмыслении ценностей – культурно-исторический релятивизм, который был описан в трудах П.А. Сорокина, А. Тойнби, О. Шпенглера, – получила распространение в первой половине XX в.

В этой парадигме социальные системы понимаются как культурно и исторически уникальные сложные структуры, чье развитие обусловлено различными ценностями, различными ментальными и поведенческими особенностями. П.А. Сорокин, определяя культуру как совокупность значений, ценностей и норм поведения индивидов, представителей конкретного общества, выделял именно по критерию моральных ценностей обществ из всего многообразия ценностных систем три основные: идеационную, чувственную и идеалистическую культуры [7: с. 218].

По мнению П.А. Сорокина, идеационная культура основана на ценности абсолютных принципов, религиозных, моральных, не связанных с материальным потреблением, решением инструментальных и технологических задач. К ценностям идеационной культуры относятся такие понятия, как Бог, Истина, Красота, Душа. Можно сказать, что такая культура ориентируется на духовные идеалы, и для нее вторичны цели полезности и утилитарности. Все эти аспекты, напротив, присущи чувственной культуре, которая основана на гедонистических ценностях, ценностях комфорта и уюта, сиюминутного личного блага. П.А. Сорокин также называет эту форму, которая, по его мнению, характеризует современное общество, сенсорной и эмпирической. Она в большей степени способна приспособиться к реалиям нашего мира, потребностям общества и личности.

При этом третий тип культуры – идеалистический – П.А. Сорокин называет синтезом первых двух: он подразумевает наличие как духовных целей, так и «земных» гедонистических и эвдемонистических ценностей и потребностей. Эта ценностная система, как нам видится, является в большей

степени адекватным отражением не только современного общества, но и любого типа, так как сложно представить себе идеационную или чувственную систему ценностей по П.А. Сорокину, существующую в чистом виде. Можно лишь сказать о том, что те или иные ценности могут играть большее или меньшее значение в различных обществах, составлять отличное пропорциональное соотношение, причем как в пользу духовных, так и материальных ценностей. Можно ли сказать, что выделение П.А. Сорокиным данных типов культур вторит уже отмеченному нами разделению ценностей на духовные и материальные? Наверное, такая корреляция будет справедливой лишь отчасти. Так, чувственный тип ценностной культуры не исключает наличия духовных и моральных ценностей: например, понятия счастья, радости, комфорта не могут быть однозначно отнесены к материальным ценностям.

Однако реализация этих благ часто зависит от наличия именно предметов материального мира. Так, в современном понимании комфорт достижим посредством приобретения различных материальных благ, предметов техники, одежды, недвижимого имущества, автомобилей, а также наличия достаточных средств для получения тех или иных услуг. Из этого исходит модель общества потребления, в котором у обычного гражданина ценности материального мира приобретают первостепенное значение.

Эту мысль развивал и О. Шпенглер, который еще в первой трети XX в. видел проблему современной западной цивилизации в «отмирании» и деградации высших культурных ценностей, что обрекает ее на неизбежную гибель. По мнению О. Шпенглера, межчеловеческие отношения в такой ситуации перестают регулироваться внерациональными чувствами: религией, обычаями, идеалами и противопоставлением добра злу. На смену им отношения строятся на основании пользы и расчета, материальных выгодах.

О. Шпенглер выделял в своей типологии ряд исторически сложившихся отличных культур: египетскую, вавилонскую, индийскую, китайскую, греко-римскую, византийско-арабскую, западно-европейскую и культуру майя. Каждая из них отличалась собственными философией, искусством, религией и системой ценностей. При этом ценности не могут быть навязаны той или иной цивилизации извне, они обнаруживаются внутри и определяются из глубины индивидуальной и социальной жизни [11: с. 637].

Противопоставление материальных ценностей и духовных, сконцентрированных в культуре, с точки зрения исторического релятивизма обуславливает развитие цивилизаций, а позднее – их упадок и смерть. Так, О. Шпенглер видел в стадиях развития

каждой культуры несколько этапов: рождение, развитие и упадок. При этом цивилизация, которая неизбежно сопровождает процесс развития общества, все больше опирается на рациональность и тем самым ведет к деградации культуры и духовности, часто иррациональной и труднообъяснимой.

Обусловленность ценностей историческими процессами сводится, таким образом, не только к выявлению типов культур, закономерностей их развития, детерминированных социально-историческими, географическими и иными условиями, но и к внутреннему состоянию духовных потребностей и приоритетов общества, стадии развития, которую проживает в конкретный момент та или иная цивилизация.

Трактовка ценностей и даже появление своеобразного ценностного «абсолюта» как неотъемлемой особенности и свойства исторической эпохи и своего времени находит отражение и в социологической концепции ценностей. В концепции «понимающей социологии» М. Вебера существует некий единый, наиболее адекватный эпохе идеальный тип ценностей, который отвечает интересам общества в конкретный момент, он свойствен вообще данной эпохе и наиболее полезен социуму.

Этот идеал может включать в себя набор религиозных, культурных, политических, экономических ценностей, понимание морали, которые для каждого времени изменяются под воздействием множества факторов и никогда не являются отражением существующих в данном обществе реалий. Его нельзя извлечь и проверить эмпирическим путем, данный идеал выступает скорее моделью желаемого будущего, тем оптимальным утопическим состоянием, к которому стремится общество, но достижение которого как и любой утопии невозможно по определению.

Выстраивание такого теоретического конструкта всегда помогает оценить устремления и целеполагание как индивида, так и целей, присущих обществам в различные эпохи. При этом получение знания с точки зрения методики по М. Веберу должно быть связано с вычленением из многообразия эмпирического материала тех моментов и явлений, которые позволят судить о главных чертах индивида, а именно – о его отношении к ценности [1: с. 36–38].

В настоящее время оценка тех или иных благ и явлений в обществе сводится к разделению на терминальные (окончательные) и инструментальные ценности, которые могут быть в первом случае итоговой целью в жизни индивида или сообщества, а во втором имеют ценность как средство и инструмент для достижения этих целей. Эта классификация была введена в оборот американским пси-

хологом М. Рокичем, который в своих работах предложил перечень таких ценностей [12].

Так, к терминальным целям, по мнению М. Рокича, можно отнести мудрость, любовь, свободу, семейную жизнь и дружбу, собственное счастье и счастье близких и др. Такие ценности в общем можно назвать универсальными, так как стремление к ним присуще человеку вне зависимости от эпохи, типа общества, иных свойств индивида, таких как пол или национальность, род деятельности и т.п.

Впрочем, набор таких ценностей, а также их значение и иерархическая последовательность в жизни человека выстраиваются в зависимости от множества факторов, таких как воспитание или религия, культура и образование. К примеру, в системе религиозных ценностей может воспитываться настрой на достижение одних ценностей путем отказа или обесценивания других благ, аскезы и т.п.

Также отличными могут быть ценностные установки в обществе, в зависимости от идеологических и политических доминант: в современном мире часто противопоставляются различные ценностные конструкции. Так, коллективизм и ценность общественного блага противопоставляются индивидуализму, концепции собственного блага, провозглашению человека и его интереса высшей ценностью. Этот антагонизм находит отражение в идеологиях целых государств, их правовых доктринах. Противопоставляются могут приверженность ценностям потребления и материальным благам духовным, абстрактным, так называемым вечным ценностям.

Инструментальные же ценности как некоторые методы и средства для достижения терминальных целей могут включать в себя навыки и практические познания, аккуратность и ответственность, образованность и рационализм, трудолюбие, широту взглядов и наличие твердой воли. Они представляют собой скорее набор тех умений и свойств для индивида, которые ему должны быть присущи для получения необходимых благ. Само по себе каждое из них является благом, но имеет значение лишь для достижения какой-то цели. Так, образованность сможет помочь человеку в достижении мудрости, которая, по мнению М. Рокича, является конечной ценностью-целью. Либо же любовь как цель может быть достигнута человеком, «умеющим любить».

В философии модерна ценности определяют понимание целей личности на индивидуальном уровне, а также общества в целом. В трудах Р. Декарта, Ф. Ницше и М. Хайдеггера Новое время ознаменовано идеей перехода центра и масштаба существующего к человеку, выстраивание системы антропоцентризма в культуре и истории. Дискурс XIX и первой половины XX в. связывает общество модерна с ослаблением социальных связей, дефор-

мацией социальных практик, в частности таких, как ослабевающие религиозные.

Необходимость поиска новых рационалистских практик восходит к Г. Гегелю, а у Ф. Ницше превращается в потребность критического разума в новой мифологии. М. Хайдеггером были сделаны небезуспешные попытки соотнести «онтологическое понятие техники, тоталитарного, политического с целями анализа современности; в этих попытках, однако, и состоит вся ирония: мышление бытия тем сильнее привязано к научной моде, чем больше оно верит в то, что вышло за границы пространства научного производства» [10: с. 151].

С методологической точки зрения ценностный тип мышления с позиции субъекта предполагает безусловное эмоционально окрашенное отношение к миру и самому себе, связанное с личным опытом, особенностями биографии, темпераментом, мироощущением и т.п. Часто он вообще иррационален и связан с интуитивной оценкой собственных переживаний. По этой причине ценностное отношение всегда рассматривалось как противоположное познавательному. Лишь во второй половине XX в. ситуация начинает меняться – В.С. Степин, Л.А. Микешина и другие определяют познание как ценностно-детерминированное. В концепции философии науки, развиваемой В.С. Степиным, понятие ценностей связано с третьим этапом развития науки, который он называет постнеклассическим. Согласно указанной позиции к особенностям постнеклассического этапа развития научного знания относится все возрастающая включенность аксиологически обусловленных оснований науки, таких как картина мира, мировоззрение и т.п. «Социальные цели и ценности, – пишет В.С. Степин, – меняющие облик науки как социального института, и внутринаучные, когнитивные факторы действуют в одном направлении – они актуализируют междисциплинарные связи и взаимодействия. Причем в этот процесс наряду с естественными активно включаются и социальные дисциплины, поскольку большинство современных направлений исследования имеют своим предметом сложные развивающиеся комплексы, которые включают человека и его деятельность в качестве составного компонента» [8: с. 422].

Вопросы познания ценностей в большинстве своем ставились в контексте концептуальной оппозиции объективного-субъективного. В XIX в. это были вопросы влияния субъективных предпочтений или культурной, исторической, политической детерминации оценок. Затем, преимущественно в XX в. выводы об актуальности тех или иных общественно значимых ценностей ставились в аспекте их притязаний на значимость. В решение данной философской проблемы внесла существенный

вклад Л.А. Микешина – в контексте исторической эволюции познания ею были обобщены разнообразные концептуализации ценностей и выделены два основных подхода. Первый можно условно назвать онтологическим, результатом которого было разделение – как объектов природы, так и мышления, на ценные либо не представляющие ценности. Второй подход, предполагающий некий ценностный релятивизм, условно можно назвать диспозиционным, так как, по мнению исследователя, роль и значение конкретных ценностей зависят в такой структуре от иерархии, взаимообусловленности и места ценностей в единой системе. «Признание самостоятельного мира ценностей – это, как мне представляется, метафорически выраженное стремление понять, утвердить объективную (вне-субъектную) природу ценностей, способ выражения его независимости от обыденной оценивающей деятельности субъекта, зависящей, в частности, от воспитания, вкуса, привычек, недостатка информации. Ценности – это феномены, сущность которых состоит в значимости, а не фактичности; они явлены в культуре, ее благах, где осела, окристаллизовалась множественность ценностей» [6: с. 344].

Благодаря постепенному смягчению дихотомии объективного и субъективного, характерного для раннего модерна, стала ясна перспектива обоснования возможности сосуществования этих моментов в рамках единого дискурса. Л.А. Микешина предложила объединить идеалы гуманитарного и естественно-научного подходов к пониманию ценностей с позиции необходимости выстраивания диалога между двумя точками зрения: абстрактно-всеобщей и эмпирически-диспозиционной. По ее мнению, соединение двух этих позиций позволяет, с одной стороны, признать устойчивые общечеловеческие, родовые, социальные и культурные ценности как образцы, идеалы и традиции, а с другой стороны – не исключает изучение подвижных, изменчивых, релятивных, к числу каковых обычно относят национальные, классовые, групповые и индивидуальные целевые установки и предпочтения [5: с. 6–17].

Градация ценностей в структуре общества модерна связана с уходом от понимания модерна как историко-культурного феномена, относящегося к конкретному периоду европейской истории, к описанию более универсального подхода к системе ценностей – актуальной не только для западной, но в целом для современной глобальной культуры. Философия модерна, как представляется, не только выработала особые критерии и классификации общественных и индивидуальных ценностей, но создала собственный, концептуально отличный от предыдущих периодов теоретический и методологический аппарат. Парадигма ценностной детерми-

нации многих социальных процессов позволила аксиологической проблематике занять особое место в дискурсе модерна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер, М. Критические исследования в области логики наук о культуре / М. Вебер // *Культурология: XX век.* – Москва, 1995. – С. 7–56.
2. Григорьева, С.Н. Проблема категории ценностей в философии, психологии, социологии и педагогике / С.Н. Григорьева // *Молодой ученый.* – 2016. – № 6.2. – С. 37–41.
3. Ивин, А.А. Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы / А.А. Ивин // *Философский журнал.* – 2010. – №1(4). – С. 66–78.
4. История этических учений / под общ. ред. А.А. Гусейнова. – Москва, 2003. – 911 с.
5. Микешина, Л.А. Современное развитие понятия «ценность» / Л.А. Микешина // *Ценности и смыслы.* – 2009. – № 1(1). – С. 6–17.
6. Микешина, Л.А. Философия познания. Полемиические главы / Л.А. Микешина. – Москва : Наука, 2002. – 624 с.
7. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – Москва, 1992. – 543 с.
8. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.
9. Тугаринов, В.П. Избранные философские труды / В.П. Тугаринов. – Ленинград : Изд-во Ленинградского унта, 1988. – 344 с.
10. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – Москва : Весь Мир, 2003. – 416 с.
11. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. – 637 с.
12. Рокич, М. Тесты: исследование ценностных ориентаций / М. Рокич // *PSYCHOJOURNAL.RU* – URL: <https://psychojournal.ru/tests/479-issledovanie-cennostnyh-orientaciy-m-rokicha.html> (дата обращения: 15.09.2019).
13. Reymecher, L.D. Philosophie de l'etre. / L.D. Reymecher. – London, 1947. – 431 p.
14. Scheler, M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wert-ethik / M. Scheler/ – Berlin, 1954. – 676 p.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-110-114

ФИЛОСОФИЯ МИРОВОГО ОКЕАНА КАК ПЛЕОЛОГ КОГНИТИВНЫХ ПРАКТИК

Е.В. Кудряшова

М.Ю. Опёнков

Н.Б. Тетенков

Делёз предложил три образа философов: философы глубины, философы высоты, философы поверхности. Авторы статьи полагают, что трём образам философов соответствуют три типа когнитивных практик. Как следствие использования этих практик возникает плеолог. Плеолог когнитивных практик далее авторы применяют для философского анализа мирового океана, что позволяет по-новому взглянуть на значение океана и воды в происхождении жизни.

Ключевые слова: философия океана, философия глубины, высоты и поверхности, когнитивные практики, хора, Крестева, Делёз.

THE PHILOSOPHY OF THE WORLD OCEAN AS A PLEOLOGIST OF COGNITIVE PRACTICES

E.V. Kudryashova

M.Yu. Openkov

N.B. Tetenkov

Deleuze proposed three types of philosophers: philosophers of depth, philosophers of height, and philosophers of surface. The authors of the article believe that three types of cognitive practices correspond to the three images of philosophers. A Pleologus arises as a consequence of the use of these practices. The authors further apply the Pleologus of cognitive practices to the philosophical analysis of the world's oceans, which allows us to take a new look at the significance of the ocean and water in the origin of life.

Key words: ocean philosophy, philosophy of depth, height and surface, cognitive practices, Hora, Kristeva, Deleuze.

Ж. Делёз в 18-й главе «Логика смысла» писал о трех образах философов [2]. «Философы глубины» – это досократики, их называли также физиологами, поскольку они исследовали природу и ее внутренний логос. Мир в представлении досократиков – смеси, состоящие из стихий. С точки зрения досократиков, надо углубиться в природу, чтобы понять

ее подлинные начала, понять чувственный мир как иллюзию, увидеть мятущийся хаос в фундаменте мироздания. Философия глубины приводит к трагическому мировоззрению.

«Философы высоты» – это платоники, так как у них речь идет о восхождении из пещер к свету, о полете души к божественным идеям.

Кудряшова Елена Владимировна – доктор философских наук, профессор, ректор Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой философии и социологии Высшей школы социально-гуманитарных наук и межкультурной коммуникации (г. Архангельск).

Kudryashova Elena Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, Rector of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Higher School of Social Sciences and Humanities and Intercultural Communication (Arkhangelsk).

E-mail: rector@narfu.ru

Опёнков Михаил Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Высшей школы социально-гуманитарных наук и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск).

Openkov Mikhail Yurievich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Higher School of Social Sciences and Humanities and Intercultural Communication at Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk).

E-mail: kotobarz@gmail.com

Тетенков Николай Борисович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Высшей школы социально-гуманитарных наук и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск).

Tetenkov Nikolay Borisovich – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Higher School of Social Sciences and Humanities and Intercultural Communication at Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk).

E-mail: tenibo@yandex.ru

© Кудряшова Е.В., Опёнков М.Ю., Тетенков Н.Б., 2020

«Философы поверхности» – стоики, поскольку они первыми стали разрабатывать философию смысла, фактически были первыми феноменологами. Смысл возникает именно на поверхности, как узор проступает на запотевшем стекле. Поверхность есть граница, и онтология границы задает тот вариант феноменологии, который стремился эксплицитировать Ж. Делёз.

Бесконечномерное тело редуцируется к своей границе, и эту бесконечномерную границу следует интерпретировать как смысловой вакуум, который содержит в себе все и одновременно ничего. «Все» означает, что это – бытие до его понимания, все возможные способы его понимания уже заложены здесь. «Ничего» означает, что никаких готовых смыслов, как платоновских идей, там нет. Смысл диктуется способом распаковки смыслового вакуума. Это означает, что никакой субъективности в понимании классической философии в распаковке нет и быть не может: никакого Я, личности, индивидуального сознания. Такая феноменология и есть одновременно фундаментальная онтология и виртуалистика. Это фундаментальная онтология, поскольку не упускает и ведет тему бытия, но при этом стремится избежать всяких рецидивов платонизма. Это виртуалистика, поскольку распаковка подразумевает бытийный акт изменения сначала установки сознания, а затем изменение онтологического статуса, выход в иной пласт реальности, где эта распаковка только и возможна.

Таким образом, можно строить онтологию=феноменологию=виртуалистику на трех сильных допущениях: бытие=граница=семантический вакуум. Это и означает быть «поверхностным» в онтологическом смысле.

Одновременно делёзовские три вида философов можно рассматривать как три вида когнитивных практик, исследующих одно и то же, поэтому здесь можно говорить о плеологе. Мы, разумеется, будем иметь в виду не вычислительную парадигму когнитивной науки.

Попытаемся применить этот методологический прием к философскому исследованию мирового океана.

Вяч. Вс. Иванов говорил: «Судя по всему, что мы сейчас узнаем благодаря открытиям генетиков, вероятно, большая часть истории человечества должна быть понята на дне Мирового океана, куда ушли не одна, наверное, Атлантида, а много цивилизаций. Похоже, что люди из Африки расселились по другим континентам главным образом вдоль берегов, вдоль побережья. Но потом эти суда затонули. Если бы человечество было занято интересными задачами, а не уничтожением отдельных своих частей – если не всего себя, – если бы человечество было умнее, я думаю, сейчас бы кинулись

изучать дно океана. Но не очень надеюсь, что я доживу до времени, когда этим займутся. Конечно, займусь... Мы имеем здесь дело с каким-то другим пониманием пространства и времени. Я думаю, что этим замечательно море – мы перестаем быть ограниченными нашими человеческими, животными рамками, начинаем видеть мир в каких-то настоящих, других измерениях» [10: с. 11–12].

1. Философия глубины. Тайна и трагедия жизни

Джеймс Кэмерон пишет: «Стоит погрузиться на сто метров от поверхности океана, и солнечный свет постепенно меркнет до темной синевы, которая сменяется крошечной тьмой. Когда вы погружаетесь еще глубже, эта темнота становится всеобъемлющей, солнечный свет никогда не проникает сюда. Погрузитесь на самое дно, на пять или шесть километров в глубину, и давление возрастет до тонн на квадратный дюйм. Эти глубины принадлежат к числу наиболее недоступных пространств, известных человечеству, их можно достичь лишь с помощью небольшого числа управляемых аппаратов. В мире существует только восемь пилотируемых подводных аппаратов, способных достичь глубины 6000 метров...» [7: с. 5].

Развитие научных знаний в конце прошлого века и в начале века текущего зависит от технического прогресса. Это утверждение особенно верно для океанографии в целом и глубоководной морской экологии в частности. Открытие глубоководных оазисов прямо связано с двумя сопряженными фактами: во-первых, с прогрессом морских наук о Земле, позволивших изучить критические зоны, включающие океанические хребты и огромные желоба субдукции; во-вторых, с использованием автоматов для фотографирования дна на больших глубинах. Кроме того, использовались обитаемые подводные аппараты для изучения оазисов на дне океана.

Это открывает нам мировой океан как второй космос, близкий, но еще менее доступный, родной, но малоизученный, при этом дно мирового океана менее известно, чем поверхность Луны. Состав нашей крови близок к составу первоначального Океана, что дало основания Мандельштаму утверждать: «Эта песнь о составе человеческой крови, содержащей в себе океанскую соль. Начало путешествия заложено в системе кровеносных сосудов. Кровь планетарна, солярна, солонна» [4: с. 130].

Оазисы, как правило, расположены вдоль рифовых хребтов. Следы прошлых гидротермальных явлений предстают в форме массивных высоких сооружений из полиметаллических сульфидов, покрытых пестроокрашенным окисленным слоем. Эти постройки могут достигать в высоту нескольких метров; их основание занимает площадь в несколько квадратных метров. Неактивные трубы встречаются

чаще активных: примерно четыре неактивных излияния на одну действующую трубу. Каждый активный источник представляет собой оазис жизни на дне океана, при истощении гидротермальных источников исчезает и сам оазис. Так объясняют целые кладбища раковин калиптоген, что показывает нам периодичность жизни, т.е. ее трагизм.

Можно сделать несколько замечаний общего характера.

Гидротермальные сообщества поражают своей невероятно высокой биомассой по сравнению с биомассой окружающей среды на тех же глубинах. В некоторых случаях она в 100 000 раз больше.

Эти источники сильно структурированы в зависимости от расстояния от источника, природы и количества выбрасываемого флюида. Если говорить схематично, то наблюдается концентрическое расположение видов вокруг точки излияния.

Физико-химические условия, складывающиеся у гидротермальных источников и способствующие развитию оазисов на глубинах, недолговечны. В случае единичного гидротермального излияния длительность его функционирования составляет несколько сотен лет, а может быть, и меньше. Часто наблюдаются сообщества регрессирующие.

Здесь возникает вопрос о распространении жизни: каким образом виды, строго связанные с гидротермальными излияниями, расселяются от одного местонахождения к другому [5: с. 6].

Тайна распространения жизни приводит нас к размышлениям о собственной судьбе, и здесь вспоминается фраза Фридриха Энгельса: «...у нас есть уверенность, что материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов никогда не может быть утрачен и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на земле свой высший цвет – мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время» [9: с. 21].

Ученые из Японии и Китая показали, что эволюция ранней жизни на Земле гораздо сложнее, чем считалось раньше. Специалисты пришли к выводу, что при сравнении геномов могут быть получены только ограниченные знания о древних одноклеточных организмах, включая бактерии и археи. Ученые проанализировали тысячи филогенетических деревьев, построенных на основе сходства ДНК тысяч микроорганизмов, чтобы идентифицировать самые древние гены и проследить за их эволюцией. Оказалось, что на ранней стадии эволюции живых организмов разные типы генов менялись с разной скоростью. Это значит, что частота ранних мутаций была намного выше, чем в настоящее время. Таким образом, жизнь развивалась очень быстро, и это осложняет картину, как именно археи и

бактерии получали энергию для жизнедеятельности и в какой среде они обитали [6]. Может быть, не маленький теплый водоем, а глубины океана породили и сохранили во всех исторических катаклизмах жизнь на Земле.

Вероятно, освоение дальнего космоса, даже в пределах окраин Солнечной системы, дело автоматов. Ввиду практической недостижимости морских глубин открывается новый путь развития искусственного интеллекта, который должен имитировать когнитивное поведение морских существ. Если природа ставит проблему, решаемую умом, и ее решение приносит большое преимущество, то спустя какое-то время существа могут стать способными на достижения в когнитивной деятельности. Эти достижения мы сочли бы излишними лишь из-за того, что они маленькие или не приходятся нам близкими родственниками. Современное направление когнитивной экологии признает, что интеллект формируется в соответствии с необходимыми условиями, с которыми животное сталкивается на протяжении своей обычной жизни, т.е. в своей когнитивной нише [1].

Когнитивная ниша нашего подвида – это мир геометрии Евклида (плоская Земля) и физики Аристотеля (движение в упругих средах). Человек цивилизации находится между разнообразных когнитивных ниш, обладая способностью перемещаться между ними, хотя бы мысленно. Наш разум нуждается в технических подпорках, так возникает иллюзия «царя природы» и недооценка когнитивных способностей других живых существ.

2. Философия высоты. Неплатонические океаны

Неплатоническое в данном контексте есть отступление от некоего идеала Великой Воды. Существование теплых подледных океанов на спутнике Юпитера Европе и спутнике Сатурна Энцеладе, а также открытие оазисов на дне земного океана, казалось бы, дало шанс исследовать океаны на всех известных планетах по аналогии с земным.

Планета Юпитер под действием приливных сил замедляет вращение вокруг своей оси, а радиусы орбит Галилеевых спутников, как орбита Луны, очень медленно увеличиваются. Приливные силы разогревают недра Ио и Европы, на квадратный метр поверхности Ио выделяется такое же количество теплоты, что и во всем Йеллоустонском национальном парке. Фактически Ио – горячая вулканическая зона размером с целый спутник. Вероятно, тепловой энергии, сгенерированной приливным трением, на Европе достаточно, чтобы согреть целый океан, занимающий всю поверхность спутника, и только его внешние слои, наиболее удаленные от горячего ядра, лютый холод межпланетного пространства сковал толстым ледяным панцирем.

Экстремофильные бактерии, обитающие в стенках гидротермальных источников, живут за счет

химических реакций, извлекая энергию из растворенных в горячей воде минералов. Бактериями питаются крохотные креветки, огромные двусторчатые моллюски и гигантские кроваво-красные кольчатые черви. Их поедают крабы и рыбы, живущие на периферии, и все это при полном отсутствии солнечного света. Тонкая нить, связывающая жизнь на Земле с энергией Солнца, была обрублена с открытием этой процветающей, абсолютно чуждой нам экосистемы. После этого открытия астробиология никогда не будет прежней, соленые океаны Европы приобрели новый смысл. Наличие в океанах Европы растворенных минеральных солей означает, что вода находится в постоянном контакте с горячими недрами спутника.

Всесильный второй закон термодинамики требует, чтобы тепло, возникающее в результате приливного трения в ядре Европы, передавалось наружу, к ее холодной поверхности. Открытие гидротермальных источников показало, как может выглядеть геологическое взаимодействие между магматическими породами и океанами. Трудно переоценить, до какой степени открытие глубоководных гидротермальных источников на Земле изменило наши взгляды на возможность существования жизни во внешней Солнечной системе [8].

Выяснилось, что наш океан – это один вид океана, не покрывающий собой родовое понятие «океан»: океан не всегда является источником жизни, как ни странно. Насколько известно, в нашей Галактике довольно распространены планеты-океаны, покрытые слоем воды толщиной в сотни и даже тысячи километров поверх твердой силикатной коры. Несмотря на сочетание знакомых нам веществ, геохимия этих миров должна быть совсем другой, чем у Земли. Так, у самого дна глобального океана давление настолько велико, что поведение и воды, и кремния при этих условиях пока неизвестно, поэтому недавно минералоги из Университета штата Аризона воссоздали такие условия в лаборатории, рассмотрев, что происходит с водой и кремнием при экстремальном давлении – до 24 ГПа (для сравнения, давление на глубине 100 километров составит около 1 ГПа {Гигапаскаль}). Эксперименты показали, что в таких экстремальных условиях вещества переходят в довольно экзотическую фазу: силикат и вода «взаимно растворяются», образуя смесь, содержащую микст оксидов водорода и кремния. Судя по этим результатам, планеты-океаны могут вообще не иметь определенного твердого дна, и на их колоссальной глубине вода переходит в силикатную литосферу через такой полужидкий смешанный слой. На планетах-океанах жизни приходится балансировать на грани возникновения.

Группа европейских климатологов провела моделирование такой планеты, показав, что отсут-

ствии суши может служить фактором, ограничивающим обитаемость планет-океанов. Вода, покрывающая всю поверхность планеты, взаимодействует с атмосферой и существенно влияет на глобальную циркуляцию углерода. Даже находясь на оптимальном расстоянии от звезды – в «зоне обитаемости», – планета-океан будет либо быстро остывать, либо разогреваться до совсем неумеренных температур. Вариант «горячей планеты», типа Венеры. Слишком большие объемы воды на планете служат фактором, дестабилизирующим климат: как выяснили ученые, температура на ней должна сохраняться в довольно узких пределах, между 0 и 127 °С, иначе океан заставит ее перегреться или замерзнуть. Если температура на такой планете опустится ниже определенной границы, океан будет растворять и накапливать большие объемы углекислого газа, ускоряя ее дальнейшее остывание. И наоборот, если планета нагреется выше определенного уровня, океан начнет наполнять атмосферу углекислым газом, дополнительно нагревая ее и увеличивая парниковый эффект. Расчеты были проведены на модели планеты размерами с Землю, находящейся близ звезды – аналога Солнца и на том же расстоянии, что и мы. Авторы считают, что эти результаты применимы и для более крупных планет и более массивных звезд, и для других атмосферных парниковых газов, например метана.

Планеты, покрытые целым океаном жидкой воды, принято считать вполне подходящими для развития жизни. В самом деле, на них должно быть достаточно и тепла, и влаги, зато фосфора, необходимого для синтеза молекул ДНК и РНК, видимо, в дефиците, что ставит под сомнение обитаемость таких миров. Об этом Тесса Фишер (Tessa Fisher) и ее коллеги по Университету штата Аризона рассказали на конференции Habitable Worlds.

Большая часть фосфора на Земле связана в минеральных породах и становится доступной для биосферы лишь после того, как дождь растворит его соединения и вынесет в море. Элементарное отсутствие открытых пространств суши – а именно так все и должно быть на планетах-океанах – делает этот процесс невозможным. Тесса Фишер и ее соавторы подсчитали, что фосфора в этих глобальных океанах должно быть в 3–4 раза меньше, чем в Мировом океане нашей планеты.

Даже если жизнь, пусть и намного медленней, но появилась в одном из таких миров-океанов, нехватка фосфора делает ее еще и более сложной в обнаружении. По оценкам ученых, рассеянный по пространству воды слабый фитопланктон должен выделять не более 10 процентов от того объема кислорода, к которому мы привыкли на Земле – довольно мало для наблюдений с огромного расстояния [11].

Это заставляет задуматься о том, насколько ценна вода для обнаружения жизни. Долгое время ученым казалось, что вода – редкое исключение в космосе. В дальнейшем оказалось, что ее очень много всюду, даже на астероидах, и не всегда она связана с появлением жизни.

3. Философия поверхности. Синтез

Мировой океан подобен хоре. Работа философа подобна работе искателя жемчуга, как ныряльщик ищет жемчуг, так и философ поднимает на поверхность смыслы.

С точки зрения Ю. Кристевой, хора представляет собой ритмическую пульсацию, а не новый, альтернативный язык. Значит, хоре присуще тоническое движение. Это движение напоминает самовибрацию, что подразумевает сосуществование движения и покоя в одной и той же сингулярной точке.

Хору нельзя мыслить в рамках классического «дискурса сущности». Отсутствие формы – т.е. различие – это форма хоры. Для нас хора и есть виртуальное, «пустота», имеющая динамическую природу, семантический вакуум, обладающий своеобразным звучанием. Конкретный язык – это фильтр, процеживающий хору и создающий определенную языковую картину мира. Необходимо в будущем создать градиацию распакованности семантического вакуума, исходя из разновидностей шумов.

Методологическое значение понятия хоры состоит в том, что оно показывает виртуальное не в качестве резервуара или пакета с готовой продукцией. Взгляд на виртуальное как на хранилище готовых смыслов естественен с точки зрения символического порядка. Ведь последний стремится адаптировать хору, свести ее к совокупности дозволенной языком семантики и аксиологии. Хора же играет подрывную роль по отношению к символическому порядку и через поэзию демонстрирует свою несводимость ни к чему конечному.

Кристовская хора не предлагает никаких онтологических оснований, но становится частью процесса означивания, единственной конкретной универсальности, определяющей говорящее существо. Кристева выстраивает принципиально непифагорейский образ универсума. С таким образом уни-

версума надо согласиться, так как только на этом пути можно построить несубстанционалистскую онтологию хоры [5].

Смыслы, порождаемые океаном, многообразны: от новых концепций человеческого общества и путей развития цивилизации, подразумевающих экологический путь «внутренней Полинезии» до национальных «проектов мечты» об освоении океана, которое не менее эпично, чем освоение Луны. Это идея «второго космоса»: от сохранения хрупкого арктического бассейна до новых путей исследования глубин с применением искусственного интеллекта, от поисков внеземной жизни до понимания сущности жизни и одушевленности, от осознания границ человеческого разума до понимания интеллекта других живых существ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бэлкомб, Дж.* Что знает рыба. Внутренний мир наших подводных собратьев / Дж. Бэлкомб. – Москва : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019. – 132 с.
2. *Делёз, Ж.* Логика смысла / Ж. Делёз. – Москва : Академический Проект, 2011. – 472 с.
3. *Лобье, Л.* Оазисы на дне океана / Л. Лобье. – Ленинград : Гидрометеиздат, 1990. – 49 с.
4. *Мандельштам, О.Э.* Слово и культура. Статьи / О.Э. Мандельштам. – Москва : Советский писатель, 1987.
5. *Опёнков, М.Ю.* Онтология и теория познания : учебное пособие / М.Ю. Опёнков, Н.Б. Тетенков, Е.А. Янковская. – Архангельск : САФУ, 2019.
6. Раскрыта тайна происхождения жизни. – URL: <https://lenta.ru/news/2020/04/23/life/> (дата обращения: 05.03.2020).
7. *Сагалевиц, А.М.* Глубина / А.М. Сагалевиц. – Москва : Яуза-пресс : Якорь, 2017.
8. *Уиллис, Д.* Все эти миры – ваши: Научные поиски внеземной жизни / Д. Уиллис. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2018.
9. *Энгельс, Ф.* Диалектика природы / Ф. Энгельс. – Москва : ОГИЗ, ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1941.
10. *Якович, Е.* И Бог ночует между строк. Вячеслав Всеволодович Иванов в фильме Елены Якович / Е. Якович. – Москва : АСТ:CORPUS, 2019.
11. Ученые назвали планету-океан. – URL: <https://naked-science.ru/article/sci/uchenye-nazvali-planety-okeyanu> (дата обращения: 04.10.2019).

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-115-120

СУБСТАНЦИАЛЬНОСТЬ СВЕРХСУЩЕГО КАК ОСНОВА МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКОМ ТЕИЗМЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

С.В. Пишун

Показана концептуальная зависимость русских философов из духовных академий от европейского постгегелевского теизма. Обосновывается тезис о том, что важнейшей категорией, формирующей метафизический дискурс православных авторов из высших духовных школ, является Сверхсущее, отражающее религиозный характер их умозрительных систем. Отмечены попытки представителей «теистического рационализма» придать учению о Сверхсущем форму научной гипотезы, что сближает их с современным аналитическим теизмом и процесс-теизмом.

Ключевые слова: духовно-академическая философия, теизм, метафизика, Сверхсущее, субстанция, пантеизм.

SUBSTANCE OF SUPER-PERSON AS BASIS OF METAPHYSICAL KNOWLEDGE IN SPIRITUAL-ACADEMIC THEISM OF LATE XIX – EARLY XIX

S.V. Pishun

The article analyzes the feature of understanding metaphysics in Russian spiritual and academic theism of the XIX-early XX centuries. It shows the conceptual dependence of Russian philosophers from spiritual academies on European posthegel theism. The thesis that the most important category forming the metaphysical discourse of Orthodox authors from higher spiritual schools is the Super-Basic, reflecting the religious nature of their thinking systems, is justified. Attempts by representatives of "theistic rationalism" to give the teaching of the Super-Modern the form of a scientific hypothesis, which brings them closer to modern analytical theism and process-theism, have been noted.

Key words: spiritual and academic philosophy, theism, metaphysics, Superstition, substance, pantheism.

Выдающийся отечественный философ-теист В.Н. Карпов признавал важнейшей чертой русской религиозной философии её мировоззренческий синтетизм, ориентацию на сочетание разных дискурсивных практик, использование лучших традиций интеллектуальной культуры. Духовно-академическая наука в России многие десятилетия представляла собой поле диалога разных линий «любознания» при доминировании именно философско-теистического понимания. Различные факторы, как внешние, так и внутренние (культурные, социальные и др.), оказывали при этом воздействие на способы и модели философствования православных теистов из высших духовных школ. Огромное значение здесь имело восприятие идей немецкого и французского постгегелевского теизма. В данной связи очень ценным является замечание выдающегося современного российского философа и методолога науки Л.А. Микешинной о том, что в России в конце XIX – начале XX в. гуманитарии и философы были «достаточно тесно связаны с европейской философией и культурой» [14: с. 9]. Несом-

ненным является существенное воздействие ряда течений европейской философии на становление духовно-академического способа философствования, суть которого состоит в сочетании религиозных («святоотеческих»), этических, собственно научных и метафизических элементов в едином философско-теистическом подходе.

С начала XIX в. в европейской философии существенно расширился круг вопросов, которые стали предметом обсуждения представителями различных школ и направлений. Продолжилась начатая ещё И. Кантом дискуссия о пределах метафизики, её роли и месте в интеллектуальной культуре того времени. Надо сказать, что представители духовно-академической школы отмечали исключительную роль кенигсбергского профессора в складывании панорамы европейской философской мысли, особенно немецкой. Можно в данном контексте вспомнить слова профессора Санкт-Петербургской духовной академии, философа и логика М.И. Каринского о том, что «именно от Канта берут своё происхождение практически все философ-

Пишун Сергей Викторович – доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ (г. Владивосток).

Pishun Sergey Viktorovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies of the School of Arts and Humanities at Far Eastern Federal University (Vladivostok).

E-mail: pishoons@mail.ru

© Пишун С.В., 2020

ские школы Германии в XIX веке (за исключением грубого материализма)» [6: с. 72]. В этот обширный философский диалог включилась и отечественная духовно-академическая наука, настаивавшая, что смысл существования метафизики обязательно связан с присутствием в её концептуальном поле категории Сверхсущего. Если и говорить о влиянии русской религиозной философии на европейскую философию XIX в., то надо опираться главным образом на наследие православных высших духовных школ, являвшихся очагами подлинно профессионального философского образования в России того времени. Для представителей православного теизма философия и богословие были, как отмечал читавший в начале XX в. учебный курс метафизики доцент Санкт-Петербургской духовной академии А.П. Высокоостровский, «взаимородственными» науками, и, полагал этот автор, «эту связь между богословием и философией понимала и ею дорожила издавна и наша духовная школа» [3: с. 748]. На наш взгляд, необходимо принять во внимание слова А.П. Высокоостровского о том, что в нашей стране в условиях XIX в. «философские науки разрабатывались главным образом в духовных академиях, именно академии давали университетам профессоров философии, а не наоборот... За немногими исключениями всё наиболее даровитое и ... наиболее замечательное между сочинениями по философии в России, – всё это, так или иначе, прямо или посредственно, выходило и выходит из академий» [3: с. 749].

Задача данной статьи состоит как раз в реконструкции логики философствования православных теистов в их попытках обосновать тезис о центральном месте категории Сверхсущего в метафизических построениях. Этот вопрос о Сверхсущем и Его отношения к миру и человеку, с точки зрения православных авторов, имеет значение не в одной лишь сфере богословского знания, но также имеет большой интерес и для любой метафизической системы. Указанный тезис православных авторов имел глубокие историко-философские корни. Достаточно вспомнить Аристотеля, который называл свою «первую философию» теологией, указывая данным названием на определяющий предмет этой философии [4: с. 450]. То же самое, как утверждали духовно-академические авторы, писал и Гегель, отмечавший, что «главный предмет философии есть Бог и изъяснение Бога» [7: с. 104]. Даже Кант, доказывавший в своей «Критике чистого разума» несостоятельность метафизики, когда она хочет быть наукой о предметах сверхчувственных, вместе с тем показал, что стремление к сверхчувственному всё-таки неискоренимо в человеке. Человеческий разум, говорит Кант, имеет естественную склонность переходить границы возможного опыта. Идеи разума производят только иллюзию, но иллю-

зию неопровержимую, обманчивость которой невозможно устранить никакой, даже самой резкой критикой (см.: [5: с. 458]). Если относительно первого из приведённых положений Канта православные теисты и могли ещё возражать, то со вторым положением они охотно соглашались, полагая, что в природе человека присутствует двойственность в том смысле, что по своим силам человек есть существо ограниченное, но мы не довольствуемся этой своей ограниченностью, создаём себе высокие идеалы и стремимся осуществить их в своей жизни. В их понимании мы не можем постичь и представить что-либо бесконечное, безусловное, но, как писал православный исследователь Александр Бурцев, «...если сказать, например, что мир имеет начало во времени, то у нас тотчас же явится вопрос: что же было до того времени, когда мир не существовал? Вот это-то стремление к бесконечному абсолютному знанию и заставляет человека задумываться над тайнами бытия и жизни; оно-то и побуждало древних и новых мыслителей трудиться над разрешением проблемы о сущности мира и первопричине его бытия» [2: с. 5]. При этом представители духовно-академической школы всячески подчёркивали, что значение метафизики в философских поисках будет только усиливаться. Так, киевский профессор-теист П.И. Линицкий, которого его младший ровесник из той же академии П.П. Кудрявцев назвал убеждённым «рационалистом со студенческой скамьи» и «полным хозяином в области философии» [9: с. 739–740]), писал в этой связи: «Область метафизического умозрения, с развитием опытных данных, не только не умаляется, напротив, увеличивается, ибо, сверх общих и коренных вопросов философии, всегда бывших достоянием метафизического умозрения, возникают всё новые вопросы, к которым приводят исследования специальных опытных наук, но разрешить которых эти науки не могут, а потому оказывается необходимою помощь отвлечённого метафизического мышления. Действительно, едва ли не каждая наука может и даже должна иметь свою собственную философию, философию собственного предмета» [12: с. 11]. Тот же автор категорически не принимал применение принципов психологического эмпиризма в обосновании необходимости метафизики, он считал существенно важным подчеркнуть чисто научные причины существования метафизического дискурса: «Метафизика необходима не в смысле **психологическом**, – как совокупность представлений сверхопытных, порождённых и постоянно поддерживаемых чувствованиями и аффективными состояниями души, но в смысле научно-теоретическом, как совокупность положений, имеющих своё непреложное основание в априорных началах мышления» [13: с. 244]. Хотя, спра-

ведливости ради, необходимо упомянуть и о защитниках «интуитивизма» и «психологизма» по отношению к метафизике среди православных философов-теистов, с критикой которых как раз и выступал П.И. Линицкий. Среди них можно, в частности, указать на упоминавшегося в самом начале данной статьи «русского платоника», профессора Санкт-Петербургской духовной академии В.Н. Карпова, у которого «метафизическое ... является сверхчувственным, снова приводит нас к психологии» [15: с. 5]. Представителями интуитивизма в понимании происхождения метафизики можно назвать «родоначальника московской богословско-философской школы» Ф.А. Голубинского, его ученика В.Д. Кудрявцева-Платонова, а также основателя собственной философско-антропологической системы профессора Казанской духовной академии В.И. Несмелова. При этом в любом случае у представителей духовно-академической школы было вполне чёткое и ясное понимание того, что есть метафизика для философии, в чём её сущностные черты. Так, казанский профессор-теист В.А. Снегирёв писал: «Философская метафизика имеет своим предметом мир, как целое, всё сущее, бытие. Описание, представление, изображение этого целого, обнимающего все существа и все явления, – она заимствует или должна заимствовать из специальных наук о разных предметах и явлениях мира, о разных его отделах и сторонах, сводя все их несомненные результаты в одно целое, в одну, по возможности, стройную и всеобъемлющую систему. Задача её – объяснить это целое так же, как объясняют специальные науки его разные части, т.е. открыть причины и производителей целого и единства вселенной. Цель её – дать человеку научное мирозерцание, открыв, насколько возможно, внутренний смысл всего бытия и собственной жизни человека» [16: с. 141–142].

Следует также отметить, что постановка вопроса о присутствии категории Сверхсущего в метафизическом дискурсе опиралась и на нравственные и религиозные поиски русских теистов. Тот же А. Бурцев в контексте означенной проблемы замечал: «У всякого разумно-верующего человека является стремление проверить свою веру, просмотреть свои религиозные убеждения с философской точки зрения» [2: с. 6–7]. Фактор экзистенциальный и нравственный заставляет метафизику обращаться к теме Сверхсущего. Вместе с тем, как признавали православные авторы, и саму теорию нравственности невозможно построить вне философии и метафизики. Как указывал в этой связи П.И. Линицкий, «...способность к отвлечению – это такое особое свойство человеческого духа, без которого нравственность, в собственном смысле этого слова, невозможна. Обладая этой способностью отвлечения и перенесения отвлечённого на тот или иной пред-

мет, человек действует, или по крайней мере может действовать не только по влечениям своей природы, подобно другим живым существам, но также по идеям, которые он сам более или менее свободно образует» [11: с. 197]. С точки зрения православного теизма любой философ и любой человек, рассматривающий сущность бытия и мира, обращающийся к смыслу своей жизни и определяющий отношение к самому себе и другим людям не по каким-то сиюминутным влечениям воли и чувств, а по разумным основаниям, будет так или иначе в собственной дискурсивной практике допускать (пусть даже умозрительно) Сверхсущее. С этим мнением были согласны и европейские философы-идеалисты. Вместе с тем они по-разному могли понимать, что есть Сверхсущее, в чём Его предельные характеристики. Для одних (напр., Декарта) Сверхсущее есть **бесконечная субстанция**, для других (в частности, у Гегеля) – **абсолютная идея**, для третьих (Г. Ульрици и большинство немецких и французских постгегелевских теистов) Сверхсущее есть «**абсолютная сила сопротивления**» [17: с. 58]. Для православных теистов подобный разброс мнений являлся вполне ожидаемым, если учесть многогранность «встраивания» категории Сверхсущего в философский анализ бытия как такового. Как замечал философ-теист В.А. Снегирёв, «...существование разных противоречащих друг другу философских систем в настоящее время в высшей степени естественно и необходимо» [16: с. 139]. Есть элемент веры и личной убеждённости у тех, кто высказывал своё определённое мнение в данном случае. Уяснить себе, что есть Сверхсущее, конечно, не значит познать Его совершеннейшим образом: абсолютное знание о Нем, как и вообще о всяком предмете, невозможно. Кроме того, следует учитывать определённый «познавательный мистицизм» духовно-академических философов, которые, будучи продолжателями философии отцов и учителей церкви, полагали, что решение вопросов веры на основе спекулятивных понятий «может вести лишь к бесплодной схоластике и никогда не принесёт существенной пользы» [18: с. 7].

Как полагали наиболее видные православные теисты (Ф.А. Голубинский, В.Д. Кудрявцев-Платонов, А.И. Введенский и др.), мы можем говорить о Сверхсущем только применительно к нашим весьма ограниченным понятиям. Всякое познание в данном случае предполагает какое-либо косвенное или непосредственное отношение познающего субъекта к познаваемому им объекту. Против этого тезиса не может ничего сказать даже такое положение, что наши познания возникают в нас без какого-либо отношения к опыту (например, монадология Лейбница), так как здесь субъект, сознавая свои собственные состояния как внешние, становится

объектом самого себя. Православные авторы исходили из того, что без этого условия невозможно никакое знание. Отсюда следует, что мы имеем право говорить о Сверхсущем только в том случае, если между Ним и миром как целым (т.е. миром, к которому мы относимся, как часть его) имеется некая точка соприкосновения, какая-то связь.

В рамках своего «онтологического теоморфизма» православные теисты указывали на то, что познание Сверхсущего возможно для человека только в той степени, в какой мир, насколько он познаётся нами, замыкает в своих пределах заключение о присутствии Божества, имеет на себе следы присутствия Сверхсущего. Вне своего отношения к миру Сверхсущее для нас непознаваемо. Поэтому такие православные теисты, как В.Д. Кудрявцев-Платонов и П.И. Линицкий, для выяснения понятия о Сверхсущем предлагали обратиться к исследованию сущности явлений мира духовного и материального, т.е. к анализу внутренних оснований материальных и духовных явлений. В данном контексте православные философы задавались вопросом: таков ли мир в действительности, как мы познаём его с помощью наших органов чувств, или он имеет своё особое бытие, которое наше чувственное познание не может постичь? В данном случае представители духовно-академической науки могли согласиться с мыслью Канта о том, что в образовании нашего познания о внешнем мире участвуют два начала: с одной стороны, объекты, являющиеся источником раздражения органов чувств, с другой стороны, наше познающее «я», воспринимающее эти раздражения и перерабатывающее их в форму представлений, понятий, суждений и т.д. [5: с. 66, 118]. И возникает вопрос: что же в этих представлениях и понятиях принадлежит действительному бытию предметов и составляет результат исключительно нашей познавательной деятельности? Мысль о том, что на самом деле предметы не таковы, как они нам кажутся, всегда так или иначе отражалась в философской мысли. Достаточно здесь вспомнить имматериалистическую философию Григория Нисского, в которой реальными вместо материи объявлялись качества объектов. Мы не можем утверждать, что русские теисты заходили так далеко в сторону гносеологического субъективизма в своих теоретических поисках. Тем не менее в трактовке духовно-академических авторов определение величины предмета зависит не только от него самого, но также от различных прочих условий, и есть определение никак не абсолютное, а относительное.

Православные философы полагали, что подлинной субстанцией, метафизической опорой бытия может быть лишь идея Сверхсущего. При этом они старались свои суждения облечь в дискурсивно-научную форму, такова была их плата за то, что

они выходили за пределы собственно религии, смело претендуя на то, чтобы свой тезис о Сверхсущем как важнейшей субстанции попытаться превратить в научную гипотезу. Чем-то такие попытки схожи с намерениями «процесс-теистов», а также современных аналитических теистов и религиозных философов придать гипотетико-научный характер своим выводам о присутствии Божества в мире. Тем не менее в этих своих попытках наделять Сверхсущее характером субстанциальности православные теисты сталкивались с трудностью определения существа парной для данной субстанции акциденции. Преимник В.Д. Кудрявцева-Платонова на кафедре метафизики Московской духовной академии А.И. Введенский достаточно подробно представил взгляд православного теизма на природу и сущностные черты субстанции как таковой, опираясь на наследие классической европейской философской онтологии. Дело в том, что понятие субстанции принадлежит к числу так называемых парных понятий, т.е. таких, которые не могут образоваться одно без другого, каковы, например, материя и форма. Для субстанции таким парным понятием служит как раз акциденция, а в аспекте гносеологии – явление. При этом субстанция является парным понятием в двух отношениях: во-первых, по отношению к понятию явления, а во-вторых, к своим акциденциям. Согласно ученику А.И. Введенского, православному исследователю А. Бурцеву, «...никакое явление невозможно без своего субстрата, без своей субстанции, равно как и наоборот: всякая субстанция должна быть субстанцией чего-нибудь. Это есть отношение предмета и его субстанции, "вещи в себе" и явления. Но "вещь в себе" может иметь свои особые свойства. Отсюда в самой субстанции предметов можно, так сказать, различать субстанцию в строгом смысле и акциденцию. Чистая субстанция вне своих акциденций – абстракция, и мы можем мыслить её, но не можем представить» [2: с. 24–25].

Но при этом православные теисты выстраивают своеобразную иерархию субстанций и в конечном итоге признают наличие единой абсолютной субстанции как силы, являющейся высшей нормой бытия и деятельности. Они считают весьма важным вопрос о том, каким образом могут существовать конечные субстанции наряду с субстанцией бесконечной, а также вопрос о свойственных бесконечной субстанции предикатах. Путь к признанию Сверхсущего как бесконечной субстанции есть для православных теистов этап к признанию бытия Бога как высшей реальной силы. Сверхсущее должно обладать всеми теми свойствами и качествами, которые могут быть приписаны этой Абсолютной Норме бытия мира. Именно через постижение этого понятия «Абсолютной Нормы» и её отношения к миру православные теисты видели

путь к определению свойств божественной субстанции как Сверхсущего.

Идею о том, что Сверхсущее представляет собой **силу**, духовно-академические философы заимствовали у немецких постгегелевских теистов, в частности в работе «Бог и природа» упоминавшегося уже выше религиозного философа Г. Ульрици. Любую силу можно представлять не иначе, как только действующую каким-либо определённым образом. Отсюда, если Сверхсущее есть высшая Сила, то и Его образ действий должен носить определённый характер. Эта определённая, как полагали православные теисты, никак не противоречит идее неограниченности Сверхсущего, так как определённая действительность не исключает их совершенств, а только отрицает их несовершенства, и, кроме того, сама фраза «неопределённое действие» есть бессмыслица. Поэтому заявить, что Сверхсущее может действовать неопределённо, означает, что оно совсем не действует и не существует. Таким образом, абсолютность Божества предполагает в этой духовно-академической интерпретации именно постоянный, строго определённый, хотя и непостижимый для человека характер действий. В этом отношении можно даже сказать, что Сверхсущее ограничилось человеком. Например, религиозная философия утверждает, что «Бог – благ», и поэтому все Его действия направлены к благим целям. Это означает, что Бог не может творить зло, тогда как человек никак не ограничен в этом отношении. Но всё же Бог есть существо абсолютное, а человек – ограниченное. Так как Сверхсущее или Бесконечная Субстанция есть высшее единство, то и на действиях Её будет отражаться след этого абсолютного единства. Поэтому православные философы считали возможным формулировать «Абсолютный закон», непостижимый для нас, суть которого состоит в том, что бытие иерархично, и есть основополагающая субстанция в виде Сверхсущего. При этом Бог Сам даёт себе этот закон Собственного бытия и деятельности, Сам является Нормой своего бытия, что означает, что Сверхсущее есть Существо самобытное.

Таким образом, важнейшим свойством Сверхсущего является Его **самобытность**, что означает обладание всей полнотой бытия, всеми возможными совершенствами. Бесконечная субстанция по своим несовершенствам неограниченна, и потому ни в какой из других субстанций не может быть таких совершенств, каких не было бы в Субстанции Бесконечной. При этом другие субстанции, отличные от Сверхсущего, имеют определённую долю самостоятельности. Получается, что Абсолютная Субстанция не может обладать всей полнотой бытия, так как вне её существует сумма иных субстанций. Смысл таких рассуждений православных философов состоял в том, что существует многооб-

разие мира и одновременно имеется его внутреннее единство. Такая точка зрения представлялась духовно-академическими философами как альтернатива пантеизму, являвшемуся одним из основных объектов их критики. В данном случае можно указать на работы В.Д. Кудрявцева-Платонова, П.И. Линицкого, Н. Боголюбова и др. Православные теисты давали собственные определения пантеизма, в частности «**генетическое**», в рамках которого пантеизм есть «такая философская система, которая, полагая в основу индивидуального бытия общие неизменные законы, считает эти законы законами абсолютными или Божественными, в силу чего индивидуальное бытие и бытие верховной, высочайшей первопричины, или силы, приводит к одному процессу жизни, или единому существованию», и «**реальное**» определение, которое раскрывает содержание пантеистической системы самой по себе: «Пантеизм есть такая философская система, которая, полагая высшую действительность (реальность) в самом процессе бытия, или процессе мировой жизни, через разъяснение законосообразности этого процесса мировой жизни стремится понять существование индивидуумов» [1: с. 103]. Как полагали православные философы, пантеизм по-своему стремился примирить бытие конечного мира с бытием бесконечным, но делает он это не вполне удачно, так как пантеисты не понимают существо бесконечного, его развитие. Кроме того, пантеизм страдает неясностью в вопросе о происхождении всего конечного и единого бесконечного. Для духовно-академических авторов нельзя понимать, что абсолютное как бы распадается на свои составные части, разменивается на конечные вещи, все целиком переходит в конечное бытие. В этом смысле, как полагал В.Д. Кудрявцев-Платонов, абсолютная субстанция как высшее единство уже по самой своей природе никогда не может быть множеством [8: с. 279]. В понимании духовно-академических философов реальные вещи являются как бы раскрытием, обнаружением во вне божественной природы. Давая этим вещам бытие, Абсолют обнаруживает самого себя, свои свойства и совершенства. Но при этом Сверхсущее от этого «обнаружения» в конечных вещах не «истощается», не перестаёт быть Сверхсущим, существом, творящим «из ничего» мир конечных вещей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Боголюбов, Н.* Основной вопрос о мировой жизни и сущность пантеизма / Н. Боголюбов // Вера и разум. – 1900. – № 2. – С. 79–106.
2. *Бурцев, А.* Субстанциальность Божества / А. Бурцев. – Москва, 1902 // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. – Ф. 172. – Карт. 194. – Е.х. 12. – 155 с.
3. *Высокоостровский, А.П.* О праве духовных академий присуждать учёные степени по философским наукам /

А.П. Высокоостровский // Христианское чтение. – 1906. – № 5. – С. 748–777.

4. *Гогоцкий, С.С.* Философский лексикон / С.С. Гогоцкий. – Киев, 1886. – Т. 3.

5. *Кант, И.* Критика чистого разума / И. Кант. – Москва : Мысль. – 591 с.

6. *Каринский, М.И.* Критический обзор последнего периода германской философии / М.И. Каринский // Христианское чтение. – 1873. – № 1. – С. 70–132.

7. *Кудрявцев-Платонов, В.Д.* Сочинения / В.Д. Кудрявцев-Платонов. – Москва, 1892. – Т. 1. – Вып. 1.

8. *Кудрявцев-Платонов, В.Д.* Сочинения / В.Д. Кудрявцев-Платонов. – Москва, 1892. – Т. 3. – Вып. 1.

9. *Кудрявцев, П.* Профессор Петр Иванович Лينيцкий / П. Кудрявцев // Труды Киевской духовной академии. – 1906. – № 7-8. – С. 739–740.

10. *Кудрявцев, П.* Отзыв на сочинение студента Киевской духовной академии Владимира Образцова на тему «Вопрос о постановке доказательств бытия Божия в русской богословско-философской литературе». Извлечение из журналов Совета Императорской Киевской духовной академии за 1913–1914 учебный год / П. Кудрявцев // Труды Киевской духовной академии. – 1915. – № 4. – С. 505–508.

11. *Линицкий, П.И.* Как далеко может и должно простираться влияние религии? / П.И. Лينيцкий // Вера и разум. – 1890. – № 17. – С. 177–205.

12. *Линицкий, П.И.* О необходимости метафизики / П.И. Лينيцкий // Вера и разум. – 1897. – № 1. – С. 3–16.

13. *Линицкий, П.И.* О необходимости метафизики / П.И. Лينيцкий // Вера и разум. – 1897. – № 6. – С. 231–244.

14. *Микешина, Л.А.* Эпистемология в России: её становление в контексте гуманитарных и социальных наук / Л.А. Микешина // Эпистемология и философия науки. – 2019. – № 1. – С. 8–19.

15. Рецензия на «Введение в философию» В.Н. Карпова // Отечественные записки. – 1840. – № 7.

16. *Снегирёв, В.А.* Метафизика и философия / В.А. Снегирёв // Вера и разум. – 1890. – № 16.

17. *Ульрици, Г.* Бог и природа / Г. Ульрици. – Москва, 1862.

18. *Успенский, П.* Об отношении веры к знанию / П. Успенский. – Москва, 1900 // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. – Ф. 172. – Карт. 422. – Е.х. 4. – 265 с.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-121-126

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФЕНОМЕНА КУЛЬТУРЫ ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИЕЙ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ПРАКТИК НА ЦЕРКОВНОЕ СОЗНАНИЕ

Н.В. Новикова

В статье представлен анализ значения культуры как фактора духовной жизни в русской духовно-академической философии XIX – начала XX в. Обосновывается тезис о том, что в центре концепции культурного развития в православном философском теизме оказывается идея творческого потенциала человека. Вместе с тем показано, что русские теисты считали угрозой культурному творчеству механистическое и бездушное использование достижений цивилизации, что связано с имитацией культурных практик.

Ключевые слова: духовно-академическая философия, культура, творческий потенциал человека, религиозность, духовно-религиозные практики, культурно-исторический процесс.

INTERPRETATION OF THE CULTURE PHENOMENON OF SPIRITUALLY AND ACADEMIC PHILOSOPHY IN THE MID-XIX AND EARLY XX CENTURIES IN THE CONTEXT OF THE HUMANITARIAN PRACTICE IMPACT ON CHURCH CONSCIOUSNESS

N.V. Novikova

The article analyzes the significance of culture as a factor of spiritual life in the Russian spiritual and academic philosophy of the XIX – early XX centuries. The article substantiates the thesis that the concept of cultural development in Orthodox philosophical theism is centered on the idea of human creative potential. At the same time, it is shown that Russian theists considered the threat to cultural creativity to be the mechanistic and soulless use of the achievements of civilization, which is associated with the imitation of cultural practices.

Key words: spiritual and academic philosophy, culture, human creativity, religiosity, spiritual and religious practices, cultural and historical process.

Духовно-академическая наука сер. XIX – нач. XX в. столкнулась с фактом ослабления роли и места религии, религиозного фактора как такового. Это ослабление во многом было обусловлено резким усилением влияния научного мировоззрения, расширением влияния на умы образованного класса идей позитивизма и материализма. Естественно-научный стиль мышления того времени, по словам известного немецкого философа-религиоведа, учителя Макса Шелера в Йенском университете Рудольфа Эйкена, «не признаёт в нашей действительности проникающих до самой глубины противоречий и верит, что проблемы, всё время выплывающие в ней, можно разрешить не выходя из области нашей человеческой жизни. Этот имманентный образ мышления просто несовместим с религией, подобной христианству... Всё это питается и поддерживается чувством самонадеянности, свойственным времени, и действительно довольно опасно для ре-

лигии; но колеблет её не само по себе, не непосредственно, а в связи с социальными движениями и перетасовками нашего века» [20: с. 64]. Подобная ситуация вела религиозные конфессии Европы к глубочайшему кризису и потере доверия со стороны многих граждан, чему способствовало и то, что появившиеся в XIX в. новые социальные движения обвиняли религию в том, что она служит интересам господствующих классов. В этой связи Р. Эйкен сетовал, что в этих широких слоях общества «легко возникает мнение, что религия представляет интерес не всего человечества, а только отдельных привилегированных классов. Они не знают о тех могучих всемирно-исторических движениях и потрясениях, которые вызвали некогда всепобеждающее страстное стремление к религии во всех классах человечества; затем, чем больше возрастает в этих слоях чувство силы, чем отчётливее ставят они свои собственные цели, – тем более склоняются

Новикова Наталья Валерьевна – аспирант кафедры философии, социологии и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Novikova Natalya Valeryevna – Postgraduate student of the Department of Philosophy, Sociology and Law at the Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: natashylya19@bk.ru

© Новикова Н.В., 2020

к такому непосредственному утверждению жизни, которому религия прямо противоречит. Неудивительно, что в них преобладает отрицание и что религия кажется этому течению жизни простым пережитком прошлых, отживших уже времён» [20: с. 65].

Применительно к России эти высказывания немецкого профессора тоже были вполне актуальны. Православная общественность высказывала тревогу и обеспокоенность по этому поводу, и духовно-академические авторы в этом отношении не были исключением. В православной академической литературе активно обсуждался вопрос о том, как Русской Церкви быть ближе к народу, понимать его острые нужды и потребности, вернуть во многом утраченное доверие со стороны общества, как повысить значение религии в жизни как общества в целом, так и его отдельных представителей. Особенно настоятельно эту тему поднимали представители разных духовных академий М.М. Тареев, С.С. Глаголев, А.П. Высокоостровский, П.А. Флоренский, П. Светлов и др. Речь шла о создании «нового консерватизма», в котором учитывалась бы социальная проблематика, религиозность и традиционализм соединялись с удовлетворением «чаяний простого человека». Впоследствии, уже после Октябрьской революции, в нашей стране эта задача ставилась и рядом идейных течений русской эмиграции, в частности С.Н. Булгаковым и некоторыми евразийцами (Н.Н. Алексеев, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой) (см.: [13: с. 54–68]). Православные философы ставили задачу укрепления основ традиционной культуры в России, причём подходили к этому вопросу весьма творчески и разносторонне, стремясь обрисовать как в общих чертах, так и иногда в деталях черты возможного синтеза православного сознания и культуры в условиях неизбежной модернизации. Например, когда речь шла о культуре хозяйствования, то православные авторы большое внимание уделяли теме воспитания эффективного хозяина, субъекта экономической деятельности. Для них важным являлось «человеческое измерение» экономики. Подобное мнение выражал и будущий православный священник и поклонник «софиологии» С.Н. Булгаков, который в сентябре 1912 г. в ходе диспута по случаю защиты своей докторской диссертации «Философия хозяйства» выступил с обоснованием тезиса о том, что в центре экономической теории неизбежно оказывается антропология – «учение о человеке в природе», и что «на её фронте написано изречение дельфийского оракула – "познай самого себя", познай себя в мире и в себе познай вселенную» [4: с. 305].

Культура как выражение творческого потенциала человека являлась объектом пристального внимания православных теистов. В данном контексте можно привести ссылку на кандидатское сочине-

ние православного исследователя из Санкт-Петербургской духовной академии И.Л. Рея: «Помимо религии, как опытно данное, существовали и существуют право, наука, искусство, литература и т.п. Все эти продукты единоличной и коллективной человеческой мысли и человеческого гения, каждая имея определённые, ей только свойственные функции, каждая обслуживая только одну определённую область человеческих интересов, в своей совокупности создают нечто целое, определённое понятие *культуры*» [15: с. 36]. При этом русские философы-теисты исходили из того, что существует самая тесная связь культурной деятельности и «внутренней религиозности» субъекта, поэтому, по их мнению, высшее выражение культурного интереса имеет религиозный характер, определено теми способностями человека, которые имеют трансцендентальный характер. В качестве примера текстов православных авторов, в которых затрагивался вопрос о культуре и её смысловом содержании, можно привести кандидатские сочинения того же И.Л. Рея «Церковь и культура», Н.И. Колосова «Об отношении христианства к культуре» [8] и др. Так, петербургский автор И.Л. Рей отмечает: «Вне приобщения к культуре, хотя бы относительного и незначительного, человек перестаёт быть человеком и теряет право на человеческое достоинство. Рассматриваемая с этой стороны и с этой точки зрения, культура заслуживает лишь одного ... благоговейного отношения к себе, как к лучшему достоянию и лучшему приобретению человечества», и поэтому «культура в таком случае всё равно отрицается быть не может» [15: с. 37–38]. В подобной интерпретации культура выступает важнейшей ценностью для каждого из людей, формирует как индивидуальное, так и общественное сознание. При этом вовсе не отрицается использование рационально-творческого потенциала культуры. Исследователь С.В. Пишун замечает по данному поводу: «XIX век ознаменовал торжество "проекта Просвещения". Большая часть интеллектуалов – философов, теологов, политиков и др. – уповали на окончательную победу разума, полагали возможным существование культуры, основанной на разумных началах. Не являлись исключением и православные философы, профессора высших духовных учебных заведений России, многие из которых, по сути, склонялись к философскому рационализму. Вместе с тем, они считали необходимым последовательный синтез веры и разума, "оцерковление" последнего» [14: с. 34].

Для православных философов из духовных академий сверхзадачей общества признавалось сохранение творческого потенциала культуры, которому, как они считали, угрожают формализм, механистичность и даже широкое внедрение машинного производства. Киевский профессор-теист П.И. Ли-

ницкий достаточно определённо писал по этому поводу, в том смысле, что «господство в настоящее время производства машинным способом, вместо бывшего прежде ручного труда, оказывает такое подавляющее действие на жизнь, что аккуратность, исправность и машинообразная точность во всё сделались главными требованиями; поэтому, можно сказать, что мы не живём, а как бы несём на себе бремя жизни» [10: с. 178]. Следует признать, что этот православный автор весьма точно уловил тенденцию подмены реального творчества в сфере культуры бездушными по сути «имитационными» практиками, выхолащивающими то важное и значимое, что имеется в настоящем культурном продукте, созданном мастером-творцом, художником.

Православным теистам было важно продемонстрировать, что культурный потенциал человека найдёт своё наиболее полное применение лишь при постановке человеком творческим религиозных задач. Кроме того, русские теисты полагали, что сама современность, сам контекст заставляет искать новые подходы к проблеме изучения взаимосвязи культуры и религии, равно как и исследовать сущность культурного творчества и культурной деятельности. Кризис классического рационализма и гуманизма способствовал разработке новых моделей, рассматривающих человека «сквозь призму» культуры и религии, для выражения специфики его телесного, психического, интеллектуального и духовного бытия. Православные авторы предприняли реальную попытку создания религиозно-философской модели культуры. Но само существование культуры в её многообразии было для них абсолютно необходимым, в силу того, что «всё лучшее в человечестве много веков уже трудится над исправлением человеческой жизни, которую людская злоба и новшество сделали адом, знание культуры объединило и объединяет тысячи и миллионы людей, отдающих себя на служение человечеству вне церкви, многое сделано уже для этого исправления» [15: с. 41–42]. Отечественные представители духовно-академической науки предложили собственное понимание феномена человеческого, которое следует вновь осмыслить в свете современного «антропологического поворота». Они полагали, что церковь неизбежно будет «соприкасаться со всеми вне-религиозными проявлениями человеческого духа и мирской внецерковной человеческой истории» [15: с. 36]. При этом значение культуры трудно недооценить – она поддерживает человеческое в человеке, позволяет нам осознать свой творческий потенциал и свою уникальность. В данном контексте православные теисты отвергали материалистический взгляд на сущность культуры как таковой, указывая, что «экономический или исторический материализм прямо выставляет в каче-

стве принципа то положение, что в истории наиболее важен и заслуживает преимущественного изучения материальный прогресс, что в этом сущность культуры» [10: с. 176]. Для них закон развития духовной и культурной жизни является специфическим и вполне самостоятельным феноменом, его невозможно редуцировать к каким-то материальным субстанциям или чисто экономически обусловленным интересам. Личность есть постоянная величина, как отмечал киевский философ-теист П.И. Линицкий, «...духовно человек, при всех переменах, остаётся всё тем же. Материальные условия жизни, обстановка, – теперь совсем иные, чем прежде; но в умственной сфере древние нам столь же близки, как и современники наши» [10: с. 176]. В этом смысле внутренний, душевный мир человека не может быть, как полагали представители православного академического теизма, поставлен в зависимость от телесных, материальных начал. Здесь можно привести фрагмент текста преосвящ. Амвросия «О внутреннем опыте», опубликованного в периодическом издании Санкт-Петербургской духовной академии «Церковный вестник»: «Как бы мы ни назвали нашу душу, как бы ни объясняли её природу и строение, внутренняя жизнь её, по свидетельству того же самого опыта, всегда будет оказываться особой, отличной, и высшей жизни телесной. Самым очевидным доказательством этому служит свободное движение жизни душевной по высшим требованиям ума и совести, вопреки телесным ощущениям... Это учение о внутреннем опыте души в естественном её состоянии собственно принадлежит философии...» [1: с. 1]. То же самое писал и другой православный автор Н. Миролюбов в журнале «Вера и разум»: «В самом существе человека, как образа Божия, уже заложены стремления к истине, добру и счастью» [11: с. 749].

Православные авторы не могли принять и просвещенческую позицию в области философской рефлексии творчества, заключавшуюся в том, что оно стало пониматься как «производство» или «делание» «полезного продукта». Подобная трактовка, получившая в современной теории творчества парадигмальное значение, неизбежно привела к глубокому и системному кризису не только самого толкования творчества, но и к кризису тех сфер философского знания, которые были с ним тесно связаны. Православно-теистическая концепция культуры была призвана преодолеть односторонности прагматизма и позитивизма в области интерпретации культуры. Русские философы из духовных академий обосновывали истолкование творчества как исходной реальности духовной жизни человека и бытия в целом. В этой связи уже неоднократно упоминавшийся нами отечественный философ-теист И.Л. Рей отмечает: «Вечная устремлённость человека к раз-

решению вопросов, существенно необходимых для определения существа его "я", для определения места его в общей системе мироздания и для уяснения смысла и цели самого его бытия, с одной стороны; вечная неудовлетворённость человека налично данным и тоска его по идеалу, с другой, и, наконец, естественное стремление человека к такому устройству своей жизни, при котором наилучшим образом удовлетворялись бы все его *жизненные*, материальные и духовные, интересы и создавались бы условия, наиболее благоприятные для действительного, фактического разрешения и удовлетворения этих интересов и вопросов – всё это, становясь областью интересов культуры, ставит её в такое положение, при котором культура вырисовывается, как самое дорогое, естественное и благородное приобретение человечества» [15: с. 37].

Кроме того, следует учесть тот факт, что разработка православными философами собственного проекта интерпретации культуры была связана с концепцией духовно-религиозных практик как фундирующего начала демонстрации человеком своих возможностей. Понимание этой духовно-религиозной деятельности как особой области определения верующим человеком порядка бытия и иерархии ценностей способствует осознанию места культуры (в её философско-теистической трактовке). В этой модели культуры отражались и интеллектуально-духовные поиски ещё отцов и учителей церкви, равно как православные теисты воспользовались и сочинениями философов эпохи Средневековья, Возрождения и Нового времени. Например, весьма плодотворным в данном контексте являются работы православных теистов из Киевской духовной академии Александра Когодовского «Христианство и культура по взгляду церковных писателей (по IV век включительно)» [7] и Фёдора Васильевича Ковальского [6]. Православные теисты считали важным показать значимость фактора свободы творчества в её христианском понимании. Кроме того, они стремились представить такую трактовку культурной деятельности, согласно которой образование, мифология, мораль, религия, искусство выступают в синтезе всех своих уровней и форм, но при этом определяющим остаются религиозные начала человеческой деятельности, в конечном итоге задающие смысл и характер всей культуре как таковой. В этом аккумуляровании общечеловеческого опыта постижения высших трансцендентальных сущностей сохраняются и развиваются человеческие идеалы. Проблема идеалов как имеющих существенное значение в интерпретации культуры была, в частности, осмыслена в кандидатском сочинении 1907 г. ещё одного выпускника Киевской духовной академии Новгородского Василия Тимофеевича (будущего епископа

Соликамского Варлаама) «Идеалы, их происхождение, существенное содержание и способы осуществления (опыт философско-психологического исследования)» [19]. При этом православно-теистическая концепция творчества давала позитивный смысл для человеческой жизни, т.е. для неё характерен этический и аксиологический оптимизм. В этом смысле показательны работы православных исследователей Константина Васильевича Левитского «Критический разбор пессимизма – философского с христианской точки зрения» [9], Александра Петрова «Христианство и оптимизм в учении о цели и смысле жизни» [12].

Большинство православных философов из духовных академий отвергали противопоставление культуры и аскетики. Тот же И.Л. Рей указывал, что «религия и культура по своим задачам или, по крайней мере, по тем запросам человеческого духа, коим они ставят своим разрешением, имеют так много общего между собою, что отрицание или игнорирование последней со стороны первой и по существу дела является неправильным». И.Л. Рей аргументирует свою позицию тем, что, по его мнению, культура чрезвычайно широка по содержанию и многогранна по проявлениям, чтобы, «даже отрицая её, не считаться с тем, что ею пронизана вся область человеческой жизни, что сама религиозная жизнь нередко прибегает и должна прибегать к её услугам и пользоваться её различными приобретениями, начиная от высоких понятий философии и кончая шлифовкой камней для земных храмов» [15: с. 40]. Также представители духовно-академической науки отвергали и идею «опрошения» культуры Ж.-Ж. Руссо и Л.Н. Толстого, считая, что, по сути, она повторяет идею отрицания культуры как таковой [15: с. 41–42]. Впрочем, уже среди русских эмигрантов в пореволюционную эпоху также были сторонники идеи «обмирщения» церкви, вроде о. Василия (Родзянко), ставшего впоследствии епископом Православной церкви в Америке, поддержавшего в своё время англиканского епископа Джона Робинсона, который в книге «Быть честным перед Богом» призывал как раз церковь к «опрошению» [16: с. 74–77]. Но такого рода концепции не вызвали какой-либо поддержки в духовно-академической литературе. Для православных философов-теистов концепция культуры и культурно-исторического процесса самым тесным образом связывалась с идеей постепенного и последовательного личностного совершенства. В одном из исследований в Санкт-Петербургской духовной академии под характерным названием «Библейское учение о Царстве Божиим и проблема культуры» мы можем прочесть следующее: «Культурно-исторический процесс подготавливает необходимые условия для восприятия в себя божественных христианских начал. Как для суще-

ства Абсолютного немислимо преуспевать в добре и совершенстве, так для человека, наоборот, немислимо получить совершенство одним разом, без процесса совершенствования. Всё историческое развитие – и не только человечества, но и физического мира – есть необходимый путь к совершенству» [3: с. 190]. В данном контексте православные теисты признавали жизненную важность культурных и мировоззренческих изменений для развития, совершенствования человека. Динамика культурного творчества и даже «переоценки ценностей» расширяет кругозор личности. Духовно-академические авторы прямо указывают, что «постоянная смена мировоззрений, показывая с одной стороны неудовлетворимость человеческого духа творчеством своего гения, не является всё же круговращением, процессом бесполезным для развития человечества... Новые веяния каждой эпохи – не пустые затраты энергии человеческого духа, не бесполезная работа человеческого ума. Во всяком возникающем мировоззрении всегда бывают новые крупницы истины, новые наблюдения и обобщения» [3: с. 5]. Отечественные философы-теисты вовсе не выглядят «консерваторами» в области культуры, признают потребности, связанные с культурной деятельностью, творением новых культурных продуктов. Вместе с тем культурная активность должна быть связана с процессом личного совершенствования, реализации в себе духовного и нравственного потенциала. Само христианство являет собой пример яркой культурной деятельности в разных её аспектах, в лице многих талантливых деятелей литературы, искусства, архитектуры и т.д. Но, делая такие выводы, некоторые представители духовно-академической философии стремились резко разграничить область культуры и религии, выдвигая претензии к некоторым русским философам-идеалистам в том, что они смешивают эти два явления духовной жизни. В этом смысле показательна критика концепции культурно-исторического прогресса как эволюции идеи Царства Божия выдающегося отечественного философа В.С. Соловьёва со стороны профессора Московской духовной академии М.М. Тареева. Впрочем, сразу следует оговориться, что не все духовно-академические авторы были солидарны с резко критической позицией Тареева.

По Соловьёву, культурный и исторический процесс вырабатывает реальные условия, при которых «Царство Божие» как социальный и нравственный проект может стать общим достоянием всех людей, более того, без культуры и истории оно и не может осуществиться. «Христианский гуманизм» предполагает у В. Соловьёва наличие гуманистической культуры, которая должна распространиться на другие народы. Как писал В.С. Соловьёв, «...мы не противопологаем гуманного просвещения религи-

озной вере, но полагаем, что такое просвещение необходимо и для самой веры. Ближайшая цель исторического процесса есть полное развитие гуманной культуры, которая составляет необходимый элемент и самого христианства, как религии богочеловеческой...» [17: с. 349–350]. Культура оказывается одним из важнейших способов осуществления миссии христианства. Подобное сочетание «культур-гуманизма» и религии оказалось в поле зрения М.М. Тареева, который в 1908 г. опубликовал в «Христианском чтении» статью «Религиозный синтез в философии В.С. Соловьёва». Он считал, что замысел культурного творчества и базовые цели христианства Соловьёв примирил лишь потому, что неоправданно смешал религиозно-христианское начало и культурное, не разграничил разнородные по своему существу сферы жизни религиозно-христианской и культурно-гуманистической [18: с. 73]. Основы идеала «Царства Божия» у Соловьёва, полагает Тареев, построены якобы не на церковно-евангельских началах, а на принципах философско-гуманистических. Тареев при этом признаёт мастерство Соловьёва-метафизика, способного строить отвлечённые концепции, пронизанные духом философской фантазии. Но всё это построения, по мнению московского профессора-теиста, ничтожные в религиозном смысле и отражающие лишь околязыгские и философско-гностические установки автора «Оправдания добра». Более того, М.М. Тареев считает концепцию «Царства Божия» В.С. Соловьёва ближе по своему духу философскому учению позитивиста О. Конта, чем к Евангелию. Такой категорический взгляд М.М. Тареева вызвал возражения даже среди представителей духовно-академической науки. В частности, один из православных авторов заявляет о «крайностях» Тареева, о том, что последний «совершенно неправилен в суждениях о христианских чувствах» Соловьёва [3: с. 231]. Он по существу защищает взгляд знаменитого русского идеалиста на возможность соединения религии и культуры, заявляя следующее: «Примирение Соловьёвым пути культурного творчества с задачами христианства нельзя отнести на счёт смешения начал христианского и культурного. Культурная жизнь, как стихия ограниченного творчества, на конце своего прямого и правильного пути приводит к жизни христианства. Исчерпав её до конца – что принудительно необходимо, как выяснилось, для честного, идеального культурного работника и вполне естественно для культурного гения, человек войдёт в стихию абсолютного творчества, – бесконечно-совершенной жизни, – придёт в христианство» [3: с. 232].

Кроме того, православные философы-теисты из духовных академий отмечали существенную роль и значение эстетической культуры в развитии культуры как таковой. Им удалось вполне успешно

адаптировать сам данный термин «эстетика» (который появился в научно-философской литературе лишь во второй половине XVIII в. в работах немецкого философа-просветителя А. Баумгартена) к реалиям православно-ориентированной культуры. Более подробно этот вопрос разбирается в кандидатской диссертации А.Э. Барсеговой «Метафизические основания феномена эстетического в духовно-академическом теизме XIX – начала XX в.», которая была защищена в 2011 г. [2]. Также отметим кандидатское сочинение православного исследователя Александра Климентьевича Гладкого «Эстетическая культура в её отношении к нравственному развитию личности и общества», вышедшее ещё в 1908 г., в котором как раз показано место феномена прекрасного и эстетических категорий в жизни человека [5]. Феномен эстетического как присущего реальному миру был ими связан в первую очередь с естественной красотой как образцом и свидетельством высшего совершенства Божьего творения, а также с полнотой и цельностью образа. Всё это, разумеется, соединялось с нравственным началом, придававшим красоте высшую целесообразность, делавшую её источником вдохновения. Природное начало, заключающее в себе все образцы красоты, являющиеся даром Божиим, обладает внутренней целесообразностью и тем самым получает подлинно высший смысл существования.

В определённом смысле продолжение духовно-академической трактовки культурных и политических институтов мы находим в евразийской, в основном «этатистской», социальной философии, которая также развивала некоторые святоотеческие и византийские взгляды на политику и культуру, формулируя «концепцию правоотношений» и «государства-правды». Вместе с тем духовно-академические авторы не могли перейти определённые «красные линии», их философско-публицистическая деятельность достаточно жёстко контролировалась и социально-политические пожелания и рекомендации отдельных православных авторов должны были встретить положительную или, во всяком случае, нейтральную оценку цензоров и коллег из профессорской корпорации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амвросий, еписк.* О внутреннем опыте / еписк. Амвросий // Церковный вестник. – 1880. – № 20.
2. *Барсегова, А.Э.* Метафизические основания феномена эстетического в духовно-академическом теизме XIX – нача-

ла XX в. : дис. ... канд. филос. наук / А.Э. Барсегова. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2011.

3. Библейское учение о Царстве Божиим и проблема культуры // Отдел рукописи Российской Национальной библиотеки. – Ф. 573. – Оп. 2. – Е.х. 272.

4. *Булгаков, С.Н.* Сочинения. Т. 1 / С.Н. Булгаков. – Москва, 1993.

5. *Гладкий, А.К.* Эстетическая культура в её отношении к нравственному развитию личности и общества / А.К. Гладкий. – Киев, 1908 // Институт рукописей Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского (далее ИР НБУВ. – прим. Н.Н.). – Ф. 304. – Д. 1997. – 448 с.

6. *Ковальский, Ф.В.* К вопросу об отношении веры к знанию: учение Спинозы об отношении между религией и философией / Ф.В. Ковальский. – Киев, 1904 // ИР НБУВ. – Ф. 304. – Д. 1814. – 243 с.

7. *Когодовский, А.* Христианство и культура по взгляду церковных писателей (по IV век включительно) / А. Когодовский. – Киев, 1911 // ИР НБУВ. – Ф. 304. – Д. 2152. – 495 с.

8. *Колосов, Н.И.* Об отношении христианства к культуре / Н.И. Колосов. – Киев, 1907 // ИР НБУВ. – Ф. 304. – Д. 1951. – 395 с.

9. *Левитский, К.В.* Критический разбор пессимизма – философского с христианской точки зрения / К.В. Левитский. – Киев, 1885 // ИР НБУВ. – Ф. 304. – Д. 954. – 134 с.

10. *Линицкий, П.И.* Философские и социологические этюды / П.И. Линицкий. – Киев, 1907. – 236 с.

11. *Миролюбов, Н.* Конечная цель человеческой жизни по христианскому учению / Н. Миролюбов // Вера и разум. – 1899. – № 23. – С. 744–754.

12. *Петров, А.* Христианство и оптимизм в учении о цели и смысле жизни / А. Петров. – Киев, 1906 // ИР НБУВ. – Ф. 304. – Д. 1909. – 408 с.

13. *Пишун, В.К.* Политическая философия евразийства / В.К. Пишун. – Москва : ВЛАДОС, 2003. – 124 с.

14. *Пишун, С.В.* Содержание и смысл философского знания в интерпретации представителей киевской школы духовно-академического теизма середины XIX в. / В.К. Пишун // Гуманитарные исследования: Альманах. Вып. 7. – Уссурийск : Изд-во УГПИ, 2004. – 352 с.

15. *Рей, И.Л.* Церковь и культура / И.Л. Рей. – Санкт-Петербург, 1916 // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. – Ф. 277. – Оп. 1.

16. *Робинсон, Д.* Быть честным перед Богом / Д. Робинсон. – Москва : Высшая школа, 1993. – 159 с.

17. *Соловьёв, В.С.* Полное собрание сочинений / В.С. Соловьёв. – Санкт-Петербург, 1911. – Т. 5. – С. 349–350.

18. *Тареев, М.М.* Религиозный синтез в философии В.С. Соловьёва / М.М. Тареев // Христианское чтение. – 1908. – № 1.

19. *Тимофеевич, В.* Идеалы, их происхождение, существенное содержание и способы осуществления (опыт философско-психологического исследования) / В. Тимофеевич. – Киев, 1907 // ИР НБУВ. – Ф. 304. – Д. 1944. – 372 с.

20. *Эйкен, Р.* Основные проблемы современной философии религии / Р. Эйкен. – Санкт-Петербург, 1909.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-127-132

КОНЦЕПЦИЯ НРАВСТВЕННОЙ СВОБОДЫ ВОЛИ: ВКЛАД РУССКОГО ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕИЗМА В ДИАЛОГ КОГНИТИВНЫХ ПРАКТИК

Е.Е. Моисеенко

В статье анализируется понимание представителями русской духовно-академической философии середины XIX – начала XX в. феномена свободы воли. Автор показывает, что православные теисты разделяли свободу на физическую, психологическую и нравственную, а также указывали на наличие трёх её состояний, признавая соответственно свободу формальную, реальную и идеальную. Особый акцент в статье делается на нравственном аспекте проблемы свободы воли.

Ключевые слова: православный теизм, свобода воли, нравственная свобода, умеренный индетерминизм.

THE CONCEPT OF MORAL FREEDOM OF WILL: THE CONTRIBUTION OF RUSSIAN SPIRITUAL AND ACADEMIC THEISM TO THE DIALOGUE OF COGNITIVE PRACTICES

Е.Е. Moiseenko

The article analyzes the understanding of representatives of Russian spiritual and academic philosophy of the mid XIX – early XX centuries the phenomenon of free will. The author shows that the orthodox theists shared freedom on the physical, psychological and moral, but also pointed to the presence of three of its states, recognizing the formal freedom, respectively, the real and the ideal. Particular emphasis in the article is on the moral aspect of the problem of free will.

Key words: orthodox theism, free will, moral liberty, moderate indeterminism.

Опыт философствования в современную эпоху предполагает учёт особенностей культурно-гуманитарной среды, что, в свою очередь, вновь делает актуальным вопрос о метафизическом осмыслении роли и места человека в истории, сохранении нравственного потенциала человеческого существования. Следует отметить, что в истории философии мы встречаем примеры глубокого и основательного понимания примера взаимодействия людей друг с другом. Исследование этических аспектов такого взаимодействия часто предполагает обращение и к анализу личностных когнитивных практик, обозначению их сходства и различия с целью выстраивания более цельной и системной модели моральной метафизики, соединённой по существу с когнитивной философией. Примером такого рода построений являлись исследовательские поиски ряда представителей русской духовно-академической философии XIX в., намеревавшихся соединить в одно целое этику и гносеологию, антропологию и метафизику. В центре внимания православных теистов находилось решение важнейшей этической проблемы – обоснования и определения возможных

границ свободы воли. Из комплекса вопросов, связанных с рассмотрением феномена свободы человеческой воли, православные теисты выделяли нравственную свободу воли, являвшуюся, в их интерпретации, одним из существеннейших элементов нравственности как таковой. Но любой серьёзный разбор феномена нравственной свободы воли невозможен без изучения когнитивных аспектов личностного существования. В то же время без обоснования факта существования нравственной свободы воли невозможно рассматривать нравственность вообще. Получается, что анализ нравственности обязательно предполагает исследование когнитивных практик как основы свободы воли как таковой. Этот тезис не вызывал возражений практически у всех православных теистов. В данном контексте совершенно справедливыми являются слова историков отечественной мысли Б.В. Емельянова и Т.А. Муравицкой о том, что проблема свободы человека является «традиционной для русской философии» [1: с. 98].

Следует отметить, что православные теисты глубоко разбирались в вопросе о нравственной

Моисеенко Евгений Евгеньевич – аспирант кафедры философии и социально-гуманитарного образования Дальневосточного федерального университета (Владивосток).

Moiseenko Evgeniy Evgenievich – Postgraduate student of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Education at Far Eastern Federal University (Vladivostok).

E-mail: moiseenko-16@mail.ru

© Моисеенко Е.Е., 2020

свободе воли. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть существо нравственной свободы воли в истолковании православных философов-теистов. Как они полагали, человеческую свободу можно рассматривать с нескольких сторон, а именно с физической, психологической и нравственной. Под физической свободой они понимали «отсутствие внешнего, со стороны внешней природы и людей, препятствия к каким-либо внешним же действиям» [2: с. 21]. Такого рода свобода принимается во внимание, когда указывают на возможность свободно распоряжаться своей собственностью, без опасений высказывать свои взгляды, вступать в гражданско-правовые отношения и т.п. Физическая свобода имеет ограниченное значение, потому что, как пишет православный исследователь П. Каменский, «подчинена всем условиям и законам физического существования» [2: с. 21] и по этой причине может быть «подавлена», «ограничена» как различными феноменами неодушевленной или одушевленной природы, так и другими людьми.

Православные теисты также выделяли феномен психологической свободы как свободы «независимости воли человеческой ни от чьей другой воли, кроме законов своей душевной природы, по которым человек может совершать, особенно внутри себя, всё, что только имеет способность делать и воздерживаться от всякой деятельности, которую бы мог сделать» [2: с. 22]. Из этого определения данной разновидности свободы следует, что в своей психологической деятельности человек осознаёт свои внутренние влечения и действия как именно свои, не зависящие ни от какой посторонней силы: ни от физической природы, ни от желания и стремления других людей. Стало быть, психологическая свобода имеет менее ограниченные свойства, но лишь сравнительно с физической свободой. Православные теисты полагали, что психологическая свобода всё же не есть ещё свобода в её настоящем значении, так как человек остаётся здесь зависим прежде всего от особенностей своей психофизиологической организации, нервной системы, от потребностей физической природы, которые, как считал выдающийся православный философ-моралист И.Л. Янышев, «движут наше существо с роковой необходимостью» [14: с. 130], предопределяя человеческие желания и поступки.

Нравственная свобода, по мысли православных авторов, и есть высшая разновидность свободы как таковой, и «это есть ни от кого не зависящая сила или энергия, сливающаяся с нашим самосознанием и направляющая выбор человека в отношении к добру или злу» [15: с. 165]. Нравственная свобода в интерпретации православных авторов имеет своим источником Совершенное Существо, Сверхсущее. Именно нравственной свободе уделяется основное

внимание в моральной метафизике духовно-академического теизма. В истолковании его представителей нравственная свобода в отличие от психологической есть исключительно прерогатива человека, выделяющая его из всего органического мира. Только благодаря ей человек есть нравственное и онтологически ответственное существо, образ и подобие Божие. Как писал по данному вопросу известный православный философ П.Д. Юркевич, «Бог возлюбил нас первее (1 Ин. 4,19) и этим влиянием любви, даровавшей нам существование в необыкновенной форме духа богоподобного ... не подходящее под общее понятие твари, соделал наш дух способным не к простому физическому или тварному возрастанию и укреплению в силах, но и к свободному подвигу правды и любви, и к торжеству над тварными влечениями чувственности и самолюбия; в этом лежит последнее условие нравственной свободы человека [13: с. 95]. Именно любовь Бога, в понимании православного автора-теиста, дарит нам способность к постижению истины, красоты и добра и делает возможным существование нравственной свободы личности [1: с. 98].

Необходимо подчеркнуть, что, наделяя человека нравственной свободой, указывая на неё как на ключевую качественную характеристику нашего «Я», духовно-академические авторы расценивали существование свободы в человеке как неоспоримый факт, который не требует каких-то подробных доказательств. Как указывал православный исследователь Н. Краснов, «...свобода для человека не вопрос, а досознательное коренное убеждение, ничем не опровергаемое и ни в чём для своего доказательства или для утверждения права существования не нуждающееся» [3: л. 55]. Таким образом, философы из православных высших учебных заведений высказывали точку зрения о том, что человек верит в свою свободу, как верит в видимый им внешний мир, и без этой веры он не может реально действовать. Получается, что русские теисты признавали нравственную свободу как реально существующий психологический феномен. При этом, обладая «реальностью психологической», нравственная свобода не может быть выявлена и исследована в человеке с помощью рационалистической дискурсивности или с помощью чего-то внешнего по отношению к нашему «Я». Определить факт реального существования нравственной свободы в человеке можно лишь через самонаблюдение, самоанализ, интроспекцию с помощью присутствующего в человеке нравственного чувства. Эта категория моральной метафизики имеет большое значение для исследования феномена нравственной свободы. Нравственное чувство, по мнению православных философов-теистов, является особым в перечне других человеческих чувствований, оно

возбуждается в человеке не какими-то внешними объектами по отношению к нашему «Я», а потребностями нашей природы, неотделимыми от нашего «Я». Образуясь в человеке в связи с его действиями и намерениями, само нравственное чувство не подпадает под их влияние, именно это, по мнению русских теистов, даёт людям возможность доверять самому нравственному чувству. Появившись в человеке, нравственное чувство, тем не менее, автономно от нас и «невольно» производит инстинктивную оценку человеческих намерений или действий, определяя их как нравственно положительные или нравственно отрицательные. В силу этой независимости в оценке своих действий человек понимает себя как причину своих хороших или плохих поступков, стало быть, осознаёт свою нравственную свободу. Ещё одним моментом, обосновывающим реальность нравственной свободы, помимо свидетельства нравственного чувства является чувство раскаяния, стыда. В данном контексте обсуждения вопроса о значении стыда православные теисты отмечают: «Стыдиться, значит признавать себя в чём-нибудь виноватым, а признавать свою виновность, значит сознавать и то, что мы можем не делать того, за что стыдимся» [4: с. 29]. Из всего этого мы видим, что русские теисты при обосновании реальности нравственной свободы в человеке опирались на свидетельства нашего самосознания.

В умеренно-индетерминистской интерпретации представителей духовно-академического теизма свобода хотя и понимается как сила, в метафизическом смысле не зависящая ни от чего, тем не менее вовсе не признаётся слепой, беспричинной, произвольной силой. Русские теисты, равно как и детерминисты, полагали, что ни одно человеческое действие, желание, намерение не будут реализовываться без какого-либо основания или мотива. Вместе с тем, в отличие от сторонников детерминистской концепции, духовно-академические авторы вовсе не считали, что наличие мотивов в нравственной деятельности говорит об отсутствии свободы воли. Здесь они вступали в полемику с детерминистами, защищая точку зрения, в соответствии с которой «действие безосновное есть вместе и действие бессмысленное, каковым ни одно проявление свободной воли не должно и не может быть» [4: с. 562].

По мнению православных теистов, энергия нравственного самоопределения просто невозможна без определённых мотивов, при этом сами эти мотивы должны обязательно носить нравственный характер, что показывает себя в том, что воля человека относится к мотивам не пассивно, а вполне самостоятельно и независимо. Эта автономность проявляется в том, что человек в своих действиях слепо не подчиняется мотивам, вполне способен сам осуществлять выбор мотивов. Более того, ука-

зывали православные теисты, человек способен успешно противиться сильному побуждению и следовать более слабому, если он понимает, что этого от него требует его нравственный долг, и при условии, что первое его требование не соответствует его представлениям о добре. Это как раз и делает человека существом, отличным от животных, при этом у него присутствуют в психике и иррациональных побуждениях поистине «животные» качества. В то же самое время если в мотивах не присутствует нравственный момент, то, как правило, побеждает сильнейший мотив.

Таким образом, вполне справедлив тезис о том, что «духовно-академические теисты истинный идеал свободы видели не в том, чтобы нравственная деятельность осуществлялась без всяких мотивов, а в том, чтобы она коррелировалась с нравственным законом. Свобода в православно-теистическом истолковании состоит не в произволе, а в «возможности выбора между многими направлениями необходимости, и, следовательно, свобода может стоять наряду с необходимостью несколько её не нарушая» [8: с. 167]. Более того, как полагали представители православного теизма, идеалом свободы является нравственная необходимость. В интерпретации православных авторов это такая форма свободы, при которой человек может творить только добро и не может никак делать зла. Сюда можно отнести свободу воли Бога, ангелов, святых людей. Так, ангелы творят добро, «так как они несут в себе образ Божий, они суть совершенные носители Бога» [12: с. 145].

Требуется подчеркнуть тот момент, что в пределах учения о нравственной свободе духовно-академическим авторам, защищавшим автономность нравственной энергии, важно было решить проблему соотношения этой автономности с представлением о Боге как всемогущем Существо, не имеющем каких-либо пределов для своей абсолютной силы. Так как из этого противоречия возникало неверное представление о том, что либо Бог ограничивает человека в его нравственной свободе, либо человек своей свободой ограничивает всемогущество Бога. Это противоречие как раз разрешается в христианском теизме через введение понятия Личного Существа. Как полагают православные теисты, Бог как Личное Существо способен отличать себя от своей силы, делать её «объектом для себя и таким образом полагать ей границы и меру» [4: с. 731]. Сотворив людей как «личных существ» с нравственной потребностью и ни от кого не зависящей силой нравственного самоопределения, Бог как Совершенная Личность из любви к людям свою собственную силу проявляет по отношению к ним как силу нравственную, признающую их личную самостоятельность и сохраняющую силу их нравственного самоопределения.

Существенным моментом при рассмотрении учения о нравственной свободе воли является тот факт, что в интерпретации духовно-академических теистов сила нравственного самоопределения, одержимости возникнув, тем не менее не остаётся неизменной, а находится в непрерывном развитии, т.е. в постоянном самоопределении. И с каждым актом свободного самоопределения эта «сила» всё больше определяет себя, «даёт себе нравственное содержание и направление», т.е. человек становится нравственно-определённой личностью. И по мере актуализации самоопределения личность приобретает тот или иной нравственный характер, нравственное свойство.

В развитии феномена нравственной свободы представители отечественной духовно-академической философии выделяли три возможных состояния.

Формальная свобода, которая интерпретировалась как свобода в смысле способности каждого человека следовать требованиям нравственного закона по своей воле, т.е. согласно точке зрения православных теистов данная свобода принадлежит человеку в виде способности действовать в соответствии с требованиями нравственного закона, даже тогда, когда он поступает против его требования. В этом состоянии человек, как полагал известный санкт-петербургский православный богослов и моралист И.Л. Янышев, «стоит точно между двумя распутиями и ему предлежит решительный выбор» [14: с. 150].

Реальная свобода, понимаемая православными авторами как свобода, которая носит несовершенный характер, и представляет собой постоянное и непрерывное колебание между следованием нравственному долгу и низшими чувственно-эгоистическими стремлениями человека. Реальная свобода возможна в двух противоположных видах: в реально злом или реально добром. В реальной свободе человек ещё окончательно себя не определил в каком-либо одном состоянии и возможен переход от одного состояния в другое.

Идеальная свобода, в состоянии которой, по мнению православных авторов, человек находит своё окончательное, полное и всестороннее воплощение в нравственно добром или злом, и в этих условиях кардинальный поворот в противоположное направление уже становится невозможным.

Таким образом, исходя из трактовки представителей православно-теистической философии, свободное нравственное развитие может происходить в двух противоположных взаимоисключающих направлениях: добра и зла. И если человек стремится «уклониться» в безнравственном направлении, то, согласно представителям духовно-академической философии, в частности, известного православного моралиста из Киевской духовной академии М.А. Олесницкого, это способно привести к

тому, что «нравственное чувство будет или ослаблено или поражено совсем в человеке» [7: с. 44], хотя даже в этом случае, как отмечает С.В. Пишун, русские теисты «оставались сдержанными оптимистами и как христиане писали о будущем оживлении нравственного чувства, даже в тех сердцах, в которых оно было затуманено чередой жизненных обстоятельств» [8: с. 168]. Если же человек укрепится в следовании нравственно доброму, то он осуществит своё предназначение, которое православные авторы видели в достижении истинной свободы. Истинную свободу православные философы-теисты вполне определённо истолковывали как «осуществлённую, уподобившуюся Богу» [7: с. 45].

Актуальной для православных теистов являлась тема **воспитания человеческой свободы**, которая сводится в первую очередь к воспитанию разума, пониманию необходимости отказаться от собственных эгоистических устремлений и влечений. Необходимо научиться соизмерять свою волю с волей Совершенного Существа. Только в этом случае возможна подлинная свобода воли. Путь обретения собственной настоящей свободы предполагает ряд этапов: собственно свободу воли, свободу как познанную необходимость и абсолютную свободу в Боге [10: с. 122].

Первый этап свободы как свобода воли, предоставленная человеку при его появлении, и есть основа будущей абсолютной свободы человека в Боге. Впрочем, изначально можно было говорить лишь о потенциальной свободе воли. «Ветхий» человек имел ограниченный разум и пользовался предоставленной свободой произвольно. Свобода выбора в таких условиях не была связана с приближением к истине, была по сути своей ущербна.

На следующем этапе человек понимает свободу как осознанную необходимость, когда к нему приходит идея о подчинении законам духовного и эмпирического мира, и поэтому он «должен их неукоснительно соблюдать для того, чтобы достигнуть полной, абсолютной свободы». При этом «такой человек объективно ещё далеко не свободен, но он уже далёк и от той неразумной свободы воли, когда желал и действовал произвольно, не понимая истинного смысла своих поступков» [10: с. 123].

Третий этап состоит в добровольном отказе от своей воли и следовании воле Совершенного Существа. Тем самым происходит, как отмечает санкт-петербургский исследователь Е.И. Хлебосолов, «постепенное согласование желания и воли человека с желанием и волей Бога, когда «желание и воля Бога и человека становятся едиными...», Бог делает всё возможное для спасения человека, но окончательный выбор принадлежит самому человеку... Познав истину, человек принимает на себя полную ответственность за свои поступки, и тогда

он должен сам свободно выбрать путь спасения с Богом или путь гибели без Бога» [10: с. 123]. Таким образом, в православном философском сознании бытие человека динамично, оно в значительной степени определяется «нравственным вектором», вернее, «нравственно-религиозным» вектором. Конечная цель здесь – соединение всех людей в единый Божественный организм с приобретением самим человеком абсолютной божественной свободы. Здесь православным теистам вторит С.Л. Франк, указывавший на то, что «истинное, окончательное освобождение состоит в том, что самость жертвует собой в плане своей субъективности, растворяется в самодовлеюще значимом, и лишь этим становится причастной силе подлинно значимого Божественного бытия» [11: с. 581]. Это сделает человека личностью в подлинном смысле данного слова: «После соединения с Богом человеческая индивидуальность становится личностью по причастию к Божественной личности» [10: с. 124]. При этом человек вовсе не теряет свою индивидуальность, неповторимость, уникальность, что обусловлено его телесной природой.

Таким образом, проведя общую реконструкцию концепции свободы воли в духовно-академическом философском теизме, можно сделать следующие выводы: представители духовно-академической философии осознавали нравственную свободу как реально существующий факт, наличие которого в человеке подтверждается с помощью интроспекции, самоанализа. Особенность свободы как духовной ценности определялась русскими теистами с помощью такой качественной характеристики, как самоопределение, т.е. при посредстве указания на независимость нравственной силы от чьей бы то ни было воли. Но мы не можем игнорировать и тот момент, что понятие свободы в интерпретации духовно-академических авторов было тесно связано с категорией необходимости. Необходимость при этом понималась как невозможность делать зло, как постоянная добровольная потребность совершать добро. Именно благодаря соединению с необходимостью свобода в интерпретации русских духовно-академических моралистов получает подлинный смысл и ценностное наполнение.

Главную цель человеческой жизни духовно-академические авторы видели в постоянном и непрерывном усовершенствовании нравственной свободы, в последовательном приближении её к идеалу, что, по их воззрениям, становится осуществимым только и исключительно в рамках христианского вероучения. В их интерпретации все эти феномены не могут быть подвластны естественно-научному объяснению, так как дух человека не может быть следствием связи физиологических и психических явлений, не может быть и результатом познаватель-

ной активности человека. Как отмечают упоминавшиеся уже выше исследователи русской философии Б.В. Емельянов и Т.А. Муравицкая, «...такое понимание внутренней жизни человека удивительно согласуется с современными психологическими исследованиями. Многие современные психологи пришли к убеждению, что научный анализ отдельных психических свойств и состояний не даёт целостного представления о психике человека, от него ускользает что-то самое существенное, глубинное, определяющее все в душе человека, для познания чего мы должны выйти за рамки науки, оставив традиционно научные методы и средства [1: с. 97].

Такого рода позиция отчасти сближала православных теистов с представителями «нравственно-сентиментализма» британской философской традиции XVIII в. А. Шефтсбери и Ф. Хатчесоном. Вместе с тем сама тема свободы в православном теизме рассматривалась как важнейшая при обсуждении морально-метафизических проблем, в православном академическом теизме мы видим большую концентрированность на теме человека, вероятных границах его возможностей в области нравственного действия. Этот своеобразный «антропоцентризм», соединённый с необходимостью положительного обоснования нравственных идеалов и ценностей с религиозно-философской точки зрения, есть своеобразная «визитная карточка» православного теизма. Вместе с тем представителям духовно-академической традиции приходилось опять же в силу необходимости выстраивать цельное философско-антропологическое учение, решать проблему разрешения противоречия между основным в христианстве пониманием человека как существа, несущего в себе божественный образ, и тем несомненным фактом, который указывает нам на то, что зло тоже онтологически, «бытийственно» присутствует в каждом реально живущем человеке. Это противоречие пытались объяснить и решить такие православные философы-теисты, как В.И. Несмелов, И.Л. Янышев, В.А. Снегирёв, В.В. Зеньковский. При этом православная философская традиция опирается на греческую патристику и традицию европейской моральной философии. Подробный разбор святоотеческой концепции свободы воли провели современные исследователи А.А. Столяров в книге «Свобода воли как проблема европейского морального сознания. Очерки истории: от Гомера до Лютера» [9] и П.Б. Михайлов в монографии «Категории богословской мысли» [5: с. 145–157]. Правда, первый из данных авторов, на наш взгляд, слишком радикально ставит вопрос о выборе между «рационализмом» и «благочестием» в решении вопроса о свободе воли в христианской философии. Так, А.А. Столяров полагает: «Либо рациональное признание свободы воли и безусловной ответственно-

сти свободного субъекта, допущение идеи счастья как достоинства счастья, – но горделивое отступление от подлинного благочестия. Либо всецелое благочестие, – но тогда никакой разумной теодицеи, никакой свободной воли при безусловной ответственности и покорности высшим велениям, а свобода – только как милость, как дар Благодати, который невозможно заслужить» [9: с. 103]. В данном случае можно согласиться с П.Б. Михайловым в том, что такая крайняя постановка вопроса о выборе «двух путей» А.А. Столяровым была скорее всего связана с тем, что он сконцентрировался на трудах представителей латинской патристики [9: с. 146]. В византийской традиции с её «умозрительным синтетизмом», последователями которой как раз были русские академические философы-теисты, мы видим стремление сблизить эти два пути. Как бы противоположные термины структурно видятся в их «взаимосоотнесённости» [10: с. 149].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Емельянов, Б.В.* Педагогическая антропология: российский опыт / Б.В. Емельянов, Т.А. Муравицкая. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2004.
2. *Каменский, П.* Православно-христианское нравственное богословие / П. Каменский. – Казань, 1888.
3. *Краснов, Н.* Нравственное начало и его самостоятельность / Н. Краснов. – Москва, 1895 (канд. соч.) // ОР РГБ. – Ф. 172. – Оп. 4. – К. 274.7.
4. *Лавров, В.* О свободе воли человека с нравственной точки зрения / В. Лавров // Вера и разум. – 1900. – Отд. филос. № 12.
5. *Михайлов, П.Б.* Категории богословской мысли / П.Б. Михайлов. – Москва : Изд-во ПСТГУ, 2013.
6. *Архим. Модест.* Обладает ли человек нравственной свободой? / Архим. Модест // Чтения в Обществе духовного просвещения. – 1911. – № 10.
7. *Олесницкий, М.* Нравственное богословие или христианское учение о нравственности / М. Олесницкий. – Санкт-Петербург, 1907.
8. *Пишун, С.В.* Православная персонология и духовно-академическая философия XIX в. / С.В. Пишун. – Санкт-Петербург, 1996.
9. *Столяров, А.А.* Свобода воли как проблема европейского морального сознания. Очерки истории: от Гомера до Лютера / А.А. Столяров. – Москва : ГЛК, 1999.
10. *Хлебосолов, Е.И.* Метафизические основания христианства / Е.И. Хлебосолов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2010.
11. *Франк, С.Л.* Сочинения / С.Л. Франк. – Москва, 1990.
12. *Эрнст, М.* Ангелы в православной религиозной практике и искусстве / М. Эрнст // Франсиско Суарес о речи ангелов. – Москва : Институт св. Фомы, 2017. – 168 с.
13. *Юркевич, П.Д.* Философские произведения / П.Д. Юркевич. – Москва : Правда, 1990. – 672 с.
14. *Янышев, И.Л.* Православно-христианское учение о нравственности / И.Л. Янышев. – Санкт-Петербург, 1906.
15. *Янышев, И.Л.* Сущность христианства с нравственной точки зрения / И.Л. Янышев // Христианское чтение. – 1877. – Т. 2.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-133-136

**«КРИТИЧЕСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ТЕИЗМ»
АРХИЕПИСКОПА НИКАНОРА (БРОВКОВИЧА):
ОПЫТ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА**

Хань Юй

Гэн Хайтянь

В статье дается авторский обзор критического философского теизма архиеп. Никанора (Бровковича). Обосновывается влияние историко-философского анализа на традицию социогуманитарного познания. В этом аспекте анализируются важные особенности исследований архиеп. Никанора.

Ключевые слова: архиепископ Никанор (Бровкович), православие, критический теизм, духовная академия.

**“CRITICAL PHILOSOPHICAL THEISM” OF ARCHBISHOP NIKANOR (BROVKOVICH):
EXPERIENCE OF HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS**

Han Yu

Geng Haitian

The article provides the author's review of the critical philosophical theism of Archbishop Nikanor (Brovkovich). The influence of historical and philosophical analysis on the tradition of socio-humanitarian knowledge is substantiated. In this aspect, important features of the research of Archbishop Nikanor are analyzed.

Key words: Archbishop Nikanor, Orthodoxy, critical theism, Theological Academy.

Одной из важнейших задач современной философии является профессиональный анализ целого комплекса разнообразных когнитивных практик. Следует отметить, что благодаря таким выдающимся российским исследователям, как профессор Л.А. Микешина, произошло существенное переосмысление самого феномена когнитологии как области социально-гуманитарного знания с учётом перехода к информационному обществу. Такой переход не должен сопровождаться дегуманизацией, напротив, он требует усиления внимания к человеческому, личностному фактору в познании. Речь в данном случае идёт о сохранении духовных основ всякого когнитивного опыта, что предполагает обращение, в том числе, к прошлым философским теориям и концепциям, в которых подчёркивалась необходимость постановки перед человеком в его познавательном опыте «высших», «трансцендентных» целей. В русской религиозной философии XIX – начала XX в. существовало целое направление духовно-академического теизма, выдающиеся представители которого не только ставили вопрос о духовных основах когнитивного процесса, но и подвергали критическому анализу (с теистических позиций) познавательные способности че-

ловека или критически разбирали намерения ряда позитивистски настроенных философских школ свети весь научный поиск к систематическому описанию. К числу таких значительных русских религиозных философов следует отнести архиепископа **Никанора** (в миру – **Александра Ивановича Бровковича**) (1826–1890), чьё творческое наследие является многообразным, во всяком случае, он был вполне состоявшимся исследователем не только в области религиозной философии, но также и в сфере основного и догматического богословия, церковной истории, археологии и др. Но, на наш взгляд, именно его «позитивная философия», теистическая метафизика и его «критический философский теизм» остались наиболее значимыми элементами его творчества. Во всяком случае, многие религиозно-философские идеи данного видного православного теиста сохраняют значимость и актуальность, особенно в том, что касается необходимости налаживания диалога между религией и наукой, разумом и верой. Однако мы не можем утверждать, что тема необходимости коммуникации разума и веры, религии и науки ранее не поднималась в истории философии. Этот вопрос был актуален уже в античной традиции, мы видим попытку его реше-

Хань Юй – старший преподаватель Хэбэйского северного университета (КНР).

Han Yu – Senior Lecturer at Hebei North University (PRC).

E-mail: 2009gh@mail.ru

Гэн Хайтянь – кандидат политических наук, доцент Хэбэйского северного университета (КНР).

Geng Haitian – Candidate of Political Science, Associate Professor at Hebei North University (PRC).

E-mail: 2009gh@mail.ru

© Хань Юй, Гэн Хайтянь, 2020

ния и в творениях апологетов и некоторых представителей зрелой патристики. Позитивная философия архиеп. Никанора стала своеобразным «подведением итогов» той линии религиозной философии, которая начинается ещё с глубокой древности.

Вместе с тем при анализе истоков философии архиеп. Никанора мы не можем игнорировать и наличие как внутритеоретических, так и внешних факторов, к числу которых можно отнести и воздействие контекста, т.е. социальной, образовательной, церковной, даже политической среды, сформировавшей в значительной степени архиеп. Никанора как религиозного философа, мыслителя-теиста. Кроме того, нам необходимо определить сам статус «позитивного учения» архиеп. Никанора, которое нами будет определяться как философское, что, впрочем, требует некоторого обоснования и доказательства. При определении истоков философского учения архиеп. Никанора вполне можно воспользоваться концепцией «тройной детерминации» специалиста по истории русской философии и методологии проведения историко-философского исследования, доктора философских наук З.А. Каменского (1915–2000). В своих работах «Методология историко-философского исследования (проект систематизации)», «Проблемы марксистско-ленинской методологии истории философии» и «История философии как наука» [4] он сформулировал достаточно удобную для проведения соответствующего историко-философского исследования схему анализа истоков философского творчества какой-то школы или конкретного мыслителя [4: с. 58–62]. Эта схема, при условии её адаптации к конкретному философскому учению, была уже успешно использована во многих докторских и кандидатских диссертациях. Полагаем, что имеется возможность и далее ей пользоваться, во всяком случае, в качестве общего ориентира при выстраивании структуры собственного историко-философского исследования, что поможет, по словам российского автора В.Е. Луценко, «определить те пути, по которым будет проходить восстановление традиции теистической философии в нашей стране» [5: с. 6].

Здесь возникает вопрос о специфике «позитивной философии» архиеп. Никанора. Это и станет важнейшим предметом данной статьи. При проведении подобных исследований необходимо учитывать установку православных мыслителей-теистов на «синтезизм», что подразумевает использование опыта философствования представителей разных школ и направлений философского идеализма. Философский теизм должен, в понимании архиеп. Никанора, базироваться на прочных основаниях религиозного мировоззрения, представлять его в области теоретического дискурса, умозрительных категорий и одновременно обладать необходимой гибкостью и способностью давать адекватные ответы на вызовы положительной науки и самого времени. По сути он предлагает последова-

тельное обновление всего багажа православного философского теизма с учётом достижений естественных и логико-математических наук. Его линия в европейском философском теизме XIX в. использовала теоретические изыскания как классического немецкого идеализма, например И.Г. Фихте [1: с. 81–84], так и особенно мировоззренческие поиски и решения крупнейших представителей немецкого постгегелевского теизма: Г. Ульрици (1806–1884), Г. Лотце (1817–1871), А. Тренделенбурга (1802–1872), И. Фихте (младшего) (1796–1897), также обращавшихся к сфере естественных и точных наук, хотя и критиковавших механико-материалистическое мировоззрение [9: с.74–75]. Все эти мыслители категорически отрицали тезис некоторых представителей европейского естественно-научного материализма о том, что человек «есть одно из животных, лишь высшего разряда» (см.: Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1611. Л. 228). Разница лишь в том, что никаноровская модель философии претендовала на большую универсальность, она охватывала также и область антропологии, социальной теории и практики, педагогики и политической жизни. Это действительно была попытка построить разветвлённую систему религиозно-философского мировоззрения, правда, в своеобразном «полемико-текстологическом» формате, в постоянном споре с альтернативными и в философском смысле противоположными точками зрения. Эта полемическая заострённость достигла такой степени, что стала своеобразным отражением критикуемой позиции, попыткой на иной почве выстроить некую «замену» ей, но с сохранением позитивного исходного замысла. «Позитивная философия» архиеп. Никанора стала заменой «позитивной философии» О. Конта, Дж. Ст. Милля и Г. Спенсера, «математическая метафизика» православного автора претендует на замену применения методов точных наук в новейших философских течениях, ориентировавшихся на данные строгой науки. Такая своеобразная «философская инверсия», предложенная архиеп. Никанором, позволяла извлечь положительный результат из всей этой полемики, учитывать данные современной науки при конструировании православной теистической метафизики.

В данном контексте необходимо представить базовые черты философско-метафизического учения архиеп. Никанора. Известно, что В.В. Зеньковский характеризовал его как великолепного полемиста и очень не оценённого философа. Нам представляется важным отметить в философском наследии русского православного иерарха его намерение произвести синтез традиции классического философского платонизма и лучших образцов восточно-христианского философствования, а также средневековой схоластической философии с последующей традицией философского спиритуализма с учётом достижений и развития естественных наук. Научные достижения и от-

крытия последних десятилетий, по мысли архиеп. Никанора, вовсе не свидетельствуют об архаичности, отсталости и в конечном итоге несостоятельности философского теизма, напротив, как он полагал, при соответствующей их оценке и объяснении мы можем использовать их в апологетических целях [2]. Следует отметить, что архиеп. Никанор был одним из самых лучших знатоков католического богословия, его докторская диссертация была посвящена разбору догматики римско-католической церкви, и, следовательно, ему было знакомо содержание католической интерпретации вопросов естествознания. В этой интерпретации отражались определённые вероучительные особенности католицизма, которые вызывали возражения у архиеп. Никанора, но многие положения католических философов, их оппонирование новейшим течениям материализма и позитивизма вызывало сочувствие у этого православного автора. Кроме того, архиеп. Никанор сам живо интересовался результатами научных поисков в области биологии, психологии, физики, химии, геологии и др. Будучи ректором Казанской духовной академии, он заботился о естественно-научной подготовке студентов академии, их компетентности в вопросах соответствующих областей знания. Результатом такого внимательного отношения ректора академии стало появление в будущем в её стенах целой плеяды выдающихся философов – знатоков человеческой природы, прекрасных специалистов-психологов, вроде В.А. Снегирёва, А.Н. Потехина и др., которые формировались как учёные как раз в пору ректорства в академии архиеп. Никанора.

Философские взгляды архиеп. Никанора формировались в эпоху серьёзного мировоззренческого кризиса, охватившего русское общество в середине XIX в. Наметились расхождения между различными группами образованного слоя, ориентированными на совершенно разные ценности и идеалы. Этот кризис начал с особенной силой проявлять себя уже в 30-е гг. XIX в., с выхода знаменитых «Философских писем» П.Я. Чаадаева. Ещё больше культурно-философский водораздел внутри русской интеллигенции прошёл после выхода на культурно-историческую арену западников и славянофилов, интерпретировавших социальные и исторические процессы прошлого и настоящего России нередко совершенно противоположным образом. В философском сознании русского образованного слоя также намечается совершенно непохожее друг на друга восприятие как идей представителей немецкой классической философии (Кант, Гегель, Шеллинг, Фихте), так и мыслителей, ориентировавшихся на философско-теистическую традицию. Кроме того, усиливается и так называемое естественно-научное направление в русской философии, в значительной мере находившееся под влиянием только что появившегося в Европе философского позитивизма.

Особенностью развития русской философской мысли в описываемое время являлось то, что в ней наметилось «журнально-публицистическое» крыло, в котором глубокое философское осмысление часто заменялось яркостью оценок, связанных с актуальностью выводов и их «живым» восприятием общественным сознанием. Такая «популярная философия», представителями которой были, как правило, публицисты и писатели, играла в России, можно сказать, чрезмерно большую роль, именно этот факт породил мнение о «литературности» как специфической черте русской философии. Об этом якобы признаке часто пишут с целью показать, что в России вплоть до начала XX в. практически не было профессиональной философии или её существование носило «очаговый» характер в лице нескольких талантливых авторов, которые могли разбираться в отдельных философских проблемах, как правило, в области социальной философии и при обсуждении проблем естествознания. При этом отрицается факт наличия в России мыслителей, которые могли представить собственные философские системы, содержащие в себе в достаточном полном виде онтологическое, гносеологическое, эпистемологическое, этико-антропологическое и социально-философское учения. В самом деле, среди представителей университетской науки России таких авторов на протяжении всего XIX в. было очень мало, причём некоторые из них сформировались как учёные-философы именно в духовных высших учебных заведениях (Ф.Ф. Сидонский, В.Н. Воскресенский, П.Д. Юркевич, С.С. Гогоцкий, М.И. Каринский, отчасти М.И. Владиславлев). В то же время в православных духовных академиях таких мыслителей с «универсальным взглядом» было существенно больше, причём некоторые из них были известны и в Европе, например профессор Московской духовной академии Ф.А. Голубинский (1798–1854), активно переписывавшийся с Фр. Шеллингом, получивший, между прочим, физико-математическое образование в стенах академии.

Качество преподавания философских дисциплин во всех духовных академиях было весьма высоким. «Любомудрие» считалось важнейшей из отраслей наук, свидетельством чему являлось наличие в высших духовных школах сразу нескольких философских кафедр, в частности, метафизики, логики и психологии, истории философии, а также кафедры нравственного богословия, представители которой, как правило, занимались и вопросами философской этики. Преподаватели философских дисциплин никак не ущемлялись в своих научных и педагогических поисках, положение философии в академиях было весьма прочным. Такая благоприятная ситуация с преподаванием философских предметов сложилась благодаря талантливому руководству значительной части ректоров

высших духовных учебных заведений. К их числу можно отнести, между прочим, и архиеп. Никанора, а также А.В. Горского, архиеп. Иннокентия (Борисова), архиеп. Антония (Храповицкого) и др. Не следует также забывать, что при каждой академии издавались богословско-философские журналы, где печатались статьи как ведущих учёных, философов, историков и богословов академий, так и наиболее интересные работы студентов-выпускников, многие из которых являлись не столько богословскими, сколько философскими. Количество академических кандидатских сочинений и магистерских диссертаций, которые были чисто философскими, исчисляется многими десятками, если не сотнями. Большинство из них сохранились и содержатся в центральных научных архивах России и Украины. Они ещё ждут своих исследователей и могут быть на полных основаниях введены в историко-философский контекст. Можно сказать, что история духовно-академического «любомудрия» далеко ещё не изучена. Те, кто знакомится с этой своеобразно архивной «источниковой базой», по вполне понятным причинам отказываются от тезиса о якобы «литературности» и «поверхности» русской философии. Всё это должно способствовать обретению российским обществом, по словам В.К. Пишуна, «собственной цивилизационной идентичности», «восполнению мировоззренческого вакуума», «возвращению к основам собственно политического, духовного бытия» [7: с. 4–5].

Особого внимания заслуживает плеяда авторов из числа духовных лиц, которые были церковными администраторами, но одновременно продолжали заниматься изучением философских вопросов. Их семинарская и духовно-академическая подготовка в области философии была столь впечатляюща, что позволяла им обладать очень высоким уровнем компетентности в сфере онтологии, гносеологии, этики, антропологии. Архиеп. Никанор как раз принадлежал к числу таких выдающихся представителей православной учёности, умевших не только заниматься текущей церковно-административной и проповеднической деятельностью, вести службу в храмах, но и писать серьёзные философские статьи и целые книги, оставившие глубокий след в истории русской религиозной философии позапрошлого столетия. Исследователь русской духовно-академической философии С.В. Пишун справедливо отмечал, что было бы несправедливо обвинять архиеп. Никанора в якобы излишнем рационализме и следовании западному схоластическому формализму. Со слов данного автора, его система «представляет собой замечательный пример соединения духовной и мистической возвышенности и догматической и учёной строгости» [8: с. 29].

Если говорить о наследии архиеп. Никанора в области философской гносеологии, то особо следует отметить его учение о чувстве как источнике позна-

ния. Он полагал, что чувство составляет источник и фундамент всякого познания, причём речь идёт не столько о «внешнем» чувстве, сколько о чувстве «внутреннем». Тем самым православный автор является одним из первых в России философами-интуитивистами. При этом архиеп. Никанор не считает нужным чрезмерно разделять внешнее и внутреннее чувство, он показывает, что все чувства в конечном счёте можно отнести к «внутренним», они испытывают влияние нашей личности, сам когнитивный опыт глубоко личностный. Впрочем, сам архиеп. Никанор не стремится слишком глубоко анализировать не только внешние (по отношению к воспринимаемому предметам), но и «органически» внутренние чувства, концентрируя своё внимание на высших или «душевных» внутренних чувствах. В его понимании «внутреннее душевное чувство» включает в себя интеллектуальное сознание, эстетический вкус и совесть. Таким образом, в реальном когнитивном опыте присутствует личностный элемент как, в том числе, факт нравственно значимый. При этом «внутреннее душевное чувство» пронизывает собой прочие душевные способности человека, в том числе и как бы «низшие» чувства, оно есть «корень, гнездилище, фокус всех отправлений человечества» [6: с. 27]. Такой подход не делает позицию архиеп. Никанора «сентименталистской», он особо подчёркивает практическую сторону «внутреннего душевного чувства» (наряду с теоретической стороной). Эта практическая сторона определяет возможности понимания человеком существа познаваемых им объектов, а также характер коммуникаций с другими людьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов, А.И. Духовно-академическая философия в её сущностном отношении к философскому учению Фихте / А.И. Абрамов // Философия Фихте в России. – Санкт-Петербург : РХГИ, 2000. – 368 с.
2. Бердяев, Н.А. Истина и Откровение. Прологомены к критике Откровения / Н.А. Бердяев. – Санкт-Петербург : РХГИ, 1996.
3. Гаврюшин, Н.К. Русская философия и религиозное сознание / Н.К. Гаврюшин // Вопросы философии. – 1994. – № 1.
4. Каменский, З.А. История философии как наука / З.А. Каменский. – Москва : Институт философии РАН, 1992.
5. Луценко, В.Е. Духовно-академическая философия в России и европейский философский теизм второй половины XIX века : автореф. дис. ... канд. филос. наук / В.Е. Луценко. – Благовещенск : АмГУ, 2008.
6. Никанор (Бровкович). Позитивная философия и сверхчувственное бытие. Т. 1 / Никанор (Бровкович). – Санкт-Петербург, 1875.
7. Пишун, В.К. Политическая философия евразийства / В.К. Пишун. – Москва : ВЛАДОС, 2003.
8. Пишун, С.В. Эйдосная типологизация бытия архиеп. Никанором (опыт реконструкции) / В.К. Пишун // Христианство на Дальнем Востоке. Ч. 2. – Владивосток : ДВГУ, 2000.
9. Эзри, Г.К. Немецкий постгегелевский теизм и русский религиозный персонализм / Г.К. Эзри // Научное мнение. – 2020. – № 1–2. – С. 73–81.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-137-151

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ МАСТЕРОВ «ВНУТРЕННИХ ШКОЛ»¹

Ю.М. Сердюков

Когнитивные основания психосоматических трансформаций мастеров «внутренних школ» ушу простираются в диапазоне от архаических элементов классической китайской философии и культуры до способности человека в процессе медитации увеличивать потенциал головного мозга, развивая его функционал и произвольно трансформируя некоторые его отделы. Объясняется столь широкий диапазон как генеральной целью *дао цзяо* – достижением личного бессмертия человека, так и спецификой «внутренних школ», инкорпорировавших в даосскую практику буддийские системы цигун *Ицзин-цзин* и *Сисуй-цзин*.

Ключевые слова: эпистемология, околосмертный опыт, даосизм, «внутренние школы» ушу, цигун, личное бессмертие человека.

THE COGNITIVE BASES OF PSYCHOSOMATIC TRANSFORMATIONS OF MASTERS OF THE «INTERNAL SCHOOLS» WUSHU

Yu.M. Serdyukov

The cognitive bases of psychosomatic transformations of masters of "Internal Schools" Wushu are stretched in a range from archaic elements of classical Chinese philosophy and culture to ability of the person in the course of meditation to increase brain potential, developing it functional and any way transforming some of its departments. Such a wide range is explained both by the general purpose *dàojiào* – achievement of Personal Immortality of a Man, and by the specificity of "Internal Schools" Wushu, that incorporated the Buddhist Qigong systems *Yi Jin Jing* and *Xi Sui Jing* into Taoist practice.

Key words: Epistemology, Immortality, Near Death Experience, Taoism, "Internal Schools" Wushu, Qigong.

Введение

Когнитивная целостность человека формируется на трех стадиях его бытия: 1) от зачатия до момента рождения, 2) от момента рождения до наступления клинической смерти, 3) от момента наступления клинической смерти до смерти биологической, необратимой.

На первом этапе когнитивные способности возникают и существуют преимущественно в латентной форме. Преимущественно, поскольку установлены достоверные факты получения человеком информации из внешнего мира уже в перинатальный период его развития [53]. На втором, наиболее изученном этапе когнитивные способности развиваются в процессе онтогенеза, трансформируются и даже исчезают. На третьем этапе практически аб-

солютная сенсорная депривация и дезинтеграция высших психических функций преобразуют когнитивное отношение к реальности, в данном случае – к реальности субъективной, столь невероятным образом, что повествования людей, переживших клиническую смерть, их околосмертный опыт обычно воспринимаются как соприкосновение с *иной* реальностью, с *запредельным*².

Поскольку родовые признаки биологического вида *Homo Sapiens Sapiens* постоянны, то мы можем быть вполне уверены, что околосмертный опыт сопровождал развитие «человека разумного» на всем протяжении его бытия. И если в «довербальную эпоху» наши далекие предки не могли толком описать и, следовательно, зафиксировать уникальность околосмертных переживаний, качественное отличие открывавшегося им «потустороннего» мира от мира «посюстороннего», то в

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Китайского национального проекта для иностранных специалистов первой категории (中国国家高端外国专家项目“俄罗斯文化中的意识形态研究”。G20190223021).

² Подр. см.: Сердюков Ю.М. Контуры трансцендентального опыта. Москва: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. 255 с.

Сердюков Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск); приглашенный профессор Шаньдунского университета путей сообщения (г. Цзинань, КНР).

Serdyukov Yury Mikhailovich – Doctor of Science (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Law at Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk); the Visiting Professor of Shandong Jiaotong University (Jinan, P.R. China).

E-mail: serdyukov_yuri@mail.ru

© Сердюков Ю.М., 2020

эпоху «вербальную» такая возможность возникла, и люди, пережившие клиническую смерть и сходные с ней состояния, рассказывали своим соплеменникам об иной реальности, ожидающей их после смерти тела³. Так возник образ загробного мира.

По свидетельствам очевидцев – визионеров на «тот свет», загробный мир неоднороден. В нем существуют две ипостаси, одна из которых олицетворяет собой все худшее, что только мог себе представить человек [16], а другая – напротив, самые светлые стороны бытия [20]. В иудаизме и христианстве эти ипостаси были названы *адом* и *раем*, в других религиях – иначе. Но какие бы имена не давались миру беспросветной скорби и миру вечной радости, каждая религиозная система имела одну главную цель – спасти адепта от *ада* и помочь ему обрести *рай*. Для этого разрабатывались грандиозные конструкции, квинтэссенцией которых была отнюдь не теория, но практический путь достижения искомой цели.

Одной из таких религиозно-философских систем является *дао цзяо* – уникальная форма даосизма, возникшая в начале новой эры в результате синтеза верований архаичного шаманского комплекса, идеологии магов *фан ши* [4; 7], философии школы Дао-дэ (Лао цзы и Чжуан-цзы) и методологии «Книги Перемен» [30: с. 10].

Эта система не была однородной. Уже в первые три века ее существования сформировались организованные даосские движения, весьма существенно отличавшиеся друг от друга: *Тяньши*, или традиция Небесных наставников, появление которой принято датировать 142 г. н.э.; *Саньхуан*, или традиция Трех августейших, которая уже существовала в III в. н.э.; *Шанцин*, или учение Высшей чистоты, появившееся в качестве институционального даосского движения в IV в. н.э., и *Линбао*, или традиция Духовной драгоценности, сформировавшаяся на рубеже IV и V вв. [36: с. 12]. Дальнейшее развитие даосизма привело к умножению числа его направлений, различавшихся и текстологической базой, и социальным составом адептов, и, что для нас самое главное, – методологией обретения бессмертия. Причем различия были столь кардинальны, что в эпоху расцвета «внешней алхимии» – *вэй дань* (V в. н.э.) [30: с. 412], в школе *Шанцин*, напротив, доминировали практики созерцательной медитации [35], без сомнения, относящиеся к «внутренней алхимии» – *нэй дань*.

Среди многочисленных направлений даосизма особняком стоят «внутренние школы» *ушу*, замеча-

тельные синтезом даосских и буддийских методик психофизической трансформации человека. Именно они станут предметом нашего рассмотрения в данной статье, но прежде следует зафиксировать внимание на том, что три источника даосизма из четырех: 1) верования шаманского комплекса, 2) идеология магов *фан ши* и 3) методология «Книги Перемен» возникли в архаическую эпоху и отражают уровень организации психики, характеризующийся доминантой пространственно-образного мышления.

Это означает прямое соответствие с состоянием субъективной реальности при клинической смерти, когда очень быстро происходит деградация высших психических функций, – прежде всего вербально-логического мышления, а пространственно-образное мышление, напротив, доминирует и определяет содержание и структуру околосмертного опыта.

Соотнесение этих факторов между собой неизбежно приводит нас к выводу о чрезвычайно важной роли архаических элементов в даосском пути достижения бессмертия, а также к выводу о необходимости экспликации мировоззренческих и логико-методологических универсалий архаической и традиционной китайской культур, поскольку именно они отражают глубинные, базовые для психофизиологической целостности человека аспекты, в трансформациях которой представители «внутренних школ» видели путь достижения бессмертия.

1. Мировоззренческие и логико-методологические универсалии архаической и традиционной китайской культур

1.1. Субстанциальное единство мира

Первым и наиболее существенным из этих элементов является представление о *ци* как универсальной энергетической основе реальности⁴, близкой по своим свойствам представлениям о мистической силе.

Концепция *ци* имеет глубокие исторические корни, о чем, например, свидетельствуют образы древних пиктограмм. На одной из них идея развития жизни, расширяемости и цикличности Космоса изображается в виде готового взойти зерна с расходящимися оболочками. А идея об универсальности *ци* отражена в расположенных сверху пиктограммы трех параллельных чертах, символизирующих ос-

³ См., напр.: *Гань Бао*. Записки о поисках духов. Цзюань пятнадцатая: воскрешения. (*Гань Бао*. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи). Санкт-Петербург : Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. С. 339–359).

⁴ В современной философии и науке нет единства в определении категории *ци*, в чем несложно убедиться, сравнив позиции разных исследователей этого вопроса [18: с. 41–49; 1: с. 142–151; 42: с. 74–76; 17 и др.]. Я придерживаюсь одного из самых общих толкований, согласно которому *ци* – это «одна из основополагающих и наиболее специфичных категорий китайской философии, выражающая идею континуальной, динамической, пространственно-временной, духовно-материальной и витально-энергетической субстанции» [11: с. 431].

новную космологическую триаду китайской философии – Небо, Землю и Человека [9: с. 14; 11: с. 431].

Позже категория *ци* истолковывается в нескольких смыслах, также отражающих и конкретизирующих идею ее универсальности. В большинстве известных определений она понимается, во-первых, как бестелесное первовещество, из которого состояла Вселенная в исходной фазе своего развития, называемой Хаосом (хун дунь), «Великим Пределом» (тай цзи), «Великим единым» (тай и), «Великим началом» (тай чу) или «Великой пустотой» (тай сюй). Во-вторых, как источник дифференциации сущего на *инь* и *ян*, а также «пять элементов» (*у син*). В-третьих, как фундаментальная субстанция, лежащая в основе устройства Вселенной, где все существует благодаря ее видоизменению и движению. В-четвертых, как связанный с кровообращением наполнитель человеческого тела, способный утончаться до состояния «семенной души» (*цзин*) и «духа» (*шэнь*). В-пятых, как проявление психического центра, «сердце» (*юань*), управляемое волей (*чжи*) и управляющее чувствами (*цин*).

Из изучения комплекса значений категории *ци* можно сделать ряд интересных выводов. Одним из них, важным для решения нашей основной задачи, является идея о возможности управления энергией тела посредством волевого акта. Она была известна еще в глубокой древности, о чем свидетельствует изречение Мэн-цзы: «Воля руководит *ци*, а *ци* наполняет тело. Воля – главное, а *ци* – второстепенное» [21: с. 232], и оказала глубокое влияние на формирование и развитие даосской «внутренней алхимии» – *нэй дань* [37] и эффективной системы развития потенциальных возможностей человеческого организма – *цигун* [39].

Другой вывод состоит в том, что комплекс значений категории *ци* выходит за рамки дихотомии идеальное/материальное, так как в нем отражены отличительные признаки и разума, и природы, и чувственной, и сверхчувственной стороны реальности. Более того, уже довольно давно, при обзоре понятийного аппарата классической китайской философии было установлено, что в ней вообще отсутствует термин, отражающий разделение реальности на мир идей и мир материи. Например, понятия «*у*» и «*ли*», с которыми в синологии нередко ассоциируется идеальная сфера бытия, на самом деле имеют несколько иные смыслы. Термин «*у*» обычно обозначает «отсутствии/небытие» (особенно у даосов) [12], а термин «*ли*» – принцип/закон [11: с. 166].

Эта нерасчленимость реальности на мир идей и мир материи позволила даосам подойти к решению проблемы личного бессмертия с позиций психофизической целостности человека, не противопоставляя бессмертную душу бренному телу.

1.2. Подобие микро- и макрокосмов

Другим элементом архаических представлений в китайской культуре является принцип *подобия микро- и макрокосмов*. Он пронизывает все области духовной деятельности китайской цивилизации эпохи древности и Средневековья и зафиксирован в канонических книгах основных философских традиций.

Так, например, в одном из *конфуцианских* текстов – «Шо гуа чжуань» мы находим уподобление органов человеческого тела природным явлениям, произведенное через систему 8 триграмм (далее – ТГ): «Цянь (Небо) – голова, Кунь (Земля) – живот, Чжэнь (Гром) – ступни, Сюнь (Ветер) – бедра, Кань (Вода) – уши, Ли (Огонь) – глаза, Гэнь (Гора) – руки, Дуй (Водоем) – рот» [32: с. 240]. В *даосском* «Хуайнань-цзы» имеется уподобление органов и свойств человека важнейшим сферам Универсума: «... (у человека. – Ю.С.) голова круглая, как небо, ступня прямоугольная, как земля. У неба есть четыре времени года, пять стихий, девять выходов, триста шестьдесят шесть дней. У человека тоже есть четыре конечности, пять внутренних органов, девять отверстий, триста шестьдесят шесть суставов. Природе известны ветер и дождь, холод и жар. Человек также способен брать и отдавать, радоваться и гневаться. Желчный пузырь – это облака, легкие – эфир, печень – ветер, почки – дождь, селезенка – гром... А сердце всему господин. Уши и глаза – это солнце и луна, кровь и эфир – ветер и дождь» [29: с. 30]. Последние три предложения цитируемого фрагмента явно указывают на возможность медицинской интерпретации аналогий, основы которой содержатся в «Хуан Ди Нэйцзин»: «От Неба и Земли происходит все великое множество предметов; и от Начала до Завершения ими управляют девять законов. Первый закон – это Небо. Второй закон – это Земля. Третий закон – это Человек. Четвертый закон – Время. Пятый закон – Звук. Шестой закон – Ритм. Седьмой закон – Звезды. Восьмой закон – Ветер. Девятый закон – Пространство... В теле человека эти законы находят себе следующие соответствия: Кожа соответствует Небу. Плоть – Земле. Кровь и пульсирующие сосуды – Человеку. Связки – Времени. Слух – Звуку. Инь-Ян – Ритму. Зубы, лицо, глаза – Звездам. Энергия *ци* – Ветру. Девять отверстий организма и триста шестьдесят пять его сосудов – Пространству» [9: с. 9].

Все это означало возможность соответствия психосоматических структур человека универсальным законам природы. Достижение такого соответствия обеспечивало, как минимум, крепкое здоровье и долголетие, как максимум, – личное бессмертие человека.

1.3. Генерализирующие классификации

На уровне культурно-философской и научной методологии все известные случаи уподобления анатомических, родовых и социальных структур явлениям природы были связаны двумя универсальными системами классификации: у син («пять элементов») и ба гуа («восемь триграмм»), систематизирующими «тму вещей» (вань у) на различных основаниях. Эти системы не слишком различаются по времени создания⁵, и их многовековое параллельное сосуществование объясняется неодинаковыми принципами классификации явлений.

Так, например, основным организующим принципом системы ба гуа является тезис о поляризации всего сущего на инь и ян. В графической форме он выражен в известной трехступенчатой схеме дифференциации Тай цзи (Великого предела) до уровня восьми ТГ. На первой ступени Великий предел поляризуется на инь и ян. На второй ступени удвоение ян порождает тай ян (великий ян), а соединение с инь порождает шао инь (молодую инь). В свою очередь, удваиваясь, инь порождает тай инь (великую инь), а соединяясь с ян, порождает шао ян (молодой ян). На третьей ступени из четырех ранее полученных элементов путем последовательного прибавления к ним базовых графем инь и ян получается восемь триграмм – система ба гуа.

Логико-методологическое значение ба гуа как универсальной системы классификации заключается в отождествлении вещей и явлений мира с какой-нибудь из 8 ТГ, где каждая выступает в роли предельно общего признака, служащего основанием для отнесения неодинаковых феноменов к одному классу.

Например, если базовым избрать порядок расположения ТГ по Вэнь-вану, а рассматриваемыми феноменами определить: 1) положение, занимаемое человеком в роду; 2) явление природы; 3) сторону света; 4) животное; 5) время года; 6) время суток; 7) изначальное свойство; 8) вторичное свойство; 9) тип людей; 10) часть тела, то перед нами предстанет следующая система соответствий.

- Цянь – отец; небо; северо-запад; конь; поздняя осень; ранняя ночь; существование, сила, широта, округленность; твердость, дарующий принцип; правитель; голова.

- Кунь – мать; земля; юго-запад; корова; позднее лето; время после полудня; послушание, поддержка существ, квадратность, сгущение; мягкость, принимающий принцип; народ; живот.

- Чжэнь – старший сын; гром; восток; дракон; весна; утро; движение, скорость, дороги, мо-

лодые побеги; движение, стимулирующий принцип; молодые люди; ступни.

- Кань – средний сын; вода; север; кабан; середина зимы; полночь; опасность, крутизна, изгибающиеся вещи, колеса, пропасти, умственная ненормальность; погружение, принцип текущего движения; воры; уши.

- Гэнь – младший сын; гора; северо-восток; собака; ранняя весна; раннее утро; проходы, ворота, стражи ворот, фрукты и плоды диких растений; остановка, принцип поддержания неподвижного состояния; привратники; руки (пальцы).

- Сюнь – старшая дочь; ветер; юго-восток; курица; поздняя весна; утро; растительная сила, размеренная работа; проникновение, принцип продолжительности действия; купцы; бедра.

- Ли – средняя дочь; огонь; юг; фазан; лето; середина дня; оружие, сухость, сухие деревья, яркость, слияние огня и света, моллюски; сияние, принцип соединения (слияние); женщины-воительницы; глаза.

- Дуй – младшая дочь; водоем; запад; овца; середина осени; вечер; отражения, зеркальные образы, разорванное и вылитое; радость, принцип безмятежности, ясности; чародейки; рот и язык.

Согласно одному из наиболее авторитетных комментариев к «И Цзин» – «Си цы чжуань» – возглавляемые триграммами гомологические ряды могут содержать до 11 520 элементов, поскольку именно таково предельное количество вещей (классов вещей) мира: «Стеблей двух частей (Неба и Земли. В данном разделе текста описывается процесс гадания, а потому упоминаются стебли тысячелетника. – Ю.С.) – 11 520, что соответствует числу тьмы вещей» [26: с. 211]. В другом философском комментарии к «И Цзин» – «Шо гуа чжуань» – содержатся базовые, канонические версии значений всех 8 ТГ, которые впоследствии развивались и дополнялись китайскими мыслителями эпохи древности и Средневековья. Так, например, в 11 чжане (главе) о ТГ Ли сказано следующее: «Ли – огонь, солнце, молния, средняя дочь, латы и шлем, копье и меч; она в человеке – большой живот; это триграмма сухости; съедобная черепаха, краб, раковина, жемчужная устрица, черепаховый щит; в дереве она – засохшие верхние побеги» [32: с. 243].

Теперь обратимся к системе пяти элементов – у син, представление о кажущейся простоте которой пропадает уже на уровне изучения форм ее экспликации в классических текстах. Здесь исследователь почти сразу сталкивается с рядом проблем, порожденных, во-первых, существованием разных наименований системы⁶; во-вторых, неодинаковым

⁵ Точные даты сейчас установить невозможно, а в сформировавшемся виде и ба гуа, и у син мы встречаем в текстах IV–II вв. до н.э.

⁶ В «Шу цзин» они названы «лю фу» (шесть складов), а в «Цзо чжуань» – «у цай» (пять материалов) [из которых созданы вещи. – Ю.С.].

объяснением причин происхождения элементов⁷; в-третьих, различными вариантами их численности и набора⁸; в-четвертых, существованием разных порядков расположения [55: с. 253–256].

Эти сложности породили множество вариантов объяснения существа системы у *син*. Не вдаваясь в их перечисление, выделим одну, традиционно считающуюся наиболее обоснованной и достоверной: в системе у *син* все вещи Универсума классифицируются по родам в соответствии с преобладанием в них какой-либо из пяти «природ». Например, если основной природой кислого вкуса является дерево, то горького – огонь, сладкого – почва и т.п.

Последовательная реализация принципа родовых соответствий привела к образованию схем, систематизирующих основные феномены социума и природы по заданным основаниям – элементам системы у *син*. Поясним это утверждение на примере, где заданы матрица – набор элементов и порядок их расположения и группа классифицируемых явлений.

Если за матрицу принять *дерево, огонь, почву, металл, воду*, а классифицируемыми явлениями обозначить времена года, этапы развития, стороны света, дни недели, проявления климата, цвета, запахи, эмоции, полезные злаки, полезное мясо, планеты, числа и ноты китайской пентатоники, то гомологические ряды будут построены следующим образом:

Дерево – весна, рождение, восток, четверг, ветер, зеленый (голубой), кислый, зловонный, гнев, пшеница, курятина, Юпитер, 3 и 8, цзюэ.

Огонь – лето, рост, юг, вторник, жара, красный, горький, острый, радость, просо, баранина, Марс, 2 и 7, чжэн.

Почва – долгое лето, зрелость, центр, суббота, влага, желтый, сладкий, душистый (приятный), забота, рожь, говядина, Сатурн, 5 и 10, гун.

Металл – осень, старость, запад, пятница, сухость, белый, острый, пресный, грусть, рис, конина, Венера, 4 и 9, шан.

Вода – зима, смерть, север, среда, холод, черный, соленый, затхлый (плесень), страх, бобы, свинина, Меркурий, 1 и 6, юй [34: с. 26].

Если теперь сравнить приведенные ассоциативные гомологические ряды у *син* и *ба гуа*, то можно сказать, что обе классификационные системы – не что иное, как способы генерализирующего обобщения, существо которого состоит в выделении из класса предметов наиболее представительного (репрезентативного), в наибольшей степени отвечающего представлениям об идеальном (совершенном)

состоянии предметов представляемого класса, а потому обладающего наибольшей ценностью.

Здесь репрезентант является одновременно и единичным предметом, и, в качестве представителя целого класса, – их общим именем⁹, в отличие от абстрагирования, где представителем класса предметов является общее понятие, содержащее в своем объеме информацию о наиболее существенных признаках каждого из предметов ряда и одновременно отличное от каждого из них. Известно, что в европейской культуре развитие процесса абстрагирования привело к отчуждению сущности от явления, образованию представлений об особом мире идеального и формированию идеи высшего сакрального объекта – Бога. Поэтому специфика процесса обобщения является одним из наиболее значимых факторов, позволивших китайской культуре сохранить в неприкосновенности представления о субстанциальном единстве сущего.

Для даосизма этот логико-методологический принцип имел фундаментальное значение, о чем свидетельствуют минимум два обстоятельства.

Первым является классический текст «внутренней алхимии» – трактат Чжан Бо-дуаня «Главы о прозрении истины» (*У чжэнь пянь*), тщательный и подробный комментарий которого Е.А. Торчиновым не оставляет сомнений в согласованности даосского пути обретения бессмертия с системой 64 гексаграмм (ГГ) [37].

Вторым – знаменитые 13 форм *тайцзи-цюань* Чжан Саньфэна – создателя собственной школы (*саньфэн пай*) и одного из даосских бессмертных. В традиционно приписываемом ему «Каноне тайцзи-цюань» сказано:

Тринадцать способов применения силы суть таковы: Пэн, Люй, Цзи, Ань, Цай, Ле, Чжоу, Као – вот Восемь Триграмм.

⁹ При описании классификационных схем *ба гуа* и у *син* мы уже сталкивались с ситуацией, в которой ГГ, в одном случае, и элемент – в другом, одновременно обозначают и самих себя, и элементы представляемого ими класса. Сейчас приведем другие примеры, иллюстрирующие и дополняющие постулируемый тезис.

- Небо (тянь) – это и элемент космологической триады «небо, человек, земля» (тянь, жэнь, ди), и обозначение ее в целом в значении «природа».
- «Пневма» (ци) – элемент гносеопсихологической триады «пневма – душа-семя, дух-божество» (ци, цзин, шэнь) и одновременно обозначение каждого из трех его элементов (сань ци – три пневмы).
- «Индивидуальная природа (характер)» (син) – элемент антропологической пары «индивидуальная природа, чувственность» (син, цин) и ее обобщающее обозначение.
- «Тело (кожный покров)» (шэнь) – один из элементов пятеричного набора органов чувств человека, язык, нос, уши, глаза» (шэнь, шэ, би, эр, ян) и их совокупность в значении «целостный, обладающий душой и телом человеческий организм» [12].

⁷ Например, в «Цзо чжуани» говорится о том, что их родило Небо, а в «Гуань-цзы» их создание приписывается Хуан-ди.

⁸ В «Шу цзин» и «Цзо чжуань» к вышеперечисленным элементам добавляются злаки, а в «Ли цзи» отсутствует почва, но присутствуют питье и вода.

Наступление, отступление, взгляд влево и вправо, упокоенность в середине – вот Пять Фаз.

Пэн, Люй, Ци, Ань – это триграммы Кань, Ли, Чжэнь, Дуй – таковы Четыре Стороны.

Цай, Ле, Чжоу, Као – это триграммы Цянь, Кунь, Гэнь, Сюнь – таковы Четыре угла.

Наступление и отступление, взгляд влево и вправо и упокоенность в середине – таковы Металл, Дерево, Вода, Огонь, Земля [17: с. 342].

1.4. Представление о времени

Еще одним примером преобладания в процессах обобщения генерализации над абстрагированием является отсутствие в классической китайской философии концепции абстрактного времени, подобной ньютоновской [52].

В Китае время понималось как нечто совершенно конкретное, имеющее неоднородную качественную структуру и непосредственно связанное с пространством. В практическом плане неоднородность или дискретность времени означала существование в нем «самом по себе» благоприятных и неблагоприятных моментов для различных видов деятельности. Нормативно это было закреплено в одном из основных тезисов «Книги Перемен», гласящем: каждое действие должно быть своевременным, оно успешно при совпадении с благоприятным моментом времени и неудачно при совпадении с неблагоприятным¹⁰.

Представления о дискретном характере времени, которые были отмечены еще М. Гранэ [49], неразрывно связаны с представлениями о различной плотности и прерывности пространства, единстве времени, пространства и событий, наличии у пространства и времени центра и конкретизируются характерными для китайцев воззрениями о цикличности развития сущего, в котором периодически повторяются три разных по своей длительности отрезка времени: историческая эпоха, сезон года и благоприятный случай [13: с. 89], когда повторение сезонов года происходит в рамках исторических эпох, а благоприятных случаев – в пределах сезонов года. По мнению некоторых последователей Гранэ, идея цикличности времени составляет важнейшую особенность китайского мышления и китайской культуры [60].

Вторым следствием влияния процесса генерализации на формирование представлений о времени является отсутствие в китайской культуре дихотомии время/вечность, аналогичной той, которая сложилась и до сих пор функционирует в иудео-христианской и исламской культурах. Причина этого заключается в почти полном отсутствии

представлений о втором члене этого отношения – вечности, поскольку время полагалось единственно возможным способом существования вещей Универсума, а принцип перемен был универсален. Для классической китайской традиции было характерно мыслить время и вечность в нераздельном единстве, и преобладающая в ней тенденция состояла не в том, чтобы *преодолеть* время, а в том, чтобы *приспособиться* к нему [51].

В соответствии с этим общим принципом истолковывались три важнейшие теоретические и экзистенциальные проблемы: 1) личного бессмертия, 2) начала мира во времени и 3) бытия трансцендентного. Рассмотрим их по порядку.

Проблема личного бессмертия имела две ипостаси [46]: первая состояла во влиянии совершенных человеком при жизни дел на дальнейшее развитие общества (отсюда такой пиетет к деяниям предков и другим факторам культуры, относящимся к проблемам родства и клановости), а вторая – в сохранении в неизменном или несколько преобразованном виде собственного тела, что полагалось возможным при осуществлении особых процедур, согласованных с порядком расположения ГГ по Вэнь-вану, а значит – соответствующих пути Универсума. Бессмертие достигалось согласованием *дао* человека с *дао* Неба и Земли [27: с. 36].

Проблема возникновения мира во времени в классической китайской философии и мифологии до сих пор весьма туманна, поскольку в древней и средневековой литературе существует множество ее версий. Философские варианты можно обнаружить во второй главе «Хуайнань-цзы» «О начале сущего» [8: с. 46–55], в «Лин сянь» Чжан Хэна (раздел «Законы действия животворных сил») [8: с. 328–329], в предельно сжатой, лапидарной и символической форме – в «Си цы» и «Шо гуа», а также в различных мифологемах [44: с. 121–137]. Но среди всего многообразия идей без особого труда прослеживается, что почти во всех случаях истоки культуры и цивилизации китайцы относили к эпохе первопредков и совершенномудрых правителей, тем самым полагая ее начало во времени.

С тех пор, по их мнению, общество постоянно деградировало, поэтому времена правления Яо, Шуня и Юя¹¹ считались «Золотым веком», а деяния совершенномудрых правителей – образцом для подражания. Именно древность была эпохой, оставившей эталонные способы действий, точное повторение которых считалось невозможным: уже Конфу-

¹⁰ Эта мировоззренческая установка во многом объясняет широкое распространение в китайской культуре мантического ритуала ши, поскольку именно определение благоприятных моментов является его основной задачей.

¹¹ Яо (2356–2255 до н.э.), Шунь (2255–2205 до н.э.), Юй (считался основателем легендарной династии Ся – 2205–2197 до н.э.), Тан (или Чэн Тан – основатель династии Шан – 1766–1753 до н.э.), Вэнь-ван, У-ван, Чжоу-гун (основатели и первые правители династии Чжоу, XI в. до н.э.).

ций учил, что нельзя достичь полного соответствия древним безукоризненным образцам, но стремиться к уподоблению им – священный долг каждого благородного мужа и правителя. Поэтому новации не поощрялись, и наиболее распространенным предложением для выражения собственных мыслей считалось восстановление истинного значения классических книг, исправление «вреда», нанесенного ему неправильными, тенденциозными толкованиями в прошлом. Многозначность терминологии и устойчивая письменная традиция создавали для этого неплохие условия. И чем древнее была книга, тем большей степенью достоверности обладал содержащийся в ней материал; чем ближе к основателям китайской цивилизации¹² и совершенномудрым правителям находился источник информации, тем ближе был он к Истине, дарованной человеку Небом.

Теперь обратимся к *проблеме существования вневременных, трансцендентных сущностей*, в которой можно выделить минимум три аспекта.

Первый из них заключается в том, что моральные нормы и правила ритуала были эталоном организации жизнедеятельности людей, и с момента их письменной фиксации в конфуцианском каноне имели императивный, неизменный и в этом смысле трансцендентный характер. Их ценность значительно превышала значимость всех последующих действий и служила надежной гарантией высокого авторитета древности, сохранения в неизменном виде предначертаний первопредков и совершенномудрых правителей, постоянное обращение к их заповедям.

Вторым трансцендентным фактором китайской традиции можно считать ГТ «И Цзина», происхождение которых на заре цивилизации было окутано тайной и традиционно связывалось с образом Неба и фигурами первопредков, а функциональная значимость в темпоральном отношении состояла в том, что, находясь в неизменности, они через мантический ритуал *ши* помогали человеку проникать в ткань времени и согласовывать свои действия с волей Неба.

Третьим трансцендентным фактором китайских представлений о реальности является покой, считавшийся базовым состоянием Универсума, в отличие от его манифестации – движения. Идея фундаментальности покоя содержится в даосской («Дао дэ цзин») и конфуцианской («Си цы чжуань») литературе, а также в тексте «И Цзин», где выражена словосочетанием *тун бянь*: иероглиф *тун* имеет значения «универсальное», «неизменное», «оставляющее неизменным», а иероглиф *бянь*, напротив, – «изменяющееся», «частное», «изменять». После исследований Ф. Текеи [59] принято считать, что оба иероглифа отражают концепцию изменения как вариации неизменного, ча-

стичного движения в неподвижности целого, чего-то случайного во всеобщности неизменного, по существу незначительного движения на фоне вечного застоя. Близкое по духу заключение было получено Г. Вильгельмом в результате изучения иероглифа *и*, с которым обычно связывают идею движения (перемен). Он установил, что иероглиф *и*, заключая в своем значении и динамический, и статический моменты, исключает сугубо релятивистское истолкование канона: концепция движения в классической китайской философии предполагала наличие стабильных (покоящихся) структур Универсума [3].

1.5. Символизм

Среди наиболее ярких, значительных и заметных архаических элементов китайской культуры следует отметить *символизм ее знаковых средств* – иероглифов, триграмм, гексаграмм и элементов системы у син. Этот символизм пронизывал ментальные основания цивилизации и позволял избегать противоречий между несовместимыми, на европейский взгляд, вещами. Так, например, в отличие от европейской традиции, где ученый противопоставлялся поэту, а воин – художнику, в Японии и Китае считалось обязательным изучение различных искусств, чтобы в результате их синтеза появился целостный взгляд на вещи. Пожалуй, наиболее существенным элементом, делающим этот когнитивный синтез возможным, является *иероглиф*, вполне конкретная, «вещная» форма которого позволяет мыслить знак и в качестве равноправного члена ряда обобщаемых им предметов, и одновременно в качестве их общего имени, репрезентанта, близкого по смыслу к системам тотемических классификаций.

Иероглифический характер китайской культуры, относительная стабильность смыслового поля каждого иероглифа стали препятствием на пути развития формальной логики, которая без операции абстрагирования и в отсутствие переменных, способных принимать произвольное значение, немыслима. Ее место в классической китайской философии и культуре занимало *сян шу чжи сюэ* – учение о символах и числах [12], основанное на принципах «Книги Перемен». И именно отсутствие формально-логических законов – особых правил организации понятий, суждений и умозаключений – явилось важнейшей причиной сохранения в китайской культуре представлений о единстве Универсума; он не был разделен на два мира, в каждом из которых действовали собственные законы: в мире вещей – законы природы, в мире идей – законы логики¹³.

¹³ В этой части статьи я весьма упрощаю ситуацию, поскольку изложенный взгляд на китайскую логику далеко не бесспорен. Имеются серьезные аргументы в пользу близости «китайской» и «европейской» логики. См., напр.: Крушинский А.А. Логика Древнего Китая. Москва : ИДВ РАН, 2013. 382 с.

¹² Фу-си, Хуан-ди, Шэнь-нун.

Ближайшим следствием этого феномена стало отсутствие в многочисленных системах китайской философии, имеющих автохтонный характер, концепции противоречия как контрадикторного отношения между противоположностями. Здесь противоположности, как правило, не являются взаимоисключающими компонентами отношения, и существование одной не исключает существование другой: всепробивающее копье может существовать наряду с непробиваемым щитом.

С символическим характером китайской культуры самым непосредственным образом связано интенсивное использование терминологического аппарата, в широком смысле слова совпадающего с естественным языком в его письменной форме (*вэньяне*), а в узком, специальном смысле – сравнительно ограниченного по объему. По разным оценкам, число составляющих его терминов колеблется в диапазоне от 115 до 60 с лишним иероглифов [12]. Проводя аналогию с первобытным мышлением, можно сказать, что техника бриколажа проявляется здесь в максимально эффективном использовании небольшого по численности понятийного аппарата. В классических китайских текстах употребляемые понятия постоянно меняют свое значение. Многие из них есть, в некотором смысле, переменная, принимающая тот или иной смысл в зависимости от целей автора и контекста главы или фразы¹⁴.

Совпадение естественного языка с языком философским, а также широкое использование философских терминов в других отраслях знания породило феномен глубокой философичности китайской литературы, с одной стороны, и беллетристичности и поэтичности философских текстов,¹⁵ с другой. На практике они трудно различимы, и их общей характеристикой иногда не без оснований считают мифопоэтичность, которой присущи практически все черты, определяющие тропический характер мифа.

1.6. Бинарные оппозиции

Еще один элемент близости менталитета китайской и архаической культур¹⁶ состоит в существовании универсальной бинарной оппозиции между первичными модификациями *ци* – *инь* и *ян*. Они пронизывали своими эманациями всю тьму вещей

¹⁴ Данную особенность иероглифа не стоит понимать слишком буквально, ибо иероглиф – это, конечно, не переменная, имеющая произвольный диапазон значений, а термин с ограниченной областью смыслов.

¹⁵ Так, например, хорошо известно, что «Дао дэ цзин» является поэтическим произведением.

¹⁶ Строго говоря, этот пункт имеет двойственный характер. С одной стороны, он свидетельствует о близости классической китайской философии и культуры принципам первобытного мышления, с другой – о ее соответствии принципам организации мышления вообще.

Универсума и противопоставались друг другу, а общим правилом снятия противоречия являлось сведение противоположащих элементов к некоторому среднему члену. Необходимость такого баланса выражалась в высшей ценности гармоничного устройства макрокосма и двух микрокосмов – человека и общества [28].

Так, например, в области этики и социологии идея гармонии имела вид учения о середине, на которое должен ориентироваться благородный муж и которому следовали совершенномудрые [15], а в формальной методологии ее основой была доминирующая во всех областях культуры идея центра: «Поднебесная» называлась срединным государством, центральное поле в стандартном девятиклеточном квадрате считалось главным и заполнялось наиболее значимыми элементами, третья (средняя в числе пяти) нота пентатоники – *гун* – была среди всех прочих главной и т.п.

Помимо фундаментальной оппозиции *инь-ян* в цигун вообще и во «внутренних школах» в частности существовали другие бинарные оппозиции, составляющие каркас и теоретических представлений, и практики. Приведем два примера.

Первый пример – это различие в ментальной сфере человека двух ипостасей ума: *И* и *Синь*. *И* представляет собой разум, связанный с мудростью и логическими суждениями, он концентрируется и укрепляется с помощью воли. *И* возникает из *пренатальной ци* (*юань ци*), трансформировавшейся из изначальной *ци*, унаследованной от родителей. *Синь* образуется на основе эмоций и находится под их влиянием. Он берет свое начало в *постнатальной ци* (*ши ци*), получающейся из *цзин* пищи [39: с. 59–61].

Второй пример – *Кань* и *Ли*. *Кань* – это *Вода*, она является *Инь* в отношениях с *Ли*, символизирующим *Огонь* и являющимся *Ян*. Практикующие *цигун* полагают, что теоретически наше тело всегда является слишком *Ян*. Если наше тело всегда слишком *Ян*, это значит, что оно слишком быстро дряхлеет, сжигает себя. Считается, что именно в этом заключается причина старения. Именно поэтому занимающиеся *цигун* изучают способы улучшения качества *Воды* в организме и уменьшения количества *Огня* [39: с. 138].

2. Путь к бессмертию мастеров «внутренних школ»

2.1. Истоки и общее понятие «внутренних школ» ушу

Как уже было сказано выше, различные части формальной методологии классической китайской философии и культуры объединяло и цементировало общее основание – учение о единой субстанции – *ци*. Именно *ци* считалась первоосновой сущего и

одновременно «энергетическим субстратом» всех вещей и явлений. Трансформация «явленного мира» обуславливалась трансформациями *ци*, и, следовательно, превращение человека в *сяня*¹⁷ было невозможно без изменения энергетических потоков *ян-ци* и *инь-ци*.

Методы изменения этих энергетических потоков были различны, и поиск даосами наиболее эффективного способа достижения личного бессмертия развивался по нескольким направлениям. Одно из них – так называемые «внутренние школы» боевых искусств, самыми ранними из которых, вероятно, были *хоутянь-фа* («Посленебесные техники») и *сяоцзютянь* («Малые Девять Небес»), предположительно возникшие в период 550–600 гг. н.э.¹⁸ До наших дней они не сохранились, имена их создателей неизвестны, поэтому наиболее древними традициями, продолжающимися до сих пор, обычно считаются *тайцзи-цюань* и *люхэбафа*, основателями которых называют полулегендарных даосов Сюй Сюаньпина (618–907 гг. н.э., династия Тан), Чэн Линси (502–557 гг. н.э.?) и Чэнь Туаня (871–989). Первым двум приписывают создание основных принципов и форм *тайцзи-цюань*¹⁹, которые потом были переосмыслены и закреплены в «тринадцати формах» одного из даосских «бессмертных» Чжан Саньфэна (XII в. н.э.) [33: с. 19; 38: с. 31], а Чэнь Туаню – создание *люхэбафа*. Два других внутренних стиля возникли позже: *синь-цюань* создал в первой половине XII в. знаменитый китайский полководец Юэ Фэй, а *багуачжан* – Дун Хайчуань (последняя треть XIX в.).

К созданию уникального вида боевых искусств даосов побудила необходимость самозащиты, поскольку без сохранения целостности тела и самой жизни было невыносимо превращение в *сяня*. Особенно нуждались в эффективной системе самозащиты даосы-отшельники, не защищенные от разбойников и диких зверей ни монастырскими стенами, ни вооруженными охранителями правопорядка.

Но чем же им не подходили традиционные виды боевых искусств, достигшие в средневековом Ки-

тае очень высокого уровня развития? Прежде всего, своей направленностью на совершенствование физических кондиций воина и на развитие навыков боя под началом командира в строю, с оружием и в доспехах. Это кардинально отличалось от цели и образа жизни даоса-отшельника, которому надо было найти «средний путь», сочетавший эффективные способы самозащиты с созданием эликсира бессмертия.

Такой «золотой серединой» и стали «внутренние школы», сочетавшие боевые техники с ярко выраженным оздоровительным эффектом и методами культивирования и управления *ци*. Для того, чтобы не быть голословным, приведу небольшой фрагмент из книги одного из наиболее авторитетных мастеров *тайцзи-цюань* стиля Ян Вэй Шужэня²⁰, в котором он описывает работу мастера, имеющего не менее десяти лет постоянной практики занятий *тайцзи-цюань*, с *ци* при исполнении формы «*е ма фэнь цзунь*»²¹.

«1. Локтями ведут поясное кольцо на поворот вправо, так, чтобы корпус спокойно повернулся вправо. Представляют, что перед грудью находится большой шар *ци*, перекатывающийся против часовой стрелки. Кисти, ведомые перекатыванием шара *ци*, поднимаются справа и опускаются слева. Когда окажутся перед средней линией живота-груди, они собирают в центрах маленькие шарики *ци* и образуют полусвернутые кулаки, центры которых располагаются друг над другом. Во время перекатывания большого шара *ци* левая стопа, касаясь земли передней частью подошвы, приставляется к правой стопе. Ноги согнуты в легком приседе.

2. Из зоны корня среднего пальца правой кисти на внешнюю сторону левого плеча направляют шарик *ци*. Одновременно симметрично поступают с другим шариком *ци*. Особенности. Когда побуждают шарик *ци* идти на выход, формы кистей не должны совершать жесткое отмахивающее движение. Нужно, чтобы выступила мысль об отбрасывании, которая поведет шарики *ци* на выход в обе стороны. Лишь следуя этому, кисти разворачиваются. Так воспитывают взрывное внутреннее усилие бросания «*чжуай* для защиты "среднего жилища" (центра тела)» [5: с. 72–73].

¹⁷ Насколько мне известно, этот общий принцип относится ко всем трем типам *сяней*: 1) «небесным бессмертным» (Тянь сянь), взнесшимся на небеса в качестве чиновников божественной иерархии; 2) «земным бессмертным» (Ди сянь), живущим на земле на неких «славных горах» или в фантастических «счастливых землях»; 3) «бессмертным, освободившимся от труп» (Ши цзе сянь), т.е. святым, не успевшим при жизни обрести бессмертие, но воскресшим после смерти [31: с. 311].

¹⁸ Некоторые исследователи истории китайских боевых искусств считают, что именно эти два стиля легли в основу *тайцзи-цюань* [42].

¹⁹ Хорошо известно, что существует версия гораздо более позднего происхождения *тайцзи-цюань* [17; 30: с. 388–389].

²⁰ Вэй Шужэнь – ученик Ван Юнцюаня, ученика Ян Чэнфу – третьего сына Яна Цзянхоу – сына основателя тайцзи-цюань стиля Ян – Ян Лучаня.

²¹ Боевое применение этой формы, как и других форм *тайцзи-цюань*, многократно описано в специальной литературе и отражено в видеоматериалах, например в известном фильме «Упрощенный *тайцзи-цюань*. Стиль Ян и его применение в самообороне», который вышел на видеокассетах еще в начале 90-х гг. прошлого века.

2.2. Достижение высших состояний сознания в психофизических трансформациях мастеров «внутренних школ»

Но превращение боевых техник в динамическую форму *цигун*²² не решало основной задачи даосизма – достижения личного бессмертия²³. Для этого требовалась развернутая система психофизической трансформации, позволяющая в итоге создать и выпестовать «бессмертного младенца». Как ни странно, наиболее подходящая для этой цели система была создана не даосом, а первым патриархом чань-буддизма Да Мо (Бодхидхарма), родиной которого, как известно, был отнюдь не Китай, а город Канчи – столица южно-индийского княжества Паллава.

Согласно легенде две системы цигун – *Ицзинь-цзин* (цигун изменения мышц и сухожилий) и *Сисуй-цзин* (цигун «промывания» костного и головного мозга) были созданы Да Мо в буддийском монастыре *Шаолинь* в результате синтеза тысячелетнего опыта буддийской медитации с классическими китайскими представлениями о *ци* и о психофизической целостности человека. Созданные буддистом и для буддистов, они, тем не менее, позже получили весьма широкое распространение в китайской культуре [47].

Ицзинь-цзин и *Сисуй-цзин* не изолированы друг от друга. Они представляют собой единую целостную систему психосоматической трансформации, начальный пункт которой – укрепление мышц и сухожилий, конечный – личное бессмертие человека²⁴.

Несмотря на то, что обе формы *цигун* были созданы буддистом и для буддистов, в Шаолине прижилась только одна из них – *Ицзинь-цзин*, которая до сих пор обязательна в системе боевой подготовки монахов. Техника и принципы *Сисуй-цзин* не вписывались в традиции буддийской медитации и вскоре после того, как Да Мо покинул Шаолинь (то

ли умер, то ли ушел в Индонезию), вышли из обихода и были забыты. Поэтому в китайском буддизме *Сисуй-цзин* малоизвестен (хотя отдельные методы и приемы, например укрепление половых органов, практикуются)²⁵.

Во «внутренних школах» – *тайцзи-цюань* и *люхэбафа* – ситуация сложилась иначе²⁶. Попав к даосам, обе системы органично вписались в представления об истинном пути обретения *Дао*, дополнив теорию бессмертия набором конкретных принципов и методик²⁷. Что же они из себя представляют?

До совсем недавнего времени узнать об этом было непросто, поскольку по разным причинам за пределы даосских и буддийских общин информация об этих системах не выносилась. И *Ицзинь-цзин* и *Сисуй-цзин* имели закрытый характер и предназначались для ограниченного числа посвященных, которые были способны понять и воплотить в жизнь их технику, принципы и идеи. И не только потому, что овладевший этими системами человек многократно усиливал свою боевую мощь и приобретал буквально фантастические свойства, но и потому, что путь психофизической трансформации становился путем жизни и исключал все, что ему препятствовало или не помогало.

В современной отечественной и зарубежной литературе достаточно много упоминаний об *Ицзинь-цзин* и *Сисуй-цзин*²⁸, но только в одной книге я нашел достаточно подробное и последовательное изложение обеих систем, данное в контексте современных научных представлений о психосоматической целостности человека. Это книга американского исследователя

²⁵ Это также отражено в различных текстах и видеоматериалах, например в снятом в начале 80-х гг. фильме «Шаолинь: реальное мастерство».

²⁶ См., напр.: Hirsh Diamant, Steve Jackowicz. Daoist Martial Alchemy: The *Yijin jing* at the Tongbai Gong / Journal of Daoist Studies. 2015. Vol. 8. P. 193–203. «Боевая алхимия даосов: "Ицзинь цзин" в даосском храме Гунбайгун». Tongbai Gong, упомянутый в названии статьи и в ее содержании, – это название даосского храма в горах Тяньтай, провинция Чжэцзян.

²⁷ Заключительная и наивысшая стадия медитации в *Сисуй-цзин* – «девять лет лицом к стене» (которая является важнейшим отличием *чань* от других направлений буддизма) трактовалась в даосизме как процесс пестования «бессмертного младенца».

²⁸ В даосском каноне *Ицзинь-цзин* и *Сисуй-цзин* отсутствуют. Как пишет Ян Цзюньмин, «Подлинный манускрипт *Ицзинь-цзин* (*Чжэнь бэнь ицзинь-цзин*)»... обнаружил г-н Цзян Чжучжуан, в семье которого он тайно передавался из поколения в поколение. Позднее такой же текст был найден в одной рукописи, хранящейся в Ханьфэньлоу (где был в свое время издан Даосский Канон и который служил депозитарием даосских текстов). После сравнения и редактирования этих двух текстов они были изданы Гунцзян Лаожэнем в 1-м томе книги «Китайский шэньгун». «Подлинный смысл китайского *сисуй-гуна* (*Чжунго сисуй гунфу чжи чжэнь ди*)» был опубликован г-ном Чжай Чжанхуном. Этот документ также входит в 1-й том книги «Китайский шэньгун» [40: с. 37].

²² Для нас очень важно, что и прежде, и теперь «внутренние школы» ушу рассматриваются как разновидность цигун. Так, например, излагая принципы *тайцзи-цюань*, Ян Цзюньмин пишет: «Тайцзи-цюань является формой цигун» [41: с. 49]. То же самое утверждает и Ван Юнцюань: «...тайцзи-цюань, как представитель внутренних школ, возвращает ци, делает проходимыми каналы. Можно сказать, что главным служит расслабление и регулировка во всем теле энергии и крови, что позволяет отнести его к цигуну». И, чуть выше: «Хотя тайцзи-цюань относится к системе боевых искусств, можно сказать, что это часть китайской медицины» [2].

²³ Для создания и пестования «бессмертного младенца» необходимы два важнейших условия: 1) накопление значительного количества *ци*, 2) управление *ци*. Первая задача решалась буддийской медитацией, вторая – даосской. Поскольку их задачи различны, то и техника неодинакова (см., напр.: [39]).

²⁴ *Ицзинь-цзин* и *Сисуй-цзин* являются системами, совмещающими принципы и техники *вай-дань* и *нэй-дань*. Разница между ними в том, что на начальном этапе доминируют «внешние» техники, на конечном – «внутренние».

китайского происхождения Ян Цзюньмина «Секреты молодости: Цигун изменения мышц и сухожилий. Цигун промывания костного и головного мозга»²⁹, которая и станет основным источником для краткого описания психофизиологических трансформаций мастеров «внутренних школ».

Генеральная цель *Ицзинь-цзин* и *Сисуй-цзин* состоит в накоплении *ци*, количество которой должно быть достаточным для создания «бессмертного младенца» («*шэн тай*» или «*лин тай*»), его возвращения и замещения им смертного тела адепта.

Начинается тренинг с трансформации мышц и сухожилий, что необходимо: 1) для общего укрепления организма; 2) развития боевых навыков и формирования «железной рубашки» (*те бу шань*) и «золотого колокола»; 3) реализации энергетического потенциала, заложенного в соматических структурах личности.

Помимо этого самое пристальное внимание уделяется правильному питанию и регуляции дыхания, поскольку именно пища и воздух являются наиболее важными «внешними» источниками *ци*³⁰.

Начинается тренинг, как правило, ранней весной с *оптимизации функций желудка*. Для этого используется четыре метода – диета, массаж, дыхательные техники и специальный комплекс физических упражнений. Состав диетических продуктов, насколько мне известно, нормативно не был закреплен и зависел от местных условий. Техника массажа области *Ниван*, где расположен желудок, напротив, стандартна и занимает как минимум первые сто дней *Ицзинь-цзин*, развиваясь от легких поглаживающих движений до прокатывания каменными или металлическими шарами. Дыхательные техники представляют собой медитативную концентрацию на процессе проведения на вдохе воздуха в область *Ниван* и возвращения его обратно. Комплекс физических упражнений *Ицзинь-цзин*, который начинается на этом этапе и продолжается на всем протяжении тренинга изменения мышц и сухожилий, состоит из согласованных с дыханием специальных движений, дошедших до нас как в хорошо сохранившихся рисунках, так и в традиции семейных и монастырских школ³¹. Субъ-

ективный критерий успеха практики состоит в так называемом разжигании огня, когда адепт ощущает тепло в области *Ниван*. С этого момента он уже может приступать к практике *Малой циркуляции*, которая является важнейшим методом очищения каналов и управления *ци*.

Диетическим правилам и нормам, сформировавшимся на первом этапе *Ицзинь-цзин*, адепт должен следовать практически на всем протяжении своего пути, за исключением последних стадий, когда потребность в пище практически исчезает. Причем регуляция питания важна не только для оптимизации и развития соматических функций организма, но и для активизации работы головного мозга. Например, нейроны пищеварительного тракта вырабатывают большинство медиаторов, свойственных головному мозгу. В кишечнике также производится около 80–90 % эндорфина и серотонина – гормонов, от уровня которых зависит самочувствие человека [54]. Исследования взаимосвязи состояния микрофлоры кишечника и заболеваний мозга также показали, что деменция, болезнь Альцгеймера, болезнь Паркинсона могут быть связаны с плохим состоянием кишечника. В настоящее время можно считать доказанным, что кишечная микрофлора способна усугубить течение заболеваний, которые раньше считались исключительно психическими, что воспалительные процессы в кишечнике способствуют, в том числе, возникновению депрессии [57].

В *процессе дыхания* особую роль играет обогащение кислородом головного мозга, поскольку именно от его работы зависит нормальное функционирование соматических структур. Это обстоятельство было хорошо известно в традиционной китайской медицине, представителями которой в основном были даосы. Ставя одной из своих целей оздоровление организма, без которого телесное бессмертие было недостижимо, даосы уделяли перво-степенное внимание двуединой проблеме: 1) максимально возможному насыщению крови кислородом и 2) наиболее эффективному кровоснабжению головного мозга. Эта проблема решалась с помощью медитативных дыхательных упражнений³², которые являются важнейшим и неотъемлемым элементом *Ицзинь-цзин*. Будучи первой, исходной формой медитации, они переходят затем в иные техники, трансформируясь до тех пор, пока на заключительном этапе пути к бессмертию медитация не становится *единственным* способом превращения даоса-отшельника в *сяня*. Именно поэтому о ней следует сказать особо.

²⁹ При работе с книгой Ян Цзюньмина я использовал русский перевод первого издания [40] и второе английское издание [61], которые несколько отличаются друг от друга.

³⁰ Помимо «внешних» источников *ци* существует еще и источник «внутренний» – *юань ци*, количество которой с возрастом только убывает. Энергию можно также получить и при сексуальном контакте с гораздо более молодым партнером, у которого запасов *юань ци* больше.

³¹ Профессиональное выполнение комплекса *Ицзинь-цзин* можно найти в сети Интернет по этой ссылке: https://www.youtube.com/watch?v=IFoOUUNP_Oc

³² Медитативные дыхательные упражнения решают не только названную задачу. Они также способствуют общему укреплению организма и даже излечивают некоторые заболевания нервной системы и дыхательного аппарата.

В различных религиозно-философских системах ключевая роль медитации основана, как правило³³, на представлениях о существах «потустороннего мира», а также условиях, принципах и механизмах отношений между этими существами и людьми. И благотворное влияние медитации на человека объясняется здесь деятельностью сверхъестественных персонажей, передающих часть своих свойств вопрошающему адепту. Отсюда и уникальные, порой до сих пор необъяснимые способности и состояния, возникающие у людей на высших уровнях медитации.

Эти способности и состояния издавна привлекали внимание исследователей, но недостаточно высокий уровень развития научного знания долгое время не позволял дать адекватное описание и объяснение изучаемых процессов. И лишь в конце XX – начале XXI в. ситуация существенно образом изменилась, поскольку была создана аппаратура и разработано программное обеспечение, позволившие зафиксировать и описать нейродинамические процессы, протекающие во время медитации, и на основании полученной информации объяснить и эффективность медитации, и механизмы ее влияния на мозг. Например, в результате экспериментальных исследований буддийской медитации, проведенных Ричардом Дэвидсоном, Антуаном Лутцем и Матье Рикаром в период с 2000 по 2015 г., было установлено не только изменение определенных когнитивных и эмоциональных состояний медитирующего субъекта, но и увеличение объема серого вещества в островковой доле и префронтальной коре [10]. Это означает возможность биологического развития мозга в процессе длительной систематической медитации и подтверждает выводы, полученные группой ученых из Колумбийского университета о способности человеческого мозга производить клетки в любом возрасте [45]. В целом научное доказательство развития в процессе медитации анатомических структур головного мозга, роста его функциональности и возможности возникновения на этих основаниях новых ментальных и соматических свойств открывает путь к пониманию ключевой роли медитации в даосской практике достижения бессмертия.

Однако в даосизме, в отличие от многих систем буддизма, только лишь медитация не была панацеей от бед сансары и не гарантировала вечной жизни. Она была самым совершенным, но не единственным

³³ Словосочетание «как правило» я применил потому, что существуют религиозно-философские системы, где объектом созерцательной медитации являются божества, имманентные субъективной реальности адепта, «проживающие» в его внутреннем пространстве. Такова, например, школа *Шанцин*, техника медитации которой детально реконструирована С.В. Филоновым в монографии «Золотые книги и нефритовые письмена: даосские письменные памятники III–VI вв.».

инструментом изменения сознания, поскольку принцип психофизиологического единства человека – базовый для китайской философии и культуры, практически исключал сколь-либо существенное усовершенствование соматических или психических структур без учета их взаимосвязи и взаимозависимости: совершенствование сознания было невозможно без совершенствования тела, и наоборот.

Поэтому путь адепта к достижению высшей цели – бессмертия – начинался с трансформации тела, в первую очередь – с изменения мышц и сухожилий. И первые сто дней тренинга, помимо комплекса упражнений *Ицзинь-цзин*, посвящались специальному массажу, основная цель которого состояла в очищении *фасций* от жира, поскольку именно жир считался основным препятствием для правильной циркуляции *ци* и ее накопления в трех основных резервуарах. Массаж тела (за исключением головы и конечностей) начинался с легких поглаживаний, затем давление усиливалось, на дальнейших этапах подключалось использование деревянных, металлических или каменных шаров различного диаметра, а также специальных пестиков, с помощью которых очищалось от жира межреберное пространство. Завершалось очищение тела от жира ударами мешков разного веса, палок, связок бамбуковых или металлических прутьев. Вибрации от этих ударов проникали в глубь тела и расщепляли находящийся там висцеральный жир. Конечным этапом этой стадии тренинга была *Малая циркуляция* [43], после чего адепт переходил к тренировке конечностей, которая завершалась движением *ци* по *Большой орбите*.

Этим завершался тренинг *Ицзинь-цзин*, и адепт мог переходить к *Сисуй-цзин*, который был значительно более закрытой системой и начинался с укрепления половых органов и искусства трансформации сексуальной энергии *цзин*³⁴ в *ци*.

Механизм превращения *цзин* в *ци* не особенно сложен, как и технические приемы укрепления половых органов. Первое, относящееся к «внутренним» практикам, объяснял наставник ученику, который после тренинга *Ицзинь-цзин* достаточно хорошо ориентировался в специальных теоретических вопросах и имел определенный уровень практической подготовки. Второе, относящееся к практикам «внешним», многократно проиллюстрировано и разъяснено как в специальной литературе [40: с. 234–241], так и во множестве популярных «пособий».

Следующий этап *Сисуй-цзин* имел чрезвычайно важное значение для омоложения организма и заключался в «очищении» *костного мозга*, который,

³⁴ Термин *цзин* означает не только сексуальную энергию. Но в данном контексте он понимается именно так.

продуцируя клетки крови миелоидного ряда (эритроциты, зернистые лейкоциты), играет ключевую роль в кроветворной функции организма. Помимо этого костный мозг оказывает огромное влияние на иммунную систему и является единственной тканью взрослого организма, в норме содержащей большое количество стволовых клеток, близких по строению к эмбриональным клеткам. Однако все эти важнейшие функции выполняет красный костный мозг, который после 3–4-летнего возраста начинает перерождаться в желтый костный мозг, практически бесполезный для организма.

Можно предположить, что сравнение качественного состава костного мозга у взрослых, стариков и младенцев привело представителей традиционной китайской медицины (которыми повсеместно были даосы) к мысли о том, что важнейшей причиной старения является наличие желтого костного мозга и, следовательно, для омоложения этот бесполезный и даже вредный субстрат надо убрать, постепенно заместив его красным костным мозгом.

Как и на предшествующих этапах тренинга, для этой цели использовались как «внешние» (*вэй-дань*), так и «внутренние» (*нэй-дань*) техники. Первые состояли в разнообразных постукиваниях по костям, вторые – в различных методах управления *ци*, среди которых особая роль принадлежала циркуляции *ци* по *Большой орбите*. Считалось, что после «промывания» костного мозга адепт уже достаточно подготовлен для перехода на высший уровень – управление энергией головного мозга.

На этом малоизвестном нам этапе внешние техники уже не применялись, полностью замещаясь медитацией. Процессы создания и пестования бессмертного младенца, замещения им брэнного тела адепта происходили в пределах субъективной реальности, в полном одиночестве, апофеозом которого был даосский аналог чань-буддийской созерцательной медитации «девять лет лицом к стене».

Обычно этим аналогом был уход даоса-отшельника в высокогорье, где нейроны головного мозга, получившие максимально возможное развитие за счет усиленного снабжения кислородом на ранних стадиях медитации, постепенно приучались к кислородному голоданию – гипоксии. Именно гипоксия определяет функциональные особенности головного мозга и субъективной реальности в состоянии клинической смерти, когда единственным источником энергии для нейронов является *анаэробный гликолиз* [24]. Несомненно, естественный дефицит кислорода в высокогорье создавал идеальные условия для контролируемого сознательного перехода даосов-отшельников в «иную реальность».

И последнее. Совсем недавно в журнале *Nature* были опубликованы исследования двух независимых групп ученых, согласно которым в гипотала-

мусе млекопитающих, которые не впадают в спячку, имеются нейроны, активация которых замедляет обмен веществ на срок до двух суток [56; 58]. В контексте нашей проблемы это значит, что общее развитие головного мозга и целенаправленная активизация его определенных участков дают возможность длительное время избегать клинической смерти, одновременно формируя позитивные состояния субъективной реальности, обычно отождествляемые с Раем.

Итак, зародившиеся во второй половине первого тысячелетия нашей эры в лоне даосизма «внутренние школы» ушу являлись *образом жизни*, сочетавшим эффективную систему самозащиты, динамический цигун и уникальную систему целостной психофизиологической трансформации – *Ицзинь-цзин* и *Сисуй-цзин*. Их основная цель – личное бессмертие человека – полностью соответствовала идеологии даосизма, но реализовывалась при инкорпорировании выдающихся достижений индийской культуры³⁵.

Выводы

Когнитивные основания психосоматических трансформаций мастеров «внутренних школ» ушу простираются в диапазоне от архаических элементов классической китайской философии и культуры до способности человека в процессе медитации увеличивать потенциал головного мозга, развивая его функционал и произвольно трансформируя некоторые его отделы.

Объясняется столь широкий диапазон как генеральной целью *дао цзяо* – достижением личного бессмертия человека, так и спецификой «внутренних школ», инкорпорировавших в даосскую практику буддийские системы цигун *Ицзинь-цзин* и *Сисуй-цзин*.

Важно заметить, что состояние человека при клинической смерти подобно состоянию в перинатальный период, поскольку в обоих случаях источником синтеза АТФ является анаэробный гликолиз: плод в утробе матери легкими не дышит. Это самым тесным образом связано с завершающей стадией медитации, когда различными способами создается недостаток кислорода: уход в высокогорье, замедление дыхания вплоть до его полной остановки. Таким образом, на первом этапе пути к бессмертию дыхательными техниками и другими методами создаются максимально благоприятные условия для нейрогенеза и эффективной работы

³⁵ Помимо уже названного о глубине и силе этого синтеза свидетельствует создание Чжан Саньфэном – ключевой фигурой в истории *тайцзи-цюань*, даосской «Школы Трех пиков» – *Саньфэн пай*, в которой сочеталась идеология даосизма и буддизма.

головного мозга, а также делается буквально все для разрушения или остановки рефлексивной деятельности мозга (например, принципиальная противоречивость буддийских коанов формально-логическому дискурсу, остановка сознания в процессе медитации, практика *мо-гун*, в которой мыслятся образы, а не идеи, и т.п.). Параллельно происходит практически полное обновление соматических клеток: от клеток кожи и клеток крови до клеток сердечной мышцы, на замену которых требуется около пятнадцати лет.

На завершающей стадии потерявший навык рефлексивного мышления и развитый до максимальной возможной степени головной мозг оказывается в состоянии гипоксии, равно присущем головному мозгу плода в утробе матери и головному мозгу человека, находящегося в состоянии клинической смерти. Подобие физиологических состояний влечет за собой подобие состояний субъективной реальности. Но это именно подобие, а не тождество, поскольку в религиозном опыте целенаправленно и систематически формируются нейрофизиологические и психологические факторы, способные, с одной стороны, эффективно противостоять следствиям разрушения мозга в состоянии гипоксии (которые и являются причинами низвержения субъективной реальности в *Ад*), с другой стороны – создать максимально благоприятные условия для состояния субъективной реальности, обычно называемой термином «*Раи*».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ванденко, В.А.* Интерпретация категориального аппарата традиционной китайской медицины в контексте европейской науки (статья первая: категории цзин и ци) / В.А. Ванденко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 1. – С. 142–151.
2. *Ван Юнцюань.* Секретные техники тайцзи-цюаня / Ван Юнцюань. – Москва : Изд-во К. Кравчука, 2003. – 320 с.
3. *Вильгельм, Р.* Понимание «И цзин» : сборник / Р. Вильгельм, Г. Вильгельм. – Москва : Алетейя, 1998. – 208 с.
4. *Власова, Н.Н.* Маги (фан ши) в официальной китайской истории. Биография Гуань Лу / Н.Н. Власова // Вестник СПбГУ. – 2011. – Вып. 3. – С. 42–46; Вып. 4. – С. 24–31. – (Сер. 13).
5. *Вэй Шужэнь.* Истинная техника тайцзи-цюань стиля Ян / Вэй Шужэнь ; [пер. с кит. М. М. Богачихина]. – Москва : Ганга, 2008. – 320 с.
6. *Гань Бао.* Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи) / Гань Бао. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 1994. – 576 с.
7. *Де Гроот.* Демонология древнего Китая / Де Гроот. – Санкт-Петербург : Евразия, 2001. – 448 с.
8. *Древнекитайская философия.* Эпоха Хань. – Москва : Наука : Восточная литература, 1990. – 523 с.
9. *Дубровин, Д.А.* Трудные вопросы классической китайской медицины / Д.А. Дубровин. – Ленинград : Аста-Пресс, 1991. – 227 с.
10. *Дэвидсон, Р.* Мозг и медитация / Р. Дэвидсон, А. Лутц, М. Рикар // В мире науки. – 2015. – № 1. – С. 24–33.
11. *Китайская философия: Энциклопедический словарь.* – Москва : Мысль, 1994. – 573 с.
12. *Кобзев, А.И.* Учение о символах и числах в китайской классической философии / А.И. Кобзев. – Москва : Наука, 1994. – 432 с.
13. *Кроль, Ю.Л.* Проблема времени в китайской культуре и «Рассуждения о соли и железе» Хуань Куаня / Ю.Л. Кроль // Из истории традиционной китайской идеологии. – Москва : Наука : Восточная литература, 1984. – С. 53–127.
14. *Крушинский, А.А.* Логика Древнего Китая / А.А. Крушинский. – Москва : ИДВ РАН, 2013. – 382 с.
15. *Ли цзи.* Учение о середине // Древнекитайская философия : собрание текстов. В 2 т. Т. 2. – Москва : Мысль, 1973. – С. 119–136.
16. *Литвак, Л.М.* «Жизнь после смерти»: предсмертные переживания и природа психоза. Опыт самонаблюдения и психоневрологического исследования / Л.М. Литвак ; под ред. и со вступ. ст. Д.И. Дубровского. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – 672 с.
17. *Малявин, В.В.* Тайцзицюань: Классические тексты. Принципы. Мастерство / В.В. Малявин. – Москва : КНОРУС, 2011. – 520 с.
18. *Мачоча, Дж.* Основы китайской медицины. Подробное руководство для специалистов по акупунктуре и лечению травами. В 3 т. Т. 1 : пер. с англ. / Джованни Мачоча. – Москва : Рид Элсивер, 2011. – 440 с.
19. *Мачоча, Дж.* Психика в китайской медицине. Лечение психозомоциональных проблем с помощью акупунктуры и китайских трав / Джованни Мачоча. – Москва : СИНО-ФАРМ, 2013. – 704 с.
20. *Моуди, Р.* Жизнь после жизни / Р. Моуди. – URL: http://www.soul-life.ru/books/ramond_moody.pdf (дата обращения: 14.04.2019).
21. *Мэн-цзы.* Древнекитайская философия : собрание текстов. В 2 т. Т. 1. – Москва : Мысль, 1972. – С. 225–247.
22. *Сердюков, Ю.М.* Контуры трансцендентального опыта / Ю.М. Сердюков. – Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. – 255 с.
23. *Сердюков, Ю.М.* О субъективном бессмертии человека / Ю.М. Сердюков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2019. – № 3. – С. 26–40.
24. *Сердюков, Ю.М.* Основания веры в «иной мир» / Ю.М. Сердюков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 4. – С. 71–78.
25. *Сердюков, Ю.М.* Формирование научного и паранаучного знания в классической китайской культуре / Ю.М. Сердюков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 4. – С. 22–41.
26. «Сицы чжуань» // Лукьянов А.Е. Дао «Книги Перемен». – Москва : ИНСАН, 1993. – С. 204–229.
27. *Стулова, Э.С.* Даосская практика достижения бессмертия / Э.С. Стулова / Из истории традиционной китайской идеологии : сборник статей. – Москва : Наука, 1984. – С. 230–271.
28. *Ткаченко, Г.А.* Космос, музыка, ритуал: Миф и эстетика в «Люйши чуньцю» / Г.А. Ткаченко. – Москва : Наука : Восточная литература, 1990. – 284 с.
29. *Ткаченко, Г.А.* Хаос и космос в традиционной китайской космологии и антропологии / Г.А. Ткаченко / Бог-человек-общество в традиционных культурах Востока. – Москва : Наука : Восточная литература, 1993. – С. 30–38.

30. Торчинов, Е.А. Даосизм: опыт историко-религиозного описания / Е.А. Торчинов. – Санкт-Петербург : Лань, 1998. – 448 с.
31. Торчинов, Е.А. Сянь сюэ / Е.А. Торчинов // Китайская философия: энциклопедический словарь / РАН. Ин-т Дальнего Востока; гл. ред. М.Л. Титаренко. – Москва : Мысль, 1994. – С. 311.
32. Трактат «Шо гуа» из «И цзин» («Книга Перемен») // Человек как философская проблема: Восток-Запад. – Москва : Изд-во УДН, 1991. – С. 239–249.
33. У Туань. Тайцзицюань. Научно изложенное боевое искусство / У Туань. – Харьков : ФЛП Коваленко А.В., 2007. – 276 с.
34. Фалев, А.И. Классическая методология традиционной китайской чжэн-цзю терапии (иглоукальвание и прижигание) / А.И. Фалев. – Москва : Прометей, 1991. – 199 с.
35. Филонов, С.В. Даосская концепция жизни / С.В. Филонов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. – № 1. – С. 86–96.
36. Филонов, С.В. Золотые книги и нефритовые письменна: даосские письменные памятники III–VI вв. / С.В. Филонов. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2011. – 656 с.
37. Чжан Бо-Дуань. Главы о прозрении истины (У чжэнь пянь) / Чжан Бо-Дуань ; пер. с кит., предисл. и коммент. Е.А. Торчинова. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 1994. – 346 с.
38. Юй Чжицзюнь. Тайцзицюань стиля Ян. Малоамплитудный комплекс и его боевое применение / Юй Чжицзюнь. – Москва : ЗАО «Стилсервис», Институт Дальнего Востока РАН, Исследовательское общество «Тайцзи», 2008. – 626 с.
39. Ян Цзюньмин. Корни китайского цигун. Секреты успешной практики / Ян Цзюньмин. – Москва : София, 2004. – 336 с.
40. Ян Цзюньмин. Секреты молодости: Цигун изменения мышц и сухожилий. Цигун промывания костного и головного мозга / Ян Цзюньмин. – Киев : София, 1997. – 272 с.
41. Ян Цзюньмин. Тайцзи: теория и боевая сила. Стиль Ян для совершенствующихся / Ян Цзюньмин. – Киев : София, 2002; Москва : ИД «Гелиос», 2002. – 304 с.
42. Ян Цзюньмин. Тайцзи-цюань: классический стиль Ян. Полная форма и цигун / Ян Цзюньмин. – Киев : София, 2000. – 336 с.
43. Ян Цзюньмин. Цигун для накопления энергии: Малая циркуляция / Ян Цзюньмин. – Москва : София, 2009. – 320 с.
44. Яншина, Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии / Э.М. Яншина. – Москва : Наука ; Восточная литература, 1984. – 248 с.
45. Boldrini, Maura. Human Hippocampal Neurogenesis Persists throughout Aging / Maura Boldrini // Cell Stem Cell. – 2018. – № 22. – P. 589–599.
46. Cheng Chung-ying. Greek and Chinese Views on Time and the Timeless / Cheng Chung-ying // Philosophy East and West. – 1974. – Vol. 24, № 2. – P. 155–159.
47. Eskildsen, Stephen. Bodhidharma Outside Chan Literature: Immortal, Inner Alchemist, and Emissary from the Eternal Realm / Stephen Eskildsen // Journal of Chinese Religions. – 2017. – № 45:2. – P. 119–150.
48. Granet, M. Chinese Civilisation / M. Granet. – New York : Meridian Books, 1960. – 508 p.
49. Hirsh, Diamant. Daoist Martial Alchemy: The Yijin jing at the Tongbai Gong / Diamant Hirsh, Jackowicz Steve // Journal of Daoist Studies. – 2015. – Vol. 8. – P. 193–203.
50. Larre, Claude. The Empirical Apperception of Time and the Concept of History in Chinese Thought / Claude Larre // Cultures and Time / The UNESCO Press. – Paris, 1976. – P. 35–62.
51. Liu Shu-hsien. Time and Temporality: The Chinese Perspective / Liu Shu-hsien // Philosophy East and West. – 1974. – Vol. 24, № 2. – P. 145–153.
52. Partanen, E. Learning-induced neural plasticity of speech processing before birth / E. Partanen [etc.] // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2013. – № 110(37). – P. 15145–15150.
53. Perlmutter, David. Brain Maker: The Power of Gut Microbes to Heal and Protect Your Brain – for Life / David Perlmutter // Little, Brown and Company. – 2015. – 264 p.
54. Science and Civilisation in China: Vol. 2. History of Scientific Thought / ed. by J. Needham. – Cambridge University Press, 1956. – 696 p.
55. Neurons that regulate mouse torpor / Sinisa Hrvatin [etc.] // Nature. – 2020. – 11 June.
56. The Microbiome and the Brain / ed. by D. Perlmutter. – CRC Press, 2019. – 214 p.
57. A discrete neuronal circuit induces a hibernation-like state in rodents / Takahashi Tohru M. [etc.] // Nature. – 2020. – 11 June.
58. Tokei, F. Genre Theory in China in the 3rd–6th Centuries / F. Tokei // Liu Hsieh's Theory on Poetic Genres. – Budapest, 1971. – P. 135–145.
59. Wang, J.C.Y. The Cyclical View of Life and Meaning in the Traditional Chinese Novel. Etudes d'histoire et de Literature chinoises offertes au Professeur Jaroslav Prusek / J.C.Y. Wang. – P., 1976.
60. Yang, Jwing-Ming. Da Mo's muscle/tendon changing and marrow/brain washing classic / Yang, Jwing-Ming. – 2nd ed. – Boston, Mass. YMAA Publication Center, (c) 2000. – xxii, 312 p.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-152-163

А.В. КОЛЧАК И КОМАНДОВАНИЕ БЕЛЫХ СИБИРСКИХ АРМИЙ

Ю.Н. Ципкин

О.В. Авдошкина

Статья посвящена взаимоотношениям Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака и офицерского корпуса, а также рассмотрению причин поражения белых в Гражданской войне с точки зрения белоэмигрантов и представителей иностранных легионов. В основе работы лежит анализ мемуаров, воспоминаний и дневников непосредственных участников событий 1918–1920 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: Белое движение, белая армия, Верховный правитель России, генералы, интриги, террор, реставрация.

A.V. KOLCHAK AND THE COMMAND OF THE WHITE SIBERIAN ARMIES

Yu.N. Tsipkin

O.V. Avdoshkina

The article is devoted to the relationship between the Supreme ruler of Russia, Admiral A. V. Kolchak, and the officer corps, as well as to the reasons for the defeat of the whites in the Civil war from the point of view of white emigrants and representatives of foreign legions. The work is based on the analysis of memoirs, recollections and diaries of direct participants in the events of 1918–1920 in Siberia and the Far East.

Key words: White movement, White Army, Supreme ruler of Russia, generals, intrigue, terror, restoration.

Как известно, поражение Белого движения имело целый ряд причин. Одной из важнейших, если не самой важной, был разгром Красной армией белогвардейских войск Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. Речь в данной статье пойдёт о политике А.В. Колчака по подбору и расстановке командных кадров войск и отношениях между Верховным правителем России и генералами белых армий Сибири. Источниковой базой статьи являются главным образом мемуары белоэмигрантов, которые усиленно искали виновников своего поражения. Авторы воспоминаний, особенно генералы, интриговали друг против друга, обвиняли друг друга в военной бесталанности, авантюризме, эгоизме, чуть ли не в предательстве, едой борьбы, обещали, в свою очередь, мифические победы над большевиками. Наряду с созданием ореола благородного рыцаря, многие мемуаристы отмечали отсутствие у А.В. Колчака опыта управления госу-

дарством, неумение разбираться в людях, эмоциональную неустойчивость, быструю смену настроения, излишнюю доверчивость и готовность поверить любому, кто обещает быструю победу. Не последнюю роль сыграло незнание адмиралом стратегии и тактики сухопутных войск.

Отдельной темой является сепаратистская политика казачьих атаманов-сепаратистов Забайкалья и Дальнего Востока Г.М. Семёнова, И.М. Гамова (Кузнецова), И.П. Калмыкова, выступавших против колчаковского плана создания «единой и неделимой России» с идеей формирования не то прояпонского протектората, не то буддистского «Монгольского государства».

Адмирал А.В. Колчак стал Верховным правителем России и Верховным главнокомандующим белыми армиями в результате омского военного переворота 18 ноября 1918 г., свергнувшего эсеро-кадетскую Директорию. Для колчаковской власти,

Ципкин Юрий Николаевич – доктор исторических наук, профессор (г. Хабаровск).

Tsyarkin Yuri Nikolaevich – Doctor of Historical Sciences, Professor (Khabarovsk).

E-mail: olga-avdoshkina@yandex.ru

Авдошкина Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Avdoshkina Olga Vladimirovna – Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law at Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: olga-avdoshkina@yandex.ru

© Ципкин Ю.Н., Авдошкина О.В., 2020

как и для всех предыдущих антибольшевистских режимов, главным был вопрос о создании и укреплении боеспособных Вооружённых сил для борьбы с большевиками.

Что же представлял собой командный состав колчаковской армии? За годы Гражданской войны численность офицеров в Сибири не превышала 23–25 тысяч человек, из них только 6 тысяч получили офицерские звания в 1918–1922 гг. В Вооружённых силах Юга России генерала А.И. Деникина, по самым скромным подсчётам, к весне 1919 г. было порядка 43–45 тысяч офицеров, 500 генералов, в том числе 184 офицера, закончивших Академию Генштаба. В белом же лагере на Востоке России только 61 офицер являлся выпускником этого военного учебного заведения. Генералов и адмиралов старой службы в Сибири и на Дальнем Востоке насчитывалось около 50, среди них К.В. Сахаров, В.Г. Болдырев, Д.В. Филатьев, М.К. Дитерихс, М.В. Ханжин, А.И. Андогский, Г.К. Старк и др. Профессорами Академии были генералы А.И. Андогский, В.Г. Болдырев, М.А. Иностранцев, Д.В. Филатьев, А.И. Медведев, Б.М. Колюбакин. Кстати, в 1918 г. численность генштабистов, служивших в РККА, была на 169 человек больше, чем в белых армиях адмирала А.В. Колчака и генерала А.И. Деникина.

Не секрет, что в белогвардейских войсках процветали интриги, борьба за власть, существовали бессистемные награждения и производства. Так, генерал Д.В. Филатьев писал о подобных «загубивших всё дело вундеркиндах-прапорщиках», как прибывший от А.И. Деникина к А.В. Колчаку 29-летний полковник Д.А. Лебедев, ставший начальником штаба Верховного главнокомандующего и генерал-майором: «Не знаю, каков был его настоящий чин, но по-сибирски он назывался генерал-майор». И вместе с тем необходимо отметить, что только нехватка кадровых офицеров в Сибири вынуждала Верховного правителя к подобным чинопроизводствам. Дивизиями и корпусами не командовал ни один из генералов старой армии. Этими соединениями командовали офицеры, пришедшие в белую армию в чинах не выше полковника и произведённые в генералы приказами главкома войск Директории В.Г. Болдырева, а затем и самого А.В. Колчака. Однако к концу Гражданской войны, когда территория, контролируемая белыми силами, ограничивалась Приморьем, офицеры стали составлять 40 % личного состава войск. Рядовой и унтер-офицерский состав к этому времени не пополнялся за счет местного населения, а его значительная часть перешла на сторону Красной и Народно-революционной армий [38: с. 4; 34: с. 61, 93; 6: с. 58–62].

Среди офицеров и генералов были замаскированные сторонники монархии, например, генералы

П.П. Иванов-Ринов, В.О. Каппель, В.М. Молчанов (будучи скрытым монархистом, он, хотя и командовал Ижевской дивизией, состоящей из проэсеровски настроенных рабочих, считал, что России нужен хозяин в лице царя), К.В. Сахаров, М.В. Ханжин, М.К. Дитерихс, Р.Ф. Унгерн [25: с. 6–18], приверженцы Учредительного собрания или Земского собора с областнической ориентацией (А.Н. Пепеляев), казаки сепаратисты с весьма путаной идеологией (Г.М. Семёнов, И.П. Калмыков) и откровенно проэсеровски настроенные офицеры и генералы в лице В.Г. Болдырева и Р. Гайды. Как вспоминал омский журналист Н.В. Устрялов, А.В. Колчака упрекали за связь с реакционными кадетами из Сибири, а последние в глазах ряда военных выглядели чуть ли не эсерами. Поэтому «не случаен был распад Директории. На суженной, но зато и концентрированной базе белая диктатура попыталась разрешить не разрешённую коалицией задачу» [33: с. 228].

На подготовку боевых операций оказывали влияние не только бездарность генералов, некомпетентность самого А.В. Колчака в вопросах тактики сухопутных войск, но и эгоизм ряда военачальников, в частности генералов А.И. Дутова и Р. Гайды. В этом отношении фигура Радолы Гайды весьма примечательна. После мобилизации в австрийскую армию он попал в плен, затем оказался на службе в армии Черногории, а после переезда в Россию в 1916 г. был причислен к штабу Чехословацкого корпуса, где и получил чин капитана. За храбрость молодой офицер был награждён рядом орденов союзников и русскими Георгиевскими крестами. После мятежа Чехословацкого корпуса в мае 1918 г. он принял активное участие в свержении советской власти в Сибири. Этот 26-летний «Освободитель Сибири», в сентябре 1918 г. ставший генерал-майором, чем крайне возгордился, умудрился на Дальнем Востоке рассориться и с японцами, и с атаманом Г.М. Семёновым. Зато во Владивостоке он свёл знакомство с адмиралом А.В. Колчаком, а уже в ноябре 1918 г. приветствовал его приход к власти.

Р. Гайда носил форму генерала, но без погон – в угоду Чехословацкому национальному Совету (ЧСНС), а вскоре Верховный правитель добился его перевода в белую русскую армию, поскольку тот вошёл в конфликт с ЧСНС, пытаясь прибрать последний к своим рукам. В ноябре 1918 г. войска под командованием Р. Гайды успешно провели знаменитую Пермскую наступательную операцию¹, за успех в которой командир получил чин генерал-лейтенанта. Свой конвой он одел в какую-то немыс-

¹ В советской историографии потеря Перми и значительных запасов вооружения получила название пермской катастрофы. Была даже назначена комиссия ЦК РКП (б) для расследования этого временного поражения частей РККА.

лимую форму с собственными инициалами на погонах. В этот период А.В. Колчак поверил в его военное счастье [36: с. 67–70]. Он даже заявил К.В. Сахарову и начальнику своего штаба Д.А. Лебедеву, что верит Р. Гайде, и если его (адмирала) не будет, если бы он умер, то пусть тот заменит его.

После пермской победы сам Р. Гайда стал доказывать, что его Сибирская армия должна наступать на Вятку для соединения с Архангельском и получения английского снабжения и что скоро будет им занята Москва. Однако вопрос о координации действий Сибирской и Западной армий так и не был решён [32: с. 97–99]. Любому хоть немного разбирающемуся в военном искусстве было понятно, что наступление по расходящимся операционным направлениям могло привести к разбросу сил, а без подготовленных резервов было чревато будущим поражением. Попытки опытных генералов доказать, что необходимо идти к Царицыну, где действовал генерал Н.П. Врангель, и объединить силы А.И. Деникина и А.В. Колчака, ни к чему не привели. Интересно, что А.И. Деникин, в свою очередь, обвинил П.Н. Врангеля в интригах и амбициях, стремлении самому занять Москву, а не помогать Добровольческой армии генерала Май-Маевского [9: с. 108–110]. Таковы, к сожалению, были нравы белого генералитета.

По указанным выше причинам, естественно, наступление войск Р. Гайды на Вятку провалилось, началось отступление к Перми. И в это время сам генерал ультимативно потребовал снять со своего поста начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Д.А. Лебедева. Причём телеграмму Р. Гайда послал не адмиралу А.В. Колчаку, а председателю Совета министров П.В. Вологодскому, сделав разногласия между генералами достоянием гражданских чиновников. Для разбора этого вопиющего случая А.В. Колчак направил к Р. Гайде генерала для поручений в Ставке М.А. Иностранцева и генерала М.К. Дитерихса². Последний имел репутацию талантливого военачальника и, будучи генерал-квартирмейстером штаба генерала А.А. Брусилова, подготовил план Луцкого прорыва в 1916 г. Кроме того, М.К. Дитерихс был в своё время начальником штаба Чехословацкого корпуса и хорошо знал Р. Гайду.

А.В. Колчак ранее неоднократно вызывал Р. Гайду, и во время этих встреч между ними происходили бурные сцены. Однажды Верховный правитель так разошёлся, что стучал кулаком по столу, сбросив на пол стакан чаю, и кричал, что генерал –

«фармацевт австрийской армии» и не годен быть даже простым офицером, поскольку не имеет необходимого военного воспитания. Р. Гайда же в ответ говорил, что именно адмирал наградил его двумя Георгиевскими крестами, что он освободил Сибирь, привёл армию к Каме, а сам А.В. Колчак – морской офицер и не имеет опыта управления такой громадной страной, как Россия. Но пока был успех, Р. Гайде всё прощалось.

Как бы там ни было, но генералы М.А. Иностранцев и М.К. Дитерихс затребовали в Ставке все документы о фронтовой деятельности Р. Гайды, на основании которых выяснили, что армия разута и раздета, несмотря на склады в тылу, что снабжение никуда не годится и пр. М.К. Дитерихс, как было принято в Чехословацком легионе (корпусе), обратился к Р. Гайде: «братше Гайда» и попросил объяснить ситуацию. В ответ на обвинения в тяжёлом военном проступке Р. Гайда сказал: «братше генерале», а далее объяснил, что ему мешают действовать, дают вредные указания и все успехи стали возможными потому, что он (Гайда) действовал чуть ли не наоборот, что называется, на собственный страх и риск. А генерал Д.А. Лебедев и вся Ставка нарочно поставлена большевиками, чтобы загубить всё дело. У него же Ставка вообще забирает лучшие части и посылает их в другие армии, чтобы погубить там. Р. Гайда, и это было известно всем, не хотел делиться ни с кем захваченным продовольствием и боеприпасами, в частности с армией М.В. Ханжина, а потому крайне болезненно воспринимал все указания Ставки [19: с. 245–251, 254]. Когда же началось отступление, как правило, оказывалось, что приготовленные запасы так и остались в тылу. М.К. Дитерихс задал «братше Гайде» самый опасный вопрос: правда ли, что он (Р. Гайда) собрался идти с армией на белую столицу Сибири Омск? Тот не стал этого отрицать и даже подчеркнул, что армия пошла бы за ним, но он, мол, удержался и «не пошёл далее своего сердца». (По сути, генерал совершил государственную измену, за которую в любой армии полагался суд военного трибунала.)

Несмотря на эти тяжкие воинские преступления Р. Гайды, комиссия М.А. Иностранцева – М.К. Дитерихса приняла решение не усугублять ситуацию и оставить Д.А. Лебедева и Р. Гайду на своих местах. В то же время анализ приказов Ставки показал, что в принципе Р. Гайда был прав в своих претензиях [19: с. 255–257]. Комиссия игнорировала военные преступления чешского генерала, поскольку в целом политическая ситуация складывалась не в пользу белой армии.

К июню 1919 г. РККА отбросила белогвардейцев от Камы и севернее на восток на фронте от 350 до 450 км. Большие потери понёс наиболее боеспособный в белых армиях Сибири Волжский корпус

² По поручению адмирала А.В. Колчака генерал М.К. Дитерихс руководил следствием по делу о расстреле царской семьи и написал двухтомник «Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале».

генерала В.О. Каппеля. В своё время снабжение корпуса из-за его успехов взял на себя английский генерал А. Нокс, причём снабжение Волжского корпуса шло помимо органов снабжения А.В. Колчака, чтобы не «затеряться». А. Нокс руководил инструкторской школой во Владивостоке, распределял своих офицеров по частям корпуса и пр. Более того, без согласия А. Нокса штаб адмирала А.В. Колчака не мог самостоятельно распоряжаться корпусом³. Однако корпус В.О. Каппеля был разбавлен пленными красноармейцами: части корпуса получили до 35 % бывших пленных [37: с. 187].

Новым командующим Западной армией вместо М.В. Ханжина был назначен бывший начальник штаба армии генерал К.В. Сахаров. М.В. Ханжин даже утверждал, что К.В. Сахаров – ставленник генерала А. Нокса, а последний не мог простить Западной армии и в частности М.В. Ханжину потерю корпуса. Дело в том, что сдавшихся красным «добровольцев» сразу раздевали, а английское обмундирование переходило бойцам РККА. Большевики иронизировали над А. Ноксом, прозвав его своим интендантом [37: с. 185–192].

Колчаковская ставка, да ещё и в условиях тяжелейшего отступления армий, страдала не просто традиционными «шапкозакидательскими» настроениями, но ещё и интриганством, связанным с боязнью эфемерного успеха прославленного в белой армии командира. Ещё при отступлении в июне 1919 г. генерал В.О. Каппель выдвинул план набега на тылы Красной армии. Для этого он решил собрать отряд в 2 тысячи сабель с конной батареей и произвести прорыв в тылы красных. Предполагалось, что командованию РККА придётся для ликвидации прорыва снять с фронта крупные части и ослабить наступление. Долго бродил этот план в Ставке. Много позже В.О. Каппель получил сообщение, что Ставка не располагает такими ресурсами, чтобы рисковать двумя тысячами всадников. Однако генерал В.Н. Прибылович, присутствовавший при обсуждении плана В.О. Каппеля, рассказал, что многие чины штаба в Омске были против намерения рейда. Однако осуждался не авантюризм плана как таковой, но высказывались опасения, что В.О. Каппель «возьмёт Москву и организует каппелевское правительство. А о нас забудет или просто туда не пустит...» [10: с. 177; 1: с. 500]. Генералитет не только питал несбыточные иллюзии, но и страдал неуёмным карьеризмом.

Итак, генерал К.В. Сахаров сменил генерала М.В. Ханжина. Сибирская армия Р. Гайды была рас-

формирована и разделена на две оперативные группы: Южную возглавил генерал Г.А. Вержбицкий, Северную – А.Н. Пепеляев, младший брат председателя Восточного отдела ЦК кадетской партии и министра внутренних дел в колчаковском правительстве В.Н. Пепеляева. Генерал М.К. Дитерихс стал осуществлять общее руководство двумя армиями.

Сам Р. Гайда в июле был уволен со службы, но чина не лишился. С частью своего конвоя он уехал во Владивосток, по пути встречаясь с видными эсерами. В ноябре 1919 г. во Владивостоке он совместно с эсеровским руководством поднял мятеж против колчаковской власти, однако был разгромлен частями колчаковского наместника генерала С.Н. Розанова. Во время разгоревшихся военных действий Р. Гайда был ранен, но чешский генерал С. Чечек спас его от расправы. Тогда Р. Гайда уехал в Европу, где был торжественно встречен властями Чехословакии. Но и там он продолжал свои авантюры и резко сдвинулся политически вправо. Но это уже другая история.

В конце июля 1919 г. А.В. Колчак провёл реорганизацию действующих войск, в результате чего был создан Восточный фронт – оперативно-стратегическое объединение под командованием генерала М.К. Дитерихса. Как уже отмечалось, Сибирская армия расформировывалась. Из войск её Северной группы была сформирована 1-я армия под командованием А.Н. Пепеляева, из войск Южной группы создана 2-я армия под командованием Н.А. Лохвицкого, Западная армия К.В. Сахарова стала 3-й. Говоря о политических взглядах этих белых генералов, необходимо отметить, что А.Н. Пепеляев был близок к эсерам, Н.А. Лохвицкий и К.В. Сахаров были откровенными монархистами крайне правого толка. Да и сам Главком фронта М.К. Дитерихс был монархистом, мечтающим возродить не то сословную допетровскую, не то вообще абсолютную монархию. Кроме того, последний был не просто верующим человеком, а реальным фанатиком: в его вагоне было полно икон и хоругвей, что приводило в недоумение многих генералов и офицеров. В Ставке его прозвали «тихопомешанным». 28 июня, будучи ещё начальником Восточной группы армий, он отдал приказ о призыве на службу мужского населения 1902–1907 годов рождения и напоминал, что белые армии ведут «не политическую, а религиозную войну». М.К. Дитерихс приказывал строго соблюдать обряды и правила церкви. В приказе № 91 от 10 сентября 1919 г. он запрещал частям войск фронта пение песен и игру музыки при прохождении церквей и мечетей, а также пение песен и игру музыки с 18 часов накануне праздников и до 12 часов в праздничные дни [12: с. 259–260, 268].

³ Бывший военный атташе Великобритании в России генерал А. Нокс был одним из авторов переворота, приведшего адмирала А.В. Колчака к власти в Омске. Именно в вагоне А. Нокса А.В. Колчак, который считался на английской службе, прибыл из Владивостока в Омск.

М.К. Дитерихс начал активно действовать. Он объединял разрозненные части, навёл порядок в армии Р. Гайды и др. Главком сам читал все рапорты, пытался вникнуть во все дела. Делами тыла и комплектованием новых частей занималось военное министерство. Чтобы разгрузить главкома, в военное министерство был назначен управляющий (т.е. временно исполняющий обязанности) – генерал барон А.П. Будберг. Последний крайне критично относился к попыткам создать на Дальнем Востоке корпус под командованием семёновского генерала Б.Р. Хрещатицкого, выступал против глупостей штабов. Однако у него не сложились отношения с генералом М.К. Дитерихсом, особенно в вопросах снабжения, который «во всё вмешивался». Главком же стремился подчинить военное министерство себе, поэтому уладить взаимоотношения не удалось, А.П. Будберг был уволен и отправился в эмиграцию. Его заменил М.В. Ханжин [30: с. 279–283]. В эмиграции барон написал мемуары под названием «Дневник. Колчаковская эпопея», в которых резко критиковал омский режим, его внутреннюю террористическую и недалёковидную внешнюю политику. Среди ряда белоэмигрантов, в частности ижевских командиров, за отъезд в эмиграцию ещё до поражения белых армий Сибири, за свой «Дневник» А.П. Будберг считался предателем. Его мемуары, хотя и с купюрами, переиздавались в СССР [2; 3], а затем и в полном виде уже в постсоветской России [4; 5].

Особой заботой колчаковской власти стало отношение армии к населению. М.К. Дитерихс прекрасно понимал, какие последствия вызывает мародёрство и террор белогвардейцев. В директиве от 12 октября он требовал не допускать самовольных реквизиций, жестокостей, насилий и нарушения имущественных прав населения [12: с. 268–270]. Такие же директивы издавал Верховный правитель А.В. Колчак. Однако угрозы предать виновных суду никого не пугали. Управляющий делами колчаковского Совмина Г.К. Гинс в своих воспоминаниях приводил такой пример. Из перлюстрированного в Ставке письма священника стало известно, что какой-то офицер, когда ему указали, что приказом адмирала порка и мордобитие запрещены, дал классический ответ: «Приказ приказом, Колчак Колчаком, а морда мордой» [13: с. 422]. Начальник штаба Ижевской дивизии полковник А.Г. Ефимов отмечал, что на всех белых фронтах руководство государственными делами находилось в руках или быстро переходило в руки старших военачальников. В результате «однородность такого возглавления создавала благоприятные условия для взаимного понимания по всем государственным и военным вопросам, по выработке планов и согласованности действий» [15: с. 131]. Однако условия так и остались условиями, а о согласованности действий не

было и речи. Г.К. Гинс отмечал, что местные военные сатрапы, своевольные атаманы, бесчисленные коменданты, цензура, бездарные администраторы, милиция из жандармов – всё это извратило природу омской власти. Оскорбительные порки, жестокие усмирения, вымогательства оттолкнули население от правительства адмирала Колчака [13: с. 619]. К концу 1919 г. борьбу против колчаковского режима вели около 140 тысяч партизан [14: с. 94].

Однако вернёмся к боевым действиям. К концу июня 1919 г., когда армия ещё отступала, обозначился прорыв фронта в районе Челябинска. Ставка решила преднамеренным отступлением втянуть красных в «мешок», уничтожить его, а затем перейти в наступление. Челябинская операция, рассчитанная на отвод белых войск из Челябинска и заманивание 5-й Красной армии для будущего окружения, была авантюристической инициативой начальника штаба Верховного правителя Д.А. Лебедева и командующего 3-й (бывшей Западной) армией К.В. Сахарова. Это делалось вопреки мнению главкома фронта генерала М.К. Дитерихса, который в это время решил оставить на фронте арьергарды, а большую часть армии отвести за реку Ишим, пополнить войска и в августе перейти в наступление. Сам главком выехал в район бывшей Сибирской армии для руководства организованным её отходом. Несмотря на его протесты, Д.А. Лебедев и К.В. Сахаров убедили А.В. Колчака в необходимости Челябинской операции, причём 3-я армия генерала К.В. Сахарова и Южная армия генерала П.А. Белова были изъяты из подчинения главкому [28: с. 154–155]. Расчёт был сделан на немногочисленность 5-й Красной армии, однако при этом были проигнорированы антиколчаковские настроения уральских рабочих и широкое партизанское движение. Челябинская операция проходила 17 июля – 4 августа 1919 г. и закончилась поражением белых войск. Стойкость частей Красной армии заставила отходить Волжский корпус генерала В.О. Каппеля. Неожиданный удар с тыла белым нанесли восставшие челябинские рабочие, перерезавшие железнодорожное сообщение тыла с 3-й армией. Против восставших были брошены дополнительные силы, что ещё больше ослабило силы белых. Началось отступление по всему фронту к реке Тобол [22: с. 496–497; 29: с. 655; 11]. Начальник интендантства в Челябинске был расстрелян за то, что оставил красным войскам громадные склады [13: с. 405–406, 579]. После Челябинской операции Урал был освобождён от белых, и для Красной армии открывалась дорога в Сибирь.

При этом белые, как и раньше, остались верны себе. Г.К. Гинс писал, что на Урале накануне оставления его колчаковскими войсками М.К. Дитерихс мобилизовал всё мужское население, что

вызвало озлобление рабочих. Генерал говорил только о храмах, о Боге и даже объявил священную войну. «Это казалось диким» [13: с. 397]. Кавалерийский офицер С.С. Балмасов вспоминал: «Урал не удержали – благодаря восстанию в тылу, разложению армии и неумелому руководству ею со стороны штабов». Он свидетельствовал о полнейшем произволе над рабочими «всех проходимцев, украшенных погонами»: «Жизнь рабочих находилась целиком в руках озверелых, полупьяных, развращённых, самого тёмного вида личностей. Расстрелы шли массами... Политика же Сибирского правительства в эту пору приняла явный реакционный характер» [1: с. 504].

После провала челябинской авантюры Д.А. Лебедев был уволен, и в августе 1919 г. М.К. Дитерихс ликвидировал Ставку, став начальником штаба Верховного главнокомандующего и военным министром в правительстве адмирала А.В. Колчака. Практически сразу после неудачи под Челябинском, когда войска ещё отступали к Тоболу, М.К. Дитерихс стал разрабатывать Тобольскую наступательную операцию. За Тоболом произошла перегруппировка войск и накопление сил. Но и здесь не обошлось без сложностей с подбором командующих группировками, призванными нанести удар по красным войскам. Не вдаваясь в тактические подробности, хотелось бы только отметить, что самый важный удар с левого фланга в тыл 5-й Красной армии должен был нанести Отдельный Сибирский казачий корпус. Колчаковскому командованию хотелось организовать рейд по аналогии с мамантовским рейдом по тылам Красной армии, которая сдерживала наступление генерала А.И. Деникина. В качестве командиров обсуждались кандидатуры В.О. Каппеля и войскового атамана Сибирского Казачьего войска П.П. Иванова-Ринова. Выбор последнего определился не столько из-за болезни В.О. Каппеля, сколько из-за позиции казачьих генералов и желания самого Верховного правителя угодить казачьей верхушке. А между тем опыта командования большими конными соединениями у П.П. Иванова-Ринова не было. Он имел только полицейско-административный опыт [1: с. 501]. И вновь политическая целесообразность взяла верх.

В начале сентября 1919 г. наступление белых развивалось успешно. Однако из-за ошибок П.П. Иванова-Ринова рейд по тылам красных был сорван. М.К. Дитерихс решил снять казачьего генерала с должности, но позиция казачьих командиров не позволила это сделать. Правда, белым сопутствовал временный успех. Войска Красной армии понесли большие потери и были вынуждены отойти за Тобол. Но и порыв белых иссяк из-за больших потерь. Тем не менее командующие соединениями,

в том числе П.П. Иванов-Ринов, были награждены Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степени.

Из-за неумеренного оптимизма колчаковскому командованию пришла идея собрать ударный кулак для выхода на московскую дорогу и дальнейшего похода на Москву. Приказом от 12 октября 1919 г. была создана Московская группа армий. Она включала 3-ю армию К.В. Сахарова и Степную группу. В Московскую группу, кроме прочего, входил Волжский корпус В.О. Каппеля и Ижевская «рабочая» дивизия В.М. Молчанова. За бои на Тоболе Верховный правитель наградил Ижевскую дивизию Георгиевским знаменем. Генерал К.В. Сахаров стал подписываться «Комгруппарм Московской». Видимо, А.В. Колчаку хотелось, чтобы красную Москву обязательно брали ижевцы. Позже белоэмигранты в своих воспоминаниях и мемуарах, за редким исключением, обходили этот «неудобный» вопрос. Генерал П.П. Петров по поводу создания Московской группы армий писал: «Неужели успех, вылившийся в медленное продвижение армии на Тобол, успех, купленный очень дорогой ценой, так вскружил голову на верхах?» [28: с. 161–162].

В сентябре 1919 г. остро встал вопрос о пополнении войск. Генерал Д.В. Филатьев в своих воспоминаниях отмечал множество штабов, ртов и обозов. Армия насчитывала 12 тысяч человек, корпус – 7–8 тысяч [34: с. 62–63]. В.О. Каппель и раньше пополнял свой корпус пленными красноармейцами, которые при каждом удобном случае перебежали к красным или просто дезертировали. Была надежда на кадры, подготовленные в офицерских и унтер-офицерских инструкторских школах, но эти учреждения дали ничтожно мало. Ожидалось также прибытие казачьих бригад с Дальнего Востока, однако казачьи атаманы-сепаратисты И.П. Калмыков и Г.М. Семёнов не дали на Восточный фронт ни одного казака, опасаясь за свою власть и влияние в регионе.

Тогда с согласия М.К. Дитерихса началось создание новых добровольческих формирований – «Дружин Святого Креста и Зелёного Знамени». Их членов стали называть крестonosцами, причём этих крестonosцев включали и в мусульманские части Зелёного Знамени. Общее руководство осуществляли генерал В.В. Голицын и профессор Д.В. Болдырев. Однако призывы М.К. Дитерихса и профессора Д.В. Болдырева «идти под ружьё» встречались с недоумением или иронией. В «Дружины» записались 6 тысяч добровольцев, но их рассыпали по различным частям и тыловым службам, в конвой А.В. Колчака и пр. Их плохо одели и вооружили, боевой подготовки у них практически не было. Над их обрядами издевались все, даже офицеры [17: с. 18–19, 25, 30–31].

Суровая реальность была такова, что из-за больших потерь успех на Тоболе грозил перерасти в поражение. Вот почему М.К. Дитерихс 25 октября 1919 г. отдал директиву об отводе войск за реку Ишим и далее к Томску, Омску и, возможно, даже к Новониколаевску (ныне – Новосибирск) для отдыха, переформирования и пополнения. Более того, он решил не оборонять Омск и считал, что потеря столицы белой Сибири не есть ещё поражение Белого движения. Тем не менее ситуация для белых армий Сибири складывалась катастрофическая. По единодушному мнению генерала М.К. Дитерихса и адмирала А.В. Колчака, армиям было «надо продержаться до конца октября, когда А.И. Деникин возьмёт Москву» [32: с. 177–178]. Именно в это время М.К. Дитерихс выдвинул идею создания выборного органа, на который могла бы опираться власть «Национального Диктатора» А.В. Колчака. Этим органом мог стать, по его мнению, Земский собор, составленный по сословному, а не по партийному принципу. Генерал мечтал о восстановлении монархии династии Романовых, но образца 1613 г. [35: с. 44–47]. Свою мечту он попытался воплотить в Приморье в 1922 г., однако это был последний белый режим в России, который просуществовал менее трёх месяцев.

А пока же необходимо было отвести в тыл в первую очередь 1-ю армию А.Н. Пепеляева. От неё остались небольшие части и обозы, да и те готовы были взбунтоваться из-за огромных потерь и чуть ли не открытой работы эсеров, которая началась ещё при Р. Гайде. Генерал М.К. Дитерихс отдал приказ об эвакуации Омска, но возмущённый А.В. Колчак обратил свои взоры на командующего Московской группой армий К.В. Сахарова. Последний заявил, что «старик Дитерихс выжил из ума», а эвакуация столицы белой Сибири произведёт плохое впечатление на союзников и всё население. Омск и Иртыш можно укрепить, мобилизовав всё население. В результате приказом от 4 ноября 1919 г. главкомом Восточного фронта был назначен К.В. Сахаров, а М.К. Дитерихса отправили в тыл для формирования новых добровольческих частей. Московской группой армий стал командовать В.О. Каппель [10: с. 180; 12: с. 274]. В рапорте британского военного представителя в Омске майора Моринса рисовалась следующая картина отставки М.К. Дитерихса. Адмирал говорил с генералом на повышенных тонах, не давая ему оправдаться, припомнил ему все неудачи. Когда же М.К. Дитерихс заявил, что получил тяжёлое наследие от Р. Гайды, который разложил свою армию, А.В. Колчак затопал ногами и стал кричать, что Р. Гайда был во многом прав, что его оклеветали из зависти, как и А.Н. Пепеляева. Сам же М.К. Дитерихс свои неудачи сваливает на других. Адмирал

стал даже подумывать о возвращении Р. Гайды и пр. [12: с. 272–273]. Однако гайдовский мятеж во Владивостоке в ноябре 1919 г. всё расставил по своим местам: Р. Гайда был объявлен изменником, лишён воинского звания и наград.

Все распоряжения М.К. Дитерихса об эвакуации были отменены, поезда возвращены, а выехавшие в Новониколаевск служащие военного министерства должны были вернуться. Но даже тогда адмирал не мог говорить о генерале М.К. Дитерихсе спокойно. Он фактически называл его изменником, обвиняя, главным образом, в том, что он увёл с фронта 1-ю (бывшую Сибирскую) армию и обнажил фланг остальных. Позже К.В. Сахаров обвинял М.К. Дитерихса в том, что тот «бросил армию в трудную минуту». Стали гулять даже слухи, что опальный генерал готовит переворот и хочет взять власть в свои руки [20]. Чувствуя настроения начальства, остальные генералы и офицеры не хотели быть честными и признать, что они сами присоединились к плану М.К. Дитерихса и что отведённая в тыл армия состояла из штабов, обозов и потрёпанных отрядов [13: с. 494].

К.В. Сахаров также обвинил М.К. Дитерихса в недооценке последствий эсеровской пропаганды в армии А.Н. Пепеляева. Сам К.В. Сахаров крайне презрительно относился к молодому генералу, считал его достойным командовать только батальоном, в лучшем случае полком. А.Н. Пепеляев, со слов К.В. Сахарова, прибыл в Омск и при встрече с А.В. Колчаком устроил целую сцену. Он патетически воскликнул, верит ли ему адмирал, и перекрестился, глядя на образа. Два часа он убеждал адмирала в необходимости отвода его армии в тыл, иначе войска взбунтуются. Наконец Верховный правитель махнул рукой и согласился. Тогда сам К.В. Сахаров, осознав, что оголяется правый фланг фронта, стал просить адмирала снять его с поста главкома и вернуть в 3-ю армию. Еле-еле тот уговорил своего генерала остаться [32: с. 216–217, 225]. Уговоры, обещания, угрозы отставки – вот стиль отношений генералов и адмирала А.В. Колчака.

Новый главком был так же, как и М.К. Дитерихс, монархистом до мозга костей. Ещё в октябре К.В. Сахаров, бывший на приёме у А.В. Колчака, спросил его, как тот представляет будущее. Адмирал ответил, что в России возможна жизнь государства, порядок и законность только на таких основаниях, которых желает весь народ, его массы. «А все слои русского народа, начиная с крестьян, думают только о восстановлении монархии, призвании на престол своего народного Вождя, законного Царя». На вопрос, почему бы не объявить теперь же, что омское правительство понимает народные желания и пойдёт этим путём, адмирал саркастически рассмехался и сказал, что его не поймут ни союзники,

ни его министры. Противореча самому себе, он утверждал, что необходимо идти путём компромиссов, найти временное соглашение с эсерами, так как их поддерживают все союзные представители. «Видно было, что адмирал устал в борьбе и уже уступал», – подчёркивал К.В. Сахаров [32: с. 179].

Иллюзии о монархических настроениях народа сослужили плохую службу белому режиму, но именно они во многом определяли его политику. Что касается самого Верховного правителя, то он, будучи скрытым монархистом, был вынужден проводить политику так называемого «непредрешения», согласно которой нет необходимости определять форму государственного устройства страны до победы над большевиками. Пусть это сделают «свободно избранные» Учредительное собрание или Земский собор. Такую же идею проповедовал и генерал А.И. Деникин. Однако, к сожалению, всё дело в том, что народ на практике увидел и почувствовал подобное «непредрешение». К тому же никто не мог дать гарантии, что в России не будет восстановлена монархия (но только в каком виде?). Сам А.В. Колчак не был чужд традиционных черносотенных воззрений и рассматривал революцию как результат «всемирного масонского заговора». Он готов был видеть масонов повсюду: и среди окружающих, и в Директории, и среди членов иностранных миссий [21: с. 191]. Он приказывал расстреливать коммунистов без суда и следствия (но позднее сам удивился перед расстрелом в Иркутске, что это делается без суда), мечтал о «ручном» Учредительном собрании или Земском соборе и обещал повесить всех, кто будет требовать созыва Учредительного собрания старого (эсеровского) состава [13: с. 449; 18: с. 108, 8: с. 570–573].

Итак, К.В. Сахаров взялся за оборону Омска, но ещё раньше он обратил внимание, сколько молодых и здоровых людей слонялись без дела в крупных городах Сибири. В Омске министерства настолько были полны служилым народом, что из них можно было сформировать новую армию. Однако из-за бюрократии, разных неувязок половина призванных сумела избежать призыва, зато значительная часть переосвидетельствованных офицеров были признаны годными лишь к нестроевой службе [32: с. 73, 103, 111, 176]. К сожалению, из обороны Омска ничего не вышло. Не хватало людей, оборудования, инструментов. Но главное состояло в том, что план обороны города был сорван из-за быстрого наступления Красной армии. Когда К.В. Сахаров заявил А.В. Колчаку, что его эшелон готов и должен выйти к вечеру, чтобы не задерживать движение, адмирал удивлённо спросил, почему бросается Омск, ведь был приказ превратить город в крепость, главком ответил: «Так требует обстановка!» [10: с. 180–181]. В итоге и провален-

ная челябинская операция, начатая по настоянию К.В. Сахарова, и оставленный Омск дали основание многим генералам и офицерам назвать главкома «генералом с бетонной головой». Омск был оставлен 14 ноября 1919 г., т.е. чуть менее чем через год после колчаковского переворота 18 ноября 1918 г. Это событие послужило началом отступления белых войск на восток. Когда фронт приблизился к Томску, произошло выступление частей 1-й армии и переход их на сторону красных, и её командующий А.Н. Пепеляев был вынужден спастись бегством на восток.

Горел желанием демократизировать курс правительства, подчинить себе армию и добиться выезда Верховного правителя за границу новый глава правительства кадет В.Н. Пепеляев, сменивший 23 ноября 1919 г. на этом посту П.В. Вологодского. Желанием нового главы колчаковского правительства был созыв Земского собора с участием представителей земств и кооперативов, однако возглавлявшие их эсеры отказались видеть в новом органе власти именно В.Н. Пепеляева. Дело в том, что ещё весной 1919 г., будучи главой МВД, он прямо заявлял, что нужно не бояться «запачкать руки в крови» и при необходимости «самим быть палачами» [12: с. 523; 24: с. 36].

На станции Тайга (за Томском) собрались литерные поезда А.В. Колчака, поезд главкома К.В. Сахарова и бронепоезд командующего 1-й Сибирской армией А.Н. Пепеляева, в котором находился и его старший брат премьер В.Н. Пепеляев. Здесь 8 декабря 1919 г. К.В. Сахаров долго убеждал Верховного правителя переформировать пепеляевскую армию в неотдельный корпус, поскольку именно её командующий довёл свои войска до развала. Братья Пепеляевы выступили с резким протестом. В вагоне А.В. Колчака произошла бурная и тягостная сцена. Теперь премьер В.Н. Пепеляев стал грозить отставкой. Но 9 декабря произошло невиданное: братья Пепеляевы, или, как их прозвали, «братья-разбойники», арестовали К.В. Сахарова, потребовали созыва Земского собора и возвращения на пост главкома фронтом М.К. Дитерихса. Адмирал, не ожидавший ничего подобного, обратился к В.О. Каппелю, но последний, боясь окончательного развала армии, поначалу посчитал нужным всё оставить по-старому. А.В. Колчак стал просить М.К. Дитерихса вернуться, однако тот, помня недавнюю историю своего отстранения, поставил условие: адмирал должен отказаться от всех своих постов и немедленно выехать за границу или в ставку к А.И. Деникину. М.К. Дитерихс даже заявил, что у А.В. Колчака «прогрессивный паралич», тем самым фактически открыто признав полную неспособность адмирала к осуществлению функций Верховного правителя России и Верхов-

ного главнокомандующего. Возмущению адмирала просто не было предела.

Испугавшись последствий полного коллапса командования, братья Пепеляевы больше не настаивали на своих требованиях [16: с. 138; 32: с. 231–239]. Забегая вперёд, хотелось бы отметить, что М.К. Дитерихс вместе с супругой уехал в Харбин в поезде французского генерала М. Жанена. По словам члена французского штаба офицера Дюбарбье, М.К. Дитерихс из-за личной обиды, а также из-за трагического по своим последствиям решения Верховного главнокомандующего оборонять Омск якобы сказал, что расстрел А.В. Колчака был справедлив. Это надо было сделать, если бы он смог прибыть в Верхнеудинск (ныне – Улан-Удэ) [32: с. 440–441]. Как известно, до Верхнеудинска адмирал так и не доехал: он был расстрелян в Иркутске. Однако в гипотетическом случае прорыва адмирала за Байкал к атаману Г.М. Семёнову его судьба оказалась бы в руках семёновских и каппелевских генералов, которые, ещё неизвестно, смогли бы простить бывшему Верховному правителю крах Белого движения в Сибири. Но история не знает сослагательного наклонения.

После политического скандала с выступлением «братьев-разбойников» новым главкомом стал В.О. Каппель, который перед назначением долго отказывался за отсутствием опыта командования фронтом [10: с. 180–181]. Он пытался объединить отступающие войска, но фронта как такового уже не было. Бывший главком фронтом К.В. Сахаров шёл вместе с отступающими войсками. В Забайкалье он некоторое время служил у атамана Г.М. Семёнова, затем уехал в Харбин, а позже – в Германию. Там он выпустил свои мемуары, которые подверглись критике ряда белоэмигрантов за его военные провалы и самооправдания. К.В. Сахаров, как и многие белые генералы, ничего не понял и ничему не научился. Он утверждал, что белым надо было идти в Россию с поднятым прямо и открыто царским знаменем [32: с. 366–367]. В конце концов, он договорился до того, что заявил о пользе фашизма для России и что Белое движение «погубила дряблость» [32: с. 372–373].

Белая армия продолжала отступать. В Новониколаевске полковник А.В. Ивакин поднял восстание, которое, правда, было быстро подавлено. В Красноярске командующий 1-м Сибирским корпусом генерал Б.М. Зиневич, дождавшись, когда пять литерных поездов А.В. Колчака ушли на восток, поднял мятеж и не пропустил белую отступающую армию, которой пришлось обойти город. Б.М. Зиневич обращался к «гражданской совести» адмирала и призывал передать власть членам Учредительного собрания и местным самоуправлениям (т.е. эсерам) [32: с. 238–239, 245]. Было ясно,

что в условиях быстрого наступления 5-й Красной армии часть белогвардейцев стремилась избавиться от Верховного правителя и войти в соглашение с правыми социалистами. Для интервентов и ряда белых генералов А.В. Колчак становился не только лишней, но и опасной политической фигурой.

Дальнейшее хорошо известно. Отступать мешали бывшие союзники – чехословаки, которые захватили 25 тысяч порожних вагонов для перевозки награбленного добра [31: с. 47, 74–75]. Они стремились прорваться через охваченную восстаниями Сибирь во Владивосток для эвакуации в Европу. Чехословаки отобрали паровоз даже у командующего Восточным фронтом генерала В.О. Каппеля. Однако командующий чехословацкими частями в России генерал Я. Сыровой (Сыровы) не ответил на вызов В.О. Каппеля по поводу отображенного паровоза.

Начался Сибирский Ледяной поход. Белой армии пришлось отступать по зимним дорогам и тащить с собой обозы с беженцами. При отступлении командующий Восточным фронтом генерал-лейтенант В.О. Каппель на реке Кан провалился с лошадью в прорубь и тяжело заболел крупозным воспалением лёгких. 26 января 1920 г. генерал умер в теплушке румынского эшелона на разъезде Утай. По имени своего командующего все отступающие колчаковские войска стали называть себя каппелевцами. Командование ими принял заместитель В.О. Каппеля генерал-лейтенант С.Н. Войцеховский.

Тем временем оторвавшийся от войск адмирал А.В. Колчак оказался во власти чехословаков и командующего союзными войсками французского генерала М. Жанена. В конце декабря 1919 г. чехословаки взяли «под охрану» два оставшихся колчаковских поезда – его штабной состав и поезд с частью золотого запаса России, захваченного частями Народной армии Комуча под командованием В.О. Каппеля ещё в 1918 г. Верховный правитель отказался передать поезд с золотом союзникам – и участь его была решена. Однако в любом случае это был жест отчаяния. Чехи, по сути, арестовали адмирала и взяли под контроль «золотой эшелон», ограбив его на 40 миллионов золотых рублей [7: с. 100–103]. Обещав «защиту» А.В. Колчаку, они вывели над его вагоном флаги девяти союзных держав.

21 декабря 1919 г. в Черемхово началось восстание эсеровского Политцентра, а к 27 декабря это выступление охватило и Иркутск. 22 декабря была создана небольшая Народная армия Политцентра под руководством штабс-капитана Н.С. Калашникова, которая состояла из колчаковских частей, перешедших на сторону эсеров. Однако её поддержали партизанские силы и рабочие дружины Иркутска, в своём большинстве подчинившиеся коммунистам. Именно в это время начались переговоры Политцентра с Сибирским ревкомом о создании на востоке Сибири

буферного государства с целью противостоять казачьим атаманам-сепаратистам и господствовавшим в Забайкалье японцам. Два дня спустя А.В. Колчак, понимая всю сложность ситуации, обратился по телеграфу к атаману Г.М. Семёнову с просьбой задержать эвакуацию чехов, не останавливаясь даже перед взрывом кругобайкальских тоннелей.

Но эсеры и в ходе восстания пытались проводить политику «третьего пути». Как заявил товарищ (заместитель) председателя Политцентра меньшевик И.И. Ахматов, Политцентр не может допустить эвакуации армии (белой), поскольку это открыло бы доступ советским войскам за Байкал. Правые социалисты всеми силами стремились найти себе военную опору в лице белой армии, опасаясь партизан и рабочих дружин. Ещё в ноябре 1919 г. Политцентр искал соглашения с генералом А.Н. Пепеляевым, затем – с новым командующим Восточным фронтом генералом В.О. Каппелем и его заместителем С.Н. Войцеховским. Однако болезнь А.Н. Пепеляева и резкая неуступчивость В.О. Каппеля и С.Н. Войцеховского не дали этим надеждам сбыться [26: с. 105; 37: с. 114, 117, 118]. Непримиримые каппелевцы, отступавшие с запада на восток через Иркутск, стремились к соединению с войсками атамана Г.М. Семёнова в Забайкалье. За ними по пятам шли части 5-й Красной армии.

Оказавшись в безвыходном положении, 4 января 1920 г. адмирал А.В. Колчак сложил с себя полномочия Верховного правителя России и передал их генералу А.И. Деникину, а вся полнота власти на востоке страны была передана атаману Г.М. Семёнову. 5 января 1920 г. власть в Иркутске перешла к Политцентру. Десять дней спустя чехословаки в качестве условия безопасного проезда во Владивосток по решению командующего союзными войсками в Сибири французского генерала М. Жанена и при полном своём согласии выдали Политцентру адмирала А.В. Колчака.

Тем временем к Иркутску с запада подошли отступавшие белые каппелевские формирования. 19 января 1920 г. Политцентр заявил, что перед лицом «злейшей реакции в лице атамана Семёнова и тех сил, которые поддерживают его и руководят им», должны сомкнуться все силы революционной демократии [23: с. 448–449]. Изрядно струсивший Политцентр решил передать власть большевикам. На совместном заседании Политцентра, Иркутского комитета РКП (б) и штаба рабочих дружин Н.С. Калашников заявил о низкой боеспособности своей армии, «советских настроениях» солдат и внёс предложения о передаче власти коммунистам. Не возражали и чехословаки, поскольку не были уверены в успешном отражении наступления белых [27: с. 57–59]. Был создан Иркутский Военно-революционный комитет из 5 человек во главе с

А.А. Ширямовым. 21 января 1920 г. Политцентр передал власть ревкому. В городе была восстановлена советская власть.

2 февраля 1920 г. С.Н. Войцеховский подошёл к Иркутску и предъявил ультиматум: передать отступающим белым отрядам адмирала А.В. Колчака, золотой запас и снабдить их боеприпасами, оружием, тёплой одеждой и продовольствием. Военно-революционный комитет города поднял против белогвардейцев революционные войска и рабочие дружины. С 6 по 8 февраля в Иркутске шли бои. На помощь большевистским отрядам пришли чехословацкие части, командование которых подписало соглашение с Реввоенсоветом 5-й Красной армии о возвращении золотого запаса России и свободе их проезда во Владивосток. Чехословацкие части не допустили в Иркутск шедшие с востока навстречу С.Н. Войцеховскому семёновские части и разоружили их.

7 февраля 1920 г. Иркутский ВРК в связи с опасностью белогвардейского наступления и контрреволюционного мятежа в городе (по другим данным – по секретному указанию В.И. Ленина и председателя Сибирского ревкома И.Н. Смирнова) расстрелял бывшего Верховного правителя России А.В. Колчака и его премьер-министра В.Н. Пепеляева.

Отвоевать Иркутск у большевиков не удалось: чехи предъявили им ультиматум, и белогвардейцы вынуждены были двинуться на соединение с атаманом Г.М. Семёновым через замёрзший Байкал. 11–15 февраля 1920 г. произошло объединение каппелевских и семёновских войск в Забайкалье.

Начинался последний период борьбы белогвардейцев против большевиков. Но он проходил уже в условиях созданной 6 апреля 1920 г. Дальневосточной республики (ДВР). После ряда поражений остатков белой армии и эвакуации японцев с русского Дальнего Востока наступил и конец Гражданской войны не только на Дальнем Востоке, но и во всей России. 25 октября 1922 г. Народно-революционная армия ДВР, усиленная частями Красной армии, вошла во Владивосток. И уже менее чем через месяц, 15 ноября 1922 г., ДВР была ликвидирована, и Дальний Восток вошёл в состав Советской России.

О причинах поражения Белого движения и его армии написано много. Одной из них является неспособность, несмотря на профессионализм и боевой дух ряда белых частей и соединений, создать по настоящему регулярную армию, пользующуюся поддержкой тыла. Остерегаясь открыто выдвинуть лозунг восстановления монархии, белые не смогли построить и буржуазную республику.

Генерал Д.В. Филатьев, отдавая должное личной храбрости А.В. Колчака, подчёркивал неопытность и уступчивость адмирала. Д.В. Филатьев, вспоминая колчаковский переворот 18 ноября 1918 г., в своих мечтах видел иную картину: «Вот если бы Верхов-

ным правителем избрали Деникина, а его заместителем того же Болдырева, тогда бы не было бы и вопроса о Колчаке-переворотчике» [34: с. 33, 42, 45]. Сожалея об упущенных возможностях, генерал сетовал: «Если бы в своё время адмирал А.В. Колчак "знал" и "умел", то теперь и речи не могло бы быть о каком-то новом буферном государстве. Таковое уже находилось во владении адмирала, и вопрос сводился лишь к тому, чтобы закрепить за собою прочное обладание территорией этого государства. Надо было иметь особое искусство, чтобы растерять всё» [34: с. 6].

Г.К. Гинс, оправдывая Верховного правителя, не сумевшего справиться с ситуацией, отмечал, что царские генералы, дипломаты, чиновники приносили с собой тень прошлого величия, а в действительности большинство из них приносили с собой неисправимые привычки произвола и дух реставрации [13: с. 611, 618]. Строить буржуазную республику руками реакционно настроенных монархистов, которые даже о думской монархии, П.Н. Милюкове и М.В. Родзянко не могли говорить спокойно, было невозможно. Такие генералы ненавидели всех, кто был левее их – от кадетов до эсеров, не говоря уже о большевиках [28: с. 279, 295, 303, 325; 32: с. 374–376, 381]. Конечно, лагерь монархистов при А.В. Колчаке, как и при А.И. Деникине, не был организационно оформлен, однако монархисты типа генералов М.К. Дитерихса и К.В. Сахарова пользовались мощной поддержкой офицерства и старого чиновничества. По мнению Г.К. Гинса, светлая национальная мечта (о буржуазной республике) «облеклась в рубище прошлого» [13: с. 618].

И при всём этом генералы вели себя как анархисты, а не как дисциплинированные военные деятели: обвиняли друг друга в бездарности и часто были таковыми, интриговали, боролись за влияние на А.В. Колчака, угрожали своему главнокомандующему отставками и пр. Когда же ситуация стала угрожающей, некоторые из них были готовы пожертвовать и самим Верховным правителем. На Юге России генералитет после ряда поражений добился смещения в апреле 1920 г. А.И. Деникина и замены его генералом П.Н. Врангелем, но и это, к сожалению, не спасло белых. Адмирал А.В. Колчак же, будучи талантливым исследователем Севера и флотоводцем, в годы Гражданской войны взял на себя преступления белого режима, названного его именем. Кроме того, даже с точки зрения белогвардейцев, он показал себя слабым государственным и военным деятелем. «Военная машина» белогвардейцев оказалась адекватной всему колчаковскому и другим белым режимам. Несомненно, главными причинами поражения белых стали военные победы Красной армии, борьба красных партизан и подпольщиков, но и сами белогвардейцы сделали всё для своего краха.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балмасов, С.С. Боевой путь конных подразделений Отдельной Волжской кавалерийской бригады и Отдельного Волжского конно-егерского дивизиона корпуса генерала В.О. Каппеля / С.С. Балмасов // Каппель и каппелевцы / сост.: С.С. Балмасов [и др.]. – Москва : НП «Посев», 2003. – С. 448–528.
2. Будберг, А.П. (барон). Дневник белогвардейца / А.П. Будберг. – Ленинград : Прибой, 1929. – 302 с.
3. Будберг, А.П. Дневник белогвардейца (Колчаковская эпопея) / барон А.П. Будберг // Дневник Белогвардейца : сборник. – Новосибирск : Кн. изд-во, 1991. – С. 163–322.
4. Будберг, А.П. Дневник. Часть первая / А.П. Будберг // Белое дело: Избранные произведения в 16 кн. Кн. 14: Белый Восток / сост. и науч. ред. СВ. Карпенко; коммент. А.Б. Езеев. – Москва : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2003. – 558 с.
5. Будберг, А.П. Дневник. 1917–1919 / барон А.П. Будберг. – Москва : Захаров, 2016. – 816 с.
6. Воинов, В.М. Офицерский корпус белых армий на Востоке страны (1918–1922 гг.) / В.М. Воинов // Отечественная история. – 1994. – № 6. – С. 51–64.
7. Волков, С. Призрак золотого эшелона Колчака. Кругобайкальская железная дорога / С. Волков. – Иркутск : Б. и., 2013. – 216 с.
8. Воспоминания бывшего председателя Иркутской ЧК и Чрезвычайной следственной комиссии по делу А.В. Колчака С.Г. Чудновского // Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. – Москва : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2003. – С. 570–581.
9. Врангель, П.Н. Воспоминания / П.Н. Врангель. – Москва : Вече, 2013. – 480 с.
10. Вырыпаев, В.О. Каппелевцы / В.О. Вырыпаев // Каппель и каппелевцы / сост.: С.С. Балмасов [и др.]. – Москва : НП «Посев», 2003. – С. 216–243.
11. Панин, А. «Такой примитивный подход...». Челябинское совещание и планирование весеннего наступления Восточного фронта адмирала Колчака / А. Ганин // Родина. – 2008. – № 11. – С. 79–85.
12. Генерал Дитерихс / ред.-сост.: В.Ж. Цветков [и др.]. – Москва : НП «Посев», 2004. – 634 с.
13. Лине, П.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 / Г.К. Гинс. – Москва : Айрис-пресс, 2008. – 672 с.
14. Гражданская война в СССР. В 2 т. Т. 2 / Н.Н. Азовцев, С.Д. Гусаревич, В.О. Дайнес [и др.] ; под общ. ред. Н.Н. Азовцева. – Москва : Воениздат, 1986. – 447 с.
15. Ефимов, А.П. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920 / А.Г. Ефимов. – Москва : Айрис-пресс, 2008. – 416 с.
16. Жанен, М. Отрывки из моего сибирского дневника / генерал М. Жанен // Колчаковщина. Из белых мемуаров. – Ленинград, 1930. – С. 133–161.
17. Иванов, Вс.Н. Исход / Вс.Н. Иванов // Дальний Восток. – 1994. – № 12. – С. 15–2.
18. Иностранцев, М.А. Первое поручение адмирала Колчака / М.А. Иностранцев // Белое дело: Летопись белой борьбы: Материалы, собранные и разработанные бароном П.Н. Врангелем, герцогом Г.Н. Лейхтенбергским и светл. князем А.П. Ливеном / под ред. А.А. фон-Лампе. Кн. I. – Берлин : Медный всадник, 1926. – С. 105–120.
19. Иностранцев, М.А. Первое поручение адмирала Колчака / М.А. Иностранцев // Генерал Дитерихс / ред.-сост.: В.Ж. Цветков [и др.]. – Москва : НП «Посев», 2004. – С. 245–258.

20. *Иностранцев, М.* История, Истина и Тенденция. По поводу книги ген.-лейт. К.В. Сахарова «Белая Сибирь» (Внутренняя война 1918–1920 гг.) / генерал М. Иностранцев. – Прага : Издание Союза Русских Военных Инвалидов, 1923.–72 с.
21. *Иоффе, Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции / Г.З. Иоффе. – Москва : Наука, 1977. – 320 с.
22. Каппель и каппелевцы / сост.: С.С. Балмасов [и др.]. – Москва : НП «Посев», 2003. – 709 с.
23. *Мельгунов, С.П.* Трагедия адмирала Колчака. В 2 кн. Кн. 2. Ч. III / С.П. Мельгунов. – Москва : Айрис-пресс, 2004. – 496 с.
24. *Михайловский, Г.Н.* Записки. Из истории российско-го внешнеполитического ведомства. 1914–1920 гг. В 2 кн. Кн. 2. Октябрь 1917 г. – ноябрь 1920 г. / Г.Н. Михайловский. – Москва : Международные отношения, 1993. – 688 с.
25. *Молчанов, В.М.* Последний белый генерал. Устные воспоминания, статьи, письма, документы / В.М. Молчанов. – Москва : Айрис-пресс, 2009. – 400 с.
26. *Папин, Л.М.* Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики / Л.М. Папин. – Москва : Изд-во МГУ, 1957. – 224 с.
27. *Парфёнов, П.С. (Алтайский).* Борьба за Дальний Восток. 1920–1922 / П.С. Парфёнов (Алтайский). – Ленинград : Прибой, 1928. – 368 с.
28. *Петров, П.П.* От Волги до Тихого Океана в рядах белых. Воспоминания, документы / П.П. Петров ; сост. С.П. Петров, Л.Ю. Тремсица. – Москва : Айрис-пресс, 2011. – 544 с.
29. *Плотников, И.Ф.* Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России / И.Ф. Плотников. – Москва : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2003. – 702 с.
30. *Рябиков, П.Ф.* Из воспоминаний о Тобольской операции / П.Ф. Рябиков // Генерал Дитерихс / ред.-сост.: В.Ж. Цветков [и др.]. – Москва : НП «Посев», 2004. – С. 277–285.
31. *Сахаров, К.В.* Чешские легионы в Сибири (Чешское предательство) / Генерал-лейтенант К.В. Сахаров. – Рига : Глобус, 1930. – 137 с.
32. *Сахаров, К.В.* Белая Сибирь. Внутренняя война 1918–1920 гг. / К.В. Сахаров. – Москва : Центрполиграф, 2018. – 511 с.
33. *Устрялов, Н.В.* 1919-й год. Из прошлого / Н.В. Устрялов // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. – 1993. – № 4. – С. 194–287.
34. *Филатьев, Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922. Впечатления очевидца / Д.В. Филатьев. – Paris : Умса-Press, 1985. – 144 с.
35. *Цветков, В.Ж.* Генерал Дитерихс, последний защитник империи / В.Ж. Цветков // Генерал Дитерихс / ред.-сост.: В.Ж. Цветков [и др.]. – Москва : НП «Посев», 2004. – С. 9–86.
36. *Шишов, А.В.* Белые командиры Гражданской войны / А.В. Шишов. – Москва : Вече, 2016. – 320 с.
37. *Щепихин, С.А.* Воспоминания о генерале В.О. Каппеле. 1918 / С.А. Щепихин // Каппель и каппелевцы / сост.: С.С. Балмасов [и др.]. – Москва : НП «Посев», 2003. – С. 182–194.
38. *Эйхе, Г.Х.* Опрокинутый тыл / Г.Х. Эйхе. – Москва : Воениздат, 1966. – 384 с.
37. *Dotsenko, P.* The struggle for a democracy in Siberia, 1917–1920 / P. Dotsenko. – Stanford : Stanford University Press, 1983. – 178 p.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-164-168

**КОММОДОР ДЖ. АРМСТРОНГ –
КОМАНДУЮЩИЙ ИСТ-ИНДСКОЙ ЭСКАДРОЙ В КИТАЙСКИХ ВОДАХ
НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ВТОРОЙ «ОПИУМНОЙ» ВОЙНЫ (1856–1860)**

А.Л. Анисимов

В статье рассматривается деятельность американской Ист-индской эскадры во главе с ее командующим коммодором Дж. Армстронгом в Китае накануне и в период второй «опиумной» войны (1856–1860). Анализируется деятельность командующего Ист-индской эскадрой и дипломатического представителя США в Цинской империи Дж. Э. Уорда по реализации новых задач китайской политики США, поставленных Вашингтоном в первой половине 50-х гг. XIX в. Демонстрация силы («политика канонерок») осуществлялась представителями госдепартамента и военно-морского министерства США в Китае с целью запугивания цинских властей, отторжения от Китая о. Тайвань.

Ключевые слова: дальневосточная политика США, Китай, Цинская империя, вторая «опиумная» война, Тайвань, Гуанчжоу, Ист-индская эскадра, коммодор, Барьерные форты, Гуандун.

**COMMODORE J. ARMSTRONG –
THE COMMANDER OF THE EAST INDIA SQUADRON IN CHINESE WATERS
ON THE EVE AND DURING THE SECOND "OPIUM" WAR (1856–1860)**

A.L. Anisimov

The article examines the activities of the American East India Squadron led by its commander Commodore J. Armstrong in China on the eve and during the Second Opium War (1856–1860). The activities of the commander of the East India Squadron and the U.S. diplomatic representative in the Qing Empire J.E. Ward on the implementation of the new challenges of U.S. Chinese policy set by Washington in the first half of the 1950s of the XIX century are analyzed in the article. Demonstration and use of force ("gunboat policy") were used by U.S. representatives in China, both the Department of State and the Naval Ministry, to intimidate the Qing authorities, to tear Taiwan away from China.

Key words: Far Eastern policy of the USA, China, The Qing Empire, the Second "Opium" War, Taiwan, Guangzhou. East India Squadron, Commodore, Barrier Forts, Guangdong.

Политика США в отношении Цинской империи в 40–60-х гг. XIX в. достаточно хорошо исследована, но деятельность американских командующих Ист-индской эскадрой, которые неизменно сопровождали со своей эскадрой каждого дипломатического представителя в Цинской империи, демонстрируя силу США, помогая осуществлять «политику канонерок» в Китае этого периода, во многом не была охвачена вниманием исследователей. «Повезло» лишь некоторым, внесшим наибольший вклад в реализацию дальневосточной политики Вашингтона, например М.К. Перри, Дж. Тэттлолл [11; 13–15; 17; 18; 25]. Деятельность других американских коммодоров практически не изучалась, в том числе и деятельность коммодора Дж. Тэттлолла, руководившего Ист-индской эскадрой США в китайских водах и помогавшего посланнику США Дж. Уорду реализовать поставленные перед ним Вашингтоном цели.

И в зарубежной, и в отечественной историографии отсутствуют работы, посвященные исследованию деятельности коммодора Дж. Армстронга.

Джеймс Армстронг родился 17 января 1794 г. в Шелбивилле, штат Кентукки. В 1809 г. он поступил на службу в ВМС США в качестве мичмана. Во время англо-американской войны 1812–1814 гг. служил на военном шлюпе «Фролик», который был захвачен англичанами в 1814 г. 15 октября 1855 г. он был назначен командующим Ист-индской эскадрой вместо коммодора¹ Джоэла Эббота (умер 14 декабря 1855 г. в Гонконге).

В 1854 г. поверенный в делах США в Цинской империи П. Паркер вновь обратил своё внимание на Тайвань, желая превратить его в колонию США.

¹ В то время «коммодор» – это титул командира эскадры кораблей, а не звание ВМФ.

Анисимов Александр Леонидович – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск).

Anisimov Alexander Leonidovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Socio-humanitarian and Economic disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Khabarovsk).

E-mail: anisimov0802@gmail.com

© Анисимов А.Л., 2020

В ноябре 1854 г. он проводит на борту фрегата «Сан-Джасинто», флагмана Ист-индской эскадры, совещание с исполняющим обязанности командующего американской Ист-индской эскадрой Дж. Армстронгом. В результате было принято решение о необходимости поднять флаг Соединённых Штатов на Тайване [8: с. 124]. Вскоре американский флаг развевался над американским поселением на этом острове. Как отмечает английский историк Дж. Бичинг, П. Паркер в то время был поглощён идеей присоединить остров к США [12: р. 213].

Не дожидаясь инструкций из Вашингтона, Паркер решил действовать. Он разработал план захвата Тайваня и объявил генерал-губернатору Гонконга Боурингу о том, что США имеют право приоритета на остров в случае отчуждения его от Цинской империи, обосновывая это право тем, что американский флаг уже свыше года развевается над поселением в Дагоу, созданным Г. Наем [1: с. 54–55]².

24 февраля американский особоуполномоченный направил Дж. Армстронгу предложение о встрече, на которой планировалось обсудить вопрос о быстрой оккупации Тайваня. Паркер опасался, что Великобритания может опередить в этом деле США. Он писал коммодору: «У меня есть основания бояться. Что если Соединёнными Штатами должно быть что-то сделано (в отношении Тайваня. – А.А.), это должно быть сделано быстро, в противном случае благоприятная возможность будет потеряна, так как остров привлекает серьёзное внимание других держав» [22].

27 февраля состоялась вторая встреча П. Паркера с Дж. Армстронгом, на которой обсуждался вопрос о возможности захвата Тайваня. В меморандуме, принятом на этом совещании, подчёркивалось, что «Формоза (Тайвань. – А.А.) является наиболее ценным островом (у побережья Китая. – А.А.), причём для Соединённых Штатов ценность его особенно велика» [22]. На совещании был выдвинут и удобный предлог для захвата Тайваня – несоблюдение Цинской империей договора с США. Это давало, по мнению американских представителей в этой империи, право Соединённым Штатам оккупировать остров под предлогом «репрессалий», освящённых международным правом.

Но после тщательного обсуждения этой проблемы Паркер и Армстронг пришли к неутешительному для них выводу о том, что вооружённый

захват Тайваня неосуществим в силу недостаточности военно-морских сил США в Китае для ведения войны со Срединной империей, так как, по их мнению, захват острова вызвал бы ответные меры цинского правительства против американцев в пяти «открытых» портах. Два американских представителя в Китае заявили, что если Тайвань перейдёт в руки другой державы, то это не их вина. Они сделали всё возможное для превращения острова в американскую колонию [22: р. 1211].

Но, несмотря на все усилия П. Паркера, других американских представителей на Дальнем Востоке (М.К. Перри, Дж. Армстронг и др.), а также американских бизнесменов, которые создали опорную базу США на Тайване в Дагоу и готовы были приступить к полному захвату острова в случае санкции правительства Соединённых Штатов, Вашингтон решил воздержаться от немедленного захвата Формозы. Такое решение федеральным правительством было принято по ряду причин: США не обладали достаточными силами, чтобы осуществить эту санкцию; Великобритания, наиболее сильное в военно-экономическом отношении государство Запада, главный соперник США в Китае, не признала права Соединённых Штатов на Тайвань; резкое обострение внутривнутриполитической борьбы в США накануне гражданской войны; сопротивление тайваньцев американским колонизаторам; неизбежность войны с Цинской империей в случае захвата острова, в результате чего серьёзно пострадали бы торговые интересы американских дельцов в Поднебесной. К тому же, как отмечали Ч. и М. Бирд, стоявшие у власти в США представители плантаторов были «холодны» к просьбам торгово-промышленной буржуазии в этом вопросе [22: р. 724]. Администрация демократов даже не сообщила в Конгресс о планах Паркера относительно Тайваня.

В силу того что правительство не поддержало планов превращения Тайваня в американскую колонию и из-за возросшей конкуренции англичан, американцы в Дагоу вскоре распродали своё имущество англичанам.

После захвата столицы провинции Гуандун англичанами 29 октября 1856 г. американцы также ввели свои войска в иностранные фактории в этом городе под предлогом «защиты американских интересов». Под командованием Э.Х. Фута и У. Смита в середине ноября 1856 г. в Гуанчжоу насчитывалось 140 рядовых и офицеров. Американские морские офицеры были солидарны с действиями англичан. Поэтому не случайно английский адмирал М. Сеймур выразил благодарность Футу и Смитам за их поведение в период кризиса [24: р. 56, 107–108].

По просьбе наместника Е Минчена, который стремился не допустить вовлечения американцев в конфликт, военно-морское командование США в

² В это же время Г. Най вновь возвращается к идее колонизации острова американцами. 10 февраля 1857 г. он обратился к П. Паркеру с предложением об основании на Тайване колонии США и сообщил, что уже снабдил коммодора Армстронга разведывательной информацией об острове, в том числе о его юго-восточной части, где уже имелось американское поселение. Най сообщил Паркеру: «Я был бы рад, если бы Армстронг овладел этой частью острова и удержал бы её» [22: р. 1204].

китайских водах приняло решение вывести свой гарнизон из иностранных факторий, так как опасалось, что боевые действия между английскими и цинскими войсками могут вовлечь в конфликт и американское подразделение. Тогда ни о каком нейтралитете вообще не было бы и речи.

15 ноября командир военного шлюпа «Портсмут» Э. Фуг отправился из Хуанпу в Гуанчжоу, чтобы взять американских морских пехотинцев и доставить их на корабли США. Около Барьерных фортов, которые прикрывали с юга подходы к городу, шлюпка Фута была обстреляна цинскими солдатами, как заявил впоследствии Е Минчен – по ошибке: американцев приняли за англичан. Госсекретарь США У. Марси, получив известие об этом инциденте, посчитал, что американцы поступили неразумно, приблизившись к фортам и приступив к измерению глубины реки около них. Это спровоцировало огонь цинских войск по лодке [20: р. 4; 18: р. 4]³.

Получив сообщение об обстреле шлюпки, командующий американской эскадрой коммодор Дж. Армстронг принял решение захватить форты и предъявил ультиматум Е Минчену, чтобы тот в 24 часа дал удовлетворительные объяснения случившемуся. Но ответ императорского особоуполномоченного, что обстрел произошёл в результате ошибки, не удовлетворил коммодора. 16 ноября американские корабли обстреляли форты, но были встречены жёстким огнём цинских батарей. Ни разу до этого европейцы не встречали такого решительного отпора, а китайцы не проявляли такого искусства в артиллерийском деле. Необычайно храброе и длительное сопротивление китайцев отмечал и один из свидетелей событий миссионер и дипломат С.У. Уилльямс [26: р. 638]. Сопротивление китайцев было вызвано осознанием опасности, грозившей Китаю со стороны иностранцев. Как отмечал другой современник событий, «...самый фанатизм южных китайцев (в боевых действиях против иностранцев. – А.А.) говорит, по-видимому, о сознании огромной опасности, грозящей старому Китаю» [10: с. 224].

Из-за неудачи нападения на Барьерные форты Армстронг, сославшись на недомогание, вернулся на флагманский корабль «Сан-Джасинто» в Хуанпу, где П. Паркер убедил его пойти на временное прекращение огня, с тем чтобы жалоба американцев на действие фортов достигла Е Минчена. После консультации с Паркером Дж. Армстронг написал письмо императорскому особоуполномоченному, требуя удовлетворения в течение 24 часов. Что было нереально. Сами американцы считали, что ответ может поступить только через 48 часов [19: р. 186].

В это время на эскадру прибыли отозванные из Гуанчжоу американские солдаты морской пехоты. Все рвались в бой, но атака была отложена до получения ответа от Е Минчена. К тому же неудача заставила американских морских офицеров более основательно подготовиться к операции.

Во время прекращения огня цинские военные приложили огромные усилия, чтобы восстановить пострадавшие от огня американских орудий форты и построить замаскированные прибрежные батареи.

Еще до истечения 24 часов американцы возобновили огонь, опасаясь, что Цины могут создать сильные укрепления, штурм которых будет стоить многих жизней американских солдат. Им понадобилось ещё 3 дня непрерывной артиллерийской стрельбы и десантная высадка, чтобы заставить Барьерные форты прекратить огонь. Маньчжурская сторона потерпела поражение. Она потеряла более 160 орудий. Форты были разрушены к 6 декабря. Более 330 цинских солдат было убито. Потери американцев составили 7 человек убитыми и 22 ранеными. Значительные повреждения получили корабли «Портсмут» и «Левант» [21: р. 19; 26: р. 638; 16: р. 128, 28].

В разработке плана операции приняли участие проживавшие в Гуанчжоу американские граждане, участвовавшие в качестве добровольцев в этом сражении. Они были знакомы со способами ведения войны цинской армией, имели информацию с мест. Поэтому их советы были очень полезны флотским офицерам. Известный предприниматель У.М. Робинэ командовал пароходом «Кунфа». Отличились в бою и другие капитаны торговых судов: Адамс, Шепард и др.

Особоуполномоченный США в Цинской империи П. Паркер полностью поддержал агрессивные действия американской эскадры. По свидетельству С.У. Уилльямса, Паркер был «доволен практическим уроком», преподанным американскими ВМС китайцам [26: р. 639]. Он заявил Е Минчену, что если в дальнейшем снова будут нарушены условия договора 1844 г. со стороны Барьерных фортов, то в этом случае, при отсутствии удовлетворительных объяснений, разбираться будет командующий американской эскадрой Армстронг. Этим он оставлял за собой право в любой момент возобновить боевые действия в Китае. Даже после захвата и разрушения Барьерных фортов американской эскадрой П. Паркер делал вид, что ничего особенного не произошло, что США продолжают оставаться нейтральной державой, имеющей дружеские отношения с Цинской империей, а военные действия в Гуанчжоу были всецело локальным явлением, о чём он, в частности, сообщал консулу США в Нинбо Р.К. Уэю [22: р. 1200].

³ Более подробно о конфликте см.: [2].

В ноябре 1856 г. американцы впервые использовали силу в Китае, явили свои мускулы и дали понять, что они не остановятся ни перед чем в случае недружественных к ним действий со стороны цинских властей. Несмотря на первоначальную неудачу, американцы показали превосходство западной военной организации, вооружения над цинскими. Очень эффективно применялась артиллерия, во многом благодаря которой они и добились быстрого успеха. Хорошую выучку продемонстрировали морские пехотинцы. В то же время этот конфликт показал, что нельзя с пренебрежением относиться к любому противнику, даже заведомо слабому.

Действия американской эскадры были с одобрением встречены правительствами Англии и Франции и вызвали надежды, что США объединятся с ними против Китая. Палмерстон отмечал, что американцы поступают еще лучше, чем англичане: они вначале бомбардируют, а потом предъявляют претензии, в то время как англичане сначала заявили претензии, а затем уже приступили к действиям. Лондонская «Таймс» восхищалась решительностью американцев [5: с. 72; 6: с. 85–86].

Действия эскадры Армстронга в китайских водах создали в Европе убеждение, что американцы действовали совместно с эскадрами Англии и Франции и что они «соединились с англичанами против Китая» [9: с. 47, 105–106]. Российская дипломатия с озабоченностью и тревогой узнала о событиях в районе Гуанчжоу.

Когда известия о событиях у Барьерных фортов достигли Вашингтона, посланник Французской империи де Сартиж направился к У. Марси и заявил: «...теперь, когда заговорили пушки, вы вынуждены делать общее дело с нами». Но администрация Пирса считала, что интересы США будут лучше защищены проведением другой политики, не связанной с военными действиями. Марси ответил французскому посланнику, что это «не тот случай», когда Соединённые Штаты должны начать военные действия против Китая. Госсекретарь признал, что Армстронг совершил акт агрессии, за что он будет осуждён и ему будет предписано воздержаться от всяких враждебных действий, от «совершения новой агрессии» против Цинской империи. Что касается руководства военно-морского флота США, то оно одобрило действия коммодора. Военно-морской министр А. Тауси в докладе президенту от 3 декабря 1857 г. заявил, что действия Армстронга, офицеров и матросов его эскадры заставили китайцев уважать американский флаг и содействовали обеспечению безопасности граждан Соединённых Штатов в Китае [4: л. 20; 3: л. 49, 362].

Враждебные действия американских дипломатических и военно-морских представителей за-

труднили и без того тяжёлое положение Цинской империи, подвергшейся нападению со стороны Англии, и способствовали активизации английской агрессии. Пекин должен был учитывать и такое развитие событий, которое могло привести к вовлечению в конфликт США.

После захвата и разрушения Барьерных фортов Армстронг направил Е Минчену ноту, в которой заявил, что американцы не будут продолжать военные действия, если цинские власти принесут им свои извинения. Оскорбление американского флага было в достаточной мере отомщено. Е Минчен не желал обострять отношения с США в условиях начавшейся второй «опиумной» войны. 5 декабря он ответил на ноту Армстронга, что не видит оснований для раздора между двумя странами [7: с. 23; 20: р. 4].

События на реке Жемчужной негативно отразились на состоянии здоровья Дж. Армстронга, и он вернулся в США. 29 января 1958 г. Армстронг был заменен на посту командующего Ист-индской эскадрой коммодором Джосиа Тэттоллоу. В 1860 г. Армстронг получил командование над Пенсаколойской военно-морской верфью. 12 января 1861 г., через два дня после того, как Флорида проголосовала за выход из Союза, он сдал объект конфедератам. Джеймс Армстронг умер 27 августа 1868 г. в Салеме, штат Массачусетс, в возрасте 74 лет.

Своей политикой «активного нейтралитета», дипломатической поддержкой и параллельными с Англией военными демонстрациями США в определенной степени, в меру своих сил и возможностей, способствовали успеху англо-французской агрессии в Китае в период второй «опиумной» войны. Но в то же время Вашингтон не желал значительного ослабления Цинской империи, боясь усиления в ней английского влияния в ущерб интересам США, выступал против отторжения от неё территорий, раскола страны, что объективно было на руку Пекину и создавало положительный имидж в глазах цинских властей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аварин, В.Я. Борьба за Тихий океан: Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов / В.Я. Аварин. – Москва : Госполитиздат, 1952. – 672 с.
2. Анисимов, А.Л. Американско-китайский конфликт 1856 года в районе Гуанчжоу и позиция России / А.Л. Анисимов // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. – Москва – Иркутск, 1995. – С. 115–119.
3. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). – Ф. МИД, Канцелярия, 1857 г. – Оп. 469. – Д. 183.
4. АВПРИ. – Ф. СПб., Гл. Архив, 1–9, 1856–1860 гг. – Оп. 8. – Д. 11.
5. Клименко, Н.П. Американская дипломатия и вторая «опиумная» война 1856–1858 гг. / Н.П. Клименко // Хаба-

ровский государственный педагогический институт. Ученые записки. – Хабаровск, 1963. – Т. 12. – С. 70–76.

6. *Клименко, Н.П.* Колониальная экспансия Англии на Дальнем Востоке в 1856–1858 гг. и отношение к ней классов и партий английского общества : дис. ... канд. ист. наук / Н.П. Клименко. – Москва, 1962. – 390 с.

7. *Нейман, К.* Современное положение Китая и его отношение с союзниками / К. Нейман // Русский вестник. – 1858. – Т. 16, № 13 (июль, книжка 1). – С. 3–26.

8. *Полевой, Б.Н.* Первые попытки США захватить острова Рюкю, Бонин и Тайвань (1853–1857) / Б.Н. Полевой // Вопросы истории. – 1952. – № 12. – С. 124.

9. Русский вестник. – 1857. – Т. 7, № 1.

10. *Энгельс, Ф.* Персия и Китай / Ф. Энгельс // Собр. соч. – Т. 12. – С. 218–224.

11. *Bain, C.A.* Commodore Matthew Perry, Humphrey Marshall, and the Taiping Rebellion / C.A. Bain // The Far Eastern Quarterly. Review of Eastern Asia and the Adjacent Pacific Islands. – 1951. – Vol. X, № 3. – P. 259–270.

12. *Beeching, J.* The Chinese Opium wars / J. Beeching. – London : Hutchinson of London, 1975. – 352 p.

13. *Feifer, G.* Breaking open Japan : Commodore Perry, Lord Abe, and American imperialism in 1853 / G. Feifer. – New York : Smithsonian Books/Collins, 2006. – XX, 389 p.

14. *Griffis, W.E.* Perry, Matthew Calbraith, 1794–1858: a typical American naval officer / W.E. Griffis. – Boston : Cupples and Hurd, 1887. – 490 p.

15. *Jones, Ch.C.* The life and services of commodore Josiah Tattnall / Ch.C. Jones. – Savannah : Morning News Steam Printing Hous, 1878. – IX, 255, 4 p.

16. *Reynolds, C.G.* Famous American admirals / C.G. Reynolds. – New York : Van Nostrand, 1978. – XVII, 446 p.

17. *Schhoroeder, J.* Matthew Calbraith Perry: antebellum sailor and diplomat / J. Schhoroeder. – Annapolis : Naval Institute press, 1943. – 334 p.

18. *Swisher, E.* Commodore Perry's imperialism in relation to America's present-day position in the Pacific / E. Swisher // The Pacific Historical Review. – 1947. – Vol. 16, № 1. – P. 30–40.

19. The China Mail. – 1856. – November 20. – Vol. XII.

20. The Evening Mail. – 1857. – From 28 to January 30.

21. The Evening Mail. – 1857. – From 16 to January 19.

22. The executive documents, printed by order of the Senate of the United States. Second Session of the Thirty-Fifth Congress. – Washington : George W. Bowman, 1859. – Vol. 9, № 50. – 689–1424 p.

23. The Executive Documents of the Senate. 36 congress, 1 session. 1859–60. – Washington : George W. Bowman, 1860. – Vol. 10, № 44. – 624 p.

24. The Second China War 1856–1860 / Ed. by D. Donner-Smith and E.M.R. Lumby. – London, 1954. – XXII, 413 p.

25. *Walworth, A.* Black Ships off Japan. The Story of Commodore Perry's Expedition / A. Walworth. – Hamden (Connect.) : Archon Books, 1966. – XIX, 278, XI p.

26. *Williams, S.W.* The Middle Kingdom / S.W. Williams. – London : W.H. Allen and Co., 1883. – Vol. II. – XII, 775 p.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-169-173

ПОДГОТОВКА ПЕРЕВОДЧИКОВ-ЯПОНИСТОВ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ НОВОГО ВЕКТОРА МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЯПОНИЕЙ

Е.И. Кривошеева

В статье рассматриваются сферы потенциальной занятости будущих выпускников – переводчиков с японского языка в свете перезагрузки отношений между Россией и Японией. Предлагается создание новых, совместных с предприятиями образовательных программ, ориентированных на предоставление качественных отраслевых знаний и развитие надпрофессиональных навыков и компетенций у студентов, с учетом открывающихся на Дальнем Востоке перспектив сотрудничества для специалистов со знанием японского языка.

Ключевые слова: японский язык, перевод, работодатели, надпрофессиональные компетенции.

TRAINING OF FUTURE INTERPRETERS FROM JAPANESE IN RELATION TO THE NEW VECTOR OF INTERNATIONAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND JAPAN

E.I. Krivosheeva

The note gives an overview of the potential employment areas for future graduates with the knowledge of Japanese language in relation to the recently upgraded relationship between Russia and Japan. Taking into account the emerging prospects for cooperation in the Far East of Russia, it is important to create new education programs in collaboration with potential employers to assist students with professional skills development in order to be able to fit future employer requirements.

Key words: Japanese, translation, employers, professional competencies.

Интеграция современного российского общества в мировые экономические и общественно-политические процессы, а также изменения социокультурного контекста общественной жизни влекут за собой пересмотр требований, предъявляемых к образованию в целом и языковому образованию в частности.

Овладение иностранным языком как средством общения стало реальным требованием времени. Это остро ощущается и на Дальнем Востоке, где определяющим вектором экономического развития является налаживание и расширение связей со странами АТР. По заявлению министра иностранных дел России С. Лаврова, в настоящее время целый ряд «очень перспективных крупных японо-российских проектов находится в высокой степени проработки и готовы к реализации» [4]. А это значит, что презентация новых условий инвестирования и ведения бизнеса, экономический потенциал России, а также повышение конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности дальневосточного региона требуют наличия квалифицированных кадров, имеющих не только широкий кругозор, но и глубокие знания в

тех областях международного сотрудничества, которые реализует Россия в отношении наших соседей, в частности Японии.

На сегодняшний день остро стоит задача системно проанализировать и пересмотреть технологию подготовки специалистов-переводчиков со знанием японского языка, ибо уровень реализуемых правительством и бизнес-инвесторами программ предполагает наличие совершенно новых компетенций, которые находятся на стыке нескольких отраслей. Разработка новых, совместных с предприятиями и организациями учебных планов с возможностью практического закрепления знаний на промежуточных этапах обучения позволит сделать целевую подготовку бакалавров-японистов более профильной и отвечающей задачам сегодняшнего дня.

Рассмотрим значимые для Дальнего Востока России основные направления традиционного и перспективного сотрудничества, в которых могут быть задействованы будущие переводчики-японисты.

Прежде всего, это политическая сфера, где наблюдается определенный сдвиг в сторону реше-

Кривошеева Елена Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Krivosheeva Elena Igorevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Oriental Languages of the Pedagogical Institute of the Pacific State University (Khabarovsk).

E-mail: enl77@mail.ru

© Кривошеева Е.И., 2020

ния давно наболевшего вопроса о подписании мирного договора и последующего определения статуса островов Курильской гряды. Встречи и консультации регулярно проводятся на уровне как глав России и Японии, так и по линии министерств, различных комитетов и ведомств двух стран. Переводческое сопровождение подобных переговоров требует не только наличия отличных переводческих навыков, быстроты реакции, богатого словарного запаса японского и русского языков, но и способности преподнести материал с учетом особенностей культуры двух стран. Даже если выпускникам дальневосточных вузов не выпадет возможность работать с первыми лицами двух государств, они должны быть готовы к тому, что территориальный вопрос может быть затронут в рамках различных бизнес-встреч представителей двух стран на местном уровне. В этой связи критически важным является наличие у переводчика фоновых знаний по истории вопроса и умение ориентироваться в хитросплетениях японо-российской дипломатии, ибо некорректно подобранный термин рискует охладить и притормозить взаимовыгодное сотрудничество между представителями России и Японии.

Для наглядности приведем несколько примеров. Во-первых, это сам термин, описывающий передачу островов. Так, в японской прессе, освещающей проблему принадлежности четырех островов Курильской гряды (Итуруп, Шикотан, Кунашир и Хабомаи), используются выражения 返還 и 引き渡し. Большой японско-русский словарь под редакцией академика Н.И. Конрада интерпретирует слово 返還 как «возврат имущества прежнему владельцу» [3: с. 514]. Для слова же 引き渡し эквивалентом выступает лексическая единица «передача» (Там же, с. 467). С позиции Японии четыре северных острова являются исконно японскими территориями, поэтому они используют слово 返還 со значением «возврат». Россия, как известно, не признает притязания Японии на территории, находящиеся в границах РФ, поэтому данный термин в дипломатическом языке, равно как и в языке переговоров, не используется. Русские переводчики, транслируя позицию страны в этом вопросе, должны быть внимательны и использовать выражение 引き渡し в значении «передача» или «уступка».

Во-вторых, история территориального вопроса имеет свои взлеты и падения, отражая суть внешней политики лидера страны, находящегося у власти, и привнося в язык новую терминологию, которую переводчик обязан отслеживать, знать и корректно использовать. Так, если для периода правления М.С. Горбачева был характерен термин (領土問題を) 棚上げにする «положить под сукно решение проблемы (северных территорий)», то для

периода Ельцина это уже звучало как 動き出した (北方領土問題) – «сдвинувшаяся с мертвой точки проблема (Северных территорий)». Кроме того, нужно заметить, что при Ельцине большинство двусторонних встреч на высшем уровне проводились в неформальной обстановке, для чего в японский язык был введен новый термин ノーネクタイ – встреча «без галстуков». Эти же встречи имели и другое название 「裸の首脳会談」 «встреча на высшем уровне голышом» – выражение, буквально озвучивающее реальность места встречи двух лидеров – бани, так любимой Б.Н. Ельциным.

В период нахождения у власти В.В. Путина в язык обсуждения территориального вопроса вошли выражения 戦略的なパートナーシップ – стратегическое партнерство и 透明性 (関係) прозрачность (отношений), отражающие готовность лидера страны к конструктивному диалогу. Кроме того, с подачи российского президента на международных встречах активно используется спортивная лексика. Например, 一本 ippon – термин из дзюдо и карате, который имеет значение «получение одного балла в пользу победы», другими словами, можно сказать «1:0 в чью-либо пользу». Или же выражение 引き分け – «ничья», которое вошло в обиход после посещения В.В. Путиным Японии в декабре 2016 г., где переговоры по налаживанию отношений и заключению мирного договора стали приоритетными для обеих сторон. Появился такой термин, как 三角トレード. Само понятие トレード используется в бейсболе для описания обмена игроками между командами. В политической сфере этот термин можно перевести как «метаться, выбирать между двух огней» или же «выбирать из двух зол».

В силу того что большинство переводов на рассматриваемую тему осуществляются синхронно, вероятность ошибиться с употреблением термина для переводчика крайне высока. Задача выпускающего вуза помочь будущему специалисту воспитать уверенность в себе и тем самым увеличить конкурентоспособность за счет адаптивности, а именно умения работать над расширением кругозора, активно интересоваться историей и отслеживать изменения в профильной сфере, впитывать негласные правила поведения и употребления выражений в определенных ситуациях, а также постоянного обучения новому. Отличной платформой для оттачивания мастерства и приобретения опыта при осуществлении вышеописанного типа переговоров может стать производственная практика в Управлении международного сотрудничества как на краевом, так и на муниципальном уровне, а также в Представительстве Министерства иностранных дел в г. Хабаровске.

Нельзя обойти вниманием углубляющееся сотрудничество и в топливно-энергетической сфере, а именно использование японских высоких технологий для добычи нефти, газа, мирного использования атомной энергии. На сегодняшний день доля японского консорциума Sodeco в проекте «Сахалин-1» составляет 30 %; в проекте «Сахалин-2» компании Mitsui и Mitsubishi владеют 12,5 и 10 % акций соответственно [5: с. 78]. В период разработки месторождений в конце прошлого – начале нашего века отсутствие квалифицированных переводчиков-японистов, которые имели бы инженерную подготовку, привело к тому, что студентам, которые оформлялись на практику в японские подрядные организации на о. Сахалин и в п. Де-Кастри Хабаровского края, приходилось овладевать соответствующей терминологией уже непосредственно на рабочем месте. Это серьезно осложняло диалог специалистов с обеих сторон и тормозило сроки выполнения работ. Накопленный переводческий опыт, умение читать техническую документацию и разбираться в схемах технологического процесса, а также владение инженерной терминологией позволило создать учебно-справочный материал (Чиронов С.В. Японский язык. Экономический перевод. Москва: МГИМО, 2007; Кривошеева Е.И. Культура речевого общения. Японский язык. Хабаровск: ТОГУ, 2017). Подготовка специалистов, способных оперативно влиться в производственный процесс на любом этапе и помочь с коммуникацией японским и российским инженерам, активно ведется на факультете востоковедения и истории Педагогического института ТОГУ в рамках курса «Культура речевого общения» на 3-м и 4-м году обучения. Весь этот багаж окажется весьма актуальным и востребованным в свете анонсированного строительства завода по производству сжиженного природного газа (СПГ) с японским долевым участием на территории Хабаровского края. Перед вузом будет стоять задача подготовить конкурентоспособных переводчиков, максимально соответствующих по уровню квалификации потенциальным требованиям работодателя.

Еще одной из площадок для двустороннего взаимодействия, где, возможно, появится потребность в осуществлении переводов, может стать совместная работа в космической сфере. В 2018 г. был заключен целый ряд договоров о перспективном сотрудничестве между Японским агентством аэрокосмических исследований (JAXA) и российской госкорпорацией «Роскосмос», в список которых вошли: инвестиционное участие Японии в строительстве российского космодрома Восточный и возможность осуществления оттуда коммерческих запусков, а также совместные биологические исследования на базе МКС. Территориальная при-

надлежность космодрома Восточный Дальневосточному региону, на наш взгляд, должна обуславливать постановку определенных задач по решению проблем трудоустройства выпускников именно Дальнего Востока, в том числе и переводчиков-японистов, посредством долгосрочного и плодотворного сотрудничества между вузом, госкорпорацией «Роскосмос» и подрядными организациями еще на этапе обучения.

Учитывая темпы развития современной науки и ее технологической сферы, подобное сотрудничество помимо прикладного имеет и теоретическое значение. Необходимо осознавать, насколько важным является взаимодействие с массовой аудиторией, общение с которой происходит посредством информационных сообщений и публикаций об успехах и достижениях в совместной работе по освоению космоса и научных исследованиях на базе МКС в доступной для простого обывателя лингвистической форме. Газетные и журнальные статьи отражают многообразие и неоднородность аэрокосмической лексики японского языка, так как содержат не только терминологическую, но и профессиональную лексику (профессионализмы и профессиональные жаргонизмы), слова общего употребления, используемые в новом значении, а также неологизмы, еще не зафиксированные в словарях. Следует отметить, что, несмотря на то что подобные тексты не являются материалом, предназначенным для ознакомления конкретно специалистами, в отличие от научно-технического стиля они позволяют напрямую проследить новейшие языковые тенденции как общеупотребительной, так специализированной лексики, не отвлекаясь при этом на устоявшиеся, в большинстве своем широко изученные и обладающие эквивалентами на языке перевода лексические единицы и выражения.

Так, наибольшую трудность при переводе текстов рассматриваемой направленности, безусловно, представляет терминология. В данном случае знание способов словообразования в отношении единиц аэрокосмической направленности поможет будущим переводчикам быстро сориентироваться и осуществить точную передачу содержания сообщения с японского языка на русский, и наоборот. Например, [1; 6; 7].

Конструкции с присоединением суффикса к основе лексической единицы:

суффикс 力 – сила, возможность, способность:
異能力 – отличительные характеристики, 圧力 – давление, 安定勢力 – стабилизирующая сила, 効力 – эффективность, 抗力 – противодействующая сила, 光力 – сила, энергия света, 忍耐力 – сила противодействия, 暴力 – взрывная сила, 微力 – малая сила;

суффикс 化 – ближайшим эквивалентом в русском языке является суффикс –ция–:

深刻化 – обострение, углубление, 现实化 – реализация, 最適化 – оптимизация, преднастройка, 安定化 – стабилизация, 異化 – диссимилиация, катаболизм, 一般化 – генерализация, イオン化 – ионизация, 一元化 – унификация, 悪化 – детериоризация, 液化 – сжиживание, 塩基化 – базификация, オートメーション化 – автоматизация, 格变化 – инфлексия ядра, 可視化 – визуализация, 活性化 – активизация, 規格化 – стандартизация, 気体化 – парообразование, 擬人化 – антропоморфизация;

суффикс 系 – система, связь, отношение к чему-либо:

太陽系 – Солнечная система, космические объекты, расположенные в Солнечной системе, 理工系 – научно-технический, 銀河系 – галактика, 自律系 – автономная система, ピリン系 – пилин, класс волокнистых белков, 循環系 – система циркуляции жидкости внутри устройства, организма;

суффикс 面 – аспекты, поверхность:

安全面 – аспекты безопасности, 天体面 – поверхность неба, プラス面 – положительный аспект, 正面 – фронтальная сторона, 地面 – поверхность земли, 底面 – основание, 放物面 – параболоид, 天面 – верхняя опорная поверхность;

суффикс 器 – механизм, техническое устройство, сосуд:

探査機 – космический зонд, 加速器 – ускоритель, 原器 – прототип, 連結器 – коннектор, 濾過器 – фильтрующее устройство, 量液器 – устройство для наблюдения за уровнем жидкости, 放熱器 – радиатор, 変換機 – конвертер, 変圧器 – трансформатор, 偏光器 – поляриметр, 方向探知機 – радар, 噴霧器 – распылитель, 分光器 – спектроскоп, 発振器 – генератор сигналов, осциллятор.

Конструкции с присоединением префикса к основе лексической единицы:

приставка 非 – отсутствие:

非核 – неядерный, 非科学 – ненаучный, 非化石燃料 – топливо неископаемого происхождения, химического состава, 非加熱 – не подлежащий термообработке, 非金属 – неметаллические элементы, 非合理 – иррациональный, 非常官製 – урегулирование экстренной ситуации;

приставка 有 – наличие, обладание чем-либо:

有翼 – крылатый, в значении ракета и т.п., 有毒燃料 – токсичное топливо, 有線通信 – проводное (кабельное) соединение, 有人機 – устройство (самолет, батискаф и т.д.), пилотируемое человеком, 有孔生 – организмы-фораминиферы;

приставка 超 – ближайшие эквиваленты в русском языке – *сверх-*, *ультра-*:

超音速輸送機 – сверхзвуковое транспортное устройство, 超音波 – ультразвуковые волны, 超氷河期 – период запредельного оледенения, 超音速旅客機 – сверхзвуковой пассажирский лайнер, 超高周囲 – сверхвысокая частота, 超短波 – сверхкороткие, метровые волны, 超LMI – широкомасштабная интеграция (в компьютерном обеспечении); 超感度 – сверхчувствительный.

Конструкции с присоединением двух элементов к основе лексической единицы:

無境界説 – теория безграничного пространства (префикс 無 – отсутствие, суффикс 説 – теория, объяснение); 微粒子論 – теория микрочастиц (префикс 微 – ближайший эквивалент на русском языке – *микро-*, суффикс 論 – теория, представление); 近紫外線 – ближнее ультрафиолетовое излучение (префикс 近 – ближний, находящийся на ближней дистанции, суффикс 線 – линия, излучение).

Адекватность передачи содержания при переводе подобных текстов с японского языка требует наличия не только соответствующих фоновых знаний в аэрокосмической области, но и умения адекватно, без утяжеления специфическими терминами, оформить информацию на русском языке. Подобные задания на факультете востоковедения и истории Тихоокеанского государственного университета выполняются в рамках курсовой и дипломной работ. Очевидно, что восприятие культурных образов, которыми являются тексты указанной тематики, выходит за рамки узкой задачи перевода и требует применения особых методов организации межкультурного общения, которые сейчас активно разрабатываются в лингвистике, литературоведении, этнографии, психологии и особенно успешно в психолингвистике.

Особое внимание в отношениях России и Японии в настоящее время уделяется сфере экономико-инвестиционного сотрудничества, ибо российский рынок остается привлекательным для японского бизнеса. Безусловно, японский бизнес, особенно малый и средний, свою деятельность в этой сфере довольно четко соизмеряет с позицией государственных органов. Тем не менее японские компании неоднократно подтверждали свою готовность масштабного сотрудничества в Сибири и на Дальнем Востоке. Так, на последнем международном экономическом форуме, проводившемся на о. Русский, министр экономического развития России М. Орешкин озвучил следующие стратегические направления взаимодействия с японскими компаниями: «...обеспечение для стран АТР логистического пути в Россию и Европу, используя Транс-

сиб, обеспечение безопасности – сотрудничество по предотвращению контрабанды наркотиков, оружия, морепродуктов; в здравоохранении — сотрудничество в деле повышения качества медицинских услуг на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири; улучшение торгово-инвестиционных усилий; охрана окружающей среды; развитие межрегиональных обменов» [2].

Для того, чтобы выпускники вузов смогли трудоустроить себя во всех вышеперечисленных сферах, необходимы целевые учебные курсы, которые обеспечивали бы им преимущество относительно других кандидатов и предполагали бы развитие таких надпрофессиональных компетенций, как навыки межотраслевой коммуникации, умение работать с коллективами, группами и отдельными людьми, способность выполнять задачи в режиме высокой неопределенности и быстрой смены условий, стрессоустойчивость, высокие организаторские способности. На сегодняшний день немаловажное значение при приеме на работу имеет и умение влиться в коллектив и поддерживать командный дух в профессиональной деятельности и не только.

Подводя итоги, хотелось бы пожелать предприятиям и организациям проводить расчет кадровой потребности заранее и не бояться инвестировать в образование и воспитание будущих специалистов, в частности переводчиков. Например, в учебном плане по специальности 45.03.02 «Лингвистика» профиль «Перевод и переводоведение» предусмотрены несколько видов практик (учебная, производственная и преддипломная), и со стороны потенциальных работодателей было бы полезно и дальновидно предоставлять площадки своих организаций студентам для их прохождения. Необязательно сразу в статусе переводчиков. Достаточно начать с базовых вещей – делопроизводства, чтобы студенты смогли познакомиться с работой компании, обрести вокабуляр и научиться составлять простые документы. На продвинутых этапах это могут быть серьезные специальные переводы, выполненные по

заказу предприятий с высоким уровнем проделанной исследовательской работы (изучение сопутствующего материала, аналитические выкладки), которые могли бы послужить основой для курсовой и выпускной квалификационных работ. Хочется также подчеркнуть, что совместная работа вуза и потенциальных работодателей по развитию надпрофессиональных компетенций социального и личностного характера у сегодняшних студентов – это залог того, что будущие специалисты смогут без особого труда приобретать новые знания и развивать свою карьеру в различных отраслях сотрудничества между Японией и Россией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов, А.И. Специфика перевода публицистических текстов аэрокосмической направленности с японского на русский язык / А.И. Антонов, Е.И. Кривошеева // Современные гуманитарные исследования. – 2019. – № 2(87). – С. 60–63.
2. Восточный экономический форум : дайджест. – URL: https://forumvostok.ru/news/rossija-japonija-/?sphrase_id=14803 (дата обращения: 15.09.2019).
3. Конрад, Н.И. Большой японско-русский словарь / Н.И. Конрад. – Москва : Советская энциклопедия, 2010. – 1400 с.
4. Лавров: Россия и Япония обсудили расширение сотрудничества в восьми областях экономики : сайт статей. – URL: <https://tass.ru/politika/3587451> (дата обращения: 12.09.2019).
5. Перспективы развития российско-японских отношений на новом этапе: рабочая тетрадь. – Москва : ИП РСМД, 2019. – № 50. – 44 с.
6. 航空宇宙辞典: 単行本 / 木村秀政監修. – 東京出版: 他人書館、1995. – 増補版 – 912ページ (Аэрокосмический словарь: книга / под рук. Хидемасы Кимуры. – Tokyo publishing: Seikan, 1995. – С. 912).
7. 吉川真. 「はやぶさ2」ミッション前半を終了。 / 吉川真. // 宇宙航空研究開発機構広報部誌. – 東京出版官, 2019. – №1 (75)、2019年1月発行 — 19–21ページ (Макото Есикава. Миссия «Хаябуса-2» заканчивается в первом тайме / Макото Есикава // Журнал Японского агентства аэрокосмических исследований. – Токийский пресс-офицер. – 2019. – № 1(75). – С. 19–21).

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-174-180

О СООТНОШЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И ДИДАКТИЧЕСКОЙ КОМПОНЕНТ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА

Л.Ф. Маринич

Ж.И. Прыткова

В статье рассматриваются лингводидактические аспекты научно-технического текста как универсальной единицы обучения английскому языку для специальных целей. Показана роль дидактической составляющей в формировании методологической основы преподавания ESP – цель, задачи, методы обучения, аутентичность учебного материала. Анализируются доминанты лингвистической составляющей научно-технического текста как информативного структурированного фрагмента языкового пространства, в рамках которого происходит обучение всем видам речевой деятельности на иностранном языке. Анализ учебного пособия "Guide to Professional English in Use" дает представление о практической значимости теоретических положений статьи.

Ключевые слова: английский язык для специальных целей, научно-технический текст, лингвистика и дидактика текста, аутентичность, абзац, предложение, тема-рематическое членение предложения, семантическая и формальная когезия.

ON THE CORRELATION OF LINGUISTIC AND DIDACTIC CONSTITUENTS OF A SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXT WHILE TEACHING ENGLISH FOR SPECIFIC PURPOSES TO STUDENTS OF TECHNICAL HIGHER SCHOOLS OF THE FAR EAST REGION

L.Ph. Marinich

Zh.I. Prytkova

The article deals with linguistic and didactic aspects of a scientific and technical text as a unique unit of teaching English for Specific Purposes (ESP) at a technical higher educational institution. Special emphasis is made on the role of a didactic component constituting the methodological basis on which ESP teaching is carried on – the objective, tasks, teaching methods, authenticity of the curricular material for each particular level of learning. Thoroughly analyzed are the dominants of a linguistic component specific to a scientific and technical text as an informative structured fragment of verbal environment, since all kinds of speech activity in a foreign language are mastered within that environment. The practical significance of the theoretical concepts is supported by selected examples from the textbook "Guide to Professional English in Use".

Key words: English for Specific Purposes, scientific and technical text, text linguistics and didactics, authenticity, paragraph, sentence, theme-rheme sentence structure, semantic and syntactic cohesion.

Система обучения иностранному языку представляет собой сложную, многофункциональную социальную структуру. Широкие экономические, политические, культурные контакты между странами, межгосударственная интеграция в области образования, доступ к глобальному информационному пространству в значительной степени трансформировали отношение общества к иностранным языкам.

Чем выше потребность в научных, культурных, профессиональных, личных контактах граждан с носителями иностранного языка, чем реальнее возможность реализовать эти контакты, тем выше статус иностранного языка как универсального средства коммуникации и взаимопонимания между людьми.

Социальная мобильность, характерная для современного инженера, программиста, экономиста,

Маринич Людмила Филипповна – доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Marinich Lyudmila Philippovna – Associate Professor of Foreign Languages and Cross-Cultural Communication Department, Far East State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: luedmilafm35@inbox.ru

Прыткова Жанна Ивановна – доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Prytkova Zhanna Ivanovna – Associate Professor of Foreign Languages and Cross-Cultural Communication Department, Far East State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: prytkovand@rambler.ru

© Маринич Л.Ф., Прыткова Ж.И., 2020

ученого, предполагает: свободное передвижение и возможность получения профессионального образования в своей стране и за рубежом; способность адаптироваться к современным условиям коммуникации в мультикультурном мире; проявление толерантности и уважения к традициям других народов; владение академической, профессиональной, лингвистической культурой.

Дисциплина English for Specific Purposes (ESP) входит в профессиональную подготовку студентов, обучающихся по программам специалитета, бакалавриата и магистратуры. Изучение иностранного языка ориентировано на будущую профессиональную деятельность выпускников и осуществляется параллельно с освоением других дисциплин общегуманитарного, естественно-научного и общепрофессионального циклов подготовки инженеров. Междисциплинарные связи дисциплины ESP являются отражением интегративных процессов и формируются благодаря таким факторам, как: учет междисциплинарного подхода в пособиях по иностранному языку; разработка учебных заданий для подготовки студентов по широкому и узкому профилю специальности; использование общих методологических приемов преподавания базовых академических дисциплин учебной программы. Таким образом, в модели профессионально-ориентированного обучения ESP деятельность студентов, оставаясь познавательной по форме, становится профессиональной по содержанию [6].

Иностранный язык, бесспорно, необходим будущим инженерам для ведения эффективной научно-исследовательской и экспериментальной деятельности, которая включает такие аспекты, как знакомство с зарубежными источниками научно-технической информации, анализ отечественного и зарубежного опыта, подготовка обзоров журналов, аннотаций, рефератов, публикация статей в зарубежных изданиях, выступление с докладами по тематике проводимых исследований.

Очевидно, что одним из важных условий эффективного иноязычного образования является наличие иноязычной среды и культурного социума. Но столь же очевидно, что в учебном процессе в техническом вузе сложно обеспечить непосредственное пребывание студентов в среде носителей языка. Одним из оптимальных способов решения данной проблемы является моделирование иноязычной среды и предоставление обучаемым дидактических возможностей активного пребывания в ней посредством текстов познавательной, страноведческой, научно-популярной и профессионально-ориентированной тематики.

Обучение иностранному языку связано с тщательным отбором и анализом учебных материалов, а также оценкой их потенциальной эффективности.

При отборе учебных материалов необходимо учитывать как объективные, так и субъективные факторы. Объективные факторы включают: соответствие учебного материала цели, задачам и уровню обучения, предусмотренным программой; адекватность избранных методов обучения; целесообразный отбор упражнений, направленных на формирование и развитие всех видов речевой деятельности; четкую формулировку заданий, нацеленных на сознательную и самостоятельную работу студентов; учет роли родного языка. К субъективным факторам можно отнести: степень сформированности и уровень владения иноязычной коммуникативной компетенцией – лингвистической, дискурсивной, информационной, когнитивной, компенсаторной, социокультурной – в процессе изучения ESP, степень мотивации студентов и их возраст.

В техническом вузе преподаватель иностранного языка постоянно сталкивается с проблемой выбора учебника, пособия или текста. При отборе текстового материала необходимо учитывать ряд параметров: объем и тематику текста, его жанрово-стилистическую принадлежность, логичность и последовательность изложения, соответствие виду чтения, сложность лексического и грамматического наполнения. Ситуацию усложняет тот факт, что обучение студентов ESP опережает освоение профессиональных курсов по основной специальности.

Тема важности научно обоснованного подхода к отбору учебного материала для профессионально-ориентированной учебной книги, предназначенной для преподавания курса ESP студентам технического вуза, затрагивалась авторами в ряде работ [3; 4]. Одним из практических результатов таких исследований стало разработанное учебное пособие "Guide To Professional English" для студентов 2-го курса Электроэнергетического института ДВГУПС [5]. Работа прошла успешную апробацию в учебных группах и рекомендована Дальневосточным региональным учебно-методическим центром в качестве учебного пособия для студентов, обучающихся по направлениям подготовки «Системы обеспечения движения поездов», «Электроснабжение железных дорог», «Электроэнергетика и электротехника», «Электроэнергетические системы и сети», «Электроснабжение», «Электропривод и автоматика», «Релейная защита и автоматизация электроэнергетических систем» вузов региона.

Пособие преследует цель научить студентов, изучающих инженерные дисциплины, работать с оригинальными научно-техническими текстами по специальности и сформировать следующие компетенции:

- читать, понимать, переводить оригинальные научно-технические статьи (первичные публикации);
- анализировать композиционную и смысловую структуру текстов, выделять ключевую, дополнительную, уточняющую информацию;

– осуществлять логико-смысловую компрессию первоисточника с целью передачи его главного содержания в виде аннотации или реферата (вторичные публикации).

Пособие состоит из трех частей и семи тематических разделов: «Информационный обзор научно-технических журналов по проблемам железнодорожного транспорта», «Композиционная организация научно-технической статьи», «Перевод как средство межъязыковой коммуникации», «Язык и стиль журнальной статьи», «Журнальная статья: лингвистические трудности перевода», «Структура научно-технического текста», «Аннотирование и реферирование».

Каждый тематический раздел пособия четко структурирован и содержит:

1. Ключевые слова (Key Words), которые дают студентам общее представление о теме и содержании раздела, отражают логику развития темы, акцентируя внимание на наиболее важных аспектах теории.

2. Теоретический материал по теме раздела – тщательно четко отобранный минимум базовых лингвистических знаний об особенностях языка и стиля научно-технических текстов.

3. Вопросы (Comprehension Questions), завершающие теоретическую часть каждого раздела и обеспечивающие проверку понимания материала раздела в процессе совместного обсуждения в группе.

4. Упражнения (Exercises), которые формируют практические навыки и совершенствуют умения работы со словарем, технику перевода, информационного поиска, чтения, анализа и извлечения профессионально значимой информации из текстов по специальности.

Заключительные упражнения каждого раздела включают элементы ЭИОС для аудиторной и самостоятельной работы студентов: перечень сайтов периодических изданий по проблемам электроэнергетики, железнодорожного транспорта; задания по подготовке презентаций с использованием программы *PowerPoint*; поиск тематических роликов в *YouTube*. Особое место в пособии занимают упражнения по выполнению машинного перевода (МП) и постпереводческой правки текста, которые формируют навык работы с электронными словарями *ABBYY Lingvo*, *Multitran*, программами перевода *Prompt*, *Translate*. Последующее редактирование МП учит студентов критически анализировать «машинный продукт», формирует навык редактирования текста, что представляет практическую ценность для будущего специалиста. Форматы различных видов заданий, выполняемых на компьютере, успешно апробированы в студенческих группах. При составлении заданий и упражнений учебного пособия строго соблюдались прин-

ципы последовательности, логичности, системности и нарастающей сложности.

По мнению авторов статьи, интеграция дидактического и лингвистического аспектов в работе с иноязычным научно-техническим текстом является ключевым принципом для обеспечения комплексного подхода к обучению ESP, достижения поставленной цели и формирования указанных компетенций.

Роль дидактической компоненты заключается в создании теоретической основы для формирования предметных методик, изучающих особенности и закономерности преподавания различных учебных дисциплин. Являясь одной из частных дидактик, методика преподавания ESP имеет собственный понятийно-терминологический аппарат, располагает специфическими технологиями и ориентирована на практику обучения. Дидактика формирует методологическую основу, связывающую методику преподавания ESP с лингвистикой благодаря общим закономерностям обучения языкам в зависимости от учебных целей, задач и содержания изучаемого материала [7].

В свою очередь, лингвистические дисциплины позволяют дидактике выполнять коммуникативную, познавательную и образовательную функции, поскольку речь – особое явление, определяющее специфику процесса познания. В науке о языке термин «речь» обозначают не только продукт устной коммуникации, но и письменное речевое произведение – текст. Под текстом принято понимать методически целесообразный, информативно значимый и четко структурированный фрагмент аутентичного языкового пространства, в рамках которого происходит обучение всем видам речевой деятельности и обеспечивается овладение иноязычной культурой. Являясь универсальной единицей обучения, текст, в частности, дает возможность установить соотношение между содержанием речи и ее жанровыми стилистическими, структурно-композиционными и формально-языковыми особенностями; проследить взаимодействие всех средств языка, участвующих в передаче содержания и смысла высказывания.

В методике преподавания ESP предлагаемые концепции работы с текстом тесно связаны с проблемой его аутентичности (*authenticity*). Несмотря на некоторые различия в трактовках, аутентичным считается текст, который создавался носителями языка в стране изучаемого языка и был изначально адресован носителям языка, но в дальнейшем нашел применение в обучении иностранному языку вне языковой среды. Степень аутентичности учебного материала является серьезной дискуссионной темой. Многие методисты считают допустимым использование обработанных материалов (*simplified materials*, *edited authentic texts*, *learning authentic texts*) при условии сохранения в них всего разнооб-

разия лексики, грамматических форм и фоновых знаний, свойственных иноязычной речи. Некоторое упрощение языка в соответствии с потребностями реципиента является неотъемлемой частью естественной коммуникации, поскольку применение аутентичных материалов в условиях обучения иностранному языку вне языковой среды ограничено уровнем владения языком и серьезными трудностями социокультурного характера [2].

К сильным сторонам аутентичных материалов, несомненно, можно отнести следующие: аутентичный текст дает реальное представление о подлинной форме языка в естественном социальном контексте; он разнообразен в тематическом и жанрово-стилевом отношении; такой текст обладает высокой информативной и познавательной ценностью и содержит сведения о культуре и традициях носителей языка.

Нельзя не признать, что некорректно или излишне адаптированный текст утрачивает характерные признаки особенной коммуникативной единицы; лишается авторской индивидуальности или национальной специфики; нередко служит серьезной преградой для последующего перехода к оригинальным произведениям, так как создает отрицательный «эффект» искусственного знания несуществующего языка.

В данном вопросе целесообразно придерживаться «золотой середины». Аутентичность текста и его сокращение или крайне аккуратная методическая обработка не являются взаимоисключающими понятиями, но позволяют создать образцовый текст. Анализируя текст-образец, студенты усваивают нормы, знакомство с которыми помогает впоследствии строить собственные высказывания в устной и письменной форме. Сформированные навыки чтения эталонных текстов облегчают переход к более сложным способам анализа, обработки и продуцирования текстового материала: письменной компрессии текста (summarizing); написанию сочинения (composition / essay); составлению развернутого плана (specific outline), тезисов (abstracts), конспекта (notes), аннотации (annotation); подготовке устного сообщения по заданной теме (speaking / report / account) и т.д.

При обучении ESP не меньшего внимания, чем аутентичность, заслуживают такие лингвистические аспекты текста, как его жанрово-стилистическая принадлежность, композиционная структура, лексико-грамматическое оформление. Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее

определенную целенаправленность и прагматическую установку [1].

Для понимания структуры научно-технического текста студентам необходимо иметь представление об основных понятиях и категориях, которыми оперирует лингвистика текста: принципы и методы анализа текста, его параметры (план содержания и план выражения), текстовые категории и единицы текста (предложение, абзац).

К параметрам текста в плане содержания относятся тема (topic), идея (purport of communication / idea), содержание (contents), прагматическая установка (pragmatic orientation). Текстовые категории включают информативность (informativity), интеграцию (integration / unity), непрерывность (continuum), завершенность (completeness). К грамматическим категориям текста относят предикативность (predicativity), проспекцию (prospection), ретроспекцию (retrospection), дейксис (deixis), модальность (modality), когезию (cohesion).

С точки зрения плана выражения любой текст состоит из элементов – языковых единиц различных уровней, которые можно изучать дискретно или, напротив, рассматривать целостно, как структурно-семантическое единство, построенное в соответствии с законами логики и лингвистики. При работе с научно-техническим текстом внимание уделяется базовым единицам членения текста – предложению и абзацу, что объясняется двумя причинами: логически каждый новый абзац текста – это шаг вперед в развитии темы, помогающий читателю проследить и понять замысел автора; синтаксически деление текста на абзацы – это способ пунктуации текста.

В качестве иллюстрации процесса работы с аутентичным текстом по специальности в рамках дисциплины ESP нам бы хотелось представить один из разделов пособия "Guide To Professional English" (Часть 3), в котором исследуется структура научно-технического текста как речевого произведения со своими характеристиками, категориями, уровнями и композиционно-речевыми формами изложения. Подробно анализируются базовые структурные единицы текста – предложение (грамматическое и тема-рематическое членение предложения); абзац и его виды; понятие ключевого предложения и предложений, поддерживающих тему ключевого; модели построения абзаца с учетом местоположения ключевого предложения; внутритекстовые связи в научно-техническом тексте (семантическая и формальная когезия). Независимо от тематики раздела контрапунктом каждого из них выступает текст. В общей сложности раздел содержит более 30 упражнений. Ниже приведены фрагменты заданий для анализа научно-технического текста на разных этапах работы.

I. Тема: Логическая структура или актуальное членение предложения

Exercise 1: Analyze the **logical structure of the sentences** in the paragraphs. Represent the **theme – rheme** (T → P) relations graphically.

Example:

Indeed, British Rail has no less than **eight electrification projects** in progress.

Five projects are based on 25 kV 50 Hz totaling 805 route-km.

Three projects envisage electrification at 750 V dc third rail totaling 71 route-km.

The total cost of these projects is £ 508 m, and when completed they will raise the proportion of electrified route to 28 per cent.

1. Cables. Two main types of cable are available: concentric-neutral cable and power cable. Concentric-neutral cable normally has an aluminum conductor, an extruded insulation, and a concentric neutral. A concentric neutral is made from several copper wires wound concentrically around the insulation; the concentric neutral is a true neutral, meaning it can carry return current on a grounded system.

2. Ohio Brass has designed a polymer insulator which is marketed under the name Hi-Lite. It is a single unit consisting of a strong glass-fibre rod fitted with small polymer weathersheds. Hi-Lite insulators weigh about one-tenth that of porcelain insulators and are immune to breakage. This means that packaged cantilevers can be shipped directly from the factory to the worksite without the risk of damage. The diameter of the tension Hi-Lite insulator is about one-third that of its porcelain counterpart.

II. Тема: Абзац: его виды; модели построения и формы изложения информации в абзаце

Exercise 1: Study the following paragraphs. Put the **mono-thematic** and **poly-thematic paragraphs** into the correct category in the chart below.

Mono-Thematic Paragraphs

.....
.....

Poly-Thematic Paragraphs

.....
.....

1. A railway electrification system is not a static power transmission line. It is a dynamic one. The varying electrical loads imposed by trains are moving at up to 320 km/h relative to the supply network. The interaction of the travelling electrical loads has always impeded the economic development of electrification systems. Some additional position control other than by signaling would be an attractive development but for the moment the electrical interaction is reconciled by careful adjustment of the supply parameters.

2. Volta's Short Biography. Volta was born in Como, Italy, on February 18, 1745. For some years he was a teacher of physics in his home town. Later he became a professor of natural sciences at the University of Pavia. After his famous discovery he travelled in many countries, among them France, Germany and England. He was invited to Paris to deliver lectures on the newly discovered chemical source of continuous current. In 1819 he returned to Como where he spent the rest of his life. Volta died at the age of 82.

3. But what are semiconductors? They include almost all minerals, many chemical elements, a great variety of chemical compounds, alloys of metals, and a number of organic compounds. Like metals, they conduct electricity but they do it less effectively. In metals all electrons are free and in insulators they are fixed. In semiconductors, electrons are fixed too, but the connection is so weak that the heat motion of the atoms of a body easily pulls them away and sets them free.

Exercise 2: Study the following paragraphs and find the **key sentence** in each paragraph. Explain your choice.

1. Russian Railways Implement Environmental Safety Program. OAO RZD invested more than RUR 725 million into the project "Ensuring Environmental Safety" in 2008. According to the investment program, 24 environmental protection facilities were constructed and reconstructed on the rail network during the year 2008. The investment project also provided for the purchase of 136 units of plant and equipment to clean up emissions and waste, 394 pieces of technical equipment to estimate damage to the environment after accidents, 316 analytical instruments and measuring devices for environmental laboratories, 21 sets of special laboratory furniture as well as 9 mobile environmental laboratories mounted on cars.

2. Click Here to Get There. Travelers in Denmark can now use the Google Maps website to plan multimodal public transport trips. Users type an address or click on the start and end points of their journey, and Google Transit provides details of train and bus times and connections along with a map of the suggested route. Information on 1.5 million departure times and 22 000 stops was supplied by Rejseplanen, a national travel information company owned by a consortium of Danish transport operators. This was converted into Google's format by the Swiss IT firm Netcetera ready for the launch on May 25. "I'm delighted that we are the first place in Europe which can present an entire country's rail and bus information on Google Maps", said DSB S-tog Managing Director Gert Frost.

Exercise 3: Read an advertising article **Battery Powered Railcar Mover** carefully. Then name the **key sentence** and **supporting sentences** in each paragraph.

Battery Powered Railcar Mover. Railquip Inc. has introduced a new Battery Powered Maxi Railcar

Mover, capable of using its full traction weight on the drive wheels to pull 350 tons of trailing load on straight and level track. Its four electric motors including stepless adjustable control for the individually driven wheel allow car movement in both directions. The guide wheels can be swiveled by 135 degrees. Off the track the unit has a turning radius of only 63 inches and can easily go on and off track. On elevated track the Railcar Mover can be operated via radio remote control.

The Battery Powered Railcar Mover is available with a stationary or onboard battery charger, and is equipped with two rechargeable high performance batteries of 40 V/320 AH capacity each. It offers high performance and low life-cycle-cost, easy one-man operation, and is reliable.

The Battery Powered Railcar Mover can be used in workshops responsible for maintenance, service, cleaning, overhauling, and refurbishing of locomotives, passenger coaches, and freight cars, with the aim to ensure the optimum availability and reliability of rolling stock.

Contact Railquip Inc., 3731 Northcrest Road, Suite 6, Atlanta, GA 30340; (770) 458-4157; email sales@railquip.com; website www.railquip.com.

Exercise 4: In the three paragraphs of the text **Electric Vehicles** given below, the sentences are mixed up. Rearrange the sentences within each paragraph so as to form **an analytical**, **a ring** and **a synthetic paragraph** respectively.

Electric Vehicles

1. an analytical paragraph

a. Electric vehicles are often thought of as a new development.

b. The motor contained all the basic elements of the modern electric vehicle.

c. But as long ago as 1837 Robert Davidson of Aberdeen built an electric carriage powered by a crude iron-zinc battery and driven by a very simple electric motor.

2. a ring paragraph

a. In essence, apart from the battery, controller and motor, the design of electric vehicles usually follows conventional lines.

b. The electric vehicle is basically a very simple machine.

c. The electric vehicle can be said to have only five basic components and eight moving parts, four of which are wheels.

d. It consists of the battery, a controller, the motor, the transmission, and the vehicle chassis and body, and it was for this reason that so much interest was shown in it in the early days of powered transport.

3. a synthetic paragraph

a. Thus, the major difficulty with the electric vehicle is to find a battery which will give sufficient energy, have longer intervals between charging cycles and weigh less.

b. Originally based on the flat plate design, modern traction cells are now of tubular construction.

c. This type of battery, provided it is regularly charged and the electrolyte level is maintained, has a guaranteed life of four years, which is regularly exceeded in practice.

d. It is, however, rather heavy and the energy density (the amount of energy produced per unit weight) is only about 11 watt-hours per lb (approximately 24 W/kg), and this is the feature principally responsible for the poor road performance of most electric vehicles.

e. Where vehicles are used comparatively infrequently, as in mining and tunneling, nickel-iron batteries are often used as they can stand long periods of non-use without attention.

f. Most batteries in use today are of the lead-acid type.

III. Тема: Внутритекстовые связи в научно-техническом тексте: семантическая и формальная когезия

Exercise 1: Read the following pairs of sentences. Discuss **the lexical means of connection** which link the sentences together. Translate the sentences from English into Russian.

1. **The current collector** transmits power from the conductor bar to the vehicle. **The collector** can be supplied in single or double units and each head will handle a current of 200 amps.

2. Each section contains **a transformer** and **two rectifier-inverter converters**. **Every of the latter** is connected to two traction motors of a two-axle bogie.

3. Natural phenomena which offer promise as power sources are being looked at more and more closely. **One of these** is oceanic tides, since the change in the ocean water level can be up to 15–16 meters.

4. **Superconductivity**, at which a conductor completely lacks resistance to electric current, was discovered more than 70 years ago. **This phenomenon** occurs at temperatures around -273°C .

5. **The first practical generator** was built by Thomas Edison, the famous inventor. Unlike most **AC (alternating current) generators** of today, **Edison's apparatus** produced DC (direct current).

6. In European countries where the energy market has been liberalized, **many energy customers** are not pleased with the results of this liberalization. **They** claim there are no real benefits.

Exercise 2: Read the following pairs of sentences. Discuss **the grammatical means of connection** which link the sentences together. Consult Table 6.3.1 **Logical Relations Between Sentences** on p.p. 74–75. Translate the sentences from English into Russian.

1. The programme includes construction of 3 600 km of new lines and 5 000 km of additional track. **In addition**, it also covers the introduction of electric

traction on 6 400 km of existing line and the provision of CTC on a further 15 000 km.

2. There are various forms of energy, such as heat, mechanical, electrical, chemical, atomic and so on. **Likewise**, one might also mention the two kinds of mechanical energy – potential and kinetic, potential energy being the energy of position while kinetic is the energy of motion.

3. To generate the electric current energy of some kind must be employed. **Generally speaking**, the sources of energy usually employed to produce current are either chemical, as in the battery, or mechanical as in the electromagnetic generator.

4. The energy sources of the world are decreasing while the energy needs of the world are increasing. **As a result**, it is necessary to find new sources of energy.

5. The Sun is an unlimited source of energy. **However**, at present, only a little part of solar energy is being used.

6. Trying to develop a method of protecting buildings during thunderstorms, Franklin continued studying that problem and invented the lightning conductor. **Thus**, protecting buildings from strokes of lightning was the first discovery in the field of electricity employed for the good of mankind.

7. Certain factors can greatly influence the resistance of an electric circuit, among them the size of the wire, its length and type. **In short**, the thinner or longer the wire, the greater is the resistance offered [5].

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что рациональное сочетание и тесное взаимодействие лингвистических и дидактических аспектов является основой эффективного процесса обучения ESP, способствует комплексному освоению программы учебной дисциплины, обеспечивает необходимую преемственность знаний, создает условия для самостоятельной работы студентов и формирования творческих навыков.

Содержание обучения ESP должно соответствовать поставленным целям и включать в себя тщательно и грамотно отобранные, четко структурированные тексты по широкому и узкому профилю специальности, что позволяет сократить разрыв между сложностью оригинальной литературы и языковыми возможностями студентов и содейству-

ет развитию умений в процессе освоения всех видов речевой деятельности.

Знание лингвистических закономерностей построения текста, методов анализа его структурной и содержательной компонент формирует у студента эффективные стратегии работы с текстом, необходимые будущему специалисту: целенаправленный поиск и обработку информации; критическое осмысление прочитанного. При этом иностранный язык становится важным каналом получения новой информации. Такой подход к освоению ESP представляется наиболее целесообразным в контексте профессиональной подготовки студентов технических вузов, так как способствует формированию системного мышления на иностранном языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – 10-е изд. стер. – Москва : URSS, 2019. – 144 с. – (Серия «Лингвистическое наследие XX века»).
2. Колесникова, И.Л. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков / И.Л. Колесникова, О.А. Долгина. – Санкт-Петербург : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2001. – 224 с.
3. Маринич, Л.Ф. Роль учебника в достижении программных образовательных целей по иностранному языку в неязыковом вузе / Л.Ф. Маринич, Ж.И. Прыткова // Развитие гуманитарных наук на Дальнем Востоке : материалы междунар. науч.-практ. конф. (15–16 декабря 2011 г.). – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2012. – С. 120–128.
4. Маринич, Л.Ф. Некоторые аспекты теории и практики преподавания иностранного языка для специальных целей в техническом вузе / Л.Ф. Маринич, Ж.И. Прыткова // Наука в современном мире: Вопросы теории и практики : материалы междунар. (заочной) науч.-практ. конф. – София : Издательска Къща «СОРОС», Нефтекамск : РИО НИЦ «Мир науки», 2018. – Т. 5. – С. 8–25.
5. Маринич, Л.Ф. Английский язык в сфере профессиональной коммуникации = Guide to Professional English : учебное пособие. В 3 ч. Ч. 3 / Л.Ф. Маринич. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2019. – 168 с.
6. Попова, Н.В. Профессионально-ориентированный учебник по иностранному языку нового поколения: междисциплинарный подход / Н.В. Попова – Санкт-Петербург : Изд-во Политехнического ун-та, 2011. – 330 с.
7. Ситаров, В.А. Дидактика : учебное пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / В.А. Ситаров ; под ред. В.А. Сластенина. – 2-е изд., стер. – Москва : Академия, 2004. – 368 с.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-181-193

ОБ УНИВЕРСАЛЬНОМ КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ НАУКИ И КАК БЫ НАУКИ

Р.Л. Лившиц

Вводится понятие как бы науки для обозначения одной из форм имитации научного познания, существующей наряду с псевдонаукой (а также лженаукой и паранаукой). С точки зрения автора, сущность как бы науки состоит в воспроизведении внешних признаков научного исследования ради достижения прагматических целей, не имеющих ничего общего с поиском истины. На одном конкретном примере проанализированы типичные черты, присущие как бы научному тексту. Предложено рассматривать данный текст как эталонный. Разработана универсальная таблица, позволяющая алгоритмизировать процесс разграничения науки и как бы науки. Раскрыто всемирно-историческое значение концепции Эйдельмана как классического воплощения как бы науки.

Ключевые слова: как бы наука, псевдонаука, стиль изложения, логическая культура, банальность, абсурд, универсальный критерий.

ABOUT THE UNIVERSAL CRITERION OF SCIENCE AND LIKE A SCIENCE DISTINCTION

R.L. Livshits

The concept of like a science is introduced to denote one of the forms of imitation of scientific knowledge, which exists along with pseudoscience as well as and parascience. From the author's point of view, the essence of a kind of science consists in reproducing the external signs of scientific research in order to achieve pragmatic goals that have nothing to do with the search for truth. On one specific example, the author analyzes the typical features inherent in a kind of scientific text. It is proposed to consider this text as a reference. A universal table has been developed that allows one to algorithmize the process of differentiating science and, as it were, like a science. The world-historical significance of the Eidelman concept as a classical embodiment of a kind of science is revealed.

Key words: like a science, pseudoscience, style of presentation, logical culture, banality, absurdity, universal criterion.

Не всем же быть умными. В виде исключения должны быть также и глупые, потому что если бы все были умными, то на свете было бы столько ума, что от этого каждый второй человек стал бы совершеннейшим идиотом.

*Ярослав Гашик
«Похождения бравого солдата Швейка»*

В уважающих себя научных изданиях публикации любой работы предшествует ее рецензирование. От рецензента требуется оценить предлагаемый к опубликованию труд, высказать обоснованное мнение: стоит его печатать или лучше отклонить. Любая массовая деятельность естественным образом предполагает установление определенных правил, норм, стандартов, выработку формальных критериев, позволяющих алгоритмизировать процесс. Не является исключением и подготовка научных работ к публикации. Нам уже приходилось заполнять анкету рецензента, в которой надлежало

оценить в баллах научную статью по следующим параметрам: наличию/отсутствию плагиата, актуальности, научной новизне, концептуальному уровню, теоретической значимости, обоснованности выводов и др. Заполнение такой анкеты облегчает и убыстряет процесс рецензирования, поэтому поиск в данном направлении заслуживает одобрения. Однако существующая анкета дает возможность более или менее объективно отразить положительные стороны предполагаемой публикации, но недостаточно полно и точно характеризует изъяны последней. Неявная презумпция данной анке-

Лившиц Рудольф Львович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (г. Комсомольск-на-Амуре).

Livshits Rudolf Lvovich – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Socio-Political Studies at Amur State University of Humanities and Pedagogy (Komsomolsk-on-Amur).

E-mail: rudliv@yandex.ru

© Лившиц Р.Л., 2020

ты состоит в утверждении, что зло – это относительная степень добра. Например, безграмотность в такой системе идейных координат выглядит как недостаток грамотности, а дилетантство – как нехватка профессионализма. Но рецензент должен иметь надежный критерий для разграничения простительных недостатков, которые могут быть исправлены путем редактирования, и неустраняемых пороков. Поскольку в двери научных изданий стучатся не только толковые специалисты, но (порой) и бесталанные невежды, постольку задача рецензента – преградить дорогу этим последним, помешать засорению науки мутными сочинениями, ничего, кроме информационного шума, не создающими.

О том, как это сделать с наименьшими затратами сил и времени, мы и хотим поделиться своими соображениями. Разумеется, мы намерены при этом учесть положительные моменты уже существующей анкеты, автор которой нам, к сожалению, не известен.

Но вначале выскажем одно суждение общего характера. Наука – один из видов духовного производства, и в ней, конечно же, проявляются общие его закономерности. Одна из них состоит в том, что невозможно создавать только одни шедевры. Наряду с работами высочайшего уровня существуют вполне добротные, аутентичные труды, а также произведения низкого и даже крайне низкого уровня. Лучше всего это показать на простом и понятном примере, взятом из такой сферы деятельности, как стихосложение. Наш выбор обусловлен спецификой поэзии как явления культуры. Дело в том, что мы воспринимаем стихотворный текст непосредственно, интуитивно, по первому впечатлению, до и помимо рационального осмысления. (Хотя потом, когда оценка уже сложилась, можем ее обосновать логически.)

Вот пример поэтического произведения, которое, без сомнения, относится к разряду шедевров.

...Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда!
Но если же кого забуду,
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать! [14: с. 96]

А вот стихи, сочиненные учащимися школы, в которой автор настоящих строк какое-то время преподавал.

Вас с днем рожденья поздравляем,
Удачи, радости желаем.
Желаем здравствовать вам всем,
Чтобы счастливым быть совсем.

Ритм соблюден, рифма, пусть и шаблонная, имеется. Но все равно это плохие, никуда не год-

ные стихи, в сущности, только имитация поэзии. (По понятным причинам я об этом ученикам не сказал; ведь чувство их было правдивым, хоть голос фальшивым.)

Для наших рассуждений важно иметь в виду следующее. Пирамида качества ограничена как сверху, так и снизу. На вершине пирамиды – абсолютные шедевры, превзойти которые невозможно. В основании – шедевры другого рода, хуже которых придумать уже не получится. Именно их можно принять за эталон при оценке степени злокачественности того или иного продукта духовного производства.

Явления аналогичного типа, существующие в науке, мы и предлагаем называть как бы наукой. Эту последнюю не следует путать с псевдонаукой (или лженаукой). О сущности псевдонауки имеется обширная литература [1; 2; 5; 6; 11–13; 15–17]. Наиболее детально этот вопрос освещен в содержательной статье А.Г. Сергеева [15]. Псевдонаука занимается тем, что развивает и пропагандирует завиральные идеи. Классический пример – «новая хронология» с ее идеей «заговора историков» против истины. Не иссякает поток работ, опровергающих специальную теорию относительности. Необозримо количество публикаций, в которых разоблачается «лунная афера» США. В медиaprостранстве фигурирует масса текстов, созданных разными альтернативно одаренными авторами, в которых решительно отвергаются все твердо установленные и надежно удостоверенные практикой истины и факты. Эпическую битву с подобными проявлениями агрессивного невежества ведет Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований при Президиуме РАН. (В декабре 2018 г. комиссия разделилась.) Феномен, о котором мы ведем речь, другого рода. Нас интересуют не творения эксцентричных маргиналов, которых в наши дни принято называть фриками, а работы, создаваемые людьми, претендующими на респектабельность. Сами эти люди пребывают в счастливом заблуждении, считая себя учеными, и эту иллюзию порой разделяют и другие. Как бы ученые не занимаются ниспровержением общепризнанных истин. Не претендуют на революцию в науке. Не высказывают гипотез, находящихся в противоречии с бритвой Оккама. Но все равно написанные ими работы относить к настоящей науке нельзя, ибо научность в них только имитируется. Задача имитаторов сугубо прагматическая: получить ученую степень, увеличить количество публикаций в списке своих работ, придать себе вес в научном мире, встать в научной иерархии на ступень выше. Это в действительности не ученые, а дельцы от науки, и истина их ни в малейшей степени не волнует. Создаваемые имитаторами тексты – это *плохие* тексты.

Но как отделить настоящую науку от как бы науки? С помощью каких инструментов измерить степени злокачественности текста, претендующего на научность? Вот в чем вопрос.

На него-то мы и попытаемся дать ответ в настоящей статье.

Наша задача облегчается тем, что в литературе уже есть опыт формализованной оценки текстов, поступающих в научные издания.

Это, прежде всего, небольшая статья (даже, пожалуй, заметка) Е.Д. Эйдельмана в журнале «Здравый смысл» [18]. В ней предложена анкета, которая в существенной мере способствует облегчению непростого труда рецензента.

Она невелика, поэтому имеет смысл привести ее полностью (табл. 1).

Рецензенту остается дать ответ по каждому пункту, суммировать полученные баллы – и результат готов. Если количество баллов превышает определенный показатель, то рецензируемая работа уверенно относится к разряду псевдонаучных.

Просто, удобно, технологично, практично. Мы не утверждаем, что анкета Е.Д. Эйдельмана есть предел совершенства, и вполне допускаем возможность ее улучшения, но несомненно то, что путь, который он предложил, – реальный способ облегчить задачу рецензента и редактора.

Е.Д. Эйдельман пришел к своему обобщению не путем умозрения, а на основе опыта. Ознакомившись с великим множеством псевдонаучных текстов, он сумел отсеять случайности и выявить определенные закономерности. Он двигался от практики к общим идеям, а не наоборот. В принципе, иного пути для поиска маркеров, отделяющих науку от псевдонауки, не существует. Таким же точно путем нужно идти, если мы желаем выработать критерии, позволяющие разграничить науку и как бы науку. Чисто дедуктивным путем эту задачу решить невозможно. Насколько обязательно, однако, изучение множества работ для получения достоверного результата?

Таблица 1

Демаркация науки и псевдонауки

1. Имеет ли автор образование, соответствующее теме?	Да (0)	Нет (1)
2. Принадлежит ли автор к научной школе (был в аспирантуре, докторантуре и т.п.) по данной теме?	Да (0)	Нет (1)
3. Публикации автора в рецензируемых научных журналах по другим темам	Есть (0)	Нет (1)
4. Имеются ли в рецензируемых научных журналах публикации автора по теме сообщения (привести список 2–3 публикаций)?	Есть (0)	Нет (2)
5. Имеются ли обзоры специалистов по данной теме в рецензируемых журналах (указать хотя бы один)?	Есть (0)	Нет (2)
6. Имеются ли у автора рекомендации известных в данной области специалистов (членов РАН и т.п.)?	Есть (0)	Нет (1)
7. Цитируются ли в работах автора статьи по данной теме, опубликованные в рецензируемых журналах?	Да (0)	Нет (1)
8. Проводились ли работы по теме открыто или в закрытом порядке (секретно)?	Открыто (0)	Секретно (1)
9. Было ли целью источника сделать фундаментальное открытие по этой теме?	Нет (0)	Да (2)
10. Имеются ли в публикациях автора благодарности другим лицам за обсуждение полученных результатов?	Да (0)	Нет (1)
11. Поддерживались ли исследования автора научными фондами: РФФИ и др.? Укажите, какими	Да (0)	Нет (1)
12. Можно ли изложить сведения, сообщаемые автором, в терминах, используемых в учебниках для средней школы и младших курсов вуза?	Да (0)	Нет (1)
13. Опровергает ли автор общепринятые теории?	Нет (0)	Да (2)
14. Имеется ли проверка другими специалистами сведений, сообщаемых в представленных материалах?	Да (0)	Нет (1)
15. Опирается ли автор при доказательстве правильности сообщаемых им сведений на общие философские или методологические основания?	Нет (0)	Да (1)
16. Приведет ли реализация излагаемых сведений к кардинальным изменениям в жизни общества?	Нет (0)	Да (2)
17. Нужно ли для реализации излагаемых сведений действовать в рамках существующих правил и процедур?	Да (0)	Нет (1)
18. Когда должны быть реализованы излагаемые результаты?	В будущем (0)	Немедленно (1)

В реальности каждая плохая работа плоха по своему, и степень их злокачественности может сильно варьировать. Кроме того, существует искажающий фактор в виде вмешательства научного редактора. Редактор пытается, в меру своих сил, сделать из слабой статьи конфетку, и, хотя его возможности не безграничны, порой достигает определенного успеха. Объективно действия такого редактора ведут к тому, что необходимый нам для обобщения материал подвергается, так сказать, порче. Поэтому предпочтителен другой путь: изучение классического, эталонного образца как бы науки с целью выявления ее верифицируемых маркеров. При этом важно, чтобы это не были статьи студентов, магистрантов или иных авторов, еще должным образом не введенных в храм науки. Они только постигают азы научного ремесла, какой с них спрос? Нам нужен труд, официально признанный вкладом в науку, желателен серьезным вкладом. Задача кажется неразрешимой, потому что существует институт научного редактирования, который должен, по идее, воспрепятствовать появлению такого рода работ. Но любой механизм дает сбой, любой фильтр может быть неисправен. И вообще в реальной жизни нередко случается то, чего теоретически не должно быть. Не будем далее томить читателя неизвестностью: Фортуна озарила нас своей лучезарной улыбкой, и мы нашли искомый труд. Речь идет о двух монографиях Г.Э. Говорухина, опубликованных в Комсомольске-на-Амуре в 2007 и 2008 г. соответственно [3; 4]. Нам уже приходилось писать об этих неординарных сочинениях [8–10], однако, сознаемся честно, мы не в полной мере отдавали себе отчет в грандиозности вклада, внесенного Г.Э. Говорухиным в науку. Но, как известно, большое видится на расстоянии, и сейчас, по прошествии более десяти лет, мы имеем возможность скорректировать прежнюю позицию.

Внимательный читатель может упрекнуть нас в непоследовательности: мы обещали отыскать *один* эталонный труд, а фактически представили на рассмотрение публики *два*. Спешим успокоить нашего критика: фактически перед нами – не разные монографии, а два издания одной и той же. Первая практически вся, с ничтожными изменениями, вошла во вторую. Автор добавил два параграфа ко второй главе первой монографии и присовокупил третью главу. Как бы ученые поступают таким образом довольно часто, но им обычно недостает той элегантности, с которой проделал эту процедуру Г.Э. Говорухин. Он не стал, подобно некоторым не очень искусным коллегам, ограничиваться перестановкой слов в заголовке, а просто сочинил новый, не имеющий ничего общего с прежним. Тем самым им задана очень высокая планка в деле изготовления как бы научных продуктов. Но, если разобраться, эта

планка расположена на высоте не предельной, а беспредельной. Оцените по достоинству такой факт: название второй монографии на обложке дано в одном варианте, а на титульном листе – в другом. В первом случае слова «Принципы формирования регионального управления на Дальнем Востоке» заключены в скобки, во втором – нет. В оглавлении первого издания монографии первая глава называется «Европейский дискурс власти. Постановка проблемы», а в самом тексте на с. 13 – «Власть и властный дискурс: история взаимодействия». То есть автор, дойдя до тринадцатой страницы, забыл о том, что написано на четвертой. На этой же тринадцатой странице формулируется цель исследования, но на шестнадцатой она формулируется снова! Причем совсем не та, что прежде. И кто еще дерзнет состязаться с Г.Э. Говорухиным в деле ниспровержения замшелых канонов изложения?! Да, это классика, и ее, как всякую классику, превзойти невозможно.

Но продолжим погружение в предмет.

Непреходящая заслуга автора – особый, уникальный, совершенно неповторимый стиль изложения. Он настолько своеобразен, что возникает даже вопрос: да стиль ли это? Быть может, что-то более существенное: наречие, диалект, самостоятельный язык?

Приведем некоторые образчики этого беспрецедентного феномена. Оцените по достоинству такое высказывание: «Вместе с тем, способность к увеличению объемов поглощения товаров городом и поселением вела к увеличению охвата территории новыми товарно-продовольственными базами, которые снабжали город всем необходимым наряду с теми территориями, которые непосредственно примыкали к городскому пространству» [4: с. 245]. (Пунктуация источника. – *Р.Л.*) Итак, «способность к увеличению вела к увеличению». Не правда ли, оригинально? Другой вопрос, уже не риторический. Базы снабжали город и территории, которые к нему примыкали, или базы вместе с примыкающими территориями снабжали город? Простому доктору философских наук понять сие невозможно. Оцените также изящество конструкции «способность к увеличению объемов поглощения товаров городом и поселением». Пять существительных подряд в непосредственном соседстве с двумя существительными, соединенными союзом и предложением. Кто смог бы, выражаясь высоким говорухинским стилем, написать «более хуже»? Приведем еще некоторые примеры стилистических красот, коими изобилует цитированный труд: «Понимание власти в системе структурно-функционального анализа, предлагаемое Парсонсом при всей оппозиционности концепции конфликтного ее понимания выражает классическое для XX века видение проблемы» [3: с. 76]. (Пунктуация, естественно,

сохранена. – Р.Л.) «Понимание при оппозиционности концепции понимания» – какая изумительная мощь слова! Какое глубокомыслие! А вот еще одно столь же изящное высказывание: «В условиях привычной, то есть естественной (обоснованной и рационализированной), системы отношений выявить условности или метафоры в действиях и поведении социальных агентов не представляется возможным, но вне границ данной коммуникации условности не только обнаруживаются, но и выступают диссонансом привычных отношений» [3: с. 81]. Предлагаем восхититься другим бриллиантом глубокомыслия: «Человеческие черты экспонируются на ландшафт городского пространства, а также детерминируются собственно этим ландшафтом» [3: с. 110]. (Интересно, как на «ландшафт городского пространства» экспонируется такая человеческая черта, как глупость? И как она этим ландшафтом детерминируется?) Приведем еще некоторые образцы стилистических красот, коими так богата монография Г.Э. Говорухина. «В данном случае мы сталкиваемся с прагматизмом, приравнивающим правильное действие и логически вытекаемое следствие этой деятельности» [3: с. 125]. Признаться, нам никогда не приходилось сталкиваться с *вытекаемым* действием. По той, вероятно, причине, что в русском языке страдательных причастий от непереходных глаголов не образуется. А вот еще один перл: «Формальное условие освоения пространства дискурсивно, именно в этой связи акцент освоения делается на поколения, которые будут пользоваться плодами освоения территории» [3: с. 143]. В одной короткой фразе трижды употреблено слово «освоение». Кто сможет больше? И кто знает, что такое «акцент освоения»? А вот пример тавтологии: «Ожидаемые и привычные действия политических деятелей переносятся в область философских текстов и становятся программами к действиям будущих политиков» [4: с. 34]. Итак, «действия деятелей становятся программами к действиям». (На «программах к действию» внимание заострять не будем, чтобы не навлечь на себя обвинение в придираках). Но троекратное использование одного и того же слова во фразе – далеко не предел возможностей доктора социологических наук. Способен он употребить одно слово и четырежды. Приведем соответствующую цитату: «Выявление устойчивых сочетаний смыслов позволит определить не только саму сегрегацию городского пространства, но и наделение смыслом каждого из района города, динамику смыслов, и как следствие, организацию городского пространства, включающую сами смыслы» [4: с. 261]. Тут прекрасно все: и четырехкратное употребление слова «смысл» в одной фразе, и грациозная конструкция «выявление позволяет определить наделение», и изысканное

выражение «каждого из района». Пунктуацию оставим без комментариев. А вот еще один пример выдающегося литературного мастерства Г.Э. Говорухина: «Тот же Гидденс (А. Giddens, 1984) ссылаясь на работу Людвиг Витгенштейна (L. Wittgenstein, 1972) говорит о том, что, сформулированные правила, получившие вербальное выражение в законах, бюрократических правилах, играх и пр., выступает, прежде всего, «кодифицированными интерпретациями правил», а не правилами как таковыми» [3: с. 149]. (Пунктуацию оставляем в неприкосновенности. – Р.Л.) Весьма характерен тот факт, что дана ссылка на англоязычный оригинал работы Гидденса, а не на общедоступный перевод. Тем самым читателю ненавязчиво намекают, что с английским языком автор на ты. Общины автор именуется не иначе, как комьюнити [3: с. 120; 4: с. 212], и вообще не упускает случая блеснуть своей приобщенностью к англоязычной культуре. Другая особенность стиля Г.Э. Говорухина – тяготение к канцеляризмам. Наиболее наглядно это проявляется в том, что автор не знает иного слова для передачи идеи воплощения чего-то в действительность, кроме глагола «осуществляется». У него осуществляется «заселение пространства» [3: с. 11], «позиционирование понятия и дискурса власти» [3: с. 21] (хорошо бы знать, что это такое. – Р.Л.), «социализация власти» [3: с. 37], «распространение рационализма в системе властных отношений» [3: с. 55] (еще одна загадка. – Р.Л.), «кредитование доверия» [3: с. 76], «осмысление и символизация территории» [3: с. 95], «понимание особенности пространства» [с. 143], «апробация эффективности социальной модели поведения» [3: с. 150], «освоение Дальнего Востока крестьянами» [4: с. 199], «косвенное влияние власти на пространство» [4: с. 216], «процесс окультуривания пространства» [4: с. 225], «контроль власти» [4: с. 240], «рефлексия горожан на свое место в истории страны» [4: с. 257] (о, златоуст!). Тот же глагол и причастия от него используются и в активном залоге [3: с. 13, 85, 90, 91, 96].

Нами приведено лишь незначительное количество стилистических перлов, которыми обогатил человечество Г.Э. Говорухин. Великолепные жемчужины его красноречия щедро рассыпаны по страницам монографии, и всякий желающий может насладиться их созерцанием. (Если, конечно, этому желающему достанет душевных сил погрузиться в изучение оной.)

Весьма непросто передать такую существенную особенность говорухинского словосозидания, как совершенно свободная, никакими условностями не связанная манера расставлять знаки препинания. Или, например, чуждое всякого доктринерства отношение к требованию согласовывать слова в роде, числе и падеже [3: с. 77, 96, 116, 137; 4: с. 189, 203, 237, 274, 284].

Не сумели мы воспроизвести и другую принципиальную черту творческого почерка Г.Э. Говорухина: отсутствие всякого догматизма в вопросах орфографии. Слово «большинство», например, он ничтоже сумняшеся пишет через «е» [3: с. 150]. В его нетленном творении мы находим следующие перлы: «прямо таки экстраординарные» [3: с. 129], «апеллируя ими» [3: с. 34], «конкуренетноспособность» [4: с. 198], «селЕтебная застройка» [4: с. 200], «на лицо перестройка сознания человека» [4: с. 204], «эксперЕментировать» [4: с. 212], «коннАтативный» [3: с. 125], «конотативный» [4: с. 268], «кондоминиМум» [4: с. 282]. Там, где частицу *не* следует писать слитно, он пишет раздельно, а там, где раздельно, – слитно [напр., 3: с. 82; 4: с. 171, 202, 215, 281]. И это еще далеко не все! Автор употребляет понятия в произвольном смысле, не считаясь с их реальным значением. Он путает понятия «уникальный» и «единственный» [3: с. 35], «куръез» и «парадокс» [3: с. 36], слова «такой» и «таковой» [4: с. 59], аутентификацию и идентификацию [3: с. 160], силлогизм и афоризм [3: с. 125], аналог и образец [3: с. 10], обстоятельство и свидетельство [3: с. 74], цепь и линию [4: с. 248], экстрарецепторную систему и интерорецепторную [4: с. 247], сформированность и сформулированность [4: с. 222], дублирование и копирование [4: с. 240], странность и особенность [4: с. 255], освещение и освящение [3: с. 16], слова «доминантный» и «доминирующий» [4: с. 216, 218, 219]. Мэтр употребляет в неведомом смысле слова «экспонировать» [3: с. 110], «рефрен» [3: с. 21], «знаменатель» (Там же), перверсия [3: с. 22, 106]. Г.Э. Говорухин измыслил «золоторазведывательные экспедиции» [с. 243], интенсивность у него обладает свойством активности (Там же), численность сосредотачивается [4: с. 237], процесс коммуникации стягивается в треугольник [4: с. 283], у пространства появляются ландшафтные особенности [4: с. 214], и оно к тому же занимается хозяйственной деятельностью [4: с. 246], миграция артикулирует [4: с. 222]. Буйное воображение языкотворца произвело на свет таких словесных бастардов, как «администратизация» [4: с. 234], «окрестьянизация» [4: с. 201], «земледельчество» [4: с. 197], «процентность» [4: с. 220], «физичный» [4: с. 167] «макроисторичность» [4: с. 211]. Да, воистину «велик могучим русский языка». Но пародист Александр Иванов, которого мы процитировали, все-таки вряд ли смог бы додуматься до слова «застолбление», явленного *urbi et orbi* в первом издании монографии Г.Э. Говорухина [3: с. 144, 156].

Представление о стиле этой сокровищницы мудрости будет неполным, если не упомянуть о другой ее особенности. Эта последняя состоит в том, что одному и тому же слову автор придает порой совершенно разный смысл. Возьмем, напри-

мер, слово «топоним». Иногда [4: с. 231, 260] он употребляет его правильно, для обозначения названия мест. Но порой [3: с. 146] для обозначения места он использует понятие «этноним». Однако на с. 249 второго издания монографии слова «этноним» и «топоним» написаны через запятую, как синонимы. Разумеется, текст монографии изобилует описками [4: с. 201, 203, 213, 215, 236, 238, 239, 250, 261, 276, 289, 281, 286], в нем в большом количестве встречаются плеоназмы: «особая специфика» [3: с. 9], «говоря об условиях, речь должна идти» [3: с. 81], «философские теоретические представления» [3: с. 106], «отклик понимания» [3: с. 137], «эпическая сага» [3: с. 142], «территориальное пространство» [с. 144], «говоря о правилах, необходимо говорить» [3: с. 149], «взаимообмен» [4: с. 203], «административные бюрократические органы» [3: с. 163], «топонимика мест» [4: с. 260], «интерактивное взаимодействие» [4: с. 204, 208, 271], «рефлексивное реагирование» [4: с. 213], «управленческий бюрократический аппарат» [4: с. 215], «смысловое значение» [4: с. 230], «коммуникативное взаимодействие» [4: с. 253], «полномочные функции» [4: с. 287]. С такими вещами приходится сталкиваться любому редактору научных текстов, здесь оригинальность Г.Э. Говорухина проявляется не столько в качестве ошибок, сколько в их количестве. Но есть и то, что отличает обычного безграмотного человека от обладателя выдающихся способностей по этой части. Например, в бесценной монографии Г.Э. Говорухина мы обнаруживаем такой термин, как позит [4: с. 163, 199, 258]. Что он означает? Каков его смысл? Ни в одном издании, ни в одном источнике этот термин не встречается. Все поисковые системы на запрос об этом слове выдают нулевой результат. Мы предприняли попытку выяснить значение термина из контекста, но, признаемся, потерпели полное фиаско. Эта загадка еще ждет своего разрешения.

Но уже сейчас можно сделать вывод, что перед нами – явление неординарное, выдающееся и, не побоимся сказать, великое. Каждая национальная культура по праву гордится своими мастерами самовитого слова. Американцы с пиететом относятся к Дж. Бушу-младшему, выдающемуся оратору современности. Бушизмы, т.е. изречения 43-го президента США, пользуются большой популярностью в кругах американских интеллектуалов. Вот одно из этих откровений: «Я думаю, что каждый, кто не думает, что я достаточно умен для того, чтобы справиться с этой работой, недооценивается». Не правда ли, прекрасно сказано?! Виталий Кличко навсегда вписал свое имя в украинскую и мировую культуру, заявив, что в будущее могут смотреть не только лишь все. Ничуть не менее колоритным персонажем отечественной истории был Виктор

Степанович Черномырдин. «Никогда такого не было, и вдруг опять!» – разве это не шедевр? По нашему мнению, Григорий Эдуардович – фигура не меньшего масштаба, чем Виктор Степанович. В этом нас убеждают труды доктора социологических наук. «Властные отношения рассматривались <...> в вопросе собственности» [3: с. 59]. «Ландшафт городского пространства» [3: с. 110], «тонкие нити цепей» [4: с. 248], «соипостасные богу притязания» [3: с. 21], «победное шествие мечты в мечтах» [3: с. 6] – да эти словесные жемчужины вполне достойны того, чтобы поставить доцента Говорухина в один ряд с самыми выдающимися остроловами нашего времени.

Нам могут возразить, что стиль характеризует не столько содержание текста, сколько его форму. И потому недостатки стиля сами по себе не могут быть основанием для того, чтобы считать тот или иной текст не отвечающим критериям научности. В общем виде такой вывод, конечно, верен, и это означает, что от рецензента требуется проанализировать не только стиль, но и логику представленной на его суд работы.

Что ж, попробуем рассмотреть оба издания монографии Г.Э. Говорухина под соответствующим углом зрения. Конечно, для этого придется проделать нелегкий труд дешифровки говорухинской тайнописи, но тут как раз такой случай, когда цель оправдывает потраченный на ее достижение труд. Отчасти эта работа нами уже проделана [10: с. 52–56], кратко изложим полученные результаты. Так, в качестве ключевого понятия всей его теоретической конструкции выступает пространство. Но что это такое? Попробуем выяснить из текста. На с. 90 первого издания монографии читаем: «Пространство, в том числе и географическое пространство власти – это символическая реальность, в пределах которой властные отношения могут быть приняты легитимными». (Пунктуация сохранена. – Р.Л.) Здесь сделано три утверждения. Первое: пространство – символическая реальность. Второе: географическое пространство власти – составная часть пространства. Третье – географическое пространство власти относится к пространству как часть к целому. Запомним. Но вот что написано далее: «Являясь частью символической реальности конкретного пространства, система властных отношений осуществляет процесс адаптации человека к территории» [3: с. 90–91]. Итак, нам говорится, что 1) существует «система властных отношений», 2) она является частью «символической реальности конкретного пространства». Но ведь в предыдущей фразе сказано, что пространство и есть символическая реальность. Таким образом, получается, что «система властных отношений» входит в символическую реальность символической реальности.

А это уже, извините, в нормальную логику не укладывается. (Впрочем, нечто подобное нам уже встречалось на с. 6 первого издания монографии. Там Г.Э. Говорухин блеснул «победным шествием мечты в мечтах».) Но продолжим чтение: «Более того, власть, наряду с иными формами социального взаимодействия, осуществляет процесс символизации пространства» [3: с. 91]. Но зачем символизировать то, что является символической реальностью по определению? Причем субъектом этого действия – столь же таинственного, сколь и странного – оказывается власть. Власть – это ведь то, что непременно «входит в систему властных отношений», не так ли? Но эта самая система, как нам только что сказано, является частью символической реальности символической реальности. Таким образом, получается, что часть символической реальности символической реальности занимается символизацией пространства, которое, напомним, является символической реальностью по определению. Как, скажите, человеку среднего ума уложить все это в голове? Но ведь на этом пытка, которой подвергается рассудок читателя, не заканчивается. На с. 97 первого издания читаем: «Серьезным испытанием на пути создания символического пространства территории является слабая интегрированность населения в схему осваиваемого пространства». Из предыдущего изложения мы знаем, что пространство – это символическая реальность. А что же тогда такое «символическое пространство территории»? Это какая-то отдельная сущность или что-то иное? Туман становится просто непроглядным, когда мы дойдем до с. 144 первого издания и обнаружим там «территориальное пространство». Так территория обладает свойством, именуемым пространством, или пространству присуще качество территориальности? Где здесь субъект, а где – предикат? Но к с. 229 второго издания туман сгущается настолько, что превращается в густую тьму. Там написано: «Освоение территории (пространства) становится формой включения этой территории-пространства в реестр четких правил того государства, силами которого идет освоение». Еще одна версия соотношения понятий «пространство» и «территория». Оказывается, это одно и то же. Поневоле хочется воскликнуть вслед за поэтом: «Не дай мне бог сойти с ума!». Впрочем, бунт против логики продолжается. Наряду с обычным пространством, «географическим пространством власти» автор постулирует существование еще великого множества пространств: социального [3: с. 151], игрового [4: с. 228], семиотического [4: с. 247], демографического, экономического, административного, символического [4: с. 249] и даже «пространства претензий» [3: с. 34]. Разумеется, никакого определения этим пространствам не дается, как не дается и никакого разъяснения относи-

тельно их соотношения. Полное торжество свободы мысли, не обремененной докучной необходимостью соблюдать законы логики!

Однако логика, как и стиль, характеризует не столько содержание научного труда, сколько его внутреннюю организацию. Оценка любой работы, претендующей на научность, требует анализа не только того, как текст организован, но и того, какие идеи в нем выражены. Иначе говоря, рецензент не имеет права ограничиться рассмотрением только логики и стиля, он обязан проанализировать текст на концептуальном уровне. Интересующая нас монография весьма поучительна и в этом отношении.

Начнем с заголовков. Это очень ответственный элемент любой работы, ведь по нему мы судим о ее содержании. Название в предельно кратком виде сообщает нам о том, чему посвящено исследование, о чем в нем идет речь. Первое издание монографии, напомним, озаглавлено «Власть и властные отношения в символическом пространстве осваиваемого региона». Название, конечно, неудачное, ибо 1) содержит языколомное слово «осваиваемого», 2) включает в себя двусмысленный термин «символический». У слова «символический» есть два значения. Первое: имеющий отношение к символам, символичный; второе: производимый не всерьез, а понарошку, для видимости. Например, выпить чисто символически, символический поцелуй. При ознакомлении с текстом становится ясно, что имеется в виду первый смысл. Но ведь для этого надо текст прочесть или хотя бы почитать! Второе издание называется совершенно по-другому: «Власть политики. Власть пространства Принципы формирования регионального управления на Дальнем Востоке». (Название приводится то, что дано на обложке. Пунктуация сохранена. – *Р.Л.*) Причины, побудившие автора нетленного творения поступить таким образом, житейски понятны: горячее желание поскорей обрести докторскую степень. Но для научного анализа этот вопрос не имеет значения. Вопрос состоит в том, насколько этот новый заголовок информативен. Увы, и он не без греха. Так, он содержит словосочетание «власть политики». Но ведь политика – это, согласно общему пониманию, отношения по поводу власти. Получается, таким образом, «власть отношений по поводу власти». Извините, но это опять какая-то «мечта в мечтах», нечто такое, от чего ум за разум заходит. Третья часть заголовка в полной мере соответствует требованиям научности. Читатель отлично понимает, о чем нам собирается поведать автор: о принципах, которыми руководствуется российское государство, управляя своими территориями на Дальнем Востоке. И было бы просто замечательно, если бы автор свое обещание выполнил. Однако самое тщательное изучение почти трехсотстранич-

ного текста не позволяет обнаружить хотя бы одной формулировки хотя бы одного принципа управления. Впрочем, было бы странно ожидать иного от трактата, в заголовке которого фигурирует девиантное словосочетание «власть политики».

В жизни всегда найдется место подвигу. И смельчак, который решится осилить труд Г.Э. Говорухина, может на собственном опыте в том убедиться. Какие новые идеи, какие теоретические прозрения ждут героя, сумевшего преодолеть барьер экзотических терминов, неудобоваримых фраз, загадочных сентенций, логических несуразностей и грамматического невежества? Увы, его ждет разочарование. Дело в том, что суждения, на неподражаемом говорухинском сленге излагаемые, либо банальны, либо нелепы. Проиллюстрируем наше утверждение несколькими примерами. На с. 129 первого издания читаем: «Все три фактора (каких именно, не сообщается. – *Р.Л.*) позволяют составить общий смысловой ряд о пространстве, согласуясь с ожидаемым гносеологическим представлением обывателя. Любой обыватель понимает себе пространство Дальнего Востока, согласуясь, естественно, со своим здравым смыслом. И принимает его в фокусе смысловой конвергенции собственной культуры (пространства), и культуры пространства, в которой представления о происходящем осуществляются на глазах и достоверно известны». (Пунктуация сохранена. – *Р.Л.*) «Гносеологическое представление», «фокус смысловой конвергенции», «смысловой ряд о пространстве» – на неподготовленного читателя такая ученость производит впечатление устрашающее. Но почитаем дальше. «Скажем, житель Вологодской области XIX, предпринимая путешествие на Дальний Восток, в ходе этого путешествия, а главное, в процессе собственно интеграции меняет представление (смыслы) о пространстве. Отсюда происходит трансформация смысловой реальности обывателя и включение его в смысловую реальность социальных отношений того пространства, куда он попадает, в данном случае, Дальнего Востока» [3: с. 129]. (Пунктуация сохранена. – *Р.Л.*) Интересно, откуда взялась в Российской империи Вологодская область? Мы-то до сих пор наивно полагали, что никакой такой области не было, а существовала Вологодская губерния, но, видимо, придется внести коррективы в наш «смысловой ряд о пространстве» или даже в наши «гносеологические представления». Все-таки Г.Э. Говорухин окончил исторический факультет педагогического института, и ему видней. Образованность, значит. Впрочем, давайте посмотрим, какова же мысль, выраженная в цитированных словах. Если снять с нее все эти мадригальные блески, она проста, как мычание: приезжая в незнакомую местность, человек вносит

изменения в свои первоначальные представления о ней. Согласитесь, очень глубокое обобщение. А вот как Г.Э. Говорухин описывает этапы заселения территории. Этап первый: «Ожидаемые трансцендентные (мифологические) символические ряды пространства представляют собой обобщенный образ пространства для внешних наблюдателей» [3: с. 142]. В переводе на нормальный язык это означает, что потенциальные переселенцы поначалу имеют довольно смутное представление о тех местах, куда они отправляются. Далее: «Второй шаг приводит к реализации "проекта" окультуривания пространства. Теперь пространство не только осмысливается, что делается с целью поиска «мест оседлости», но формируется, создается» [3: с. 145]. Оставим на совести автора мифические «места оседлости». Смысл утверждения достаточно ясен: отыскав подходящее место для постоянного проживания, переселенцы основывают населенный пункт и обживают его. Что же происходит потом? На говорухинском диалекте это описано так: «Традиции населения четко выражены в хабитуарных (от хабитус [P. Bourdieu, 1990: 52–56]) «привыченных» отношениях человека, готового действовать определенным образом. К числу таких традиций может принадлежать выработанный ритм жизни поселения, система ценностных восприятий мест поселения, т.е. все то, что могло бы влиять на систему коммуникаций в населенном пункте. Традиции такого рода свидетельствуют о приживаемости актора в границах конкретного пространства и создают формальные, символические условия оседлости населения в этом пространстве [3: с. 148]. По-русски это означает следующее: с течением времени люди привыкают к новым условиям, у них вырабатывается определенный ритм жизни, формируются новые традиции и обычаи, что говорит об успешной адаптации. Надо полагать, до теоретических изысканий Г.Э. Говорухина это никому не было известно.

Банальность всего содержания объемистой монографии отчетливей всего проявляется в заключении. Оно короткое, менее полутора страниц. Из соображений гуманизма, щадя нервы читателя, не станем приводить его целиком. Передадим содержание. Итак, нам сообщается, что люди проживают не где-нибудь, а на некоторой территории, т.е. в пространстве. Государство устанавливает на этой территории определенный порядок. Дальний Восток России осваивался не столько стихийно, сколько в результате принимаемых государством мер. Государство должно быть заинтересовано в развитии региона, но эгоизм чиновников, не желающих проживать на глубокой периферии и предпочитающих обитать в более благоустроенных городах, препятствует реализации этой цели. Все это может закончиться весьма печально. Завершается

заключение и вместе с ним вся монография патетическим восклицанием: «В этом случае становится понятно, что политическая система не терпит лакун, и неизбежно пустующие территории начнут осваиваться и заниматься кем то другим. Здесь необходимо четко ответить на вопрос: насколько нашей стране необходим Дальний Восток, и насколько его дальнейшее развитие как части нашей страны имеет смысл» [4: с. 288]. (Орфография и пунктуация источника. – Р.Л.) Что ж, с автором нельзя не согласиться: если народ России не станет осваивать Дальний Восток, его освою другие народы. Философский вопрос: зачем было писать пухлый труд, чтобы прийти к столь очевидному выводу?

Это мы процитировали заключение ко второму изданию монографии. Но заключение есть и в первом издании (выдаваемом, напомним, за отдельную монографию). Автор пишет: «<...>Дальнейшая политика государства по усилению вертикали власти неизбежно приведет к ослаблению его связи с регионами и дальнейшему отторжению этих регионов» [3: с. 166]. Сказано не очень грамотно (нужно было вести речь о связи центра и периферии), но это в данном случае несущественно. Важно то, что автор совершенно не понимает, что дело не в пресловутой «вертикали власти», а в объективном экономическом интересе. Силы экономической гравитации отрывают Дальний Восток и Сибирь от центральных и западных регионов России, и это не зависит от того, как распределены полномочия чиновников. То, что нам предлагают в качестве прогноза, таковым по сути не является. С таким же успехом синоптик может прогнозировать наступление в Хабаровском крае жары в июле и морозов в декабре. Объективные причины регионального сепаратизма заключаются в самом капиталистическом строе, установившемся в стране после того, как она «возвратилась в лоно мировой цивилизации». Об этом нам уже приходилось высказываться [7].

Когда автор на своем уникальном наречии говорит о вещах житейских, обыденных, его суждения вполне адекватны. Да, люди действительно именно так и поступают: приезжают на новое место с грузом старых представлений и устоявшихся привычек, постепенно обретают опыт, заставляющий их скорректировать свои взгляды и выработать новые привычки. Проходит некоторое время – и новоселы становятся старожилыми. Да, государство принимает участие в переселении, регулируя процесс посредством издания нормативных актов разного рода. И оно порой не может сразу навести должный порядок на своей территории. Кому это не известно? Что в этих суждениях принципиально нового?

Но, наряду с такими суждениями – столь же правильными, сколь и банальными, – в монографии в изобилии встречаются высказывания, которые

способны привести (гипотетического) читателя в состояние глубокой задумчивости. Вот на с. 83 первого издания монографии читаем: «<... >Полею соприкосновения власти и человека является пространство, которое по своей сути является апофатическим (отрицающим) к пространству собственно человека или власти». В переводе с говорухинского на русский сие означает: человек и власть находятся в вечном антагонизме. Это, конечно, полнейшая чепуха. Нет никакого от века данного непримиримого противоречия между человеком и государством. Государство – механизм регулирования общественных отношений, машина, с помощью которой одни социальные слои и классы господствуют над другими. Олигарх, которому современное российское государство компенсирует убытки от введения санкций против России, ни в каком антагонизме по отношению к власти не находится. Нам могут возразить, что наш перевод неверен, что Г.Э. Говорухин имел в виду совсем другое. Что ж, мы допускаем такую возможность. Пусть тогда кто-нибудь даст правильный перевод, разъяснит совершенную нами ошибку. Но ведь наша книга, содержащая неліцеприятную критику всей эпопеи Г.Э. Говорухина, была опубликована более десяти лет назад, за это время можно было бы найти бреши в наших построениях, раскрыть всем глаза на наши заблуждения. Однако ни одного (!!!) возражения за все эти годы не последовало. Отмолчался даже Л.Е. Бляхер, которого Г.Э. Говорухин аттестует как своего «друга и учителя», не преминув отметить при этом, что его «интеллектуальная и человеческая поддержка» «позволила оформиться ряду основных положений книги» [4: с. 7].

Чтобы не давать повода для обвинений в произвольной интерпретации высказываний Г.Э. Говорухина, приведем его подлинные слова, не допускающие двойного толкования: «<...> Власть и насилие являются антиподами» [3: с. 85]. Интересно, где Г.Э. Говорухин видел такое государство, которое обходится без полиции, прокуратуры, суда, тюрем и т.п.? Или государство – это уже нечто такое, что к власти никакого отношения не имеет?

Впрочем, в монографии мы находим и прямо противоположное утверждение: «Власть именно потому власть, что требует подчинения объекта субъекту...» [3: с. 20]. Так власть «требует подчинения» или «является антиподом насилию»?

Другая очевидная нелепость – представление о власти как о субъективной реальности. Вот высказывание на этот счет: «<...> Категориальное понятие власти выражает не конкретный осязаемый объект исследования, а явление индивидуально проживаемого опыта понимания власти» [3: с. 98]. В переводе на

русский: власть – не объективная данность, а субъективная реальность. Когда полицейский огреет дубинкой участника несанкционированного митинга, то у последнего сформируется вполне определенный «индивидуально проживаемый опыт понимания власти», не так ли? И вряд ли сей печальный «опыт понимания» сможет служить подтверждением тезиса о том, что власть – это «неосязаемый объект».

Впрочем, нелепое представление о власти как субъективной реальности мирно уживается с не менее абсурдным тезисом о том, что власть – феномен intersubъективный. «Пространство власти, – пишет Г.Э. Говорухин на той же странице, – это символика intersubъективной рефлексии исследователей». И это самое пространство «может быть редуцировано, вынесено за скобки объективной реальности» (Там же). Власть за скобками объективной реальности! Это посильней, чем «мечта в мечтах». Ах, да, не сама власть, а только «пространство власти». Ну, это коренным образом меняет дело.

Есть еще одна принципиальная особенность рассматриваемой монографии, заслуживающая отдельного упоминания. Наука, как известно, развивается через критику, дискуссии, полемику. Попробуйте отыскать в трактате Г.Э. Говорухина хотя бы робкую попытку с кем-то не согласиться, вступить в полемику. Вы потерпите неудачу: ничего подобного там нет. Все по-своему правы, каждый поет по своему голоску. Это положительно характеризует автора: он не желает осложнять себе жизнь спорами с авторитетами. На защите диссертации такие споры могут повредить. Житейская осмотрительность – свойство для обывателя (любимого персонажа Г.Э. Говорухина) весьма полезное, но только с научной принципиальностью ничего общего не имеющее.

Объем журнальной статьи лишает нас возможности продолжать разбор монографии Г.Э. Говорухина. Надеемся, сказанного достаточно для решения поставленной задачи: составления таблицы, облегчающей труд рецензента (табл. 2).

Прокомментируем полученный результат. Пункт первый весьма актуален, потому что самоплагиат – явление в науке довольно распространенное. Но не всегда включение уже опубликованных текстов в новые работы представляет собой неправомерное заимствование. Такое включение вполне допустимо, но при одном обязательном условии: оно должно быть продиктовано необходимостью решить определенную исследовательскую задачу. Но задача создать впечатление, будто расширенная версия старой монографии представляет собой новую монографию, к числу исследовательских не относится.

Таблица 2

Оценка степени злокачественности текста, претендующего на научность

Признак	Степень проявленности признака					
	Нулевая	Очень слабая	Слабая	Умеренная	Выраженная	Максимальная
	Оценка в баллах					
	0	1	2	3	4	5
1. Самоплагиат						
2. Случай амнезии						
3. Небрежное оформление текста						
4. Невнятный заголовок						
5. Несоответствие фактического содержания декларациям						
6. Вычурный стиль, имитирующий научный						
7. Обилие канцеляризов						
8. Обилие орфографических ошибок						
9. Обилие лексических ляпов						
10. Непонимание общепринятого значения слов						
11. Обилие плеоназмов						
12. Нелепое словотворчество						
13. Произвольная пунктуация						
14. Игнорирование закона достаточного основания						
15. Множество логических противоречий						
16. Банальность основного содержания						
17. Тривиальность выводов						
18. Обилие абсурдных утверждений						
19. Уклонение от полемики						
20. Назойливая демонстрация учености и образованности						

По второму пункту. Амнезия проявляется у Г.Э. Говорухина не только в том, что он к тринадцатой странице забыл то, что написал на четвертой, а к шестнадцатой то, что было написано на тринадцатой. Такого рода факты, конечно, уникальны, нам с подобными вещами ранее никогда не приходилось сталкиваться. Но вот с перевертыванием фамилий и инициалов дело обстоит иначе. Многие как бы ученые этим грешат. Разумеется, Г.Э. Говорухин не представляет исключения. Об этом написано в нашей работе [10: с. 41, 162]; в настоящей статье мы этого вопроса не имели возможности коснуться.

Пункт третий. Под небрежным оформлением работы мы понимаем общую неряшливость, отсутствие культуры организации текста. И это касается не только таких вещей, как расхождение оглавления и фактического содержания, но и мелочей вроде разного интервала между цифрой, обозначающей номер параграфа, и названием последнего. Если мы посмотрим на оглавление первого издания монографии, то увидим, что эти интервалы в первой и второй главах не одинаковы. К основному тексту второго издания монографии присовокуплено 7 (!) приложений, занимающих 160 (!) страниц. Содержательно они ничего не добавляют к основному тексту, но лишь создают видимость солидности, основательности монографии. Зрелище фоллианта объемом 478 с., да еще формата А4, само по себе способно подавить волю потенциального чи-

тателя к сопротивлению. А это, в сущности, попытка ввести читателя в заблуждение, проявление бескультурья, неуважения к научному сообществу.

По пункту четвертому. Работа рецензента начинается со знакомства с заголовком. Из него становится примерно понятно, о чем пойдет речь. Если же такая ясность не наступает, появляются основания утверждать, что заголовок невнятен.

Пятый пункт ориентирует рецензента на внимательное изучение и сопоставление аннотации, сформулированных целей и задач, заключения, в котором должно содержаться сообщение о реализации намерений, а также (что самое трудное) фактических результатов. В как бы научных сочинениях все структурные элементы текста связаны слабо или вообще не связаны. В нашей монографии этот аспект вопроса также освещен [10: с. 214].

Пункт шестой. Научный стиль нелегок для восприятия. Поэтому рецензент должен быть готов к тому, что данный ему на отзыв текст труден для понимания. Но если он труден *чрезмерно*, следует задаться вопросом: а не пытается ли автор ввести читателя в заблуждение? Не прикрывает ли заумная речь убожество содержания? Кто ясно мыслит, тот ясно излагает. А неясное изложение – признак недомыслия [8; 9].

Пункты 7–13. Они касаются разных аспектов грамотности автора. Принцип здесь простой: если автор не овладел навыком грамотного письма, то

он не в состоянии овладеть и принципами научного мышления. Грамотность – базовый элемент культуры. Тот, кто в детстве не смог научиться грамотно писать, в зрелом возрасте не сумеет освоить такой сложный вид деятельности, как научное познание. Отдельные ошибки и опiski простительны, ведь от ученого не требуется быть мастером слова. Но если автор *тотально безграмотен*, то он не может быть ученым по определению.

Судить об уровне грамотности автора несложно, ведь любой образованный человек без труда замечает ошибки в тексте, даже не углубляясь в его содержание.

Составить мнение об уровне логической культуры значительно трудней, ведь надо разобраться в том, что хотел сказать автор, что он фактически сказал, как одно утверждение стыкуется с другим и т.п. Поэтому заполнение пунктов 14 и 15 нашей таблицы требует от рецензента серьезных усилий.

Несколько легче заполнять пункты 16–18. Это обязывает эксперта сопоставить тезисы работы с реальностью. Истины науки существуют в зазоре между банальностью и абсурдом. Настоящий ученый способен удержать мысль в этом зазоре, как бы ученый не обладает необходимым умением. И потому он обречен либо изрекать трюизмы, либо выдвигать такие утверждения, которые с действительностью не имеют ничего общего.

Заполнение пунктов 19 и 20 не представляет для рецензента большого труда. Знакомясь с текстом, рецензент должен задать себе следующие вопросы: к какой школе автор принадлежит? С кем согласен? С кем расходится во мнениях? Настоящий ученый всегда выступает с поднятым забралом, как бы ученый сражается не за истину, а за степень. Правда, здесь необходимо принимать во внимание жанр научной работы. Объем статьи часто не дает возможности коснуться дискуссионных вопросов, монография – другое дело. Требование вступать в дискуссию для автора монографии обязательно, что же касается жанра статьи, то дело обстоит несколько иначе: вступать в открытую полемику не обязательно, но только лишь желательно. Но что автор должен сделать в любом случае – четко обозначить свою позицию, систему идейных координат, в которой он мыслит.

Далее. Если автор указывает в списке литературы десятки изданий на иностранных языках, а сам по-русски пишет на уровне Митрофанушки, то возникает подозрение, что нам пускают пыль в глаза. А если еще в основном тексте встречаются экзотические термины, употребленные к месту и не к месту, имеется великое множество ссылок на крупные авторитеты по поводу и без повода, используются англицизмы безо всякой надобности и т.п., то подозрение переходит в уверенность.

Чем удобна предложенная нами таблица? Она расчленяет сложную задачу рецензирования на ряд относительно простых, создает алгоритм действия. Она дает возможность количественно выразить степень злокачественности как бы научного текста. Минимальное количество баллов, которое может выставить рецензент, – ноль. Максимальное количество баллов, согласно предложенной нами таблице, – 100. Такого результата удалось достичь только Г.Э. Говорухину, остальные авторы могут лишь приближаться к покоренной им вершине.

Наша идея состоит в том, чтобы навсегда связать имя этого автора с достигнутым им выдающимся результатом. Мы дерзаем предложить научному сообществу такое новшество: ввести в науковедение специальный термин – говорухинизм. Это не какая-то концепция, а целостный феномен, идеально воплощающий в себе сущность как бы науки. Это тот эталон, с которым можно, нужно и должно сверять тексты, претендующие на научность. В итоге мы получаем простой, понятный и удобный в использовании критерий оценки текстов. Если, допустим, текст по нашей шкале получает ноль баллов, то он, несомненно, относится к числу научных, его без колебаний можно рекомендовать к печати. Если 50 баллов, то тогда можно утверждать, что тексту свойственно 50 процентов говорухинизма. И этот интегральный показатель сильно облегчил бы работу рецензентов. Допустим, редактор журнала просит рецензента дать оценку статьи автора имярек. Рецензент пишет в ответ: в работе 5 процентов говорухинизма. Все понятно: текст хоть и не без греха, но недостатки можно устранить путем редактирования. Если же в статье 10 процентов говорухинизма, то потрудиться придется больше, однако текст нельзя считать безнадежным. Но когда уровень говорухинизма выше двадцати процентов, работу следует уверенно отклонить.

Конечно, многие народы могут предъявить миру гениев косноязычия, корифеев скудоумия и гигантов недомыслия. Было бы, однако, несправедливо, если бы на этом блистательном фоне затерялась фигура скромного необучаемого доцента из Комсомольска-на-Амуре. Он сумел совершить то, что до сих пор не удавалось никому: дать миру непревзойденный, совершеннейший образец как бы науки. И потому его имя достойно того, чтобы войти во всеобщее сознание. Как известно, физическая единица для измерения величины электрического заряда носит имя французского ученого Кулона, имя другого французского исследователя Ампера запечатлено в названии величины электрического тока. А есть еще такие физические величины, как ньютон, тесла, фарад, джоуль, ватт, вольт; есть постоянная Планка, точки Лагранжа и многое, многое другое. И что мешает нам продолжить этот славный ряд имен? Нам, жителям

далекой российской глубинки, имеющим честь быть современниками Г.Э. Говорухина и даже читателями его классических трудов.

В указанной связи считаю необходимым предложить следующее. Прежде всего необходимо издать полное собрание его сочинений тиражом хотя бы 500 тысяч экземпляров (для начала). Не следует беспокоиться за судьбу родной природы: это не потребует много бумаги, ведь после защиты докторской диссертации классик мудро рассудил, что главное дело жизни сделано, можно и предаться более полезным занятиям, чем размышления о власти пространства и его символическом освоении. 36 лет – самый подходящий возраст для завершения научной карьеры, не так ли, уважаемые коллеги? Необходимо перевести собрание сочинений Г.Э. Говорухина на все ведущие языки мира: английский, русский, немецкий, французский, испанский, китайский, арабский, хинди и др. На РАН следует возложить задачу издать словарь языка Говорухина (по образцу словаря языка Пушкина). В дальнейшем следует написать серию учебных пособий для студентов, магистрантов и аспирантов, содержащих подробный разбор текстов классика и комментарии к ним. Явлению всемирно-исторического масштаба требуется соответствующий размах. Потом настанет черед научных конференций, посвященных творческому наследию нашего земляка, международных конгрессов и иных мероприятий в рамках ЮНЕСКО. Ну, а наша задача в настоящий момент – отринуть ложную скромность, говорить правду в глаза, не опасаясь того, что кому-то наши оценки могут показаться односторонними или преувеличенными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров, Е.Б. Проблемы экспансии лженауки / Е.Б. Александров // Бюллетень в защиту науки. – 2006. – № 1. – С. 8–16.
2. Волькенштейн, М.В. Биофизика в кривом зеркале / М.В. Волькенштейн // Наука и жизнь. – 1977. – № 7. – С. 62–66.
3. Говорухин, Г.Э. Власть и властные отношения в символическом пространстве осваиваемого региона : монография / Г.Э. Говорухин. – Комсомольск-на-Амуре : ГОУВПО «КНАГТУ», 2007. – 182 с.
4. Говорухин, Г.Э. Власть политики. Власть пространства Принципы формирования регионального управления на Дальнем Востоке / Г.Э. Говорухин. – Комсомольск-на-Амуре : ГОУВПО «КНАГТУ», 2008. – 478 с.
5. Казаков, М.А. Псевдонаука как превращенная форма научного знания: теоретический анализ / М.А. Казаков // Философия науки и техники. – 2016. – Т. 21. – С. 130–148.
6. Кезин, В.Е. Идеалы научности и паранаука / В.Е. Кезин // Научные и вненаучные формы мышления. – Москва : ИФ РАН, 1996. – С. 153–168.
7. Лившиц, Р.Л. Предпосылки дальневосточного сепаратизма / Р.Л. Лившиц // Дальний Восток в зеркале этнополитики : материалы Всерос. науч. конф. (Хабаровск, 25–26 октября 2019 г.). – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС. 2019. – С. 88–97.
8. Лившиц, Р.Л. Формы имитации науки / Р.Л. Лившиц // Инновации, инвестиции, интеллект. – 2015. – № 4. – С. 80–86.
9. Лившиц, Р.Л. Кто ясно мыслит? Научный текст как предмет гносеологического анализа / Р.Л. Лившиц // Когнитивная целостность человека : материалы междунар. науч.-практ. конф. (24–26 сентября 2012 г.). – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во КНАГТУ, 2012. – С. 72–78.
10. Лившиц, Р.Л. Оптимальный тупик, или Как не следует писать научные труды. Пособие для аспирантов / Р.Л. Лившиц. – Москва : Владос, 2009. – 256 с.
11. Мартишина, Н.И. Когнитивные основания паранауки / Н.И. Мартишина. – Омск : Изд-во ОмГУ, 1996. – 187 с.
12. Мартишина, Н.И. Логические маркеры околонуточного знания / Н.И. Мартишина // Идеи и идеалы. – 2013. – № 4(18), Т. 1. – С. 62–71.
13. Мигдал, А.Б. Отличима ли истина от лжи? / А.Б. Мигдал // Наука и жизнь. – 1982. – № 1. – С. 60–67.
14. Пушкин, А.С. О муза пламенной сатиры! / А.С. Пушкин // Собр. соч. в 10 т. Т. 2. – Москва : Правда, 1981. – С. 96.
15. Сергеев, А.Г. Проблема практической демаркации науки и лженауки на российском научном поле / А.Г. Сергеев. – URL: <http://klnran.ru/2015/10/demarcation/> (дата обращения: 12.02.2020).
16. Сердюков, Ю.М. Альтернатива паранауке / Ю.М. Сердюков. – Москва : Academia, 2005. – 308 с.
17. Сердюков, Ю.М. Критический анализ паранауки / Ю.М. Сердюков. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2005. – 130 с.
18. Эйдельман, Е.Д. Ученые и псевдоученые: критерии демаркации / Е.Д. Эйдельман // Здравый смысл. – 2004. – № 4 (33). – С. 13–15.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-194-196

«НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ» ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ ФИЛОСОФИЮ*

С.В. Пишун

В рецензии представлен взгляд на фундаментальное исследование профессора Уральского федерального университета Б.В. Емельянова, выполненное в жанре словаря персоналий, в котором анализируются интеллектуальные биографии наиболее известных представителей русской философии. Дано обоснование научного характера данной работы, показано её значение для современной истории философии.

Ключевые слова: история русской философии, интеллектуальная биография, анализ философского учения, реконструкция контекста, уральская историко-философская школа.

«SCIENTIFIC AND BIOGRAPHICAL» VIEW OF RUSSIAN PHILOSOPHY

S.V. Pishun

The review presents a view of the fundamental study of the Professor of Ural Federal University B.V. Emelyanova, performed in the genre "Dictionary of Personalities," which analyses the intellectual biographies of the most famous representatives of Russian philosophy. The rationale of the scientific nature of this work is given; its significance for the modern history of philosophy is shown.

Key words: history of Russian philosophy, intellectual biography, analysis of philosophical teachings, context reconstruction, Ural historical and philosophical school.

В последние три десятилетия мы могли наблюдать несколько попыток изложения истории отечественной философской традиции через опыт написания интеллектуальных биографий наиболее значимых её представителей. Впрочем, такой подход давно и основательно укоренился в современной гуманитаристике, когда взгляды и убеждения философа самым тесным образом соотносятся с исследованием его жизненного пути, перипетиями судеб. Впечатляющий труд известного историка русского «любомудрия» Бориса Владимировича Емельянова является продолжением подобного жанра «биографии-обзора творчества», но с рядом существенных дополнений. Во-первых, такой обзор стал воистину энциклопедией русской мысли, в тексте мы встречаем множество впервые обозначенных фактов и подробностей жизни отечественных мыслителей, философов. Во-вторых, Б.В. Емельянов мастерски вводит читателя в контекст, концентрируется, в том числе, и на взаимодействии философа с интеллектуалами, мыслителями, «творцами-художниками» того времени. В результате мы получаем не просто реконструкцию «жизненных вех» конкретной персоналии, перед нами предстаёт более масштабная,

«панорамная» картина философских поисков в России в разные эпохи и столетия. Автор книги очень тонко чувствует эту грань между анализом собственно философского учения и реконструкцией контекста, интеллектуальной атмосферы прошлого. В итоге мы имеем подлинно научный текст, в котором достаточно тщательно и подробно восстанавливается реальная картина творческого пути каждого из представленных русских мыслителей с весьма добротным и основательным изложением их философского учения. При этом мы не можем сказать, что это изложение является абсолютно «бесстрастным», в характеристиках и описаниях наследия отечественных «любомудров» мы встречаем много «личного» от самого профессора Емельянова, он к наследию каждого автора относится с огромным уважением, что выдаёт в нём не только знатока русской интеллектуальной традиции, но и человека, бесконечно преданного делу возрождения русской духовной культуры. Профессор Б.В. Емельянов одинаково бережно относится к славянофилам и западникам, философам-просветителям XVIII в. и русским марксистам, профессорам духовных академий и позитивистам, философам русского зарубежья и представителям «нового религиозного сознания». Он сохраняет позицию здравого смысла, показывая «цветущую сложность» русской философии, особенно на протяжении XIX – начала XX в.

* Заметка о труде Б.В. Емельянова «Русская философия: Словарь персоналий». (Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 1026 с.).

Пишун Сергей Викторович – доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ (г. Владивосток).

Pishun Sergey Viktorovich – Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies of the School of Arts and Humanities at Far Eastern Federal University (Vladivostok).

E-mail: pishoons@mail.ru

© Пишун С.В., 2020

Особого признания заслуживает обращение Б.В. Емельянова к некоторым «подпольным философам», писавшим свои значительные труды в 20-е – первой половине 50-х гг. XX в. Речь, в частности, идёт о Д.Л. Андрееве, М.М. Бахтине, А.Л. Чижевском, П.А. Флоренском, Г.Г. Шпете, отчасти А.Ф. Лосеве и Л.Н. Гумилёве. Читая данный «Словарь», начинаешь понимать, что даже в самые «сурово-кровожадные» времена линия «вольного философствования» в нашей стране никогда не прерывалась, хотя всё это сопровождалось громадным риском и требовало немало мужества... Б.В. Емельянов рисует вполне реалистическую картину того времени, показывает всю ту цену, которую платили эти замечательные люди за своё право пусть даже относительно свободно мыслить и творить... На примере биографий конкретных людей мы видим, как ЖИЗНЬ и ТВОРЧЕСТВО могут столь тесно переплетаться, когда потребность мыслить независимо и свободно приводит философа к необходимости по-настоящему страдать, терпеть лишения, а иногда и к гибели... Очень важно сохранить не просто память о том «железном веке» отечественной философии, но и показать существенный вклад этих сохранивших внутреннее достоинство мыслителей, часто настоящих мучеников, в русскую духовную и интеллектуальную традицию. Профессору Б.В. Емельянову это вполне удалось, и эту непростую страницу истории русского «любомудрия» можно будет изучать, опираясь, в том числе, и на «Словарь персоналий».

К несомненным достоинствам книги следует отнести то, что автор соблюдает баланс между занимательностью и сложностью подачи материала, у него есть несомненный талант писать просто о сложных интеллектуальных конструкциях, понимание которых требует определённого напряжения и концентрации. Это тем более важно, когда речь заходит о ценности данного труда как учебного пособия для студентов образовательных программ гуманитарного профиля. Наш опыт чтения курса истории русской философии в Дальневосточном федеральном университете на протяжении более чем 20 лет свидетельствует о том, что наиболее востребованы у студентов материалы, в которых они знакомятся как с творческим наследием конкретного философа в целом, так и с отдельными аспектами его учения, вызвавшими живой интерес. Монографии и учебные пособия Б.В. Емельянова в данном случае очень часто цитируются студентами в силу высокого профессионализма автора, способного мастерски и по-настоящему интересно изложить и интерпретировать философскую систему, пусть даже самую сложную. Иногда создаётся впечатление, что автор пособия является как минимум непосредственным участником событий, мы узнаём

у него детали, скажем так, ранее совсем неизвестные, которые можно почерпнуть лишь из переписки философа с коллегами, близкими, официальными властями, общения с родственниками или друзьями... Вся эта переписка была бережно сохранена автором и, будучи переданной на хранение в государственные архивные фонды, несомненно, станет объектом интереса исследователей истории русской философии в будущем. Можно предположить, что Б.В. Емельянов сам очень хорошо знаком с многочисленными архивными источниками, каждый пример «интеллектуальной биографии» в его исполнении претендует на точность сведений и объективность оценок. Не случайно он во вступительном слове благодарит сотрудников архивов за помощь в сборе материала для данного «Словаря». Ему важно познакомить нас с **реальной** историей русской философии, не искажённой идеологическими и просто личностно-мотивированными интерпретациями, ознакомить и с подлинными сведениями и фактами из жизни отечественных «любомудров».

Научное значение данного «Словаря» Б.В. Емельянова несомненно. В тексте мы можем прочесть собственные авторские интерпретации многих терминов, их, по сути, переосмысление, с приданием им нового или дополнительного смысла. Например, разбирая содержание «византизма» К.Н. Леонтьева, автор очень подробно выявляет смысловые коннотации самого феномена «византизм».

Обращаясь к теоретическим истокам философских учений русских мыслителей, Б.В. Емельянов исходит из их тесной связи с классической европейской философией. Мы узнаём, что многие университетские преподаватели философии и представители соответствующих кафедр в духовных академиях из Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Казани, Одессы проходили длительную стажировку в европейских, чаще всего немецких, образовательных центрах. Вместе с тем он подчёркивает и творческую оригинальность взглядов каждого из интересующих его отечественных авторов. Б.В. Емельянов на многих страницах очень ярко описывает их «муки творчества», показывает всю противоречивость и той общественной атмосферы, в которой проходило их идейное становление.

Судя по подбору перечня персоналий, автор книги исходит из расширительного толкования самого феномена русской философии, среди наиболее ярких представителей которой Б.В. Емельянов видит А.С. Хомякова и К.Н. Леонтьева, М.А. Бакунина и В.И. Ленина, М.К. Мамардашвили и В.В. Розанова, М.М. Бахтина и Л.Н. Гумилёва, Е.П. Блаватскую и П.К. Энгельмейера. Такой подход нам видится вполне оправданным, неправильно было бы делить представителей отечественной философии на «истинно-русских», достойных упоми-

нения, и прочих, недостойных в силу их «интернационализма», «чуждости» традиции русской культуры и т.п. Системное понимание происходивших в прошлом процессов формирования отечественной интеллектуальной традиции требует полноты взглядов, отстаиваемых разными группами русского образованного класса. Автор труда совершенно справедливо полагает, что отечественная философия богата «идейным разнообразием», она включает в себя традицию религиозного философствования, но не менее интересной и значимой является и та линия философии, которая была ориентирована на современную, основанную на научном понимании постановку и решение важнейших мировоззренческих проблем. Для Б.В. Емельянова характерно стремление избегать крайностей в выборе предпочтительных персоналий, мы видим у него в «Словаре» представителей разных эпох отечественного «любомудрия», начиная с допетровских времён.

Высоко оценивая столь обширный и качественный во всех отношениях текст, тем не менее можно в чём-то, в каких-то частностях и подискутировать с автором. Так, знакомя нас с жизненным путём советских философов, чей творческий расцвет пришёлся, так сказать, на эпоху «развитого социализма», автор неоднократно указывает на некие трагические условия, в которых они творили. При этом мы узнаём, что эти люди входили в элиту советского общества, были признанными властью интеллектуалами, чьи книги печатались десятками, если не сотнями тысяч экземпляров. Вполне резонно возникает вопрос: в чём состоит, собственно, трагичность их существования? Вероятно, автор имеет в виду ту атмосферу «двоемыслия», в которой этим замечательным философам приходилось жить. Не желая терять комфортные условия жизни и работы, они утверждали с «высоких трибун» и в официальной печати то, во что никогда не верили... В глубине души они считали себя «гражданами мира», «носителями общечеловеческих ценностей», не очень то и идентифицируя себя с российской культурной традицией как таковой... Но тянет ли вся эта история на личную трагедию – не думаю. Это обычный конформизм, значительная часть позднесоветской интеллигенции выбирала именно такую жизненную стратегию. Будучи интеллектуальной элитой советской империи, некоторые отмеченные Б.В. Емельяновым философы-профессионалы искренне ненавидели или презирали тех, кто давал им все (или почти все) возможности для работы. Но в данном случае автор «Словаря» совершенно справедливо оценивает не их личностную позицию, а глубину таланта, подводя читателя к тому, что их творческие поиски – тоже наше достояние.

Также было бы желательно расширить круг персоналий за счёт хотя бы ещё нескольких крупнейших русских философов XIX в., представлявших

духовно-академическую науку. Эта ветвь духовной и интеллектуальной традиции представлена в книге В.И. Несмеловым, Ф.Ф. Сидонским, М.М. Тареевым, П.Д. Юркевичем, но, к сожалению, отсутствуют в этом списке Ф.А. Голубинский, В.Д. Кудрявцев-Платонов, В.Н. Карпов, архиеп. Никанор (А.И. Бровкович), П.И. Линицкий, архиеп. Антоний (Храповицкий). Кроме того, в данный словарь не вошёл ни один русский «классический» евразиец из эмигрантской среды (это направление русской социальной философии было представлено только лишь замечательной фигурой Л.Н. Гумилева), не говоря уже о «сменовеховцах», вроде Н.В. Устрялова... В этом смысле мне как автору-дальневосточнику чуть обидно за «восточную ветвь русской эмиграции». Но Б.В. Емельянову можно только посочувствовать, ведь зная о масштабе философского таланта, например, того же В.Д. Кудрявцева-Платонова, ему приходилось «переступать через себя», не включая подобные персоналии в свой «Словарь», иначе объём книги был бы не тысячу страниц, а, пожалуй, тысячи полторы-две... То же самое касается и «невключения» автором в «Словарь» таких философов и социальных мыслителей, как С.А. Алексеев (Аскольдов), В.А. Базаров (Руднев), Б.П. Вышеславцев, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, С.А. Левицкий, В.Н. Ильин, П.Б. Струве, Г.В. Флоровский... Хотя следует отметить, что во многих других своих трудах профессор Б.В. Емельянов обо всех этих авторах писал достаточно подробно и основательно.

Впрочем, это лишь наше личное мнение, мы выражаем его не в полемическом, а исключительно уважительном ключе. На самом деле, Б.В. Емельянов совершил настоящий научный подвиг, написав и опубликовав столь фундаментальный труд. Вся эта масштабная работа проделана человеком, несомненно, внёсшим огромный вклад в изучение отечественного философского наследия, поставившим себе цель сохранить **все** грани этого наследия для потомков, тех, кто в будущем будет продолжать дело изучения духовной и интеллектуальной традиций нашего народа. Остаётся только сожалеть, что тираж книги чрезвычайно мал (100 экз.), было бы очень желательно иметь эту книгу на полке как минимум библиотек всех классических и гуманитарных вузов. Для этого, как представляется, необходимо вторично издать этот колоссальный труд гораздо большим тиражом... Остаётся надеяться, что уважаемый профессор Б.В. Емельянов подарит нам всем возможность и в дальнейшем знакомиться со своими новыми трудами по истории отечественной философии, которые, несомненно, обогащают нашу историко-философскую науку. Сложившаяся уже в течение многих десятилетий уральская историко-философская школа может по-настоящему гордиться одним из самых известных и талантливейших своих представителей.

DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-3-197-201

**УНИКАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ДОКУМЕНТОВ.
РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ
С.А. ПОНОМАРЁВА «КУРИЛЬСКИЙ АСПЕКТ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ
ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ ПО СОХРАНЕНИЮ
ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИИ. 1947–2019 ГОДЫ»**

Б.И. Ткаченко

Рассматривается содержание сборника документов и материалов, посвящённых деятельности органов власти и общественности Сахалинской области по сохранению территориальной целостности России в 1990–2019 гг. в отношении Курильских островов; отмечаются актуальность и практическая значимость рецензируемой работы.

Ключевые слова: Сахалинская область, Курильские острова, Россия, Япония, территориальный спор, рецензия.

**UNIQUE COLLECTION OF DOCUMENTS.
REVIEW OF THE COLLECTION OF DOCUMENTS AND MATERIALS
“KURILES ASPECT. ACTIVITIES OF AUTHORITIES AND THE PUBLIC
OF THE SAKHALIN OBLAST TO PRESERVE THE TERRITORIAL INTEGRITY
OF RUSSIA. 1947–2019” BY PONOMARYOV S.A.**

B.I. Tkachenko

The article examines the content of the collection of documents and materials on the activities of the authorities and the public of the Sakhalin Oblast to maintain the territorial integrity of Russia in 1990–2019 in relation to the Kuril Islands. The relevance and practical significance of the reviewed work are noted.

Key words: Sakhalin Oblast, Kuril Islands, Russia, Japan, territorial dispute, review.

В канун 2020 г. в Южно-Сахалинске вышел в свет сборник документов и материалов «Курильский аспект. Деятельность органов власти и общественности Сахалинской области по сохранению территориальной целостности России. 1947–2019 годы» (Южно-Сахалинск, 2019) [1]. Его автором-составителем является сахалинский исследователь С.А. Пономарёв, публичный политик, публицист, профессиональный юрист, длительное время работавший в правоохранительных органах и органах государственной власти Сахалинской области, выгодно отличающийся от других своей принципиальной позицией, один из инициаторов парламентских слушаний по Курильскому вопросу в 2001 г. на Сахалине и в 2002 г. в Москве в Государственной Думе Российской Федерации.

С.А. Пономарёв известен в кругу учёных-международников как яростный поборник защиты территориальной целостности Российской Федерации, в данном случае – применительно к территориаль-

ной целостности России на Дальнем Востоке в отношении притязаний Японии на российские Курильские острова.

В числе его 700 научных и публицистических работ это пятая книга. Актуальность издания определяется наличием продолжающихся акваторриальных притязаний Японии на территорию России и, прежде всего, на территорию Сахалинской области, а также необходимостью изучения опыта противодействия этим притязаниям. Опубликованная книга представляет собой закономерный итог многолетней работы Сергея Алексеевича Пономарёва по отстаиванию территориальной целостности Российской Федерации и Сахалинской области в качестве исследователя, политика и публициста.

Сборник объёмом 597 страниц представляет собой универсальную тематическую публикацию архивных документов и материалов о деятельности органов государственной власти и общественности Сахалинской области по сохранению и укреплению

Ткаченко Борис Иванович – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).

Tkachenko Boris Ivanovich – PhD in Economics, Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok).

E-mail: boristkachenko@inbox.ru

территориальной целостности Российской Федерации на курильском направлении с момента образования Сахалинской области в 1947 г. по 2019 г. включительно, в том числе освещает деятельность партийных и советских органов Сахалинской области в 1947–1993 гг., Сахалинской областной Думы, губернаторов, администрации (с 1991 г.) и правительства Сахалинской области. Книга содержит весьма представительный массив документальной информации – около 400 документов. Многие документы, общим числом 217, публикуются в сборнике впервые. Кроме того, в нём представлена система мер по противодействию акваторриальным притязаниям Японии на целостность Российской Федерации.

Данная работа является продолжением сборников, выпущенных Сахалинской областной Думой в 2001 и 2002 гг. «Советско-японская декларация 1956 года и проблемы национальной безопасности Российской Федерации» в качестве материалов к парламентским слушаниям объёмом соответственно 103 и 332 с. Были расширены временные рамки, привлечены новые источники, учтена деятельность органов государственной власти и общественности в 2002–2019 гг.

Точкой отсчета избран 1947 г., когда были объединены Сахалинская (север Сахалина) и Южно-Сахалинская области (юг Сахалина и Курильские острова) в единую Сахалинскую область в ее современных границах, а первым документом – совместное решение бюро Сахалинского обкома ВКП (б) и облисполкома от 7 августа 1947 г. «О мерах помощи районам Курильских островов». Последний основной публикуемый документ под № 392 датирован 10 июля 2019 г.; он касается празднования 75-й годовщины Победы над Японией. Ряд дополнительных документов опубликован в комментариях.

Актуальность рецензируемой книги определяется остротой и многоаспектностью проблемы сохранения территориальной целостности России на Дальнем Востоке – на территории Сахалинской области.

Автор-составитель достаточно полно представил деятельность властей и общественности Сахалинской области по сохранению территориальной целостности России на курильском направлении, которая частично компенсировала пассивность центральных властей, их колебания в отношении судьбы Курильских островов в условиях приграничного положения региона, наличия территориальных претензий Японии как сопредельного государства к Российской Федерации.

Работа автора-составителя по концепции сборника, подбору документов и комментариям была облегчена тем, что он являлся непосредственным участником описываемых событий в 1990–2019 гг. как депутат представительных органов Сахалинской области и как государственный служащий

органов исполнительной власти Сахалинской области. Из опубликованных 392 основных документов 165 либо подписаны, либо подготовлены автором для коллегиального принятия. В ряде случаев на него был возложен контроль над исполнением коллегиально принятых документов. По сути дела, изданный сборник документов и материалов представляет собой строго документированную основу для соответствующей монографии С.А. Пономарёва по проблемам территориальных притязаний Японии к Российской Федерации на российские Курильские острова.

Курильский аспект в деятельности органов государственной власти и общественности Сахалинской области по сохранению территориальной целостности Российской Федерации характеризуется следующими обстоятельствами.

Сахалинская область была образована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 января 1947 г. путем слияния Сахалинской области Хабаровского края РСФСР, располагавшейся на советском северном Сахалине, и Южно-Сахалинской области Хабаровского края РСФСР, образованной 2 февраля 1946 г. на территориях южного Сахалина и Курильских островов, освобожденных в августе–сентябре 1945 г. от японских войск.

Автор приводит следующие правовые основания для владения Советским Союзом территориями Южного Сахалина и Курильских островов.

В основе их лежит решение руководителей трёх великих держав, основательниц Организации Объединённых Наций (ООН) и военных противников Японии, – СССР, США и Великобритании – Сталина, Рузвельта и Черчилля от 11 февраля 1945 г. на Крымской (Ялтинской) конференции об отторжении от нее этих территорий в пользу СССР.

В Потсдамской декларации военных союзников – США, Великобритании и Республики Китай от 26 июля 1945 г., а также СССР (с 8 августа 1945 г.) с предложением о капитуляции Японии и указанием на ограничение японского территориального суверенитета островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку, а также теми менее крупными островами, которые будут указаны союзниками (пункт 8).

В результате Япония подписала Акт о безоговорочной капитуляции от 2 сентября 1945 г. перед СССР, США, Великобританией и Китаем с принятием условий Потсдамской декларации (пункт 1) и обязательством их честно выполнять (пункт 6: «Настоящим мы даем обязательство, что японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации»).

В целях осуществления Потсдамской декларации верховный командующий союзных держав Д. Макартур издал Меморандум главнокомандующего союзных держав японскому императорскому

правительству № 677 от 29 января 1946 г. с предписанием прекратить осуществление или попытки к осуществлению государственной или административной власти в любом районе вне Японии (пункт 1), в том числе на Курильских островах (Тисима), в группе островов Хабомаи (Хабомадзе), включая острова Суσιο (современный о. Танфильева), Юри (о. Юрий), Акиюри (о. Анучина), Сибоцу (о. Зелёный) и Тараку (о. Полонского), а также остров Сикотан (Шикотан) (пункт 3) и на Карафуту (о. Сахалин) (пункт 4).

Указами Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1946 г. было установлено, что с 20 сентября 1945 г. вся земля с ее недрами, лесами и водами на территории южной части острова Сахалина и Курильских островов является государственной собственностью СССР, т.е. всенародным достоянием, а на территории Южного Сахалина и Курильских островов была образована Южно-Сахалинская область Хабаровского края РСФСР.

Сан-Францисский мирный договор с Японией от 8 сентября 1951 г. подтвердил отказ Японии «от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.» (статья 2с).

Япония подписала при вступлении в члены ООН в 1956 г. Устав ООН от 26 июня 1945 г., признав юридическую силу действий, предпринятых или санкционированных в результате Второй мировой войны правительствами [действий СССР, США и Великобритании по Ялтинскому соглашению по Дальнему Востоку, действий США, Великобритании, Республики Китай и СССР по Потсдамской декларации, действий по изданию и реализации Меморандума Макартура 1946 г.] в отношении любого государства [в данном случае – Японии], которое в течение Второй мировой войны было врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав [в данном случае – СССР], зафиксированных в статье 107 Устава ООН.

Автор книги С.А. Пономарёв отмечает, что общественное поведение сахалинцев и курильчан, несомненно, носит выраженный территориальный характер, определяемый спецификой Дальнего Востока, островным и приграничным положением области, осложненным территориальными претензиями сопредельного государства – Японии, не встречающими часто должного отпора со стороны руководства Российской Федерации. Этим вызвано принятие на региональном уровне значительного с 1990 г. объема документов по данному вопросу, представленных в сборнике документов и материалов «Курильский аспект».

Дело в том, что руководители и Союза ССР в 1989–1991 гг., а затем с 1991 г., после распада СССР, и Российской Федерации демонстрировали дрейф в сторону позиции Японии, когда двусмысленно, а иногда и недвусмысленно заявляли о готовности территориальных уступок сопредельному государству. Автор подчёркивает, что именно позиция руководства Российской Федерации, а вовсе не притязания Японии является основным провоцирующим фактором для деятельности властей и общественности Сахалинской области в вопросах сохранения территориальной целостности Сахалинской области как части территории России. Заявления общественности по этому вопросу, внешне обусловленные действиями японской стороны, даже формально адресованные японской стороне, фактически первым адресом имели руководство Российской Федерации. Речь идёт об угрозе изъятия у субъекта Российской Федерации – Сахалинской области – в первоочередном порядке 6 процентов его территории, а в перспективе – более половины его территории, поскольку претензии некоторых японских правящих кругов распространяются не только на южные, но и на все Курильские острова, а также на Южный Сахалин, что не могло оставить безучастными население, общественность и представительный орган Сахалинской области в территориальном вопросе. Поэтому именно она и взяла с 1990 г. на себя роль центра силы и концентрации усилий по самосохранению, а через это – к сохранению территориальной целостности России.

Конституция РСФСР, принятая 12 апреля 1978 г. и действовавшая до 12 декабря 1993 г., в статье 70 устанавливала, что «территория РСФСР не может быть изменена без ее согласия». Определение государственной границы, защиту суверенитета, охрану границ и территории СССР Конституция СССР 1977 г. относила к ведению СССР (статья 73). В соответствии с ныне действующей Конституцией Российской Федерации 1993 г. «Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории» (часть 3 статьи 4).

Согласно статье 72 Конституции РФ «в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся: в) вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами». Это позволяло Сахалинской области влиять на вопросы исключительной компетенции Российской Федерации через вопросы, смежные с вопросами суверенитета.

Следует отметить, что статья 9 совместной Советско-японской декларации 1956 г., которой предусматривалась передача Японии островов Хабомаи и острова Шикотан [Малой Курильской гряды] после заключения мирного договора между

СССР и Японией, была принята в нарушение статьи 16 Конституции РСФСР 1937 г., закреплявшей необходимость получения согласия РСФСР на изменение границ её территории.

С.А. Пономарёв собранными и представленными в сборнике материалами показывает, что юридически значимое изменение советской позиции на курильском направлении было произведено Президентом СССР М.С. Горбачевым. В совместном советско-японском заявлении, подписанном в Токио 18 апреля 1991 г., было констатировано, что стороны «провели переговоры по всему комплексу вопросов, касающихся разработки и заключения мирного договора между Японией и СССР, включая проблему территориального размежевания с учётом позиций сторон о принадлежности островов Хабомаи, острова Шикотан, острова Кунашир и острова Итуруп» (пункт 4), признав необходимость «мирного договора» при её отсутствии и спорность принадлежности СССР островов Кунашир и Итуруп, чего прежде советская сторона не допускала.

Автор представленными документами подробно рассматривает деятельность первого президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина в 1998–1999 гг. в отношении «курильского вопроса». В результате переговоров в неформальной обстановке президента Б. Ельцина с премьер-министрами Японии Р. Хасимото и К. Обути российская сторона дала согласие на создание в рамках совместной японо-российской комиссии подкомиссии по пограничному размежеванию, чем была поставлена под сомнение территориальная целостность и государственный суверенитет Российской Федерации, а «Московской Декларацией об установлении созидательного партнёрства между Японией и Российской Федерацией», подписанной Президентом РФ Б. Ельциным 13 ноября 1998 г., было предусмотрено активизировать переговоры по заключению мирного договора на основе Токийской декларации о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи (о. Зелёный, о. Танфильева, о. Полонского и др. – всего более 29 островов).

25 марта 2001 г. было принято «Иркутское заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о дальнейшем продолжении переговоров по проблеме мирного договора». С.А. Пономарёв анализирует результаты этой рабочей встречи, по итогам которой было принято заявление Сахалинской областной Думы от 19 апреля 2001 г., в котором указывалось: «...следующие Курильские острова: Итуруп, Кунашир, Шикотан и Малая Курильская гряда – являются неотъемлемой частью Российской Федерации и ее субъекта – Сахалинской области. Любые инициативы по заключению мирного договора путем пересмотра позиции России по уже решенному вопросу о при-

надлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Малой Курильской гряды представляют угрозу территориальной целостности и суверенитету Российской Федерации. Усилиями наших дедов и отцов все Курильские острова возвращены в состав нашего государства, и нынешние руководители страны не вправе ни раздавать, ни обещать передавать кому бы то ни было то, что собрано не ими, принадлежит не им, а всем россиянам, в том числе нашим детям и внукам – всем будущим поколениям».

12–13 сентября 2001 г. силами Сахалинской областной Думы были успешно проведены парламентские слушания для показа значения для России Курильского и Южно-Курильского районов Сахалинской области и для выработки государственно-правовых механизмов нейтрализации угроз национальной безопасности, о чём свидетельствуют приводимые в сборнике документы. 18 марта 2002 г. в Государственной Думе Федерального Собрания РФ прошли слушания по «курильскому» вопросу под названием «Южные Курилы: проблемы экономики, политики и безопасности», которые выработали Рекомендации парламентских слушаний, нашедшие отражение в рецензируемом сборнике документов. В итоге позиция Сахалинской области обрела форму документа с качественным правовым анализом угроз государственной безопасности на курильском направлении и планом противодействия этим угрозам, получила на федеральном уровне поддержку главного российского органа народного представительства и стала общенациональной. Эти Рекомендации сохраняют свой потенциал и поныне.

10 января 2003 г. в Москве был принят «Российско-японский план действий», озвученный в совместном заявлении Президента РФ и Премьер-министра Японии. В этом заявлении стороны подтвердили свою обоюдную решимость «посредством энергичных переговоров по возможности скорее заключить мирный договор путем решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи и достичь таким образом полной нормализации двусторонних отношений на основе достигнутых до настоящего времени договоренностей, в том числе Совместной декларации СССР и Японии 1956 года». В этой связи уже 23 января 2003 г. Сахалинская областная Дума констатировала, что «мир между Россией и Японией уже восстановлен в 1956 году и дополнительного мирного договора в этой связи не требуется».

Представленные в сборнике документы и материалы свидетельствуют об исключительной активности действий Сахалинской областной Думы, иных органов власти и общественности Сахалинской области по защите целостности территории Сахалинской области как субъекта Российской Фе-

дерации. Не утратила актуальности, заслуживает внимания, обсуждения и дальнейшей разработки дважды вносившаяся на рассмотрение Государственной Думы законодательная инициатива Сахалинской областной Думы о внесении изменений в статью 67 Конституции РФ о недопустимости отчуждения части территории субъекта РФ без ведома и согласия последнего. Эта законодательная инициатива приобрела особое звучание в связи с обсуждением объявленной 15 января 2020 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным конституционной реформы, причём предложение закрепить в Конституции запрет на отчуждение территории России получило 13 февраля 2020 г. положительную реакцию президента на встрече с представителем рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации.

Автором сборника документов проделана колоссальная работа по отысканию необходимых документов и материалов по исследуемой теме, ставшей частью жизни С.А. Пономарёва, который занимался этим вопросом многие годы и знает суть существующей проблемы изнутри.

Издание рецензируемого уникального сборника документов весьма удачно приурочено к 75-летию окончания Второй мировой войны и Дню Победы над Японией.

Изданная работа будет способствовать более глубокому познанию истории Сахалинской области и Дальнего Востока, окажет неоценимую помощь специалистам по проблеме территориальной принадлежности Курильских островов в области международных отношений, юристам и другим учёным и практикам.

Книга представляет несомненный практический интерес для государственных служащих, депутатского корпуса, общественных организаций, занимающихся вопросами защиты территориальной целостности России, специалистов и широкой читательской аудитории, интересующейся историей Сахалинской области и Российской Федерации в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Пономарёв, С.А. Курильский аспект. Деятельность органов власти и общественности Сахалинской области по сохранению территориальной целостности России. 1947–2019 годы / С.А. Пономарёв. – Южно-Сахалинск, 2019.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.
2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.
3. Рассмотрение работ аспирантов и соискателей кандидатской степени осуществляется только при наличии отзыва научного руководителя и рекомендации кафедры по месту их обучения.
4. Для аспирантов и соискателей публикация статей бесплатно.
5. Статьи должны быть в объёме от 0,5 до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков). В них может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем.
6. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.
 - 6.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.
 - 6.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в следующем порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются.
 - 6.3. Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку. Библиографическое описание источника в списке литературы (фамилии и инициалы авторов печатаются курсивом) составляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ 7.1–2003. Шрифт и межстрочный интервал те же, что и в статье.
 - 6.4. Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое – 1 см; размер бумаги – А4 (210×297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.
 - 6.5. Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.
7. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.
8. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.
9. К статье прилагается краткая аннотация, ключевые слова (не более 15), а также профессиональный перевод на английский язык аннотации, ключевых слов и названия статьи.
10. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 262. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru. Материалы, присланные ценными письмами и бандеролями, не принимаются.

AUTHORS GUIDELINES

1. The journal publishes materials which have not been published before.
2. The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.
3. Manuscripts of articles and other materials are to be recommended by the faculties of higher schools, laboratories and other structural divisions of scientific research institutions, research-methodological or academic conferences and seminars. Works by post-graduate students are accepted for publishing with references from their academic adviser.
4. The volume of the article should not exceed 1 publication base (40 000 printable characters). No more than three illustrations, diagrams or schemes can be placed within the article.
5. The following are the requirements for manuscripts submitted to the editorial board.
 - 5.1. The materials submitted to the editorial board must be presented in electronic and in print format (diskettes 3.5» and two copies of the original text (files)). If there are two or more diskettes, their numbers and files should be labeled on the diskettes. The names of files must be specified in the printed copy. The text-based editor is Word. The materials should be signed by the author on the title page near the name of the author.
 - 5.2. The title page of the article must contain the complex of the elements located on the page in the following order. At the top of the page the title of the article is printed in capital letters bold font. Surnames of the authors follow the heading and are printed by lower case letters. No other data is to be specified.
 - 5.3. References should follow the body of the text in alphabetical order, first the sources in Russian language, then the sources in foreign languages. References to the cited sources, and notes should be incorporated in the text of the article, after the quotation in square brackets, with the number from the list of references. Bibliographical description of the source in the list of references is implemented in accordance with the rules of GOST 7.1-2003. Font and line spacing, is the same as in the article.
 - 5.4. Margins: top – 2 cm; bottom – 2 cm; left – 3 cm; right – 1 cm; the size of a paper – A4 (210×297 mm); font «Times New Roman» № 14; line spacing – 1.5.
 - 5.5. Notes and quotations incorporated in the body of the text should be numbered consecutively.
6. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered. Manuscripts will not be returned.
7. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, academic degree, academic title, place of employment, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.
8. A short abstract of the article in Russian and English, the title of the article in English and the list of key words (no more than 15) are to be attached.
9. Please address the materials to the following address: 47, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021, Far Eastern State Transportation University (FESTU) Editorial board of the journal «The Humanities and Social Studies in the Far East».

E-mail: journal@festu.khv.ru
<<mailto:journal@festu.khv.ru>>

Научное издание

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал

Том XVII

Выпуск 3, 2020

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

Редактор *Т.М. Яковенко*

Технический редактор *И.А. Нильмаер*

План 2020 г. Поз. 12.7. Подписано в печать 21.09.2020 г. Дата выхода 29.09.2020 г.

Гарнитура «Times New Roman». Уч.-изд. л. 25,8. Усл. печ. л. 24,0. Зак. 108.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–70 экз.). Цена 450 р.

Отпечатано в издательстве ДВГУПС.

Адрес издательства и типографии: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.